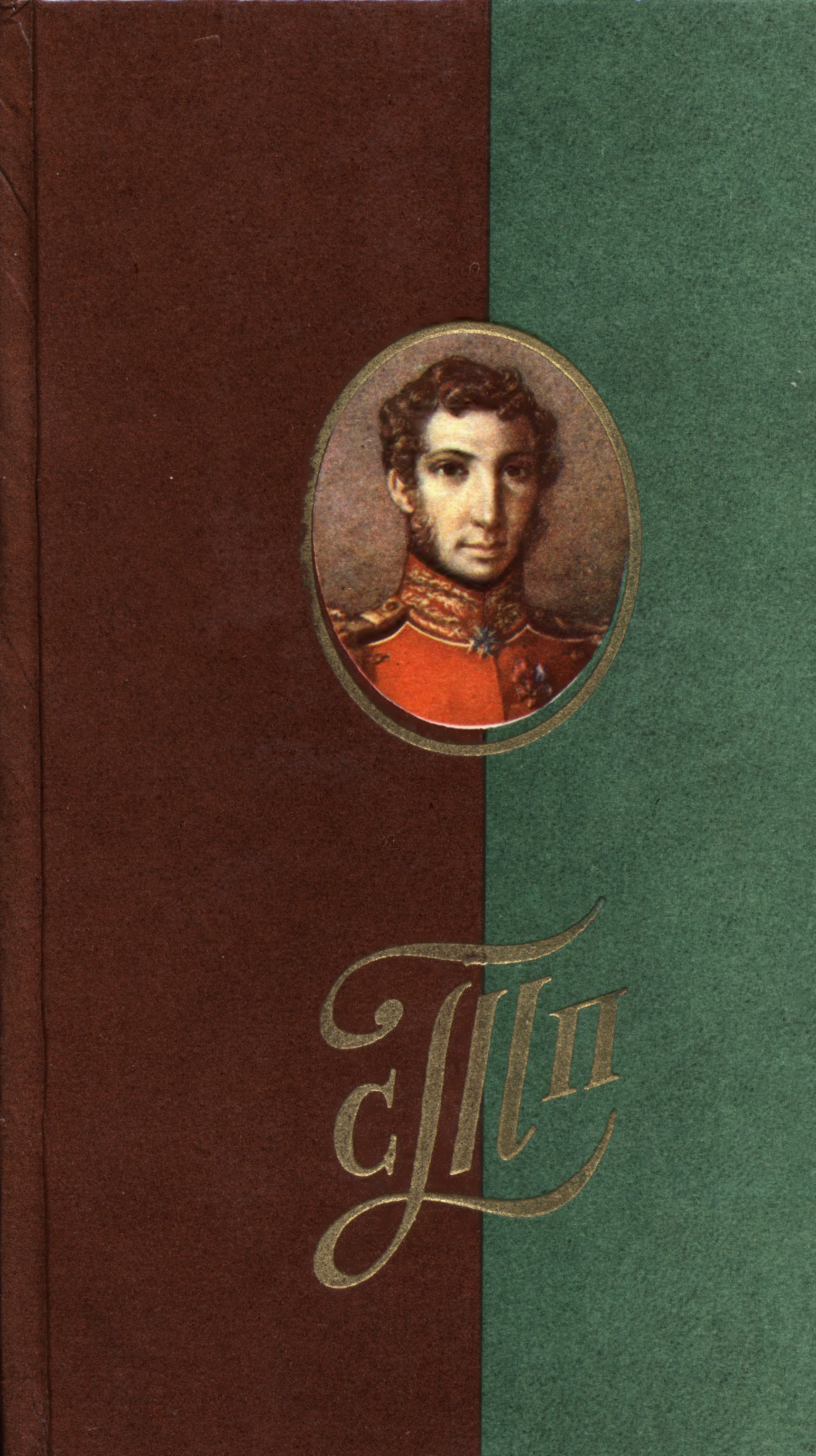
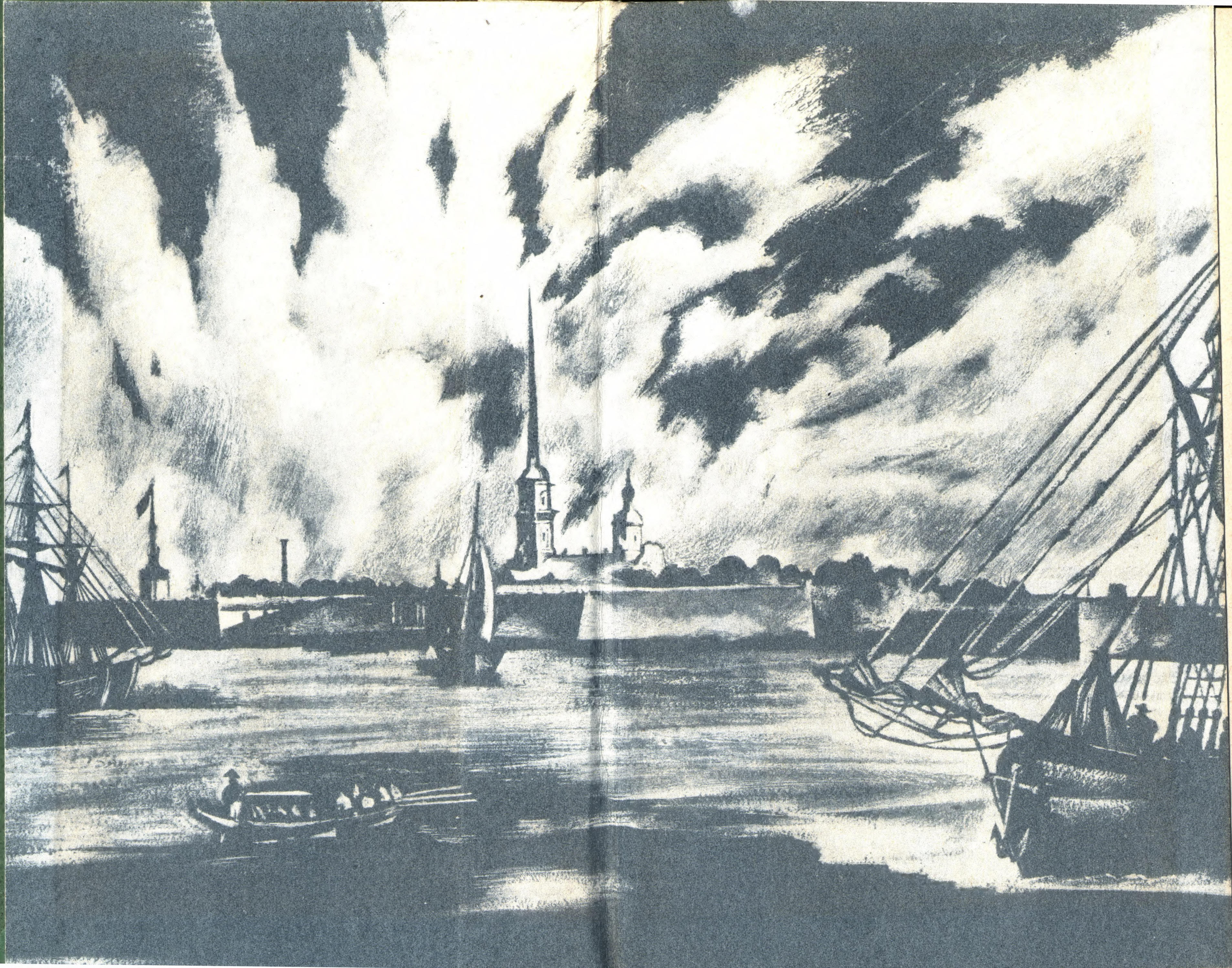

СЕРИЯ
«ПОЛЯРНАЯ
ЗВЕЗДА»

Документы
и материалы

С. П. ТРУБЕЦКОЙ

МАТЕРИАЛЫ О ЖИЗНИ И РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Том I

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ, ВОСПОМИНАНИЯ, ПИСЬМА, ЗАМЕТКИ

Иркутск Восточно-Сибирское книжное издательство
1983

Издание подготовлено
В. П. ПАВЛОВОЙ

Ответственный редактор тома
И. В. ПОРОХ

Рецензент *Э. А. Павлюченко*

ДЕКАБРИСТ С. П. ТРУБЕЦКОЙ

Сергей Петрович Трубецкой, князь, полковник Преображенского полка — одна из центральных фигур революционного движения первой четверти XIX в. Место, которое он занимает среди руководителей декабристского движения, определяется не родовым титулом и не воинским званием, а той ролью, которую Трубецкой играл на всем протяжении 10-летней истории движения, от его истоков до вооруженного финала. М. Н. Покровский не без основания назвал его «северным Пестелем по занимаемому им в заговоре положению»[1].

Мы находим его в числе шести учредителей первого тайного общества дворянских революционеров — Союза спасения, или Общества истинных и верных сынов Отечества; среди организаторов Союза благоденствия и Северного общества; он непременный участник комиссий по выработке уставов тайных обществ, посредник между Северным и Южным обществами в период подготовки их к совместному выступлению, основной автор плана восстания 14 декабря 1825 г. и Манифеста к русскому народу.

Избранный диктатором — политическим руководителем восстания и организатором Временного революционного правительства, Трубецкой, считая выступление неподготовленным, не вышел на Сенатскую площадь. Именно это обстоятельство явилось решающим в изучении его жизни и деятельности, наложило определенный отпечаток на оценку роли Трубецкого в движении декабристов.

---

[1] Восстание декабристов: Материалы по истории восстания декабристов, т. 1, с. IX (далее: *ВД*).

В задачу вступительной статьи не входит подробный разбор существующих в специальной литературе оценок деятельности Трубецкого, однако нельзя не отметить, что в историографии трактовка его роли остается во многом противоречивой. Наряду с мнением о постепенном отходе Трубецкого от активной деятельности, завершившемся его «изменой» в день восстания, все больше находит сторонников другая точка зрения, согласно которой невыход Трубецкого на Сенатскую площадь объясняется не результатом трансформации его политических взглядов, а следствием убежденности в неподготовленности и неминуемом поражении выступления. Это утверждение не дает права для оправдания поведения Трубецкого в день 14 декабря, но оно серьезно корректирует квалификацию его как заранее рассчитанную измену делу и товарищам[2].

Стремление дать объективное описание жизни и деятельности одного из выдающихся руководителей декабристского движения, а также разобраться в мотивах его поведения в день восстания явилось исходным принципом в изучении разнообразных и многочисленных источников.

Круг источников, позволяющих судить о Трубецком как о человеке и общественном деятеле, с одной стороны, велик, а с другой — скуден. Велик потому, что сведения о нем можно обнаружить во множестве документов, воспоминаний, писем, исторических очерков, заметок и пр. Скуден потому, что большинство из них — это краткие, отрывочные упоминания, часто противоречивые. Для установления достоверности тех или иных сведений требуется сопоставление ряда разрозненных свидетельств, учет объективности и осведомленности пишущего. Однако как ни скромна информация этих источников, она в целом дает представление о Трубецком.

Менее всего сохранились материалы о семье Трубецкого, его воспитании и той атмосфере быта, в которой складывался характер юноши. Мы не знаем конкретных обстоя-

---

[2] Советская историческая энциклопедия. М., 1973, т. 14, с. 471—473; Федосов И. А. М. В. Нечкина. Восстание 14 декабря 1825 года. — Вопросы истории, 1951, № 12, с. 179—182; Гордин Я. А. Гибель полковника Булатова. — Аврора, 1975, № 12, с. 60—64; Зеленцов В. Д. Декабристы-нижегородцы: Записки краеведов. Горький, 1975, с. 53; Васильев А. С. П. Трубецкой. Л., 1965; Полухин Ю. Споры о Сергее Трубецком. — Дружба народов, 1981, № 12, с. 215—238.

тельств, которые послужили толчком для избрания будущим декабристом пути борьбы с социальным строем, к которому он принадлежал по рождению, который открывал перед ним дорогу к высоким государственным постам, обеспечивал все жизненные блага и преимущества.

Не много сохранилось свидетельств об участии Трубецкого в Отечественной войне 1812 г. В основном это лаконичные записи в его послужном списке[3], несколько строк в официальной истории Семеновского полка, где он служил[4], да краткие заметки его друга и однополчанина И. Д. Якушкина[5]. Не удалось обнаружить материалов и о жизни Трубецкого с конца 1813 г. до вступления его в тайное общество в феврале 1816 г.

По отдельным отрывочным упоминаниям в различных источниках узнаем о его двухлетнем пребывании за границей. Естественно, оно не могло пройти бесследно для молодого вольнодумца, оказавшегося в бурные революционные 1819—1821 гг. в самом центре Европы.

О формировании взглядов Трубецкого можно судить лишь по его ответам на вопросы Следственного комитета, мемуарным и эпистолярным источникам, из которых удается почерпнуть также сведения о характере, образе мыслей, поведении, нравственных принципах Трубецкого, его отношении к окружавшей действительности.

Кроме основных источников — фондов Следственного комитета и III Отделения[6] — в работе использованы материалы фондов: общества «Зеленая лампа» (*ИРЛИ*, ф. 244, оп. 36, д. 6); Петербургского комитета общества учреждения училищ по методе взаимного обучения (*ЦГИА*, ф. 733— Департамент народного просвещения, оп. 91, д. 19, 20, 70—72, 96); управления коменданта Петропавловской крепости (там же, ф. 1280); личных фондов С. П. Трубецкого, Н. Р. Ребиндера и Н. Д. Свербеева (*ЦГАОР*, ф. 1143;*ЦГИА*, ф. 1657; *ГАИО*, ф. 774). Существенным

---

[3] См. наст. т., с. 322—323.

[4] Дирин П. История лейб-гвардии Семеновского полка. Б/г., т. 1, с. 431—433; т. 2, прил. IX, с. 167.

[5] Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951 (далее: Якушкин); Чернов С. Н. Из ранних писаний И. Д. Якушкина. — Очерки из истории движения декабристов. М., 1954, с. 575, 577—578.

[6] ЦГАОР, ф. 48 — Следственная комиссия и Верховный уголовный суд по делу декабристов; ф. 109, III Отд. Собственной е. и. в. канцелярии.

вкладом в историографию вопроса явились записки З. И. Лебцельтерн — сестры Е. И. Трубецкой, опубликованные впервые в 1975 г., очерк М. Эльброна о Е. И. Трубецкой, а также работа И. Н. Кологривова, посвященная Е. И. Трубецкой[7]. Последние три источника содержат неизвестные ранее сведения о Трубецком, почерпнутые из частных архивов потомков Лаваль-Трубецких во Франции.

Сергей Петрович Трубецкой родился 29 августа 1790 г. в Нижнем Новгороде. По отцу он происходил из старинного рода князей Трубецких — потомков вел. кн. литовского Гедимина; по материнской линии был потомком, с одной стороны, грузинского царя Вахтанга VI, а с другой — сподвижника Петра I А. Д. Меншикова[8]. Отец будущего декабриста Петр Сергеевич служил в Конной гвардии; в 1793 г. он вышел в отставку и поселился с семьей в своем имении Лапшиха Нижегородской губернии. Мать — Дарья Александровна, урожд. кн. Грузинская — умерла, когда ее сыну Сергею было шесть лет. Детство и юность Сергей Петрович провел в доме отца, вторично женившегося на Марфе Петровне Кроминой. В семье уделялось серьезное внимание воспитанию детей. Как рассказывал сам С. П. Трубецкой, отец его был добрым, хорошим человеком, стремившимся воспитать в детях самые высокие чувства: любовь к Родине, честность и великодушие, благородное влечение делать добро[9].

До 16 лет Трубецкой находился на попечении иностранных воспитателей-гувернеров и приходящих учителей. Домашнее образование заключалось в изучении русского, французского, немецкого и английского языков, а также математических и естественных наук.

---

[7] Лебцельтерн З. И. Екатерина Трубецкая. — Звезда, 1975, № 12, с. 179—194; Heilbronn Max. La princesse Troubetzkoi. Paris, 1977. В очерке воспроизведены записки З. И. Лебцельтерн и некоторые другие документы из заграничных архивов, но, к сожалению, без ссылок на их местонахождение; Кологривов И. Княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая. — Современные записки. Париж, 1936, т. 60—62.

[8] Трубецкая Е. Э. Сказание о роде князей Трубецких. М., 1891, с. 150—246, 268—292; ее же. Les princes Troubetzkoi. Paris. Ernest Leroux, éditeur. 1887, p. 248—262; Русские портреты XVIII—XIX столетий. СПб., 1906, т. 2, с. 89; там же, 1907, т. 3, с. 17, 68.

[9] *ВД*, т. 1, с. 34.

С. П. ТРУБЕЦКОЙ.

Миниатюра на картоне.
Акварель неизвестного художника. 1820 г.
Всесоюзный музей А. С. Пушкина

В 1807 г. отец отвез его в Москву для продолжения образования. Юноша посещал лекции в университете[10], дополнительно занимался математикой и фортификацией. Московский университет в те годы являлся одним из центров передовой общественной мысли. Здесь происходило формирование мировоззрения мыслящей молодежи, шло пробуждение ее политического сознания. В стенах университета обучалось более 60 будущих декабристов[11].

Следуя семейной традиции, Трубецкой избрал для себя военную карьеру и в 1808 г. отправился в Петербург, где поступил на службу в старейший и привилегированнейший лейб-гвардии Семеновский полк. Позднее Трубецкой писал: «...по вступлении в службу, до войны 1812 года, я обратил все мое внимание на науки военные»[12]. М. А. Фонвизин так объяснял влечение молодежи к военной службе: «Дворянство, патриотически сочувствуя упадку нашей военной славы в войнах с Франциею 1805 и 1807 годов и предвидя скорый разрыв с нею, спешило вступать в ряды войска, готового встретить Наполеона. Все порядочные и образованные дворяне, презирая гражданскую службу, шли в одну военную»[13].

Отечественную войну 1812 г. Трубецкой начал в чине подпоручика. Принимал участие в сражениях под Бородином, Тарутиным, Малым Ярославцем, при переходе через реки Неман, Вислу, Одер и Эльбу, на территории Саксонии — под городами Люценом и Бауценом, в сражении под Кульмом. За боевые заслуги был награжден орденами Анны 4-й степени, Владимира 4-й степени с бантом, прусским орденом «За заслуги» и знаком «Железный крест»[14]. По авторитетному свидетельству И. Д. Якушкина, Сергей Петрович в сражениях 1812—1813 гг. отличался неустрашимостью, хладнокровием и военным мастерством. «Под Бородином, — читаем у Якушкина, — он простоял под ядрами и картечью с таким же спокойствием, с каким он сидит, иг-

---

[10] Чулков Н. И. Москва и декабристы. — В кн.: Декабристы и их время. М., 1932, т. 2, с. 292, 294; Барановская М. Ю., Сорокин В. В. Декабристы в Москве. — Наука и жизнь, 1975, № 12, с. 71.

[11] Федоров В. А. Их дело не пропало. — Там же, с. 66.

[12] *ВД*, т. 1, с. 8.

[13] Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Т. 2. Сочинения. Иркутск, Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1982, с. 181.

[14] Павлова Л. Я. Декабристы — участники войн 1805—1814 гг. М., 1979, с. 47, 73, 115—116.

рая в шахматы.<...> Под Кульмом две роты 3-го батальона Семеновского полка, не имевшие в сумках ни одного патрона, были посланы под начальством капитана Пущина, но с одним холодным оружием и громким русским «ура» прогнать французов, стрелявших из опушки леса. Трубецкой, находившийся при одной из рот, несмотря на свистящие неприятельские пули, шел спокойно впереди солдат, размахивая шпагой над своей головой»[15].

4 октября 1813 г. под Лейпцигом Трубецкой получил ранение, но поле боя не оставил. Только в декабре вместе с другими ранеными был отправлен в Россию[16]. В 1816 г. он произведен в штабс-капитаны, в мае 1819 г. — в капитаны. Тогда же он перешел из строевых офицеров Семеновского полка на должность старшего адъютанта Главного штаба. В 1821 г. переведен в лейб-гвардии Преображенский полк с оставлением в прежней должности. В 1822 г. он уже полковник. В 1823 г. за отличную службу и труды награжден орденом Анны 2-й степени.

Происхождение, личные качества, успехи по службе, многочисленное влиятельное родство открывали перед Трубецким блестящую карьеру. Его положение еще более упрочилось после женитьбы в мае 1821 г. в Париже на Екатерине Ивановне Лаваль, старшей дочери управляющего 3-й экспедицией Коллегии иностранных дел, действительного тайного советника, камергера, церемониймейстера двора графа И. С. Лаваля. Брак был счастливым. Кроме того, он принес Трубецкому значительное состояние, распахнул перед ним двери блестящих салонов придворной знати, позволил расширить знакомства в среде дипломатов.

По складу характера С. П. Трубецкой, как свидетельствуют люди, близко его знавшие, был человеком серьезным, скромным, крайне сдержанным, «не лишенным способности к глубоким и сильным чувствам». Он обладал незаурядным умом, «полным всяких новых идей, смягченных, однако, свойственной его характеру умеренностью»[17]. Познакомившийся с ним в 1818 г. Н. И. Тургенев отметил, как редкое достоинство, его честность, патриотизм, полез-

---

[15] Якушкин, с. 156—157.

[16] *ЦГИА*, ф. 1035, оп. 1, д. 169, л. 1. — Письмо бабушки Трубецкого кн. Д. А. Грузинской, урожд. кн. Меншиковой, ген.-губернатору Саксонии кн. Н. Г. Репнину от 9 декабря 1813 г. с просьбой оказать содействие ее раненому внуку.

[17] Лебцельтерн Э. И. Екатерина Трубецкая, с. 183.

ность обществу. «Я знаком с ним года с полтора и нахожу в нем человека весьма почтенного, стремящегося всеми силами и неутомимого ко всему доброму»[18].

Из переписки И. Д. Якушкина в 1816—1825 гг. видно, что к числу лиц, с которыми Трубецкой состоял в дружеских отношениях, относятся братья Муравьевы-Апостолы, П. Я. Чаадаев, И. Д. Щербатов, М. А. Фонвизин, И. Н. Толстой[19]. А. С. Грибоедов, посылая через члена Союза благоденствия Я. Н. Толстого поклон «любезным моим приятелям», писал: «Трубецкого целую от души»[20]. Однополчанин Трубецкого И. Н. Толстой заверял его, что «готов десять раз жизнь отдать, если б то возможно и нужно было, для доказательства истинности чувств моих к тебе, торжествовал бы, видя, что достоин тебя»[21]. Из этих писем явствует, что Трубецкой пользовался среди друзей уважением, авторитетом: как и они, горел любовью к Родине, не оставался равнодушным к общенародным бедам, стремился к активным действиям в борьбе со злом, произволом, социальной несправедливостью.

«Нападение Наполеона на Россию в 1812 году,— писал Трубецкой,— возбудило в русских любовь к Отечеству в самой высокой степени; счастливое окончание сей войны, беспримерная слава, <...> блеск, коим покрылось оружие российское, заставило всех русских гордиться своим именем, а во всех имевших счастие участвовать в военных подвигах поселило удостоверение, что и каждый из них полезен своему Отечеству»[22].

В середине 1814 г. русская армия вернулась из заграничных походов. 18 июля Семеновский полк, в котором Трубецкой воевал в качестве командира одной из рот 3-го батальона под начальством П. С. Пущина, возвратился морем на родину. Встреча С. П. Трубецкого с боевыми друзьями произошла в Петергофе. 30 июля полк вступил в Петербург[23].

---

[18] Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. М.; Л., 1936, с. 287.

[19] Якушкин, с. 203, 205, 206, 227, 242, 245—246.

[20] Грибоедов А. С. Сочинения. М., 1953, с. 482—483.

[21] Декабристы: Новые материалы. Под ред. М. К. Азадовского. М., 1955, с. 133.

[22] *ВД*, т. 1, с. 23.

[23] Дирин П. История лейб-гвардии Семеновского полка, т. 1, с. 446.

Е. И. ТРУБЕЦКАЯ, урожд. Лаваль, жена декабриста.
Художник Л. Модюи. 1819 г. Масло.
Местонахождение оригинала неизвестно.
Воспроизведен в журнале «Современные записки».
Париж, 1936, т. 60. Между с. 222 и 223.

Трубецкой поселился в офицерском флигеле Семеновского полка (ныне район Рузовской ул.)[24], где жили его товарищи: И. Д. Якушкин, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы, И. Н. Толстой, И. Д. Щербатов. В начале 1815 г. по их инициативе в полку возникла артель из нескольких офицеров, решивших вместе столоваться. Это дружеское общение выходило за рамки обычного застолья. Молодых людей объединяла прежде всего общность взглядов и интересов, имевших несомненно политический характер. Семеновская артель явилась начальным этапом на пути к созданию тайного общества. Причины, побудившие организовать конспиративный союз, заключались в самой окружавшей действительности. Позднее Якушкин вспоми-

[24] Принцева Г. А., Бастарева Л. И. Декабристы в Петербурге. Л., 1975, с. 64—67.

нал, что в своих беседах они разбирали главные язвы России: «закоснелость народа, крепостное состояние, жестокое обращение с солдатами, <...> повсеместное лихоимство, грабительство и, наконец, явное неуважение к человеку вообще»[25]. Трубецкой впоследствии писал, что идея изменения существовавшего строя укреплялась в нем «убеждением, которое я имел, что состояние России таково, что неминуемо должен в оной последовать переворот со временем; сие мнение особенно основывал я: 1-е) на частых возмущениях крестьян против помещиков и на продолжительности оных, равно как и умножении таковых возмущений; 2-е) на всеобщих жалобах на лихоимство чиновников в губерниях и, наконец, 3-е) полагал, что образование военных поселений будет также со временем причиною переворота»[26].

Первое тайное общество возникло 9 февраля 1816 г. Его учредителями были А. Н. Муравьев, Н. М. Муравьев, С. П. Трубецкой, М. И. и С. И. Муравьевы-Апостолы и И. Д. Якушкин. К концу 1816 г. число членов составило 14 человек[27]. Первым председателем общества был избран Александр Муравьев, блюстителем — Сергей Трубецкой. При организации общества было решено написать устав «для порядка и формы в действии»[28]. По свидетельству П. И. Пестеля, его разработка была поручена «статутной» комиссии в составе С. Трубецкого, П. Пестеля, И. Долгорукова и Ф. Шаховского[29]. Каждый из членов комиссии составлял определенный раздел устава. Из Записок Трубецкого узнаем, что он, как один из авторов, «занялся правилами принятия членов и порядком действия их в обществе»[30]. Тайная организация получила название Союза спасения, а после утверждения устава в начале 1817 г. — Общества истинных и верных сынов отечества. Председателем последнего был избран С. П. Трубецкой, надзирателями, или блюстителями, — П. П. Лопухин и Александр Муравьев, секретарем — Никита Муравьев[31].

---

[25] Якушкин, с. 11.
[26] *ВД*, т. 1, с. 9.
[27] Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955, т. 1, с. 142—143 (далее: Нечкина).
[28] *ВД*, т. 1, с. 24.
[29] Там же, т. 4, с. 113.
[30] См. наст. т., с. 218.
[31] *ВД*, т. 4, с. 100; Нечкина, т. 1, с. 166.

П. С. ТРУБЕЦКОЙ, отец декабриста.

Миниатюра неизвестного художника.
Местонахождение оригинала неизвестно.
Воспроизведен в кн.: Troubetzkoi Prince des princes Troubetzkoi.
Paris. Ernest Leroux, éditeur,
1887. Между с. 243 и 249

Еще до окончательного сформирования Союза спасения ряд его членов входил в состав масонской ложи Трех добродетелей, куда Трубецкой вступил 25 января 1816 г., а в феврале 1817 г. он был избран ее секретарем[32]. Целью их

[32] Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1908, с. 320.

было завоевание ведущих позиций в руководстве масонской ложи и установление фактического главенства в ней, а также ведение политической пропаганды. Задачи, которые они ставили, далеко выходили за рамки религиозно-этических учений, туманных и расплывчатых идеалов всеобщего счастья и братства, проповедуемых масонами. Членство в ложе не обеспечивало, как предполагалось, конспирации существования Союза спасения, и будущие декабристы, в том числе и Трубецкой, вскоре порвали с масонством[33].

В начальный период деятельности Союза спасения на квартире у Трубецкого состоялось заседание, где «было положено, что так как мы не имеем никаких средств к введению представительного порядка в России, то и должны ограничиться действием на умы и приобретением членов — впредь пока общество усилится»[34]. Программа первого тайного общества за время его существования с 1816 г. до конца 1817 г. не оставалась неизменной. Как показывал на следствии П. И. Пестель, главная цель общества — только уничтожение крепостного состояния — сохранялась «<...> при самом первом начале и весьма короткое время: но вместе с принятием устава об устройстве общества принята и цель конституции»[35]. Таким образом, своей задачей Союз спасения считал замену самодержавия представительным правлением. Основой этих политических преобразований признавалась ликвидация крепостного права, а средством достижения цели — революционный способ действий.

Во второй половине сентября 1817 г. произошло событие, получившее впоследствии наименование «Московского заговора». В это время в связи с пребыванием в Москве двора и гвардии там оказалось большинство руководящих членов Союза спасения. Пестель и Трубецкой оставались в Петербурге. Последнему стало известно от члена тайного общества П. П. Лопухина о секретном намерении Александра I восстановить Польшу под своим владычеством в границах 1772 г., присоединив к ней исконно русские земли Правобережной Украины и Белоруссии. Трубецкой в соответствии с уставом Союза спасения конспиративным письмом сообщил об этом в Москву. Там было экстренно созвано

---

[33] Дружинин Н. М. Масонские знаки П. И. Пестеля. — Музей революции СССР, 2-й сб. ст. М., 1929, с. 19, 22—23, 42.
[34] *ВД*, т. 4, с. 274.
[35] Там же, с. 154.

совещание членов тайного общества для выработки мер к предотвращению угрожающего бедствия. Вопиющая несправедливость царя породила негодование; возникла мысль о цареубийстве, на которое вызвалось несколько членов. Предлагалось начать немедленные действия. Следовало согласовать все это с членами, оставшимися в Петербурге. Немедленно послали Трубецкому сообщение о состоявшемся обсуждении. Как показывал позднее П. И. Пестель, Трубецкой получил из Москвы письмо, в котором «извещались члены, в Петербурге бывшие, что члены, в Москве находящиеся, решились действие начать и потому требуют нашего согласия и нашего прибытия в Москву. Князь Трубецкой в тот же день испросил себе отпуск в Москву с тем, чтобы туда отправиться и тамошним членам сказать, что мы не соглашаемся на их предложение, и их удержать от исполнения оного. Но между тем они сами уже сие намерение бросили»[36].

Действительно, бурные споры в Москве между сторонниками и противниками цареубийства и начала немедленных действий завершились принятием решения о неисполнимости предлагаемого плана вследствие «скудости средств к достижению цели». Позднее Трубецкой показывал, что по приезде своем в Москву он «узнал, что бывшие там члены общества, видя малые его успехи и неудобства, сожгли бывший устав общества, уничтожили оное и положили составить новое»[37].

Члены Союза спасения приняли решение распустить общество и на его основе создать новое, более многочисленное и сильное, которое, сохраняя цель — конституцию, строилось бы на иных организационных принципах[38].

До выработки устава и программы будущей организации было учреждено промежуточное, «приготовительное», так называемое Военное общество, «которого цель, — по определению И. Д. Якушкина, — была приготовлять членов для главного общества, не имеющего еще тогда настоящего своего образования»[39]. В числе организаторов Военного общества был и Трубецкой.

---

[36] Там же, с. 112.

[37] Там же, т. 1, с. 25.

[38] Порох И. В. Деятельность декабристов в Москве. — В кн.: Декабристы в Москве. М., 1963, с. 20—26.

[39] *ВД*, т. 3, с. 49.

Вскоре после роспуска Союза спасения, в январе 1818 г., в Москве было создано новое тайное общество — Союз благоденствия. Разработка его устава была поручена комиссии в составе Никиты и Михаила Муравьевых, Сергея Трубецкого и Петра Колошина. Устав, получивший название «Зеленая книга» (по цвету переплета), был составлен в двух частях. В первой излагались вполне легальные положения, например, «способствование правительству к приведению в исполнение всех мер, принимаемых для блага государства»[40]. С ней знакомили всех вступающих в Союз. Деятельность членов распространялась на следующие отрасли: человеколюбие, образование, правосудие и общественное хозяйство[41]. Вторая часть устава, составленная в виде проекта, была известна лишь главным членам и содержала конечную, «сокровенную» цель общества: учреждение представительного (конституционного) правления, ликвидацию крепостничества и абсолютной монархии. Для достижения этой цели необходимо было «умножить сколько можно более число членов, усилить просвещение, распространить политические понятия и овладеть мнением общественным»[42].

С. Н. Чернов в работе, посвященной «Зеленой книге», в частности второй, «сокровенной», ее части, связывает составление ее с Трубецким[43]. Эта мысль находит подтверждение в показании М. А. Фонвизина: «Вторую часть законоположения Союза благоденствия, сколько я припомнить могу, взялся изложить князь Сергей Трубецкой и что-то написал, но не кончил <...>»[44]. У Трубецкого находился черновой (по-видимому, и единственный) экземпляр второй части. Мнение С. Н. Чернова разделяется и С. Б. Окунем[45].

Существенным отличием Союза благоденствия от Союза спасения было то, что последний являлся узко конспи-

---

[40] Там же, т. 1, с. 26.

[41] Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. Прил. IV. Законоположение Союза благоденствия, с. 550; Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 1915, т. 1, с. 74.

[42] *ЦГАОР*, ф. 48, оп. 1, д. 67, л. 39. Из показания С. М. Семенова.

[43] Чернов С. Н. Из работ над «Зеленой книгой». — В кн.: Декабристы и их время. Т. 2, с. 51—52.

[44] *ВД*, т. 3, с. 80.

[45] Окунь С. Б. М. В. Нечкина. Движение декабристов. — Вопросы истории, 1956, № 10, с. 153.

ративной организацией, в то время как новый Союз мыслился как организация массовая, рассчитанная на вербовку членов из всех свободных сословий России, и прежде всего дворянства. Трубецкой так характеризует основное направление деятельности Союза благоденствия: «Главная мысль составляющих общество членов была <...> дать России конституцию <...> и что первою мерою к сему должно служить освобождение крестьян от крепостности помещика»[46].

Деятельность Трубецкого в Коренном совете Союза благоденствия наиболее плодотворна до середины 1819 г. В качестве председателя, затем блюстителя он во многом способствовал усилению роли Коренной управы, расширению ее влияния среди других отраслей Союза. Его попечением сохранялись архив и печать общества, заверялись все списки с «Зеленой книги». Ревностно исполняя устав, Трубецкой принимал участие в деятельности таких общественных организаций, как Вольное общество учреждения училищ взаимного обучения, вначале в качестве «должностного члена», а позднее — исполняющего обязанности председателя комитета[47]. Думается, что именно Трубецкой, как последовательный сторонник просветительской программы Союза, был тем членом Коренной управы, который явился инициатором преобразования литературного общества «Зеленая лампа» в побочную управу Союза благоденствия. Во всяком случае из пяти членов Союза (Я. Толстой, П. Каверин, Ф. Глинка, А. Токарев и С. Трубецкой), входивших в общество «Зеленая лампа» и способных осуществить руководство обществом в политическом направлении и настроении, близком духу Союза, Трубецкой являлся наиболее вероятной фигурой. В частично сохранившемся архиве «Зеленой лампы» обнаружен составленный им перечень книг, рекомендованных молодым членам для чтения и изучения[48]. Известно, что обе указанные организации находились в значительной мере под воздействием Союза благоденствия.

Заботясь о приумножении общества достойными членами, Трубецкой в конце 1818 г. принял в тайное общество Н. И. Тургенева и (предположительно) И. Г. Бурцова.

---

[46] *ВД*, т. 1, с. 26.
[47] *ЦГИА*, ф. 733, оп. 91, д. 19, 20, 70—72, 96.
[48] См. наст. т., с. 319—320.

Первый из них писал: «В конце 1819 г.[49] ко мне пришел однажды князь Трубецкой. Я едва его знал по имени. Не пускаясь в долгие объяснения, он сказал, что после всего того, что он узнал обо мне и о моих убеждениях, он считал своим долгом предложить мне войти в общество и тут же представил мне его устав. То был устав Союза благоденствия, о котором говорится в докладе Комиссии. Он прибавил, что только что обращался с тем же самым предложением к одному поэту, с которым я был очень дружен, но тот отказался»[50]. Тогда же Трубецкой сказал Н. Тургеневу о намерении дать своим крестьянам свободу. Спустя более полугода Н. Тургенев сообщал об этом своему брату: «Трубецкой сам хотел сделать опыт со своими крестьянами, но по сию пору ему не удалось»[51]. Ко времени вступления Н. Тургенева в тайное общество и начала развития его близкого знакомства с Трубецким относится намерение Тургенева организовать журнал и привлечь к сотрудничеству в нем нескольких членов тайного общества. Можно предположить, что программа журнала обсуждалась и с Трубецким.

Для издания нелегальной литературы Коренная управа Союза благоденствия, председателем Совета которого в это время был Трубецкой, поручила М. С. Лунину приобрести печатный станок[52]. Об этом Лунин показывал: «Литографский станок был куплен мною с целью, чтобы литографировать разные уставы и сочинения тайного общества и не иметь труда или опасности оные переписывать»[53]. Приобретенный станок хранился на квартире Трубецкого. Хотя он и не использовался широко, нет сомнений, что станок применялся по своему назначению[54].

В конце 1818 г. Трубецкой, выполняя требование уста-

[49] Автор ошибся в дате. Это могло быть только в 1818 г., так как Трубецкой в середине 1819 г. уехал за границу. В «оправдательном» письме Тургенев прямо говорит, что Трубецкой предложил ему вступить в общество в 1818 г. — Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 1916, т. 2, с. 216.

[50] Речь идет о В. А. Жуковском. Трубецкой упоминает в Записках, что давал ему читать устав Союза. См. наст. т., с. 293.

[51] Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу, с. 287.

[52] *ВД*, т. 1, с. 42—43; Окунь С. Б. Декабрист М. С. Лунин. Л., 1962, с. 53.

[53] *ВД*, т. 3, с. 120—121.

[54] Нечкина, т. 1, с. 257.

ва Союза благоденствия, обязывавшего каждого члена-основателя организовать новую управу (нарушение этого правила грозило исключением из Коренного союза), учредил местную управу в Нижегородской губернии; предварительный разговор о целях тайного общества состоялся у него с тамошним помещиком В. И. Белавиным (скорее всего, во время поездки Трубецкого в имение отца), которому он послал список устава Союза благоденствия. В показании Следственной комиссии Трубецкой сообщал, что Белавин в конце 1818 г. «писал мне<...>, что он несколько человек принял»[55]. Они встречались и в середине 1821 г.; как утверждал Трубецкой, «сношения иметь было положено ему единственно со мной, а не с другим каким членом общества»[56]. В соответствии с уставом, этим человеком мог быть только принявший в общество.

Таким образом, в период организационного становления и активизации деятельности Союза благоденствия Трубецкой предстает перед нами одним из энергичных, инициативных руководителей тайного общества. Доверие, неизменно оказываемое ему товарищами неоднократным избранием его в число главных руководителей (председателем, членом Коренного совета, Думы, блюстителем, членом уставных комиссий и т. д.), позволяет характеризовать Трубецкого как человека, способного вести организаторскую работу, руководить внутренней жизнью общества; как человека со сложившимися идеологическими и политическими взглядами, умеющего эти взгляды отстаивать и привлекать к себе союзников, способствовать не только развитию общества, но и расширению влияния его за пределами узкоконспиративной замкнутой организации; наконец, как человека, личные достоинства которого могли оказывать благотворное влияние на идейное и нравственное развитие членов общества[57].

Трубецкой 26 июня 1819 г. выехал за границу[58], где оставался до сентября 1821 г. Время пребывания его во Франции совпало с революционными событиями в Европе.

---

[55] *ВД*, т. 1, с. 40.

[56] Там же.

[57] Чернов С. Н. Несколько справок о «Союзе Благоденствия» перед Московским съездом 1821 г. Саратов, 1924, с. 5, 6.

[58] Дата устанавливается по письму Трубецкого А. Н. Оленину от 26 июня 1819 г. с сообщением об отъезде из Петербурга морем в Марсель в тот же день (*ГПБ*, ф. 542, оп. 1, д. 315, л. 1—1 об.).

Живя в Париже, Трубецкой был как бы непосредственным очевидцем их.

В начале января 1820 г. парижские газеты были полны известиями о вспыхнувшей революции в Испании. Ее возглавил подполковник Риего. Это событие не могло не найти самого горячего отклика в сознании Трубецкого, поскольку программа восстания была близка его представлениям о путях свержения абсолютистского строя и введения конституции: революцию возглавили военные, совершилась она в течение трех месяцев и обошлась без кровопролития — восставшие просто принудили короля подписать конституционный акт.

В середине 1820 г. волна революционных выступлений смела абсолютистский режим в Неаполитанском королевстве В августе того же года началась революция в Португалии. В марте 1821 г. вспыхнуло восстание в Пьемонте. Революция, начавшаяся в Греции в начале 1821 г., была связана с именем Александра Ипсиланти, русского генерала, участника Отечественной войны 1812 г., которого Трубецкой знал лично[59]. В том же году в Париже он был свидетелем политических манифестаций, вызванных убийством П. Лувелем представителя династии Бурбонов герцога Беррийского. На следствии Трубецкой глухо упомянул, что на развитие его «свободного образа мыслей» оказало влияние не только преобразование французской империи в конституционную монархию, но и «установления оных в некоторых государствах»[60].

Трубецкой показывал, что, живя в Париже, «с публицистами и известными лицами из так называемой либеральной партии знаком не был». Бывал на заседаниях Палаты депутатов, «где слышал некоторые речи и прения, и там только, следовательно издали, видел сих людей <...>. С Бенжаменом Констаном, Манюэлем и прочими их партии я не был ни с кем знаком и не встречался»[61]. Да, не встречался в доме Потемкиных, на которых он ссылался, но, бывая в качестве жениха Е. И. Лаваль в особняке маршала Лабо, в котором жила в Париже графиня А. Г. Лаваль, он не мог не встречаться с теми, кого она принимала. В своих

---

59 Орлик О. В. Декабристы и европейское освободительное движение. М., 1975, с. 104.

60 *ВД*, т. 1, с. 9.

61 Там же, с. 73.

записках С. Г. Волконский упоминал, что еще в 1814 г. в Париже А. Г. Лаваль ввела его в салон г-жи де Сталь и познакомила с Констаном, Шатобрианом и другими известными писателями и общественными деятелями Франции[62]. М. П. Бестужев-Рюмин прямо показывал, что Трубецкой «в продолжение путешествия, *видаясь* (курсив мой.— *В. П.*) с публицистами, быть может, что он узнавал их мнения об основаниях представительного порядка»[63]. Есть повод полагать, что Трубецкой ездил в Женеву в октябре 1820 г. В одном из писем В. И. Лаваля матери от 19 октября из Женевы, где он обучался, он сообщал, что встретился с князем Трубецким, «который говорил, что бывал у вас на балах»[64]. Трудно сказать, был ли это Сергей Петрович, так как других источников, подтверждающих эту его поездку, обнаружить не удалось, в письме же имя Трубецкого не упоминается.

В Париже Трубецкой старался пополнить свое образование: слушал лекции почти всех известных профессоров и прошел полный курс естественных наук, уделяя особое внимание химии[65]. В одно время с Трубецким в Париже жил В. Кюхельбекер. Он выступил там с публичной лекцией о русской литературе и русском языке, в которой высказал мысль о том, что народы России, как и все угнетенные на земле, «победят деспотизм и варварство»[66]. Об их встречах в Париже свидетельствует Н. А. Старынкевич, ссылаясь на рассказы Кюхельбекера[67].

Нет сомнений, что за границей Трубецкой с большим вниманием и заинтересованностью следил за ходом развивающихся событий, и, конечно, они будили надежды на зарождение подобной ситуации в России. Не случайно по возвращении в Петербург, в сентябре 1821 г., узнав, что «общество, оставленное мною, разрушилось и что частию перешло на юг»[68], несмотря на то, что после женитьбы «слишком счастлив был в семействе», Трубецкой остался

---

[62] Волконский С. Г. Записки. СПб., 1902, с. 337—338.
[63] *ВД*, т. 9, с. 78.
[64] *ЦГАОР*, ф. 1143, оп. 1, д. 234, л. 11 об.
[65] *ВД*, т. 1, с. 8.
[66] *Литературное наследство*. М., 1954, т. 59, ч. 1, с. 374 (далее: *ЛН*).
[67] Старынкевич Н. А. Записка о В. К. Кюхельбекере. — В кн.: Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. М., 1980, т. 2, с. 303.
[68] *ВД*, т. 1, с. 10.

убежденным «в доброте конституционной монархии»[69] и включился в работу по восстановлению и активизации деятельности нового тайного общества.

Отметим кстати, что С. М. Семенов, ставший после отъезда Трубецкого секретарем Коренного совета, связывал снижение активности общества, в числе других причин, с отсутствием Трубецкого[70].

Действительно, революционные бури в европейских странах, восстания военных поселений летом 1819 г., восстание Семеновского полка в октябре 1820 г., усилившаяся правительственная реакция требовали пересмотра программы борьбы с самодержавием, выдвигали необходимость более радикального решения вопроса о способе смены правительства и форм государственного устройства с привлечением армии.

В отсутствие Трубецкого произошли два важных события. Восьмого января 1820 г. состоялось совещание, на котором П. Пестель выступил с идеей учреждения республики как формы будущего государственного устройства; средством достижения этой цели он предложил цареубийство. Для принятия решения о дальнейшей судьбе организации в первых числах января 1821 г. в Москве собрался съезд, на котором после многодневной дискуссии и борьбы мнений было принято решение о роспуске Союза благоденствия. Решение о прекращении деятельности общества было формальным. Оно давало возможность умеренной части Союза (в нее входили Н. Тургенев, Н. Муравьев, М. Фонвизин, И. Якушкин, И. Бурцов и др.), к которой по своим убеждениям примыкал и Трубецкой, освободиться как от ненадежных и колеблющихся, так и преимущественно от республикански настроенных членов. Вместе с тем фиктивное решение о роспуске Союза благоденствия обеспечивало нейтрализацию возникших у правительства подозрений относительно существования и деятельности тайного общества[71].

Московский съезд явился исходным моментом создания двух обществ. П. И. Пестель начал работу по организации Южного общества с республиканской программой, Н. М. Муравьев и Н. И. Тургенев приступили к формированию

[69] Там же, с. 34.
[70] *ЦГАОР*, ф. 48, оп. 1, д. 67, л. 40.
[71] Окунь С. Б. Декабристы. М., 1972, с. 32—35; см. также Записку М. К. Грибовского о Союзе благоденствия в кн.: Декабристы: Отрывки из источников. М.; Л., 1926, с. 109—116.

в Петербурге Северного общества. Трубецкой, возвратившись в сентябре 1821 г. в Россию, включился в работу по укреплению Северного общества. О руководящей роли его в новом тайном обществе мы узнаем из черновика второй «оправдательной» записки Н. И. Тургенева: «Относительно князя Трубецкого я видел, что и он желает восстановления общества, и думал, что его почитают главным, но не знал, что он начальствует в общ[естве] вместе с Ник[итой] Муравьевым и Оболенским <...>. Я знал, что многие из бывших членов об[щест]ва имели к князю Трубецкому особую доверенность, и если впоследствии Ник[ита] М[уравьев] соединился с Об[оленски]м для восстановления об[щест]ва, то думаю, что это могло произойти через посредство кн. Тр[убецкого]»[72].

Заботясь о пополнении Северного общества новыми членами, Трубецкой настаивал на том, чтобы были «приемы как можно рассудительнее, чтобы не брали пустой молодежи, которая будет только болтать, кричать и наделает шуму, чем принудит опять уничтожить общество, но чтоб искали людей солидных, постоянных, рассудительных, на которых бы можно было надеяться, говоря, что числом достоинства не заменишь»[73].

Период становления Северного и Южного обществ являлся также периодом углубленной работы над политической программой и тактическими планами. Осенью 1823 г. в Петербурге состоялся ряд совещаний членов Северного общества, на которых обсуждался проект Конституции, представленный Н. Муравьевым. Северяне не были едины в его оценке. Многие положения Конституции подвергались серьезной критике со стороны Рылеева, Трубецкого, И. Пущина и других членов. В частности, Трубецкой, принимая проект Конституции в целом, высказал ряд серьезных замечаний[74]. Они главным образом касались аграрной и избирательной систем. Как справедливо считает М. В. Нечкина, в некоторых случаях в замечаниях С. П. Трубецкого «можно уловить даже элементы сходных с южными сомнений»[75].

Пестелем также был подготовлен обсужденный и при-

---

[72] Цит. по: Шебунин А. Н. И. Тургенев в тайном обществе декабристов. — В кн.: Декабристы и их время. М., б/г, т. 1, с. 142.

[73] *ВД*, т. 1, с. 34.

[74] См. наст. т., с. 70—80.

[75] Нечкина, т. 1, с. 395.

нятый Южным обществом проект Конституции, получивший в дальнейшем название «Русская правда». По завершении обоих проектов стало заметно расхождение позиций и взглядов на коренные положения программы. Руководство Южного общества проект Конституции Н. Муравьева отвергло. Однако несмотря на различное решение ряда вопросов, очевидным было наличие общего стремления к уничтожению самодержавия, крепостного права, что позволяло рассчитывать на возможность организационного объединения Северного и Южного обществ.

Переговоры об их слиянии велись начиная с 1823 г. Южная директория поручила своим уполномоченным «более стараться взойти в связь с Трубецким и Оболенским», считая Муравьева более непримиримым к условиям южан[76]. Расхождения между позициями Южного и Северного обществ с особой остротой выявились на совещаниях в марте — апреле 1824 г. с приехавшим в Петербург Пестелем. «В бытность мою в Петербурге, — показывал Пестель, — виделся я преимущественно с тремя директорами»[77]. Это были С. Трубецкой, Н. Муравьев и Е. Оболенский. При встрече с Трубецким Пестель настойчиво доказывал необходимость слияния обоих обществ «и чтоб управление у них было одно и то же, то есть одни управляющие члены»[78]. В Директорию слившихся обществ он предлагал Трубецкого и Юшневского, а так как последний «от дел общества удалился, почему было бы нас действующих только двое»[79].

Основные программные положения «Русской правды»: революционный переворот через цареубийство, истребление всех членов императорской фамилии и установление после победы революции диктатуры Временного правления — вызвали решительные возражения Трубецкого. Не поддержал он и намерений предоставить независимость Польше.

Встреча с Трубецким не принесла Пестелю желаемых результатов. По свидетельству Трубецкого, расставаясь, «остались мы друг другом недовольны»[80].

О своих переговорах и разногласиях с Пестелем Трубецкой доложил на совещании у Рылеева, на котором при-

---

[76] Захаров Н. С. Петербургское совещание декабристов в 1824 г. — В кн.: Очерки из истории движения декабристов, с. 85.
[77] *ВД*, т. 4, с. 162.
[78] Там же, т. 1, с. 15.
[79] Там же, с. 16.
[80] Там же.

сутствовали Тургенев, Митьков, М. Муравьев-Апостол, Оболенский и И. Пущин. Большинство собравшихся высказались за объединение обществ, Трубецкой был против. «Главным препятствием соединению обществ, — показывал Рылеев, — Трубецкой предполагал Конституцию Никиты Муравьева, которая не нравилась Пестелю потому, что она в духе своем совершенно противуположна образу мыслей и Конституции, составленной самим Пестелем»[81]. Рылеев предложил компромиссное решение: «избрать все хорошее и полезное» из обеих конституций, создав на их основе третью, которая была бы дана на утверждение Великого собора. К этому мнению присоединился и Трубецкой.

Вопрос о слиянии обществ в принципе был решен, но осуществление его отодвигалось на 1826 г. Расхождения проявились в основном не в том, будет ли республиканское или конституционно-монархическое правление, а в том, какими средствами достигнуть желаемой цели. Идея Пестеля о диктатуре Временного правления встретила отрицательное отношение со стороны не только Трубецкого и Н. Муравьева, но и Рылеева. Большинство склонялось к установлению представительного правления[82]. В состав Временного представительного правления тогда же была предложена кандидатура Трубецкого. Он отклонил это назначение, мотивируя отказ тем, что, как свидетельствует Рылеев, «во Временное правление надобны люди, уже известные всей России, и предлагал к тому Мордвинова и Сперанского»[83].

После петербургского совещания необходимость слияния обществ стала очевидной для всех. Стремясь к объединению, северяне и южане соглашались на компромиссные решения по программным и тактическим вопросам, но при этом искали пути к укреплению своих собственных позиций. Пестель, вербуя сторонников, организовал в Петербурге отдельную управу южан из офицеров Кавалергардского полка[84]. Трубецкой также стремился заручиться союзниками. Возможно, с этой целью он намеревался ехать в Москву[85]. Тогда же он написал конспиративное пи-

[81] Там же, с. 174.
[82] Там же.
[83] Там же, с. 176.
[84] Там же, т. 9, с. 260—261, 281.
[85] А. С. Грибоедов в письме члену Союза благоденствия С. Н. Бегичеву в Москву от 10 июня 1824 г. сообщал, что будет писать ему «вторично и много» с Трубецким (Грибоедов А. С. Сочинения, с. 513, 706).

сьмо С. Муравьеву-Апостолу о ходе переговоров и разногласиях с Пестелем, которые усугублялись еще и неблагоприятным впечатлением, произведенным последним на руководителей Северного общества[86].

Н. С. Захаров справедливо отметил, что Трубецкой в своих показаниях преувеличивал свое несогласие с Пестелем. Доводы руководителя южан оказали влияние на политические взгляды Трубецкого, и потому его возражения не были такими решительными, как он старался изобразить это на следствии[87].

В чем категорически расходились Трубецкой и Пестель, так это в вопросе о диктатуре Временного правления как формы государственного управления: глава южан был «за», представитель северян — «против». Учитывая это, нельзя принимать безоговорочно заявление Трубецкого перед Следственным комитетом, что он притворялся с Пестелем, чтобы разгадать его намерения, тем более что последний их и не скрывал.

В феврале 1825 г. Трубецкой выехал на юг, в Киев[88], где должен был по приглашению командира корпуса кн. А. Г. Щербатова занять должность дежурного штаб-офицера 4-го Пехотного корпуса. Это открывало ему возможность непосредственного контакта с Южным обществом, позволяло вербовать из числа его членов союзников в случаях разногласий с Пестелем.

В Киеве он постарался воспользоваться осложнившейся ситуацией в самом Южном обществе и предпринял попытку воздействовать на С. Муравьева-Апостола и М. Бестужева-Рюмина, с которыми его связывали давние дружеские отношения. Трубецкой показывал, что когда «9[-я] дивизия начала ходить в караул, в Киев, я стал часто видеться с Муравьевым и Бестужевым, которые <...>, приезжая в Киев, останавливались у меня»[89]. Трубецкая рассказывала, что в их доме в Киеве часто собирались и спорили, не

---

86 *ВД*, т. 9, с. 210—212.

87 Захаров Н. С. Петербургское совещание декабристов в 1824 г., с. 96—97.

88 Дата устанавливается на основании показания Трубецкого из следственного дела С. Семенова, в котором он пишет, что уехал в Киев в феврале 1824 г. (здесь явная описка, так как приказ о его назначении в 4-й корпус был отдан 22 декабря 1824 г.) — *ЦГАОР*, ф. 48, оп. 1, д. 67, л. 18 а.

89 *ВД*, т. 1, с. 35.

смущаясь ее присутствием, близкие друзья мужа. Их намерением было дать России конституцию. Однако осуществление этого проекта было отложено на неопределенное время. Ей казалось, что они «просто ради забавы составляют конституцию, вырабатывают планы восстания, намечают людей, которые, по их мнению, могут быть использованы». В одну из таких встреч Трубецкая была так напугана их речами, что, отозвав в сторону Сергея Муравьева-Апостола, сказала ему: «Ради бога, подумайте, что вы делаете, вы и нас всех погубите, и свои головы положите на эшафот». Он постарался ее успокоить, говоря: «Неужели вы думаете, что мы не делаем все, что нужно, чтобы обеспечить успех наших замыслов? К тому же речь идет о совершенно неопределенном времени, не бойтесь же»[90].

Командир драгунского полка Гротенгельм показывал, что квартира Трубецкого была местом свиданий членов Васильковской управы. Здесь он часто заставал С. Муравьева-Апостола, Швейковского, Тизенгаузена, Набокова[91]. Об этом же свидетельствовал М. Ф. Орлов: «У Трубецкого вскоре поселились почти без выходу Сергей и Матвей Муравьевы с Бестужевым. Всякий раз, что я приеду, то они обыкновенно встанут и уйдут в другую комнату»[92].

На квартире у Трубецкого С. Муравьевым-Апостолом был принят в члены тайного общества А. О. Корнилович[93].

Как видим, у Трубецкого в Киеве был центр, где встречались члены в основном Васильковской управы и где обсуждались многие вопросы, связанные с разработкой планов дальнейших совместных действий. Однако влияние Трубецкого и членов Васильковской управы было обоюдным. В одном из писем С. Муравьева-Апостола брату читаем: «Вы знаете петербургскую бесстрастность и осторожность, которая овладела С. Трубецким. Ну, мой дорогой друг, узнайте, что после месяца своего пребывания Бестужев так хорошо взялся за него, что не только сам Сергей искренне присоединяется к югу, но и обещает присоединить к нему весь север, — дело, которое он действительно испол-

[90] Лебцельтерн Э. И. Екатерина Трубецкая, с. 184.

[91] Лавров Н. Ф. Диктатор 14 декабря. — В кн.: Бунт декабристов. Л., 1926, с. 189.

[92] Довнар-Запольский М. В. Мемуары декабристов. Киев, 1906, с. 11.

[93] Корнилович А. О. Сочинения и письма. М.; Л., 1957, с. 418—419.

нит и на которое можно рассчитывать, если он обещает, потому что он человек, заслуживающий доверия. Я полагаю, дорогой Матвей, что это было нелегкой вещью и услуга значительная для нашего дела»[94]. Обмен мнениями, взаимное влияние, споры касались в основном разработки плана восстания, определения сроков и места начала его. Пестель предлагал начать выступление в Петербурге. Трубецкой, обещая поддержку севера, тем не менее не мог согласиться с этим предложением, зная силы и возможности Северной думы, ее недостаточное влияние в полках, необходимость активизации деятельности ее членов. Оболенский писал: «О возбуждении же нас к действию князь Трубецкой и не думал, ибо он знал, что число членов наших в полках столь незначительно, что мы не могли и думать приступить к началу действий»[95]. Разногласия с Пестелем компенсировались взаимопониманием в отношениях с С. Муравьевым-Апостолом и членами Васильковской управы.

Роль Трубецкого на юге заключалась в выработке приемлемой платформы для слияния Северного и Южного обществ, в объединении их действий, окончании переговоров об общем плане подготовки революционного выступления. В результате совместных переговоров (с Пестелем они велись через Бестужева-Рюмина, который показал на следствии, что «несколько раз ездил для уведомления Пестеля о том, что происходит во 2-й управе. Два раза со мною были письма от Трубецкого, содержание коих состояло в том, что общество Северное всегда готово содействовать Южному»[96]) в октябре — ноябре 1825 г. Пестель пересмотрел свой план и предложил новый, который заключался в том, чтобы «самым вернейшим образом приготовить 3-й корпус к восприятию действий на общем (майском. — *В.П.)* смотре в 1826 годе»[97]. С этим новым планом Пестеля члены Васильковской управы прежде всего познакомили Трубецкого, который, как показывал Пестель, опираясь на информацию Бестужева-Рюмина, «совершенно на все согласен и все в полной мере одобряет»[98]. Пестель показал также, что «князь Сергей Трубецкой по прибытии в Киев

---

[94] Цит. по: Порох И. В. Восстание Черниговского полка. — В кн.: Очерки из истории движения декабристов, с. 148.

[95] *ВД*, т. 1, с. 271.

[96] Там же, т. 9, с. 66.

[97] Там же, с. 113.

[98] Там же, т. 4, с. 171.

действовал с сею управою»[99]. На следствии Трубецкой также вынужден был признаться, что принимал участие в разработке этого плана: «Я поручал Бестужеву-Рюмину уверить Пестеля, что я готов действовать, и давал ему полную волю сказать это Пестелю, как он найдет лучшим»[100]. С. Муравьев-Апостол показывал, что приезд Трубецкого, как одного из директоров Северного общества, «облегчив сношения обоих обществ, сблизил их более чем когда-либо»[101], что «до самого приезда князя Трубецкого в Киев сообщения Северного общества к Южному были редки и весьма неполны»[102].

Не прекращалась связь Трубецкого и с Северным обществом. Рылеев, введенный в состав Северной думы после отъезда Трубецкого, держал последнего в курсе дел Северного общества. Он послал через А. Ф. Бриггена Трубецкому и Пестелю проект предложения северян о Временном правлении[103]; скопировал и отправил Трубецкому устав Общества восстановления, составленный Д. Завалишиным; делился с ним тревогой в связи с намерением Якубовича без согласия общества убить императора; извещал о создании отделения Северного общества в Кронштадте. С Бриггеном было им послано сообщение о решении Северной думы, как только начнется революция, арестовать царскую семью и вывезти ее в «чужие края». Предложения северян обсуждались Южным обществом и были встречены без возражений. К ноябрю 1825 г. между представителем Северного общества Трубецким и южанами была достигнута договоренность о совместных действиях обоих обществ. С. Муравьев-Апостол показывал, что Трубецкому было поручено объявить членам Северного общества о решении «начинать действие, не пропуская 1826 год»[104].

Трубецкой приехал в Петербург около 10 ноября[105], познакомил Северное общество с привезенным от южан планом, который и был Думой принят. Согласно плану, инициаторами выступления, назначенного на 1826 г., во время майского смотра 2-й армии должны были стать южа-

---

[99] Там же, с. 110.
[100] Там же, т. 1, с. 100.
[101] Там же, т. 4, с. 284.
[102] Там же, с. 275.
[103] Там же, с. 167—168.
[104] Там же, с. 284.
[105] Там же, т. 1, с. 10.

не, а северяне обязывались их поддержать. Однако в силу изменившейся ситуации, вызванной неожиданной смертью Александра I и началом междуцарствия, сразу же возникла необходимость разработки и принятия нового плана, так как в создавшейся обстановке центр восстания перемещался в Петербург. Рылеев показывал: «О болезни покойного государя узнал я накануне присяги государю цесаревичу (то есть 25 ноября. — *В. П.)* в доме графини Лаваль от Трубецкого. Он прибавил при сем: говорят, опасен; нам надобно съехаться где-нибудь. Я предложил у Оболенского, и мы уговорились на другой день быть там»[106]. Но Рылеев заболел, а к полудню 27 ноября стало известно о смерти Александра I и о присяге Константину. Трубецкой сразу же приехал к Рылееву с рассказом о свершившемся событии и заявил, что, несмотря на это, «надобно приготовиться, сколько возможно, дабы содействовать южным членам, если они подымутся, что очень может случиться, ибо они готовы воспользоваться каждым случаем; что теперь обстоятельства чрезвычайные и для видов наших решительные»[107].

Между тем события развивались стремительно. После 27 ноября стал распространяться слух о завещании Александра I, по которому наследником оказывался не Константин, а Николай, и об отказе Константина от престола. Было решено, что если Константин все же примет престол, то тайное общество должно тщательно законспирироваться на два-три года и обязать членов стремиться не выходить в отставку, а занять «значительнейшие места в гвардейских полках»[108]. Если же цесаревич откажется, то по общему мнению, выраженному Трубецким, «мы не можем никакой отговорки принести обществу, избравшему нас, и что мы должны все способы употребить для достижения цели общества»[109]. По свидетельству Оболенского, «прочие общества были уже известны о сем намерении и готовились

---

[106] У Трубецкого говорится, что он узнал о болезни Александра от Рылеева еще 24 ноября (см. наст. т., с. 352), это было в день именин Е. И. Трубецкой и накануне предполагавшегося отъезда Трубецких в Киев, потому и хорошо запомнилось.

[107] *ВД*, т. 1, с. 184.

[108] Там же.

[109] Там же, с. 246.

каждый в своем круге действовать сообразно с целию общества»[110].

В преддверии начала серьезных событий с особой остротой встал вопрос о необходимости координации действий Северного, Южного обществ, Московской и других управ, а также о необходимости разработки единого плана действий, для чего и нужно было сосредоточить общее руководство в одних руках.

С идеей избрать диктатора, человека, облеченного широкими полномочиями в решении всех возникших проблем, выступил Рылеев, предложив кандидатуру Трубецкого. Выбор был не случайным. Помимо того, что Трубецкой являлся старейшим членом тайного общества, одним из его руководителей, он был боевым офицером в чине полковника, имел большие связи в Главном штабе, дворцовых и правительственных кругах, а главное — он только что приехал из Киева и осуществлял в тот момент непосредственную связь между двумя обществами: был уполномочен сообщить руководителям Петербургской управы о готовности южан «начать хоть сейчас»[111], знал численный состав и состояние войск, на которые рассчитывало Южное общество, знал и их командиров — членов тайного общества. У Рылеева создалось впечатление, что Трубецкой «и там играет важную роль»[112].

На следствии Рылеев показал, что избрать Трубецкого в диктаторы «предложено было мною некоторым членам, в то же утро (то есть 27 ноября. — *В. П.)* ко мне приехавшим»[113]. Вообще идея выдвижения кандидатуры Трубецкого в диктаторы возникла значительно раньше, чем было принято решение выступать, то есть сразу же после присяги Константину. Между выбором кандидатуры и ее утверждением голосованием прошло несколько дней, отрасль Оболенского голосовала в какой-то из дней «около» 9—10 декабря[114].

Начиная с 27 ноября шли «решительные и каждоднев-

---

[110] Там же.
[111] Там же, с. 179.
[112] Там же, с. 154.
[113] Там же, с. 184.
[114] Там же, с. 97, 245, 443; Окунь С. Б. История СССР. 1796—1825 гг. Л., 1948, с. 457. Об отречении Константина заговорили 28 ноября, а определенно это стало известно 9 декабря 1825 г.

ные совещания», на которых в жарких спорах сталкивались мнения от самых крайних до самых умеренных. В процессе споров кристаллизовалось то общее мнение, которое должно было лечь в основу единого плана действий. Местом совещаний была квартира Рылеева, который все еще болел. Отсюда исходили все приготовления и распоряжения, но, как свидетельствовал он сам, с того дня, как Трубецкого избрали диктатором, «настоящие совещания всегда назначались им и без него не делались»[115], «он или сам, или через меня, или через Оболенского делал распоряжения»[116], «он каждый день по два и по три раза приезжал ко мне с разными известиями или советами, <...> он готовностию своею на переворот совершенно равнялся мне, но превосходил меня осторожностию, не всем себя открывая»[117]. Трубецкой и сам показывал: «Я желал, чтобы Рылеев не полагал, что я менее его усердия имею к начатому делу; и я никогда не отрицался в том, что мое намерение было воспользоваться обстоятельствами, и я описывал прежде, каким образом я полагал сие исполнить»[118]. В данном случае не приходится сомневаться в справедливости показаний обоих, поскольку они подтверждаются обоюдными свидетельствами. Активность Трубецкого в дни, предшествовавшие восстанию, подтверждается И. Пущиным. В письме декабристу М. Фонвизину, находившемуся в Москве, Пущин 12 декабря сообщал: «Когда вы получите сие письмо, все будет решено. Мы всякий день вместе у Трубецкого и много работаем. Нас здесь 60 членов. Мы уверены в 1000 солдатах»[119].

Избрание диктатором давало Трубецкому широкие полномочия располагать силами, находившимися в распоряжении Северного общества.

Программой северян по-прежнему оставались принципиальные положения, которые были выработаны еще на петербургских совещаниях 1824 г. и подтверждены встречами в Киеве и Петербурге.

Для достижения поставленной цели 10 декабря был разработан план дальнейших действий. В него входили:

---

[115] *ВД*, т. 1, с. 184.
[116] Там же, с. 160.
[117] Там же, с. 185.
[118] Там же, с. 98.
[119] Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956, с. 96.

1) конкретный план самого восстания[120]; 2) организация связи с Южным обществом и Московской управой; 3) подготовка политической программы — Манифеста к народу. Разработка последнего имела чрезвычайно важное значение. Восставшие намеревались всенародно объявить его через Сенат. Было составлено, по крайней мере, три проекта Манифеста, из которых сохранился только один. Дошедший до нас экземпляр был найден при обыске в бумагах Трубецкого. На следствии он показал, что эту «записку» (как он назвал свой конспект Манифеста) он составил лично, «потому что почитал это собственною моею принадлежностью и не полагал, чтоб до времени издания его можно было определительно его написать, <...> и согласиться по обстоятельствам на редакцию его в Сенате я предоставлял только себе»[121].

К моменту восстания Манифест, предварительное обсуждение которого происходило в предшествующие дни, был готов[122].

Не менее важным мероприятием было оповещение Южного общества и Московской управы о событиях в Петербурге и мерах, принимаемых Северным обществом для реализации своих целей. Соответствующее письмо Трубецкой отправил с И. И. Муравьевым-Апостолом к С. И. Мура-

---

[120] Начиная с 27 ноября на совещаниях Северного общества высказывались различные предложения относительно плана действий и самого восстания. Анализ их с исчерпывающей полнотой дан М. В. Нечкиной в монографии «Движение декабристов». Нами же используются лишь те документы, в составлении которых принимал участие Трубецкой и которые явились решающими.

[121] *ВД*, т. 1, с. 102. Впоследствии, уже в Сибири, в разговоре с Е. И. Якушкиным Трубецкой упомянул, что программу 14-го «мы составили вместе с Рылеевым 13-го вечером» (Декабристы на поселении: Из архива Якушкиных. М., 1926, с. 55). Речь могла идти именно о программе действий, а не о Манифесте. Составление и обсуждение с Рылеевым конкретного плана действий предшествовали составлению Манифеста; это и имел в виду Трубецкой, рассказывая о совместной в те дни с Рылеевым работе. В пользу такого предположения говорит то, что Рылеев с 13 на 14 декабря был занят организационными делами, непосредственно связанными с подготовкой восстания, то есть с реализацией разработанной программы, и у него просто не было времени на составление такого серьезного программного документа, как Манифест, тем более что он только что передоверил написание его В. И. Штейнгелю, «почитая его способнейшим себя для написания акта подобного роду» (*ВД*, т. 1, с. 188).

[122] Текст Манифеста см. на с. 81—82.

вьеву-Апостолу, который еще там, в Киеве, заверял Трубецкого, что может поднять за собой до 70 тысяч войска.

Для оповещения Московской управы был направлен П. Н. Свистунов с письмом Трубецкого к М. Ф. Орлову и поручением увидеться с С. М. Семеновым и объявить ему «о всем здесь случившемся, о намерении взятом действовать, буде войска подадут на сие средства»[123]. Письмо к Орлову не сохранилось, но из показаний допрашиваемых следует, что Трубецкой просил Орлова приехать в Петербург немедленно. Розен в своих воспоминаниях пишет, что речь о вызове Орлова поднималась на совещании у Рылеева 12 декабря[124]. В связи с этим М. В. Нечкина высказывает очень интересное предположение: не был ли вызов Орлова связан с просьбой Трубецкого отпустить его на юг? «Тогда уясняется и необходимость иметь надежного заместителя диктатора на севере в случае последующего отъезда основного диктатора — Трубецкого — на юг»[125].

Следственному комитету Трубецкой дал другое объяснение вызова Орлова: «<...> я к г[енералу] Орлову писать не решался до 13-го числа, когда, увидев, в каком я нахожусь положении пред обществом, я в нем видел спасение и решился написать известное письмо от 13-го числа поутру, когда *я не предвидел еще, что бедствие последует так скоро* (курсив мой.— *В. П.*). <...> Притом я полагал, что если б переворот и исполнился во всем так, как я предполагал, то лицо г[ен].-м[айора] Орлова вселило бы более доверенности»[126]. Объяснение дано Трубецким в обычной его манере затушевывания своих истинных мыслей и действий, умаления собственного значения и роли в организации восстания, о чем еще будет сказано ниже. Если отталкиваться от предположения М. В. Нечкиной, можно допустить, что в данном случае Трубецкой ложной мотивировкой умышленно старался отвести от себя более опасное подозрение — в организации действий южан. Однако могло быть и так, что Трубецкой не писал Орлову раньше, считая, что для начала действий присутствие Орлова не было нужно, а вот после победы восстания, когда должно было наступить время дальнейших распоряжений, которых от него ждали, Тру-

---

123 *ВД*, т. 14, с. 333.
124 Розен А. Е. Записки декабриста. *СПб*, 1907, с. 63.
125 Нечкина, т. 2, с. 246.
126 *ВД*, т. 1, с. 41.

бецкой видел необходимость в твердой поддержке умного, волевого, пользовавшегося большим авторитетом в армии и обществе генерала. Его влияние могло сыграть существенную роль в организации Временного правления. Для полного успеха в таких государственного масштаба начинаниях Трубецкой не считал достаточным собственный опыт политического и военного деятеля. Сам он проговорился на следствии: «Затрудняло меня обстоятельство, если нужно будет учреждение Временного правления, то кто могут быть люди, на выбор коих можно согласиться»[127]. В данном случае не исключено, что Трубецкой надеялся авторитет Орлова противопоставить авторитету Пестеля, кандидатуру которого в состав Временного правления выдвигали члены общества.

Для осуществления захвата власти следовало уточнить, на какие воинские части могло рассчитывать Северное общество. Трубецкой показал на следствии, что на вопросы об этом Рылеева «всегда отвечал, что надобно несколько полков <...>, по крайней мере тысяч 6 человек солдат; наконец, в последний раз, когда он меня о том спросил (до 10 декабря.— *В. П.*), то я ему сказал, что если будет можно совершенно надеяться на один полк, что он непременно выйдет, и притом еще Морской экипаж (на который Рылеев много надеялся), а в некоторых других полках будет колебание, то тогда можно зачать <...>, но что первым должен быть один из старых коренных гвардейских полков, каков Измайловский, потому что к младшим полкам, может быть, не пристанут»[128]. Рылеев заверил, что общество может твердо рассчитывать на два, а то и на три полка. В дальнейшем, когда стали надеяться еще и на полки Измайловский, Финляндский и Егерский, «то все без исключения решительно говорили, что сами обстоятельства призывают общество к начатию действий и что не воспользоваться оными со столь значительною силою было бы непростительное малодушие и даже преступление»[129].

Предварительный подсчет сил давал надежду руководителям восстания, что они смогут повести за собой не менее 6 тысяч солдат.

---

[127] Там же, с. 18.
[128] Там же, с. 98—99.
[129] Там же, с. 185.

Первый план, предложенный Трубецким[130] в дни, предшествующие отречению Константина, состоял в том, чтобы собрать все восставшие полки вместе с артиллерией в одном месте за городом, силой оружия принудить правительство к переговорам, путем «вооруженного давления» добиться принятия Манифеста о созыве Великого собора и удовлетворения всех требований, указанных в нем.

Трубецкой был уверен, что к восставшим присоединятся не только другие полки, но и часть гражданского населения: «Сие основано было на том мнении, что, вероятно, есть много людей, желающих конституционной монархии, но которые не являют своего мнения, не видя возможности до оной достигнуть, но когда увидят возможность и притом, что восставшие войска никакого буйства не делают, то обратятся на их сторону»[131].

12 декабря с полной определенностью стало известно, что должна быть присяга новому императору[132]. Тотчас же возникло решение воспользоваться создавшимся обстоятельством; так как факт отречения —«вещь необычайнейшая и в России небывалая», то солдаты не поверят отречению, особенно если оно не будет сделано лично Константином. Кроме того, предварительный подсчет сил, на которые могло рассчитывать общество, оказался преувеличенным. И первое и второе обстоятельства потребовали спешного пересмотра плана революционного выступления.

Сигналом к восстанию должен был явиться сбор войск для принятия присяги Николаю. Необходимо было поднять полки до начала новой присяги под предлогом нарушения только что принятой присяги Константину. В этой ситуации был предложен другой план, который сводился к тому, чтобы «восставшие полки собрались на Сенатской площади, принудили бы Сенат издать Манифест к русскому народу». Перед тем Якубович с Гвардейским морским экипажем и, возможно, Измайловским полком должен был захватить Зимний дворец и арестовать царскую семью; Финляндскому полку и гренадерам поручалось захватить Петропавловскую крепость и Арсенал.

Как показывал Рылеев, «занятие дворца было положе-

---

[130] Он так и показал на следствии: «Вот какой был план мой» (*ВД*, т. 1, с. 36).

[131] Там же, с. 37.

[132] Там же, с. 60—61.

но в плане действий самим Трубецким»[133].«Дворец занять брался Якубович с Арбузовым, на что и изъявил свое согласие Трубецкой. Занятие ж крепости и других мест должно было последовать по плану Трубецкого после задержания императорской фамилии»[134].

Сбор перед зданием Сената после захвата Зимнего дворца, Петропавловской крепости, Арсенала и т. д. был завершающим звеном плана, так как только через Сенат восставшие могли всенародно объявить о низложении прежнего правительства, о введении гражданских свобод, об отмене крепостного права и назначении Временного революционного правления. После объявления Сенатом Манифеста войска должны были выйти из города, расположиться лагерем в ожидании съезда губернских депутатов и быть в состоянии боевой готовности для защиты революционных завоеваний. Находящуюся под арестом императорскую семью предполагалось задержать до съезда Великого собора. Последний «должен был решить, какого рода избрать правление» или «кому царствовать и на каких условиях»[135].

Накануне восстания стало известно, что присяга Николаю назначена на 14 декабря.

Предложенный Трубецким, обсужденный и одобренный руководителями общества план восстания, названный позднее Д. Завалишиным планом «движения в Петербурге», был характеризован им же как «скорее политический, нежели военный план», составленный «очень основательно». В Следственном комитете всеми средствами доискивались, кто составил этот план. Им все мерещилось, что это должно быть дело какого-нибудь известного опытного генерала[136]. Из дальнейшего рассуждения Завалишина следует, что на руководителя-диктатора возлагалось в случае победы восстания осуществление определенных организационно-политических акций. В тот момент и в тех обстоятельствах выбор пал на Трубецкого, как на человека, более всего подходящего к выполнению данной роли. Ему было доверено и сношение с югом и с Московской управой; ему принадлежала разработка Манифеста к русскому народу. Он все время находился в гуще событий рядом с Рылеевым и дру-

---

[133] Там же, с. 185.
[134] Там же, с. 188.
[135] Там же, с. 187, 458.
[136] Завалишин Д. И. Записки декабриста. СПб., 1906, с. 183.

гими руководителями, хотя в целях конспирации и держался отчужденно, холодно, не вступая в открытые споры, не раскрывая себя в среде малознакомых членов общества[137]. О том, что выбор диктатора был обусловлен необходимостью руководства политического, прямо свидетельствует А. Булатов. В письме вел. кн. Михаилу Павловичу он указывал, что 9 декабря Рылеев говорил ему: «Когда мы успеем в своем предприятии (то есть после победы восстания.— *В. П.*), <...> на время избранный диктатором Трубецкой устроит Временное правление, которое выберет <...> состав народного правления»[138]. Относительно избрания Трубецкого диктатором А. Бестужев заметил: «Дни за 4 избран начальником, для чего и я через Рылеева дал свой голос. Но когда Рылеев назвал его диктатором, я сказал, что это кукольная комедия[139]. В данном случае Бестужев видел «кукольную комедию» не в избрании Трубецкого руководителем (за него он тоже подал свой голос), а в термине «диктатор». В сложнейшей, напряженнейшей обстановке дней, предшествовавших 14 декабря, когда предпринимались только первые шаги в реальной борьбе со старым режимом и не было уверенности в победе, слово «диктатор» казалось необоснованно претенциозным, слишком высокопарным, напоминало игру в слова. По свидетельству П. Н. Свистунова, Трубецкой «долго и упорно отказывался» от назначения его диктатором и вообще считал само это звание «неуместным наименованием»[140].

Скорее всего, у Трубецкого и других членов общества наименование «диктатор» вызвало возражения еще и потому, что связывалось с идеей диктатуры, выдвинутой ранее Пестелем и не получившей поддержки. Поскольку руководители восстания возлагали на избранное ими доверенное лицо общее руководство, ожидали от него дальнейших распоряжений и после победы восстания, то определение «диктатор» было все-таки принято.

При сопоставлении показаний Трубецкого с показания-

---

[137] Трубецкой так объяснил свою осторожность на следствии: «<...> видал <...>и незнакомых мне лиц у Рылеева и не знал, кто из них члены» (*ВД*, т. 1, с. 98).

[138] Довнар-Запольский М. В. Мемуары декабристов, с. 225.

[139] *ВД*, т. 1, с. 443.

[140] Свистунов П. Н. Несколько замечаний по поводу новейших книг и статей о событии 14 декабря и о декабристах. — *РА*, 1870, с. 1666.

ми участников подготовки восстания обнаруживается явное противоречие. В показаниях последних Трубецкой не безвольный и слабый человек, каким он стремился себя показать на следствии, а человек хладнокровный, инициативный, деятельный, последовательный в осуществлении намеченных планов, но осторожный в действиях. Именно эти качества учитывались руководителями восстания при избрании его диктатором. Известное значение придавалось также имени, чину и связям Трубецкого, как определенной гарантии успеха задуманному делу.

После принятия плана восстания у Трубецкого не было серьезных опасений. Неуверенность в благополучном исходе предприятия первым почувствовал Рылеев, в руках которого была сосредоточена вся организационная сторона подготовки восстания: он вел переговоры с Каховским, Булатовым, Якубовичем, братьями Бестужевыми; созывал совещания, к нему стекались донесения о ходе подготовки к выступлению; 14 декабря он сам ездил в полки, чтобы вести агитацию за отказ от присяги; он всех оповещал о принятом плане восстания; наконец, он первым узнал о нарушении Каховским, Якубовичем, Булатовым обещаний действовать в соответствии с утвержденным планом. Рылеев являлся непосредственным организатором и вдохновителем восстания.

12 декабря вечером у Оболенского «без ведома князя Трубецкого» состоялось совещание, на котором присутствовал Я. Ростовцев. Узнав о заговоре, он предупредил собравшихся, что донесет Николаю о готовящемся восстании.

Утром 13-го Рылеев рассказал Трубецкому о совещании у Оболенского и о намерении Ростовцева выдать их замысел. Обеспокоенный Трубецкой был в тот же день у Рылеева дважды, беседовал лично со всеми полковыми офицерами. Утреннее впечатление было безрадостным. Подтверждались опасения Рылеева. Сил было мало. Булатов предостерегал: «Нам остается мало времени рассуждать. Если на себя и на солдат своих не надеетесь, то лучше оставьте до другого случая»[141]. Был момент, когда Трубецкой заколебался, стоит ли начинать здесь, в Петербурге. Будет ли успех? В передаче А. Бестужева, Трубецкой сказал: «<...> если видите здесь свое малосилие, отпустите меня в Киев,

---

[141] Довнар-Запольский М. В. Мемуары декабристов, с. 230.

я ручаюсь, что 2-й корпус[142] не присягнет»[143]. Это подтверждает и Батеньков: «<...> когда некоторые находили невозможным действовать с успехом, Трубецкой сказал, что если ему здесь нечего делать, то он поедет в 4-й корпус войск и там начнет»[144].

Его не отпустили. Как показывал И. Пущин, Трубецкой, видя неуверенность полковых офицеров и руководителей общества, высказал мнение, «чтобы не присоединяться к малому числу войска», то есть не начинать, если не смогут привлечь к восстанию значительные силы[145]. Об этом же свидетельствовал и М. Бестужев: «<...> Трубецкой и 13-го числа говорил: не надо начинать решительных мер, ежели не будете уверены, что солдаты вас поддержат»[146].

Никто из участников подготовки восстания не ссылался накануне его на неуверенность диктатора. Булатов, встретившись с ним 13-го вечером у Рылеева, отмечал, что Трубецкой «так был уверен в успехе предприятия, что, говоря со своими военачальниками, полагал, что, может быть, обойдется без огня»[147].

По плану помощниками Трубецкого были назначены А. Булатов и А. Якубович, то есть два опытных боевых офицера; начальником штаба восстания — Е. Оболенский, Трубецкой должен был явиться на площадь, когда соберутся восставшие войска, чтобы руководить дальнейшими действиями[148].

Крайне важно было начать восстание до объявления Сенатом манифеста о вступлении Николая на престол. Донос Ростовцева о готовящемся восстании привел к тому, что присяга новому императору была назначена на самый ранний утренний час, чтобы опередить выступление.

Трубецкой, живший рядом с Сенатом, через члена тайного общества Краснокутского своевременно получал информацию о том, что там происходит.

Сенаторы начали съезжаться, когда не было еще 7 ча-

---

[142] А. Бестужев ошибочно назвал 2-й корпус вместо 4

[143] *ВД*, т. 1, с. 443.

[144] Там же, т. 14, с. 55.

[145] Там же, т. 1, с. 138.

[146] Там же, с. 488.

[147] Довнар-Запольский М. В. Мемуары декабристов, с. 231.

[148] Там же, с. 225.

сов утра. Войск на площади еще не было. Трубецкой, чтобы выяснить обстановку и сообщить о сборе сенаторов, отправился к Рылееву и от него узнал об отказе Якубовича возглавить Морской экипаж и занять Зимний дворец. Вслед за этим стало известно, что Каховский отказался от покушения на Николая. Утром же Булатов, повидав Рылеева и Пущина, заявил им, что если войск у восставших будет мало, то он участия в деле не примет[149]. Он так и поступил. Трубецкому стало известно о неудавшейся попытке поднять Измайловский полк, на который сильно рассчитывали. Вслед за измайловцами присягнул Николаю и Коннопионерный эскадрон, действия которого М. И. Пущин ставил в зависимость от действий Измайловского полка. Отказ этих воинских частей от участия в восстании явился чувствительным ударом по плану восстания[150].

Узнав все это от Рылеева, Трубецкой поспешил к Сенату, но сенаторы уже присягнули Николаю и разъехались. Здание, перед которым должны были собраться войска, чтобы заставить Сенат принять свои условия, было пусто.

Таким образом, важнейшие элементы плана, от которых зависело развитие дальнейших событий, оставались невыполненными. Как отметил позднее Завалишин, «исполнение (хорошо задуманного плана. — *В. П.*) далеко не соответствовало его практическому достоинству»[151].

А с пяти часов утра начальник штаба Оболенский метался от одного полка к другому, стараясь выяснить обстановку, поторопить полки, но войск на площади все не было, дворец, крепость, Арсенал оставались незанятыми. Впрочем, сбор восставших полков именно на Сенатской площади теперь не имел смысла. Центр выступления должен был переместиться на Дворцовую площадь. Для успеха восстания требовалось занять Зимний дворец, арестовать или даже уничтожить царскую семью.

Рылеевым и другими руководителями восстания предпринимались меры к форсированию вывода войск на площадь, но этих мер оказалось недостаточно. Срыв самых ответственных элементов плана сделал для Трубецкого очевидным безнадежность восстания в целом. Как человек трезвого ума, с боевым опытом, он это понял, как, впрочем, и Булатов, раньше других. Около 9 часов утра он вызвал

---

149 Там же, с. 235—236.
150 Нечкина, т. 2, с. 265—267.
151 Завалишин Д. И. Записки декабриста, с. 189.

к себе Рылеева, с которым пришел и И. Пущин. О содержании их разговора мы узнаем из показаний Трубецкого, который дважды возвращался к нему. На вопрос И. Пущина: «Однако ж если что будет, то вы к нам придете <...>. Мы на вас надеемся» Трубецкой ответил: «<...> ничего не может быть, что ж может быть, если выйдет какая рота или две?»[152]. Нет оснований не доверять в этом случае показанию Трубецкого, видимо, подобный разговор состоялся. В таком случае обращает на себя внимание вопрос И. Пущина: выйдет ли к восставшим Трубецкой? Непонятный вопрос, если он адресован человеку, который должен был возглавить войска, обеспечить победу восстания. Сама его постановка: «Однако ж если что будет, то...» наводит на мысль, что речь шла не о выходе Трубецкого на площадь для непосредственного командования восставшими, а о дальнейших его действиях после победы. Как нам представляется, непосредственное руководство войском на площади должны были обеспечить помощники диктатора, и в первую очередь Булатов. Это предположение подтверждают действия Булатова. В письме-исповеди вел. кн. Михаилу Павловичу он подробно рассказал о своей причастности к событиям и особо подчеркнул, что 13 декабря «требовал, чтобы Рылеев сказал мне, как он распорядился (на 14 декабря.— *В. П.*) и много ли мы имеем силы»[153]. Такую информацию он получил. 13-го же вечером Булатов намеревался «в 7 часов князя Трубецкого и Рылеева вызвать к себе» для подтверждения намерения «действовать тогда, когда увидим пользу отечества»[154]. Роль, отведенная Булатову руководителями восстания, далеко выходила за рамки действия командира, которому дано только поручение привести на площадь полк гренадер. Скорее всего, Булатов, как нам кажется, должен был обеспечить успех восстания в целом, а последующие шаги по укреплению победы и организации новой политической власти вменялись уже Трубецкому.

Доводом в пользу того, что диктатору не предназначалась роль непосредственного командующего войсками на площади, может служить тот факт, что при почти аналогич-

---

[152] *ВД*, т. 1, с. 71.
[153] Довнар-Запольский М. В. Мемуары декабристов, с. 235.
[154] Там же, с. 233.

ной ситуации в октябре—ноябре 1825 г. на юге, когда возник план немедленного выступления, Пестель назначил главнокомандующим над войсками С. И. Муравьева-Апостола, оставив общее руководство всеми действиями за собой[155].

Дальнейшее развитие событий достаточно хорошо известно. Напомним только, что между приходом на площадь первого отряда восставших — части Московского полка и последнего отряда Гренадерского полка прошло более четырех часов. В течение этого времени, когда восставшие войска стойко отражали вначале увещевательные «атаки» Милорадовича, уговоры митрополитов и вел. кн. Михаила Павловича, а потом атаки конной гвардии, Трубецкого и его главного помощника Булатова на площади не было. Якубович на площадь пришел, но поступки его были настолько двусмысленными, что даже расценивались некоторыми декабристами как прямая измена. Так или иначе, но действовал он не в соответствии с планом и сам считал, что многим его поведение будет истолковано как измена[156].

Еще накануне восстания Булатов и Якубович сговорились между собой действовать по собственному плану, который сводился к тому, чтобы «выжидать», а главное, не дать Трубецкому «завладеть троном». Оба подозревали Трубецкого в бонапартизме и были полны решимости не дать ему узурпировать престол. Булатов собирался сам взять верховное командование, но только в том случае, если войск у восставших будет много[157].

Бездействие Булатова и Якубовича подорвало основы хорошо разработанного плана и оказалось роковым для восстания[158].

Безнадежность сложившейся обстановки, какой ее видел и понял Трубецкой после разговора с Рылеевым и И. Пущиным утром 14 декабря, сломила его. Невыполнение основных элементов плана было воспринято им как срыв всего восстания. Он был почти уверен, что все пройдет тихо. Почти... и все-таки мучительное беспокойство не оставляло его. В 9 часов утра Трубецкой, видя, что Сенатская пло-

---

155 Нечкина, т. 2, с. 203.

156 *ВД*, т. 2, с. 291; Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951, с. 65, 66, 69, 74.

157 Довнар-Запольский М. В. Мемуары декабристов, с. 233.

158 Гордин Я. А. Гибель полковника Булатова, с. 62—64.

щадь пуста, поспешил к Главному штабу. Почему именно туда, к Зимнему дворцу, который по плану должен был быть взят восставшими? Думается, что гипотеза, выдвинутая Н. Ф. Лавровым, о надежде Трубецкого на то, что войска пойдут на Дворцовую площадь, что Якубович все-таки выполнит свою задачу, не лишена основания[159].

Так как план с самого начала стал надламываться, подвергаться «на ходу» корректировке, Трубецкой мог думать, что центр восстания переместится на Дворцовую площадь. Скорее всего, у него после встречи с Рылеевым и Пущиным были для этого основания, так как разговор, несомненно, касался плана действия. Это тем очевиднее, что вследствие изменившейся ситуации Сенатская площадь теряла свое стратегическое значение для целей общества. При условии же захвата Зимнего дворца сбор войск на Сенатской площади лишь распылял силы восстания. Этим, по всей видимости, объясняется выбор Трубецким местом «выжидания» Главный штаб. Отсюда становится понятным, почему он был потрясен, когда увидел после часу дня на Сенатской площади «большое смятение», узнал, что Московский полк занял позицию около памятника Петру Великому и что Николай повел против восставших батальон Преображенского полка.

На первом допросе Трубецкой пытался уверить Николая, что отправился к Главному штабу, чтобы спросить, «когда мне надобно будет прийти к присяге»[160]. Это очевидная отговорка, желание скрыть за лояльным намерением далеко не безобидные действия. Что же касается его психологического состояния, то думается, что Трубецкой не был далек от истины, когда писал: «Меня убивала мысль, что я, может быть, мог предупредить кровопролитие»[161].

В представлении Трубецкого это был крах всех надежд. С ужасом он слышал вокруг разговоры о том, что

---

[159] Лавров Н. Ф. Диктатор 14 декабря, с. 206. Декабрист Н. А. Панов, посвященный в план восстания, повел лейб-гренадер во дворец именно в расчете на то, что восставшие, судя по времени, уже должны были его захватить, и лишь убедившись, что дворец занят правительственными войсками, поспешил вывести своих солдат и направился на Сенатскую площадь (Окунь С. Б. История СССР..., с. 464).

[160] *ВД*, т. 1, с. 6.

[161] Там же, с. 7.

происходило на Сенатской площади. Когда к трем часам у Сената собралось около трех тысяч восставших, они были уже в кольце 12 тысяч правительственных войск. Трубецкой не видел путей ни к победе, ни к спасению, но он ясно понимал, что «<...> я не только главный, но, может быть, единственный виновник всех бедствий оного дня и несчастной участи всех злополучных моих товарищей, которых я вовлек в ужаснейшее преступление и примером моим и словами моими»[162].

Почему Трубецкой не пришел к своим товарищам, чтобы разделить всю меру ответственности с одними и горькую участь со всеми? Думается, что этому было несколько причин, но главная заключалась в том, что он считал преступлением возглавить восстание, заранее обреченное, по его убеждению, на поражение. Разъяснять безнадежность того, что могло бы в этом случае произойти, было, как ему казалось, уже поздно. Одержала верх убежденность, что его приход воспринялся бы восставшими как сигнал к решительным действиям, и это привело бы только к еще большему и уже бессмысленному кровопролитию. Из этой, с точки зрения Трубецкого, безусловной, но объективно ошибочной посылки (позднее некоторые декабристы, например Розен[163], пришли к выводу, что положение восставших не было безнадежным, но это было позднее, когда они располагали сведениями о наличии и расстановке не только своих сил, но и сил противника и могли заняться анализом всех аспектов сложившейся ситуации, но в тот момент вряд ли все было для них достаточно ясным) складывался трагизм положения Трубецкого. Он стоял перед выбором: войти в каре, взять на себя руководство восстанием и тем самым, развязав кровопролитие, подвергнуть восставших, по его убеждению, неминуемому разгрому (ведь в этом случае организованное революционное вооруженное восстание расценивалось бы противной стороной совсем иначе и карательные меры правительства были бы губительными для всех участников выступления) или же войти в каре и обратиться к восставшим с призывом разойтись, добровольно сдаться на милость противника. В этом случае его действия могли иметь обратный ре-

---

162 См. наст. т., с. 102.

163 Розен А. Е. Записки декабриста, с. 70.

зультат: они квалифицировались бы как открытая измена, переход во враждебный лагерь, его просто подняли бы на штыки, заклеймив как предателя и ренегата. Ведь уговоры разойтись уже были, и даже пользовавшемуся большой популярностью в войсках боевому генералу Милорадовичу они стоили жизни, и не ему одному.

Сторонник бескровного восстания, идеалом которого была конституционная монархия, завоеванная по возможности мирным путем, Трубецкой не мог преодолеть ужаса перед необходимостью решительных действий без веры в победу. Вместе с тем он откровенно признавался, что, «один раз войдя уже в толпу мятежников, я при случае сделался бы истинным исчадием ада, каким-нибудь Робеспьером или Маратом»[164].

Воспринимал ли Трубецкой сложившуюся в те часы ситуацию как трагедию только для себя лично? Думается, что он не отделял себя от тех, кто оставался на площади. Более всего им владело чувство ответственности за все происшедшее, а главное, за судьбу «всех несчастных жертв моей надменности; ибо я могу почти утвердительно сказать, что если б я *с самого начала* (курсив мой. — *В. П.*) отказался участвовать, то никто б ничего не начал»[165]. Несомненно, речь идет о начале подготовки восстания после избрания Трубецкого диктатором, а не о самом восстании 14 декабря, в котором он практически не участвовал. Трудно сказать, действительно ли самоустранение Трубецкого от участия в заговоре могло бы сорвать в те дни саму идею организации восстания. По-видимому, Трубецкой именно так расценивал свои возможности в сложившейся тогда ситуации. Бесспорно, что и Рылеев считал Трубецкого ключевой фигурой в практической организации заговора. Скорее всего, Трубецкой, как старейший член тайного общества, один из признанных его руководителей, мог иметь серьезное влияние на членов Северного общества; вместе с тем, оставаясь в течение года вне Петербурга, он уже был лишен тех необходимых связей внутри столичной организации, которые были к тому времени в руках Рылеева. Без содействия последнего Трубецкой не решился, да и не смог бы предпринять каких-либо серьезных действий. Вдохновен-

---

[164] См. наст. т., с. 102.
[165] Там же.

ная энергия Рылеева, его решимость и организационный талант, помноженные на военный опыт Трубецкого, его авторитет руководителя тайного общества, наконец, его имя открывали возможность реализации заговора. Последовательность в осуществлении поставленной цели была присуща обоим руководителям вплоть до 14 декабря. Оба расценивали свою роль в организации восстания как главенствующую; оба признавали себя виновниками происшествия 14 декабря; оба считали, что могли бы остановить события. Вероятно, Трубецкой лишь на первом допросе отчетливо понял, что лично для него невыход на площадь мог явиться смягчающим вину обстоятельством.

Есть свидетельства, что первый залп по восставшим поверг Трубецкого в отчаяние. В полном смятении он повторял только одно: «О боже, вся эта кровь падет на мою голову!»[166] Трубецкой пережил не страх за себя (о боже, я погиб!), а ужас от сознания своей вины за начатое восстание, которое, по его мнению, было обречено, от сознания ответственности перед людьми, доверившимися ему.

Было ли его поведение изменой? Ряд видных советских историков отвечает на этот вопрос однозначно: да, Трубецкой изменил. Считают даже, что он изменил не только товарищам своим, но и самой идее. Справедливо ли это? Как расценивали его поведение сами участники событий? Из декабристов поступок Трубецкого назвал изменой на первом допросе Рылеев. Он показал: «Оржицкому действительно я поручил 14-го числа после происшествия на Сенатской площади съездить в Киев и, отыскав Сергея Муравьева-Апостола, сказать ему, что нам изменили Трубецкой и Якубович. *Это сделано было мною в волнении*»[167] (курсив мой.— *В. П.*). В дальнейших показаниях Рылеев ни разу не назвал поступок Трубецкого изменой. Скорее всего, уже в крепости, трезво оценив обстоятельства, он изменил свое мнение.

Некоторые декабристы, касаясь в своих воспоминаниях поведения Трубецкого 14 декабря, порицали сам поступок, но никогда не называли его изменой. Они объясняли его главным образом тем, что якобы он и сам не знал, почему не вышел на площадь (Розен), что он во-

---

[166] Лебцельтерн З. И. Екатерина Трубецкая, с. 185.
[167] *ВД*, т. 1, с. 164.

обще был нерешительным (Якушкин, Фонвизин), отличался мягким характером (Свистунов, Басаргин)[168].

Поскольку Якушкин знал Трубецкого ближе, лучше и дольше всех, остановимся на данной им характеристике Трубецкого. Но прежде отметим, что сам Якушкин не был очевидцем происшествия на Сенатской площади; о состоянии и поведении Трубецкого он мог судить только со слов других.

Подробно описывая подвиги Трубецкого во время Отечественной войны, Якушкин заметил, что «<...> при всей личной храбрости Трубецкой — самый нерешительный человек во всех важных случаях жизни, и потому не в его природе было взять на свою ответственность кровь, которая должна была пролиться, и все беспорядки, непременно следующие за пролитой кровью в столице. 14 декабря, узнавши, что Московский полк пришел на сборное место, диктатор совершенно потерялся, и, присягнувши на штабе Николаю Павловичу, он потом стоял с его свитой»[169]. Автор в своем повествовании допускает серьезные неточности: Трубецкой не присягал Николаю и не стоял в его свите. Значит, и о том, что «диктатор совершенно потерялся», Якушкин мог услышать от кого-то из участников событий. Высказывалось предположение, что Якушкин мог получить такую информацию о поведении Трубецкого от Оболенского и И. Пущина, с которыми позднее он отбывал ссылку в Ялуторовске. Но Оболенский как свидетель сразу же отпадает, так как он Трубецкого в день 14 декабря не видел. Пущин видел Трубецкого в последний раз около 9 часов утра и после того ничего о нем не знал. Откуда же могла возникнуть версия Якушкина?

Вспомним, что о замешательстве и растерянности Трубецкого, вызванных известием о выходе на площадь восставшего Московского полка, показал на первом допро-

---

[168] Розен А. Е. Записки декабриста, с. 70; Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Т. 2. Сочинения, с. 190—191; Свистунов П. Н. Несколько замечаний..., с. 1666; Неизданная рукопись декабриста Н. В. Басаргина. — Каторга и ссылка. М., 1925, с. 172.

[169] Якушкин, с. 157. М. А. Бестужев опровергает это утверждение: «В Записках декабристов (лондонское издание 1863 г. — *В. П.*) показано ложно о Трубецком, будто бы находившемся на площади в свите императора» (Воспоминания Бестужевых, с. 65).

се... сам Трубецкой[170]. Он сделал это, вероятно, с целью дать в тот момент иное направление ходу допроса, скрыть за внешним, наигранным состоянием растерянности свою истинную роль и свое отношение к событиям.

Не могло ли так случиться, что И. Пущину на допросе 16 декабря дали прочесть показание Трубецкого, как накануне познакомили Трубецкого с показанием Рылеева?[171] В пользу такого предположения говорит близость формулировок показания Трубецкого и рассказа Якушкина, записанного, очевидно, со слов И. Пущина. В этом случае обнаруживается источник версии о состоянии «диктатора» в день 14 декабря.

Д. Завалишин высказал мысль, что декабристы, выбирая диктатора, «недостаточно различали военную храбрость от политического мужества, редко совмещаемых даже в одном лице»[172]. Это замечание, остроумное по своей сути, так же, как и оценка Якушкина, не оказывается бесспорным в отношении Трубецкого. Тезис, что отвага не является гарантией политического мужества, по справедливости можно было бы отнести к человеку, не искушенному в политической борьбе, впервые оказавшемуся перед испытанием властью над людьми, ответственностью за жизнь других, впервые застигнутому сложной политической ситуацией, неожиданно поставленному перед необходимостью выбора ответственного решения. В отношении Трубецкого этого сказать нельзя. На войне он не раз доказал не только личную храбрость, но храбрость офицера, командира, который вел за собой солдат, следовательно, нес ответственность за их жизни, за судьбу сражения. Главное же, он не был новичком в политической борьбе, он готовил себя к ней. За его плечами были 10 лет профессиональной деятельности активного руководителя тайных обществ.

На протяжении всего времени существования конспиративных организаций Трубецкой не раз сталкивался с критическими обстоятельствами, перед которыми человек нерешительный и нетвердый в своих убеждениях отступил бы, потерял веру в себя и других, отошел бы от борьбы, как это было в сложной ситуации распада

---

170 *ВД*, т. 1, с. 6—7.
171 См. наст. т., с. 253.
172 Завалишин Д. И. Записки декабриста, с. 184.

конспиративных организаций, когда старые, казалось бы, испытанные товарищи порывали с обществом, испуганные «полевением» программы. Трубецкой неизменно становился в ряды возрождавшихся организаций, был всегда в числе активно действующих членов. В период жарких споров внутри тайных организаций Трубецкой вел последовательную борьбу за свои убеждения, отстаивал их, агитируя, вербуя сторонников. Можно вспомнить опасную ситуацию на юге в августе 1825 г., вызванную доносом Бошняка, следствием чего мог быть провал организации, разоблачение и арест ее членов; или ситуацию с доносом Я. Ростовцева. Ни тогда, ни после Трубецкой не растерялся, не отступил, а продолжал действовать. В Петербурге, в период подготовки восстания, сама обстановка, сложная в силу быстро развивавшихся событий, для Трубецкого чрезвычайно усугублялась тем, что он только что вернулся в столицу после длительного отсутствия и как бы заново входил в жизнь Северного общества. В Киеве для него были живо ощутимы силы и организованность южан, наличие среди тамошних членов общества опытных боевых командиров в лице Пестеля, Волконского, С. Муравьева-Апостола, Артамона Муравьева и др. В руках этих военачальников были преданные им значительные воинские соединения. В Петербурге среди членов Северного общества не было столь крупных командиров, способных увлечь за собой целые полки. Не было и влияния тайного общества в войсках, равного влиянию его на юге. Трубецкой нашел общество сильно обновленным, но насколько качественным было это обновление и влиятельным в воинских частях, он мог судить только по словам руководителей: Рылеева, Оболенского, Бестужевых. Для Трубецкого безусловно тревожащим обстоятельством было отсутствие в рядах Северного общества испытанных друзей-соратников, с которыми его связывали годы совместной деятельности, которые пользовались авторитетом в войсках. Одни из них порвали с обществом (братья Шиповы, Лопухин, Долгоруков, Кавелин, Годейн), другие были вне столицы (Орлов, Фонвизин, Лунин, Н. Муравьев, Тургенев, Якушкин). Из «стариков» рядом были только Оболенский и И. Пущин, приехавший за неделю до событий. Рылеева он знал, скорее, заочно. Таким образом, вокруг были новые для него люди, многих из которых он узнал

только накануне восстания (Якубович, Каховский, Булатов, Н. Бестужев). И это при его осторожности в выборе единомышленников и тем более помощников.

Позиция Трубецкого в сложных условиях, предшествовавших дню восстания, не свидетельствует о его неуверенности. Наоборот, он проявил твердость и присутствие духа, избрав для себя путь решительных действий, признав обязательным воспользоваться обстоятельствами, сделать все, что возможно, для достижения цели. Однако в день восстания Трубецкой, потеряв веру в возможность победы из-за срыва основных мероприятий, намеченных планом, на площадь не вышел. Неуверенность, отчаяние от рухнувших надежд, чувство ответственности и вины перед теми, кто вышел на площадь, и прежде всего перед своими товарищами, сломили его. Объективно неявка Трубецкого на Сенатскую площадь нанесла восстанию невосполнимый урон. Приведенные же ранее доводы относительно мотивов его поведения в значительной степени объясняют характер владевших им импульсов в день 14 декабря. Учет этих соображений позволяет, на наш взгляд, разобраться в поступках и позиции Трубецкого, в чем-то понять и оправдать его и уж во всяком случае снять с него незаслуженное клеймо изменника.

Итак, восстание подавлено, попытка декабристов с оружием в руках свергнуть самодержавие потерпела поражение. Начались аресты и допросы. Трубецкой был арестован утром 15 декабря на квартире австрийского посла А. Лебцельтерна, куда накануне вечером переехала к сестре Е. И. Трубецкая.

Первый допрос у Николая I продолжался около четырех часов. До того были уже арестованы и дали показания 17 человек. Об обстановке допросов известно из позднейшего описания самого подследственного. Сверив рассказ Трубецкого с воспоминаниями других декабристов, можно заключить, что он правильно изобразил встречу с Николаем. Судя по тому, что в руках царя были уже улики против Трубецкого[173], можно предста-

[173] При обыске на квартире Трубецкого были изъяты конспект Манифеста к русскому народу и проект Конституции Н. Муравьева. Уже ночью 14 декабря Рылеев на первом допросе поименовал его в числе руководителей, указав, что он «может пояснить и назвать главных из Южного общества» (*ВД*, т. 1, с. 152).

вить, что допрос действительно был для последнего крайне тяжелым.

Жестокая, унизительная для Трубецкого характеристика его как политического предателя родилась в ходе следствия и впервые была пущена в ход не кем иным, как Николаем, стремившимся прежде всего к его нравственной, моральной дискредитации. Опорочить в глазах общества, показать ничтожным того, кто пользовался уважением, дать ход ложным слухам как о характере восстания, так и о его руководителях, отомстить за тот животный страх, который восставшие заставили пережить его в день 14 декабря! Серьезные опасения вызывали и возможные отклики на события внутри России в Западной Европе. За все это царь преследовал декабристов до конца своих дней.

Трубецкому он сохранил жизнь не по «милосердию», как это в течение следствия казалось самому Трубецкому, и не из-за каких-либо гуманных соображений и уж вовсе не потому, что Трубецкой просил его о пощаде (к этому вернемся ниже). В первый момент, еще не оправившись полностью от страха и волнений, не имея твердой уверенности в безопасности трона и семьи, Николай опрометчиво продиктовал Трубецкому письмо к жене, в котором дал гарантию сохранить ему жизнь. Позднее отказаться от царского слова было невозможно. Царь опасался, что злополучное письмо получило распространение. И только ли в России? Дело было сложным. Дипломатическим представителям европейских государств, в частности наиболее доверенному лицу Николая I среди дипломатов — французскому послу графу Ла Ферронэ, хорошо был известен салон графини А. Г. Лаваль, где бывал весь высший свет Петербурга. Посол Австрии А. Лебцельтерн, доверенное лицо канцлера Меттерниха, был ее зятем, как и декабрист Трубецкой. В среде дипломатов последний был хорошо известен. Не напрасно Ф. Булгарин в доносе III Отделению бросил тень на связь декабристов с австрийским правительством через Трубецкого и Корниловича. Он же назвал салон Лаваль в числе трех столичных салонов, имевших политический характер, где «исключительно собирался дипломатический корпус и русские были впускаемы в общество с предва-

рительными исследованиями, как будто в масонию»[174]. Богатство, обширные связи Лавалей с парижскими салонами легитимистов, высшим светом и представителями двора во Франции; связи с европейскими дипломатами в Петербурге; их салон, где постоянно бывали выдающиеся писатели, журналисты, политические и государственные деятели России и других стран; влияние, оказываемое салоном на некоторые столичные газеты, и через них связь с зарубежной прессой; многочисленное титулованное родство Лавалей и Трубецкого в России, способное влиять на общественное мнение внутри столицы и за ее пределами, — все это вынуждало Николая играть в отношении Трубецкого роль «милосердного» монарха. Маркиз А. Кюстин, посетивший Россию в 1839 г., высказал мысль, что правительство и Николай, «может быть, боялись друзей Трубецкого, людей влиятельных и знатных. Как ни обессилена здесь аристократия, она все же сохраняет тень независимости, и этой тени достаточно, чтобы внушить страх деспотизму»[175]. И это писалось и оставалось жизненным спустя 13 лет после восстания.

Если Трубецкой не увеличил собой число казненных, то в значительной мере это можно объяснить и опасением правительства поставить во главе революционного заговора одно из крупнейших имен русской знати. Судьба Трубецкого была предрешена Николаем на первом же допросе, 15 декабря, когда царь велел Трубецкому написать жене: «Я жив и здоров *буду*» (курсив оригинала). Внешнеполитические и престижные соображения вынуждали Николая сдержать слово, но вызывали острую злобу, рождали мстительность, утолить которые царь в полной мере мог, прибегая к оговору, унижению врага.

Свое первое показание Трубецкой строит очень осторожно, стараясь свести его к второстепенным подробностям, более ссылаясь на показания Рылеева, с которыми его познакомил ген. Толь, проводивший первые допросы. В дополнение к первому показанию под нажимом до-

---

[174] Цит. по: Щеголев П. Е. Декабристы. М.; Л., 1926, с. 301.

[175] Кюстин А. Николаевская Россия. М., 1930, с. 187—188. М. Фонвизин так отозвался о записках Кюстина: «Среди множества вздорных анекдотов <...> он очень многое угадал и представил верно» (Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Т. 1. Дневник и письма, с. 317).

прашивающих Трубецкой вынужден был говорить более подробно, хотя также уклончиво[176]. Относительно его письменного показания существует мнение, что оно резко расходится с позднейшим пересказом в Записках[177]. Здесь необходимо внести некоторое пояснение. Дело в том, что при издании следственного дела Трубецкого его первое письменное показание было необоснованно «укорочено», то есть одна его часть представлена документом под № 3, а другая — как самостоятельный документ, не связанный с предыдущим, — под № 4. На самом деле эти два документа являются единым целым и связаны общей нумерацией листов, о чем свидетельствует и внутренняя опись документов в деле, где документ № 4 точно обозначен как дополнение к показанию Трубецкого 15 декабря[178]. С учетом этой поправки можно «дорисовать» некоторые подробности допроса: после того как Трубецкой подал ген. Толю свое показание и тот передал его Николаю, у последнего «оно вызвало негодование», как пишет позднее Трубецкой. «Эк! что на себя нагородили, а того, что надобно, не сказали»[179]. Не того ждал Николай, и гнев его понятен. Очевидно, посыпались новые обличения, в результате чего Трубецкой тогда же написал дополнительное показание, в котором вынужден был рассказать о тайном обществе и своем в нем участии. Об этом он и написал позднее в Записках. Таким образом, расхождения между показанием Трубецкого и его позднейшим изложением нет.

В первом показании Трубецкого есть одна деталь, которую рассматривали как доказательство просьбы Трубецкого о помиловании. Но прежде обратимся к некоторым другим свидетельствам, связанным с этим. Как известно, Николай в 4-й части своих записок, составленных спустя 23 года после упоминаемых в них событий, описал сцену допроса Трубецкого, который, в передаче Николая, вначале все отрицал, но после того, как ему был предъявлен уличающий его Манифест к русскому народу, «<...> как громом пораженный упал к моим ногам в самом постыд-

---

[176] *ВД*, т. 1, с. 6—7.

[177] Дружинин Н. М. С. Трубецкой как мемуарист. — В кн.: Декабристы и их время, т. 2, с. 34—35.

[178] *ВД*, т. 1, с. 3, 6—7, 9—10.

[179] См. наст. т., с. 255.

ном виде»[180]. В Записках Трубецкого об этой сцене нет ни слова, но в показании его говорится, что если обнаружится тайное общество в 4-м корпусе (он это отрицал), то «<...> предаю себя совершенно гневу моего монарха и *уже более* (курсив мой. — *В. П.*) просить помилования не осмелюсь» [181]. Вот это «уже» и считали доказательством просьбы Трубецкого о помиловании. Вернемся к утверждению Николая, что Трубецкой был «как громом пораженный». Оно лишено логики. От чего Трубецкому приходить в состояние сильнейшего шока? Он написал Манифест всего днем раньше, забыть о нем никак не мог, отлично знал, что наиболее обличающий его документ находится в его бумагах, понимал, что арест неминуемо будет сопровождаться обыском, и потому был, безусловно, внутренне готов к тому, что документ будет найден. Далее, в письме Константину, посланном непосредственно после допроса, Николай ни о каком «падении» Трубецкого и не упоминает, а сообщает лишь, что предъявление Трубецкому чернового наброска Манифеста (Николай назвал «Конституции». — *В. П.*) «побудило его признаться во всем»[182]. Это соответствует истине, так как Трубецкой действительно признался в своей принадлежности к тайному обществу.

Помимо Николая есть еще два «свидетеля» «падения» Трубецкого. Это ген. Толь и вел. кн. Михаил Павлович. Рассказ последнего передан в изложении М. А. Корфа спустя 22 года после событий. Известно, что Корф писал по заданию Николая и только то, что нужно было царю. В его пересказе значится следующее: «Когда великий князь вошел к государю <...>, была уже поздняя ночь, и здесь представилось ему неожиданное зрелище: перед государем стоял и в ту минуту упадал на колени, моля о своей жизни, известный князь Трубецкой»[183]. В Записках Трубецкого этот эпизод описан совсем иначе: «Пока я писал, вошел Михаил Павлович и подошел ко мне, по-

---

[180] Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926, с. 30.

[181] *ВД*, т. 1, с. 7.

[182] Междуцарствие..., с. 146.

[183] Воспоминание вел. кн. Михаила Павловича о событиях 14 декабря 1825 года. — Минувшие годы, 1908, т. 10, с. 47.

стоял против меня, и я — против него не более минуты, и он отошел» [184].

Рассказ Трубецкого не содержит какой бы то ни было нарочитости, желания в чем-то непременно убедить. В описании Корфа — другое: неожиданность «зрелища» подчеркивается (стоял... упадал... моля — именно в ту самую минуту, когда вошел Михаил!). Автор настойчиво стремится навязать свою версию.

О «падении» Трубецкого дважды упомянул Толь: в журнале о декабрьских событиях 1825 года за 22 декабря и в предписании того же числа капитану Сотникову. В журнале Толь указал, что Трубецкой, «пав к стопам», просил помилования, а в предписании — что он, «пав к стопам», сознался во всем. Это далеко не одно и то же. В данном случае запись Толя, скорее всего, сделана с учетом рассказа Николая, тем более что в журнале эта запись носит следы более позднего происхождения, чем основной текст[185]. Видимо, Толю важно было подтвердить версию царя.

Эти «свидетельства» достаточно противоречивы и уязвимы. Остается теперь вернуться к показанию самого Трубецкого и его фразе «уже более просить помилования не осмелюсь». Самое, пожалуй, существенное свидетельство — письмо Трубецкого Татищеву от 25 декабря 1825 г., где говорится: «<...> я начал письмо на имя его императорского величества *не с тем, чтоб просить пощады* (курсив мой. — *В. П.*) в предстоящем мне и заслуженном мною справедливом наказании»[186]. Если бы он уже просил о пощаде, о чем писал царь, да еще при свидетелях, вряд ли Трубецкой осмелился бы так прямо отрицать факт, ведь это немало компрометировало бы и царя. Логичнее представить себе, что Трубецкой и не подозревал, в каком виде его выставил Николай, иначе он не писал бы ему вообще, и уже во всяком случае не в таком смысле.

В 1935 г. Н. Ф. Лавров обратил внимание на то, что слухи о «падении» Трубецкого и его просьбах о пощаде имеют один источник — дворец[187]. Ту же мысль об офи-

---

[184] См. наст. т., с. 255.

[185] Впервые на это обратил внимание Н. Ф. Лавров (см. его: Диктатор 14 декабря, с. 215—216).

[186] *ВД*, т. 1, с. 12.

[187] Лавров Н. Ф. Диктатор 14 декабря, с. 209.

циальном русском источнике слухов, распространявшихся за границей, о декабрьских событиях высказал и А. Н. Шебунин. В частности, рассказ об унижении Трубецкого перед царем, «очень популярный в европейской прессе вообще»[188]. Е. И. Якушкин прямо писал: «Про Трубецкого сочинили несколько возмутительных рассказов, но когда-нибудь откроется, что в них нет ни слова правды»[189]. Сам С. П. Трубецкой 14 мая 1842 г. писал З. И. Лебцельтерн, находившейся в это время в Петербурге (письмо было отправлено тайно, в обход начальства): «Уверен, что все дурное, что вы слышали про меня во время судебного разбирательства или после него, возбуждало в вас жалость, но не изменило ваших чувств ко мне. Знаю, что много клеветы было вылито на меня, но не могу оправдываться. Я слишком много пережил, чтоб желать чьего-либо оправдания, кроме оправдания господа нашего Иисуса Христа»[190].

Единственным источником иностранных сочинений было Донесение Следственной комиссии, к которому прибавлялись различные домыслы. Большая часть их была пущена в оборот еще в 1826 г. Доказательством того, что Трубецкой был опасен Николаю и что распространение нужных правительству слухов являлось политической акцией, может служить письмо Николая Константину от 28 января 1826 г. в ответ на письмо последнего от 22 декабря 1825 г., в котором сказано: «Донесение о петербургских событиях <...> я прочел с живейшим интересом и с самым серьезным вниманием. <...> внимание мое остановилось на одном замечательном обстоятельстве, которое поразило мой ум: список арестованных содержит только имена лиц до того неизвестных, до того незначительных самих по себе и по тому влиянию, которое они могут иметь, что я вижу в них только передовых охотников. <...> нужно разыскивать подстрекателей и руководителей»[191]. «Я считаю нужным не только не скрывать их (слухов о петербургских событиях. — *В. П.)*, но даже, наоборот, придавать им возможно больше огласки, так

---

[188] Шебунин А. Н. Движение декабристов в освещении иностранной публицистики. — В кн.: Бунт декабристов, с. 301.

[189] Декабристы на поселении, с. 54.

[190] Кологривов И. Княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая, т. 62, с. 254.

[191] Междуцарствие..., с. 167.

как тем или другим образом все будет известно»[192]. На это Николай отвечал: «Я счастлив, что предугадал ваше намерение дать возможно большую гласность делу; я думаю, что это и *долг и хорошая и мудрая политика* (курсив оригинала). Счастлив я также, что я оказался одного с вами мнения, что все арестованные в первый день, *кроме Трубецкого* (курсив оригинала), только застрельщики»[193].

После первого допроса Трубецкого отправили в Петропавловскую крепость. Коменданту Сукину Николай послал записку: «Трубецкого, при сем посылаемого, посадить в Алексеевский равелин. За ним всех строже смотреть, особенно не позволять никуда выходить и ни с кем не видеться»[194]. Его поместили в камеру № 7; в № 6 сидел Д. А. Щепин-Ростовский; в № 8 — с 15 декабря М. К. Кюхельбекер, а с 21 января — Сергей Муравьев-Апостол[195].

17 декабря начал свои заседания Тайный комитет для изыскания соучастников возникшего злоумышленного общества, позднее переименованный в Следственный комитет.

22 декабря Комитет рассмотрел специально составленные проекты допросов Трубецкого, Рылеева и Якубовича и вынес решение в следующем заседании «начать допросы сим лицам, но предварительно сделать им увещание посредством священника»[196].

23 декабря «допрашиван князь Трубецкой, который на данные ему вопросы при всем настоянии членов дал ответы неудовлетворительные, положили: передопросить его, составя вопросы против замеченных недостатков, неясностей и разноречий»[197]. Это был чрезвычайно трудный, мучительный для него допрос. «<...> я видел, что на меня взирали, как на ожесточенного в сердце преступника, как на злобного какого изверга. Я видел, что мне ни в чем не хотят верить <...>, что единственно ищут уло-

---

[192] Там же, с. 168.
[193] Там же, с. 169.
[194] Щеголев П. Е. Николай I и декабристы, с. 7.
[195] *ЦГИА*, ф. 1280, оп. 8, д. 664, с. 108—110; оп. 5, д. 13, л. 80.
[196] *ЦГАОР*, ф. 48, оп. 1, д. 26, л. 16.
[197] Там же, л. 17—18.

вить меня в чем-либо для большего посрамления меня»[198]. Достоверность позднейших записей Трубецкого об угрозах применения к нему насильственных мер воздействия после допроса 23 декабря подтверждается тем, что «неприятные» меры действительно не заставили себя ждать: Трубецкому объявили о лишении его права переписки с женой. Николай, читавший переписку Трубецких[199], прекрасно понимал, какое огромное значение имела она для обоих. Екатерине Ивановне письма мужа давали силу жить; Трубецкой, страдая сам, еще более страшился за жену. Лишение переписки являлось изощренной нравственной пыткой, на воздействии которой строил свои расчеты Николай.

24 декабря вечером Трубецкого подвергли новому допросу. Однако теперь члены Комитета изменили свою тактику грубого натиска и постарались проявить к нему «участие», «сожаление». Сведений об этом допросе нет ни в следственном деле Трубецкого, ни в журналах заседаний Комитета. Только из письма Татищеву от 25 декабря[200] и Записок видно, что такой допрос состоялся, но, по-видимому, он также не дал следствию ожидаемого результата. Измученный допросами, ослабленный болезнью, подавленный ощущением полной изоляции от внешнего мира, запрещением переписки с женой, Трубецкой вместе с тем не сомневался более в том, что следствию известно об обществе и его членах если не все, то очень многое.

После 24 декабря Трубецкой, не дожидаясь очередного потока вопросов следствия, решил составить правдоподобное показание и тем самым получить передышку, постараться сохранить за собой инициативу и получить снова право переписки с женой. 25 декабря он решил написать «покаянное» письмо Татищеву, но не отослал его. На наш взгляд, оно является не чем иным, как тактической уловкой. Понимая всю серьезность своего положения, уточняя в ходе допросов степень осведомленности Комитета, он решал, что можно утаивать и дальше, а что утаивать уже бессмысленно. От его искусства маневрирования зависел вопрос жизни и смерти. В целях самозащиты он избрал отныне линией поведения оправдательный тон: подчеркивание своего раскаяния, искренности, не-

---

198 *ВД*, т. 1, с. 11.
199 См. наст. т., с. 330.
200 *ВД*, т. 1, с. 11—13.

решительности, страха, чувства благодарности «за милости» и т. п.

В тот же вечер он неожиданно получил письмо от жены, в котором она просила его проявить благоразумие и напрасным запирательством не губить ни себя, ни ее: «<...> хотят, чтоб ты признался в таких вещах, которые уже знают и без тебя»[201]. Трубецкой еще более утвердился в возможности выиграть в борьбе за жизнь, создав видимость полного раскаяния и искренности. В дополнение к первому письму он написал второе, затем записку-показание[202], к которой приложил «список членам, бывшим и состоящим в обществе».

Все подготовленные в течение двух дней документы Трубецкой отправил 27 декабря Татищеву. Они были рассмотрены в тот же день. В журнале заседания записано: «Слушали: дополнительное показание князя Трубецкого с присовокуплением изложения истории общества, различных его отраслей и списки членов. Положили: а) Список сообразить со сведениями о тех лицах, кои уже взяты и за коими послано взять и представить; б) Во уважение полного и чистосердечного показания князя Трубецкого насчет состава и цели общества позволить ему весть переписку с его женою, на что спросить высочайшего позволения. Исполнено 28 декабря»[203].

Таким образом, Трубецкому удалось убедить Комитет в «полном и чистосердечном признании». Но так ли на самом деле его признания были полными и дали ли они действительно новый материал следствию по существу дела? При внимательном рассмотрении и сопоставлении его показаний с имевшимися к тому времени в руках Следственного комитета сведениями становится очевидным, что в подавляющем большинстве случаев они оказываются материалом вторичным, уже известным, и свидетельствуют об уловках, приемах защиты, а не о намерении «говорить истину во всей ее полноте». Трубецкой об очень многом или совсем умолчал, или сообщил сбивчиво, уклончиво. Ничего не было сказано об уставах тайных обществ, «Зеленой книге» и изложенной в ней «сокровенной» цели Союза благоденствия: освобождении крестьян и

---

[201] См. наст. т., с. 336.
[202] *ВД*, т. 1, с. 44—46; наст. т., с. 82—102.
[203] *ЦГАОР*, ф. 48, оп. 1, д. 26, л. 28.

введении в России конституционного правления; о деятельности Коренного союза и побочных управ (он упомянул лишь о Тамбовской и Нижегородской управах, так как пришлось отвечать на прямо заданный вопрос о внешних думах). Ни единого слова не сказал он о Конституции Н. М. Муравьева, очень уклончиво сообщил о «Русской правде» Пестеля. В дополнительной части своих показаний о возрождении общества в 1823 г. и плане восстания 14 декабря он также держался на позиции самых сбивчивых свидетельств, в которых за «велеречивостью» и всякими второстепенными подробностями и заверениями в искренности ничего не говорилось о фактическом плане действий, а лишь о самом первоначальном намерении вывести полки за город и «ожидать, какие будут приняты меры от правительства»[204]. О дальнейшей доработке плана и его окончательном варианте с занятием Зимнего дворца, крепости, Арсенала и других правительственных учреждений, а также об аресте, а при необходимости и об уничтожении царской семьи он даже не упоминал вплоть до очной ставки с Рылеевым 6 мая 1826 г., на которой признал справедливыми показания на него Рылеева. Все подробности плана удалось реконструировать советским историкам только после тщательного изучения, сличения и сопоставления показаний многих декабристов[205]. Одно это уже говорит о степени «полноты» и «чистосердечности» показаний Трубецкого. Что касается списка членов тайного общества, представленного Трубецким, то и он не являлся основой (как предполагается до сих пор) для подготовки следствием общего списка заговорщиков, хотя и был все же излишне откровенным.

Составляя список, Трубецкой, конечно, не мог знать, какими и насколько полными сведениями располагало правительство о членах тайного общества. Однако заметно, что он руководствовался при этом определенными соображениями. Позднее Трубецкой записал: «<...> я не хотел иметь возможность упрекать себя, что я кого бы то ни было назвал»[206]. Он назвал многих, и все же... Его

---

[204] *ВД*, т. 1, с. 36.

[205] Нечкина, т. 2, с. 226—254; Окунь С. Б. История СССР... с. 460—465; Пресняков А. В. 14 декабря 1825 г. М.; Л., 1926, с. 90—111; Лавров Н. Ф. Диктатор 14 декабря, с. 196—204.

[206] См. наст. т., с. 254.

заявление не лицемерие; он не выдавал всех очертя голову. Зная степень причастности каждого к деятельности тайных организаций, Трубецкой мог предположить, что за давностью лет, краткостью пребывания и незначительностью роли отдельных членов им не будет грозить наказание. Так, из 72 человек, включенных им в список, более половины охарактеризованы как «отошедшие от дел общества» (формулировки у него разные, но суть их одна). В списке значатся также 27 человек, о которых он точно знал, что они уже известны Комитету: это, во-первых, те, кого он видел в числе арестованных, приводимых при нем 15 декабря на допрос к ген. Толю или уводимых от него[207]; во-вторых, те, которых назвал при первом допросе 14 декабря Рылеев (показание последнего Трубецкому дали прочесть). Кроме того, 17 декабря во время допроса у Левашова о Южном обществе он, «к удивлению, увидел, что известен весь состав и все лица»[208]; 13 членов Южного общества значатся в его списке.

По характеру задаваемых вопросов можно было догадываться об осведомленности правительства о том или другом члене. Это видно на примере с Луниным и Якушкиным. Лунин уже после второго допроса 18 апреля 1826 г. понял, что «все лица, принадлежавшие к обществу, так и действия их уже совершенно известны Комитету»[209]. Якушкин вспоминал: «Кроме тех лиц, которых *мне называл Комитет* (курсив мой. — *В. П.*), мне бы пришлось назвать очень немногих»[210].

Обращают на себя внимание и совпадения в показаниях декабристов, содержавшихся в Алексеевском равелине (Трубецкого, А. Бестужева, Оболенского, Рылеева), допросы которых шли один за другим между 17 и 26 декабря. Не играла ли тут некоторую роль взаимная информация о ходе допросов или информация, получаемая извне? Полностью исключить этого нельзя. Н. Бестужев, например, пишет, что мог судить о поведении и показаниях Рылеева из сообщений, «которые до меня доходили»[211]. Оболенский отмечает, что от Рылеева «первая весть

---

207 Там же, с. 255.
208 Там же, с. 257.
209 *ВД*, т. 3, с. 418.
210 Якушкин, с. 74.
211 Воспоминания Бестужевых, с. 38.

получена была 21 января»[212]. Какие-то известия «с воли» доходили и до Трубецкого, о чем можно судить по письму к нему жены от 25 декабря[213] и некоторым глухим его намекам в письмах к Екатерине Ивановне.

Для Комитета источником составления сводных списков участников заговора, начиная с 17 декабря, судя по лицам, упоминавшимся в письмах Николая и Константина, служили доклад и записка И. И. Дибича от 4 декабря 1825 г., составленные по доносам И. В. Шервуда, А. И. Майбороды; донос М. К. Грибовского; показания арестованных к тому времени декабристов.

Если список, поданный Трубецким в Комитет 27 декабря, «сообразить» со сведениями о тех, которые уже были к этому времени арестованы и за которыми были посланы жандармы, то обнаруживается, что Трубецкой представил в нем, с одной стороны, лиц, порвавших с обществом и не замешанных в событиях 14 декабря, с другой — лиц, уже известных правительству. Таким образом, список, представленный Трубецким, в конечном счете не имел первостепенного значения; в некоторых случаях упоминание отдельных лиц являлось лишь подтверждением уже существовавших подозрений. Исключение составили тамбовский помещик Левин и В. И. Белавин, указанные только Трубецким в числе лиц, давно отставших от общества; арестованы они не были.

Как видим, расчеты Трубецкого не были лишены основания. Так, в письме Николая Константину от 27 апреля 1826 г. говорилось: «По окончании следствия мы по установленному порядку приступим к суду, отделив виновных и изобличенных в государственном преступлении от тех, которые не ведали, что творили, а также от тех, которые вышли из общества до 1821 г.»[214]

Положение Трубецкого было трудным, поскольку к нему, как к старейшему члену и руководителю тайных обществ и организатору восстания 14 декабря, было приковано особенно пристальное внимание Следственного комитета: он знал несравненно больше, чем рядовые члены

---

[212] Воспоминания князя Е. П. Оболенского. — В кн.: Общественные движения в России в первую половину XIX века. СПб, 1905, т. 1, с. 250.

[213] См. наст. т., с. 335.

[214] Междуцарствие..., с. 193.

организации, его допрашивали с большим пристрастием. Он напряженно искал выход. Представляя свои «добровольные» показания и список, он надеялся, что не открывает следствию ничего нового, поскольку большая часть из названных им товарищей или уже находилась во власти следствия, или не играла для дальнейшего его хода существенной роли. Обратим внимание, что и Якушкин руководствовался теми же соображениями: «<...> назвавши этих немногих, я не подвергал бы почти никакой опасности, потому что одни из них были за границей, другие слишком мало принимали участия в делах общества. <...> я старался уверить себя, что, назвавши известных мне членов тайного общества, я никому не могу повредить, но многим могу быть полезен своими показаниями»[215]. Не без оснований Константин в начале января 1826 г. предупреждал Николая: «<...> пожалуйста, не торопитесь и не слишком верьте признаниям и раскаяниям после происшествия, которые обыкновенно делают только, чтоб затянуть дело и выиграть время»[216]. Показания Трубецкого близки к истине, но составляют, как нам кажется, наименее опасную ее часть и наиболее известную следствию. Покаянный же их тон давал Николаю в руки дополнительное средство для морального уничтожения Трубецкого. Общая окраска показаний последнего позволяла царю добавить в нее нужные ему оттенки, вроде сомнительных россказней об унижениях, падениях, молениях и т. п. Однако совершенно справедливо заметила М. В. Нечкина, что «на основе только одних этих покаянных срывов нельзя судить о стойкости их (декабристов вообще. — *В. П.)* идеологии»[217]. Это в полной мере можно отнести и к Трубецкому.

Для него следствие было особенно мучительным в связи с тем, что судьями его были вчерашние друзья, приятели, добрые знакомые, родственники, с которыми он постоянно встречался в свете, уважением которых пользовался, которые считали за честь бывать в его доме, а теперь перед этими людьми ему нужно было изобретательно изворачиваться, прикрывать правду «искренней» неправдой или полуправдой. Но он добровольно избрал

---

[215] Якушкин, с. 74.
[216] Междуцарствие... с. 178.
[217] Нечкина, т. 2, с. 400.

себе такую линию поведения, так как не сумел найти другой, считая, что любая иная ввергнет его в еще большие беды. Перед лицом смертельной опасности, грозящей погубить не только его самого, но — и это было ему особенно нестерпимо — горячо любимую жену, вверившуюся ему безраздельно, он старался вести до конца избранную роль, но это давалось нелегко. Недаром Екатерина Ивановна почти в каждом письме умоляла мужа об одном: не отчаиваться! Молила бога о том, чтобы он дал ему душевные силы. Поводы для отчаяния у него, несомненно, были.

В воспоминаниях многих декабристов рассказывается об условиях, в которых содержались узники, о мерах воздействия на них следствия. Н. В. Басаргин писал: «Сознаюсь откровенно, что в продолжение первых двух недель моего заключения я так ослаб нравственно, так упал духом, что до сих пор благодарю бога, что меня в это время не звали в Комитет. Не мудрено, что, будучи в этом состоянии, я легко бы сделал такие показания, которые бы тревожили и теперь мою совесть. Это нравственная пытка более жестокая, более разрушительная для человека, нежели пытка телесная»[218]. Н. М. Муравьев писал, что к узникам применяли все средства, чтобы держать их в состоянии постоянного волнения, психического раздражения, чтобы не дать им сосредоточиться, собраться с мыслями. На допросах члены Следственного комитета «предлагали вопросы на жизнь и на смерть: требовали ответов мгновенных и обстоятельных <...>, вымышлялись показания, <...> увлеченные своим рвением, прибегали к угрозам и поношениям, чтобы вынудить признания или показания на других <...>. Священник смущал дух его, дабы исторгнуть и огласить исповедь»[219]. М. Бестужев так описывал обстановку допросов: «<...> нас как собак уськали и травили друг на друга. Заставляя оправдываться в небылицах, ловили каждое необдуманное слово, всякое необдуманное выражение и, ухватясь за него, путали, как в тенета, новую жертву»[220]. Н. Бестужев отмечал: «Комитет употреблял все непозволительные средства: вначале обещая и прощение; впослед-

---

[218] Басаргин Н. В. Записки. Пг., 1917, с. 49.
[219] К истории декабристов. Никита Муравьев и М. Лунин. Разбор Донесения Следственной комиссии. М., 1906, с. 13.
[220] Воспоминания Бестужевых, с. 111.

ствии, когда все было открыто и когда не для чего было щадить подсудимых, присовокупились угрозы, даже стращали пыткою. Комитет налагал дань на родственные связи, на дружбу; все хитрости и подлоги были употреблены». И далее: «<...> в Алексеевском равелине <...> тайна и молчание, <...> подслушиванье и надзор не отступают ни на минуту от несчастных жертв, заживо туда похороненных»[221]. Е. Оболенский свидетельствовал о том же: «Особый часовой стоял на страже у моих дверей. Немая прислуга, немые приставники, все покрывалось мраком неизвестности»[222].

Такова была обстановка, в которой давал свои показания и Трубецкой. К нему в полной мере могут быть применены приведенные выше слова Н. Басаргина, с той только разницей, что перерывов между допросами у него в то время практически не было.

Следствие над декабристами закончилось 17 июня 1826 г. 12 июля был объявлен приговор. Осужденные по первому разряду, к которому был отнесен Трубецкой, подлежали смертной казни отсечением головы, но при конфирмации приговора Николай I заменил смертную казнь пожизненной каторгой[223].

В ночь на 24 июля Трубецкой со второй партией осужденных, куда входили С. Г. Волконский, братья А. И. и П. И. Борисовы, был отправлен из Петропавловской крепости в Сибирь[224].

Через 37 дней, 29 августа 1826 г., их доставили в Иркутск[225]. Начался новый многотрудный период жизни С. П. Трубецкого: 13 лет каторги, 17 лет поселения! Наконец, в 1856 г. возвращение на родину... под надзор полиции. Тридцать лет! В истории России это целая эпоха, которая может быть выражена двумя словами: «декабристы в Сибири». «Настоящее поприще, — писал близкий

---

[221] Там же, с. 38—39.

[222] Воспоминания князя Е. П. Оболенского, с. 250.

[223] *ВД*, т. 17, с. 225.

[224] Марголис А. Д. Путь следования декабристов в Сибирь. — В кн.: Декабристы и Сибирь. Новосибирск, 1977, с. 164—165.

[225] Кубалов Б. Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск, 1925, с. 12.

товарищ Трубецкого М. С. Лунин, — началось со вступлением нашим в Сибирь, где мы призваны словом и примером служить делу, которому себя посвятили»[226]. Жизнь Трубецкого в изгнании была наполнена интенсивной умственной работой; как и раньше, ее отличали широта и разнообразие интересов, стремление нести людям передовые идеи, просвещение, культуру, добро. Дух революционера не был сломлен. Вера в чистоту и справедливость избранного пути оставалась. Оставались друзья. Оставалась Родина.

Деятельность декабриста составляет значительный вклад в развитие освободительного движения и общественной мысли в России. Путь его и всех его товарищей не был безошибочным и легким. Они были первыми, и этим все сказано. Изучение, анализ источников, позволивших проследить жизненный путь Трубецкого, подсказывают вывод о незаслуженно резкой и подчас предвзятой оценке его личности и его роли в восстании 14 декабря. Этот вывод вытекает и из материалов о деятельности тайных обществ, и в значительной степени из отношения к Трубецкому его товарищей по борьбе и ссылке, современников, сочувствовавших идеям декабристов. А. Е. Розен, непосредственный участник восстания, знавший многих членов общества и говорящий как бы от имени тех, кто был близко знаком с Трубецким за много лет до начала событий на Сенатской площади, писал, что, несмотря на допущенную слабость в день 14 декабря, *«все* (здесь и ниже курсив мой. — *В. П.*) согласятся, что он был *всегда* муж правдивый, честный, весьма образованный, способный, на которого *можно было положиться»*[227].

Е. И. Якушкин, выражая точку зрения, которую мог заимствовать только от отца или его товарищей, писал в 1855 г., что «поведение его (Трубецкого. — *В. П.*) 14 декабря, для нас не совсем ясное, не вызвало никаких обвинений против Трубецкого среди его товарищей. Среди декабристов и после 14 декабря Трубецкой сохранил общую любовь и уважение: не от ошибочности действий Тру-

[226] Цит. по: Кудрявцев Ф. А. Декабристы в Сибири. — В кн.: В сердцах Отечества сынов. Иркутск, 1975, с. 11.

[227] Розен А. Е. Записки декабриста, с. 70.

бецкого в этот день зависела неудача восстания»[228]. Многочисленные письма декабристов: Н. Муравьева, И. Якушкина, И. Пущина, М. Фонвизина, Е. Оболенского, М. Муравьева-Апостола, Г. Батенькова, В. Кюхельбекера, А. Розена, братьев Бестужевых, А. Сутгофа, А. Быстрицкого и многих других — свидетельствуют о неизменно дружеской привязанности и уважении к Трубецкому со стороны его товарищей[229]. Наконец, отношение к нему А. И. Герцена, решительно изменившего мнение о Трубецком, сложившееся поначалу под впечатлением официальной о нем версии, упомянувшего его в числе потомков самых славных родов и тех, кто поспешил вступить в ряды «первой фаланги русского освобождения»; в числе тех, кто составлял «все самое благородное среди русской молодежи». Он же назвал Трубецкого великим мучеником и выразил убеждение, что имя его, как и имена его соратников, принадлежит истории[230].

В настоящий том включены материалы, относящиеся или по времени написания или по заключенному в них содержанию к периоду жизни и деятельности С. П. Трубецкого до его ссылки Сибирь. Записки декабриста, его замечания на Записки В. И. Штейнгеля и книгу М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I», сюжетно повторяющиеся в отдельных частях, служат дополнением друг другу и одновременно перекликаются с Запиской-показанием. Письма его к жене из Петропавловской крепости со дня заключения и до объявления приговора помогают проникнуть в психологическое, нравственное состояние узника, разобраться в мотивах его поступков.

Помимо публикуемых в томе материалов в фонде Трубецкого содержатся заметки декабриста по самым разнообразным вопросам: положению крестьянского населения и состоянию волостного правления Восточной Сибири, уголовному судопроизводству в России; заметки по са-

---

[228] Русские ведомости, 1906, 24 дек., № 312, с. 4—5.

[229] *ЦГАОР*, ф. 1143, оп. 7, д. 47, 52—53, 58, 62, 66, 82, 86—87; оп. 2, д. 7, 11, 13—14, 22.

[230] Герцен А. И. Собр. соч., в 30-ти т., т. 7, с. 195; т. 15, с. 439; т. 20, кн. 1, с. 236.

доводству, сельскому хозяйству, химии, медицине, орнитологии; журнал метеорологических наблюдений за 20 лет. Наиболее важные из перечисленных работ, а также эпистолярное наследие декабриста и отрывки из его дневников 1839, 1857—1858 гг. явятся содержанием второго тома настоящего издания.

Рукописи, представленные в данном томе, расположены в хронологической последовательности. Все тексты публикуются по автографам в соответствии с существующими правилами издания исторических источников. Написание фамилий и наименований дано в транскрипции, принятой в настоящее время. Исключения оговариваются. Каждому из публикуемых источников предпослано краткое введение, в котором дается идеологическая и археографическая характеристика документов: объективный анализ их, сведения о месте хранения, дата, данные о прежних изданиях (указываются только первое и последнее дореволюционное), краткая справка об истории создания рукописи. К тому в целом составлены именной указатель и список сокращений. В отборе и выверке текстов принимала участие | А. Л. Вайнштейн. |

Приношу глубокую благодарность за существенные замечания и советы Э. А. Павлюченко, а также сотрудникам архивов и других учреждений, неизменно оказывавшим мне благожелательное внимание, поддержку и помощь в подготовке настоящего тома, особенно Я. А. Гордину, | В. М. Глинке; | И. А. Торопову, Н. Г. Марковой, Е. К. Авраменко, А. В. Муктан *(ЦГИА СССР)*; С. Т. Плешакову, З. И. Перегудовой, Л. И. Тютюник *(ЦГАОР СССР)*; И. И. Строумовой, В. Д. Сплошнову, К. М. Николашиной *(ЦГВИА СССР)*; Р. Е. Теребениной *(ИРЛИ АН СССР)*.

В. П. Павлова

ЗАМЕЧАНИЯ НА ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ Н. М. МУРАВЬЕВА[1]

[Не ранее октября — не позднее конца 1822 г.][2]

<...>

Глава I

О народе Русском[3] *и Правлении*

1. Русский народ, свободный и независимый, не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства.

2. Источник Верховной власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать *основные*** *Постановления* для самого себя.

3. *Правление* России есть *уставное* и союзное[6].

Из И. К.* NB не должно быть и предположения принадлежности[4].

Власть народа ограниченна, ибо целый народ не имеет права гнести и одного Гражданина[5].

Глава II

О гражданах

<...>

7. Всякий природный житель Государства Российск[ого], который не был Гражданином, но достиг своими трудами до того, что

Надобно определить условия[7].

* То есть Испанской конституции.

** Зачеркнуто: «законы».

составил себе требуемое состояние, если он в других отношениях ответствует вышеозначенным условиям, поступает немедленно в Граждане.

8. Иностранец, жительствовавший 7 лет сряду в России и приобретший в оной недвижимую собственность, по крайней мере, в 500 р. сер., имеет право испросить у Правительства право Гражданства. И должен наперед клятвенно отказаться от Правительства, под властью которого прежде находился.

Если в чужих краях собственности не имеет?[8]

9. Иностранцы, не получившие прав Гражданства, не могут иметь никакой Гражданской, ни военной должности в России и не имеют права служить даже рядовыми в войске Российском.

Можно быть* местным Гражданином, не быв общественным[9].

10. Через 20 лет по обнародовании и приведении в исполнение сего *Основного Устава Всероссийского Союза* никто не обучившийся русской грамоте не может быть признан Гражданином.

Лишняя удобность для невежд. Кто не знал русского языка, не может быть Русским Гражданином. Он может пользоваться правом местного Гражданства[10].

11. Права Гражданства теряются: На время:

<...>

3. Определением о временном лишении прав.

Общие должны теряться навсегда[11].

12. Черное и белое духовенство пользуется Правами Гражданскими; члены оных, смотря по тому, каким они условиям ответствуют, могут быть *Избирателями или избранными.*

Не черное, ибо отшельники[12].

---

* Далее зачеркнуто: «частным».

Глава III

О состоянии, личных правах и обязанностях Русских

<...>

16. Крепостное состояние и рабство отменяются. Разделения между *благородными* и *простолюдимыми** не принимаются, поелику оно изображение гордости и высокомерия и противно христианской вере, по которой все люди *братья*, все рождены *благо*, ибо рождены по воле божьей, все рождены для блага и все просто *люди*, ибо все пред ним слабы.

Прекрасно сказано, но неуместно. Различие самым делом уничтожают[13].

<...>

18. Всякий имеет право заниматься тем промыслом, который ему покажется выгоднейшим: *Земледелием, Скотоводством, Охотою, Рыбною ловлею, Рукоделиями, Заводами, Торговлею* и так далее.

На что поименования?[14]

19. Всякий русский вправе ехать, оставаться, словом, делать все, что не ограничено и не воспрещается Законом и частными постановлениями, лишь бы он не вредил другому и не касался чужой собственности.

Этот параграф для сущих невежд[15].

<...>

22. Подозреваемый в злоумышлении может быть взят под стражу постановленными Уставом властями и учрежденным порядком, но в 24 часа (под ответственность тех, которые его задержали) должно объявить ему о причине его задержания, в противном случае он немедленно освобождается.

---

* Так в оригинале.

Н. М. МУРАВЬЕВ
Художник П. Ф. Соколов. 1822 г.
Государственный исторический музей, Москва

Никто не может быть обвинен, задержан или заключен в темницу, кроме в случаях, определенных Законом, и в образе, оным учрежденном. Каждый, кто испрашивает, причиняет или исполняет *произвольное* веление, должен быть наказан. Но каждый человек, которого призывают или берут, в силу существующего Закона обязан повиноваться немедленно и

Должно определить, чем познается произвольное веление[16].

становится виновным, если воспротивится. Никто не может быть наказан, как в силу Закона, обнародованного до преступления и законно приведенного в исполнение.

Всякая строгость, оказанная человеку, коего заключение сделалось необходимым, сверх той, которая потребна для задержания его, должна быть отвращена Законом.

<...>

25. Земли помещиков остаются за ними. Особый Закон определит вознаграждение, которое обязаны им сделать поселяне, которые вздумают оставить свое селение и переселиться в другое место за временное прервание в порядке получения доходов с возделываемой сими поселянами земли.

При срочных свободных условиях сие постановление не нужно. А на первый случай должно освобождение* так устроить, чтоб подобных разорительных** как для помещиков, так и для крестьян переходов не было.

26. Крестьяне так называемых ныне Экономических и удельных волостей взносят также своему обществу единовременное вознаграждение в подобном случае — за плату земских повинностей вместо их.

Пахотные крестьяне платят с земли, следовательно, в вознаграждение она и остается, а желающих переменить местопребывание или род промысла стеснять сим не должно. К тому ж подати за выбывших платятся от долговременных сроков ревизии[17].

27. Крестьяне Экономические и удельные будут называться *общими владельцами*, равно как и

Верный способ для стоячего положения земледелия. При об-

* Переделано из: «освобождающий».
** Зачеркнуто: «переходов».

ныне называются *вольными хлебопашцами*, поелику земля, на которой они живут, признается их собственностью и предоставляется им в общественное владение.

щей собственности оно никогда преуспевать не может в усовершенствовании[18].

<...>

29. Поселяне, живущие в Арендных имениях, равно делаются вольными, но земли остаются за теми, кому оне были даны, и по то время, по которое оне даны. Поселяне, которые вздумали бы оставить селение, должны будут взнести арендатору вознаграждение, которое определит Закон.

Таковой поселянин не в состоянии дать вознаграждение.

По окончании сроков, на которые розданы *аренды*, закон определит, какое употребление сделать из оных.

Аренды то ж, что вотчины, только временные[19].

<...>

31. Удельное правление крестьян отменяется.

Должно заменить другим[20].

<...>

33. Жалованье священнослужителей будет производиться и впредь. Равным образом они освобождаются и впредь от постоя и подвод.

Жалованье получают только городские, сельские же имеют земли по 30 десятин на причт приходский[21].

<...>

Глава IV

О России

В законодательном и исполнительном отношении вся Россия разделяется на 14 держав и 2 области <...>

Державы делятся на *уезды*, уезды на *волости* от 500 до 1500 жителей муж[ского] пола. В судебном отношении Державы делятся на области, равные пространством нынешним Губерниям.

Зам[*еч*]. Судебное разделение на области по Губер[ниям] неудобно. Нынешние Губернии должны составлять один Суд[ебный] округ[22].

Глава V

О внутреннем устройстве, волостном и уездном правлении

36. В каждом уезде все *граждане* собираются в уездном городе и выбирают *тысяцкого*[23] на один год.

Те, которые пользуются землями в общественном владении, не есть суть *владельцы* и, следовательно, сюда не входят.

Неравенство прав, а следовательно, различие состояний[24].

37. *Общие владельцы* не имеют права каждый лично участвовать в выборе тысяцкого, народных представителей и других чиновников, но все общество на сходке имеет право назначить *одного Избирателя* с каждых 500 жителей муж. пола, и сии *избиратели*, назначенные *общими владельцами*, подают голоса наравне с Гражданами, как *уполномоченные целого общества*, лишь только они предъявят *поверительные грамоты* своего общества, засвидетельствованные *волостными старшинами*.

Впрочем, каждый из общих владельцев, имеющих достаточный капитал, участвует в выборах непосредственно и не лишается прав гражданским качеством *общего владельца*. Зато он не участвует в избрании *полномочного* общества.

Зам[еч]. Уполномочивающего?

38. Чтоб быть тысяцким, должно иметь, по крайней мере, 21 год от рождения и иметь недвижимого имения в собственном отдельном владении не менее 30 тыс. р. сер. или движимого 60 тыс. р. сер. Если избранный в сие звание не имеет сего имения, то он не мо-

Лета малы.

Почти все общественные владения бу-

жет принимать оного, в противном случае он лишается места*) и взносит *пеню* в 2 тыс. р. сер.

дут без тысяцких[25].

*) Кем?

39. Должность тысяцкого состоит в следующем: 1. Он созывает *избирателей* для выбора представителей державных и пр[очих] чинов (выборных, членов Дум Державных, тысяцкого, советников) и председательствует в их собраниях.

<...>

Зам[еч]. Составляет список присяжных[26].

4. Наблюдает за общественными темницами и исполнением уголовных**) наказаний.

**) Сказано было выше.

Зам[еч].*.

5. Покровительствует и охраняет судей во время отправления ими их должности. Представляет требования уезда — говорит всегда от его имени. Берет под стражу нарушителей порядка. Каждый обязан повиноваться ему и помогать ему брать под стражу нарушителей порядка.

6. Делает исчисление всех тех, которые в уезде пользуются правами гражданства, и разделяет их на четыре списка:

<...>

Граждане, находящиеся в 1-м списке, могут быть избраны в члены *верховной думы*, в *правители Держав*, в *наместники правителей Держав*, в *Советники*, в *тысяцкие*. Находящиеся во 2-м списке могут быть избраны в члены *Дум Державных*, в *члены судов* и пр. Находящиеся в 3-м списке могут быть народными *представителями* и членами *пала-*

Почему для представителей меньшее обеспечение?[28]

* Самого замечания нет.

ты выборных, державных *законодательных собраний.* Находящиеся в 4-м списке могут быть *присяжными*[27] и *избирателями.* Граждане 1-го списка пользуются всеми правами Граждан следующих списков, равно Граждане 2-го и 3-го списков; Граждане 4-го списка не имеют прав предыдущих списков.

<...>

43. Если кто без законной причины откажется от звания тысяцкого, определенного выбором сограждан, то обязан заплатить 1000 р. сер. пени, которая его освобождает от сего звания только на один год. Тот, кто исполнит сию должность один год, не обязан принимать сего звания на следующий.

Крайнее притеснение? Для того чтоб избавиться от пени, будут должность принимать и худо исполнять обязанности.

На предбудущее время имеет ли право отказаться?[29]

<...>

45. Более пяти лет сряду не может быть избран.

Излишняя предосторожность и стеснение для народа, если ответственность хорошо определена[30].

<...>

48. Каждый *тысяцкий, помощник* его и *старейшина* получает вознаграждение по окончании года: тысяцкий — в 1500 р. сер., помощник — в 500 р. сер., старейшина — в 100 р. сер.

Исправляет 43-й §.

49. Когда уезд слишком обширен, чтоб все те, которые пользуются правом избирательства, могли удобно собраться в одно место, то тысяцкий назначает 2—3 или 4 собрания в разных местах в одно и то же время. В одном

председательствует сам, в других — его *помощники.*

<...>

51. Обыватели каждой волости избирают на год или более *волостного старейшину.* Обязанность его есть кроме волостного управления отбирать показания обывателей своей волости, имеющих недвижимую и движимую собственность, и разделить их под разными статьями, поелику различные имения доставляют жителям различные права.

Зам[еч]. Ему некогда*.

Зам[еч]. Потому-то сие разделение нехорошо. Можно имение сделать условием должностей, но неприлично давать имущество мерою прав**[31].

Глава VII

О законодательной власти Держав

Раздел 1-й. О палате выборных

<...>

56. Выборные должны иметь, *по крайней мере, 21 год от роду, состояние: недвижимого на 2 тыс. р. сер. или движимого на 4 тыс. р. сер.; должны уже 7*) лет сряду пользоваться Гражданскими правами и во время своего избрания находиться в избиравшем их месте.*

*) Следовательно, 28 лет от роду, ибо несовершеннолетний не пользуется Гражданскими правами.

<...>

60. *Тысяцкий* в 1-й раз утверждает *список* назначенных *выборных,* обнародывает оный и в продолжение 2 недель доставляет от своего имени к каждому *выборному позыв* ехать в столицу Державы занять свое место по приведении уже в совершенный ход сего устава; *тысяцкий* обязан доставить сей подписанный и ут-

Зачем утверждает, власти такой не можно ему давать, кажется.

И не дело же Зак[онодательному] Соб[ранию] рассылать приглашения[32].

* Замечание написано карандашом.
** То же.

верждённый им *список* в продолжение 2 недель на рассмотрение и суждение *Законодательного собрания*, которое уже от своего имени посылает *новоизбранным пригласительные грамоты.*

<...>

Раздел 3-й. Внутреннее устройство Зак[онодательного] собрания

66. Каждая палата избирает сама своего *Председателя* и делает постановления для внутреннего своего управления. Председатель наблюдает за порядком заседаний, но не имеет голоса. Каждая палата, получив от тысяцких списки выборов, пересуживает их правильность, посылает пригласительные грамоты тем, которые правильно избраны, уничтожает неправильные выборы и повелевает приступить к новым на их места выборам. За каждый день заседания члены Зак[онодательного] собрания получают по 2 р. сер. вознаграждения*).

Ее ли право судить о правильности выборов*[33],

*) Ежели полагать в год 168 заседаний, то это произведет всего на все 2 315 600 р. ассиг.

<...>

Глава IX

О исполнительной власти Держав

<...>

87. Постановления и мнения Совета Держ[авы] вписываются в особую книгу и подписываются присутствующими членами. Обе палаты имеют право каждая потребовать к себе книгу сию всякий раз, когда это им покажется нужным.

Какая цель?[34]

---

* Эта фраза в оригинале зачеркнута.

КОНСПЕКТ МАНИФЕСТА К РУССКОМУ НАРОДУ[1]

[В ночь с 13 на 14 декабря 1825 г.][2]

Спаси, господи, люди твоя и благослови достояние твое!*[3]

В манифесте Сената объявляется[4]:

1. Уничтожение бывшего правления.

2. Учреждение временного до установления постоянного выборными.

3. Свободное тиснение и потому уничтожение цензуры.

4. Свободное отправление богослужения всем верам.

5. Уничтожение права собственности, распространяющейся на людей[5].

6. Равенство всех сословий пред законом и потому уничтожение военных судов и всякого рода судных комиссий, из коих все дела судные поступают в ведомство ближайших судов гражданских.

7. Объявление** права всякому гражданину заниматься, чем он хочет, и потому дворянин, купец, мещанин, крестьянин — все равно — имеют право вступать в воинскую и гражданскую службу и в духовное звание; торговать оптом и в розницу, платя установленные повинности для торгов. Приобретать всякого рода собственность, как-то: земли, дома в деревнях и городах. Заключать всякого рода условия между собою, тягаться друг с другом пред судом.

8. Сложение подушных податей и недоимок по оным.

9. Уничтожение монополий, как-то: на соль, на продажу горячего вина и проч. и потому учреждение свободного винокурения и добывания соли с уплатою за промышленность с количества добывания соли и водки.

10. Уничтожение рекрутства и военных поселений.

11. Убавление*** срока службы военной для нижних чинов и определение оного последует по уравнении воинской повинности между всеми сословиями.

12. Отставка всех без изъятия нижних чинов, прослуживших 15 лет.

---

* Строка помещена на второй странице листа, служащего обложкой этому документу и следующему за ним проекту Конституции Н. Муравьева.

** Вместо зачеркнуто: «дозволе».

*** Вместо зачеркнутого: «уничтожение».

13. Учреждение волостных, уездных, губернских и областных правлений и порядка выборов членов сих правлений, кои должны заменить всех чиновников, доселе от гражданского правительства назначаемых.

14. Гласность судов.

15. Введение присяжных в суды уголовные и гражданские. Учреждает правление из 2 или 3 лиц, которому подчиняет все части высшего управления, то есть все министерства, Совет, Комитет министров, армии, флот. Словом, всю верховную исполнительную власть, но отнюдь не законодательную и не судебную. Для сей последней остается министерство, подчиненное Временному правлению, но для суждения дел, не решенных в нижних инстанциях, остается департамент Сената уголовный и учреждается департамент гражданский, кои решают окончательно и члены коих останутся до учреждения постоянного правления.

Временному правлению поручается приведение в исполнение:

1. Управление прав всех сословий.

2. Образование местных волостных, уездных, губернских и областных правлений.

3. Образование внутренней народной стражи.

4. Образование судной части с присяжными.

5. Уравнение рекрутской повинности между всеми сословиями.

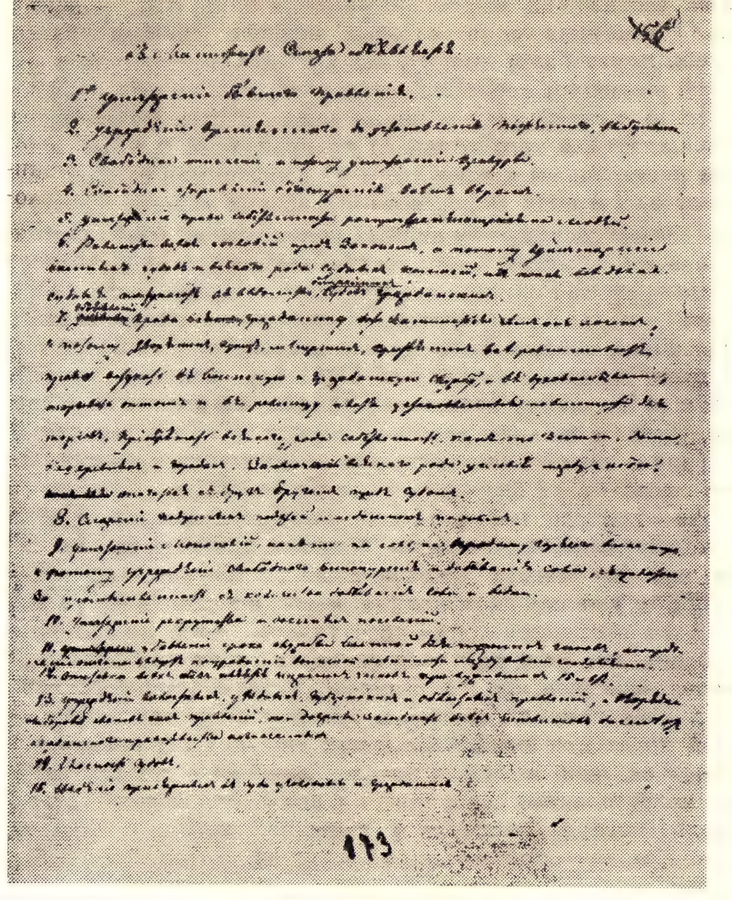
6. Уничтожение постоянной армии[6].

7. Учреждение порядка избрания выборных в палату представителей народных, кои долженствуют утвердить на будущее время имеющий существовать порядок правления и государственное законоположение.

ЗАПИСКА-ПОКАЗАНИЕ ОБ ИСТОРИИ ТАЙНЫХ ОБЩЕСТВ[1]

[26—27] *декабря 1825 г.*[2]

Не должно полагать, чтобы люди, вступившие в какое-либо тайное общество, были все злы, порочны или худой нравственности и имели бы дурные и преступные намерения. Напротив, общество, составленное из таковых людей, не могло бы долго существовать; но во всяком подобном

ПЕРВЫЙ ЛИСТ МАНИФЕСТА К РУССКОМУ НАРОДУ.

ЦГАОР, ф.48, оп. 1, д. 333, л. 172 об.

обществе, хотя бы оно первоначально было составлено из самых честнейших людей, непременно найдутся, наконец, выше помянутые люди, которые, конечно, сначала примут на себя пристойную личину, без которой они поступить бы в оное не могли; тогда они стараются неприметно клонить общество к своей цели и почти всегда успеть могут, когда не пощадят для того трудов и времени, если притом одарены достаточным к тому умом и* способностями. Вот истинное зло и вред существования всяких тайных обществ.

Предлог составления тайных политических обществ есть любовь к Отечеству. Сие чувство, которым всякий человек обязан к своей Родине, хорошо понятое, заставляет действовать к пользе государства, худо понятое может сделать величайший вред, и бедственные последствия оного не могут быть довольно исчислены. Сие худо понятое чувство любви к Отечеству составляет тайные политические общества. Люди с пылким воображением, с горячим сердцем, с пламенною душою при чистых и великодушных чувствованиях легко могут быть увлечены ревностию и усердием к пользе общей, не предвидя гибельных последствий, к коим худо избранный путь тайства** может привести их. Те из них, которые узнают наконец свою ошибку, по несчастию узнают ее уже слишком поздно, чтоб исправить ее. Иные остаются в обществе для того только, чтоб не потерять уважения, которым они чрез сочленов своих пользовались; другие, опасаясь, что отдаление их будет сочтено робостию, ибо всякая принадлежность к тайному обществу влечет за собой более или менее опасности; еще другие, потому что страшатся, чтоб не сочли их охладевшими в тех благородных чувствованиях, которые они всегда оказывать старались. Некоторые остаются в обществе, хотя и предвидят, что оно может обратиться ко вреду; но мечтая, что пребыванием своим в обществе они могут препятствовать сему вреду или, по крайней мере, отдалить его и удерживать общество в таких пределах, в коих оно не может, по их мнению, быть вредно. Сии и многие подобные причины препятствуют удалению членов от тайного общества, в кое они сначала были завлечены по непредвиденности своей. Причина же, что таковые общества не бывают открываемы членами правительству, одна: укоризна прослыть изменником

* Вместо зачеркнутого: «или».
** Так в оригинале.

пред теми, коим был прежде товарищем, и страх сделаться чрез предательство орудием их погибели. Вот история составления и существования нашего тайного общества и, может быть, многих других подобных в разных государствах.

Нападение Наполеона на Россию в 1812 году возбудило в русских любовь к Отечеству в самой высокой степени; счастливое окончание сей войны, беспримерная слава, приобретенная блаженной памяти покойным государем императором Александром Павловичем, блеск, коим покрылось оружие российское, заставило всех русских гордиться своим именем, а во всех имевших счастие участвовать в военных подвигах поселило удостоверение, что и каждый из них был полезен своему Отечеству.

Связи, сплетенные на биваках, на поле битвы, при делении одинаких трудов и опасностей, бывают, особенно между молодыми людьми, откровеннее, сильнее и живее. Я был дружен с Александром Муравьевым[3], с Шиповым[4] (что ныне г[енерал]-м[айор]); сей был дружен с Пестелем, с которым и я познакомился. Мы часто говорили между собой о бывших событиях, о славе государя, о чести имени русского, рассуждали, что, уже быв каждый по возможности своей полезен Отечеству в военное время, не должны быть бесполезны и в мирное, что каждый из нас, сопутствуя своему государю в трудах* военных, должен и в мирных подвигах его величества по возможности своей содействовать, что содействие каждого частно малозначаще, то полезнее действовать общими силами. Последствие сего, что чем более людей действуют вместе, тем действие их сильнее; наконец, что для успешнейшего действия нужен порядок и формы. Тогда масонство было в большом ходу; Александр Муравьев, бывший тогда молодым человеком с пламенным воображением, пылкою душою, видел в нем какое-то совершенство ума человеческого, предлагал вступить всем в масоны, но Шипов и я не были масонами[5]; другие**, которые были у нас в виду люди, также не были масонами, и потому его предложение не было принято, а положено написать небольшой устав для порядка и формы в действии. Устав был написан Пестелем***. Собрались для прочтения его.

---

* Вместо зачеркнутого: «победах».

** Зачеркнуто: «также».

*** *Примеч. автора:* «Вступление, или предисловие, сколько могу вспомнить, было, кажется, написано князем Ильею Андреевичем Долгоруким».

Цель была: подвизаться на пользу общую всеми силами и для того принимаемые правительством меры или даже и частными людьми полезные предприятия поддерживать похвально, а когда имеешь возможность, то и на самом деле оным содействовать; препятствовать всякому злу и для того разглашать злоупотребления* чиновников по службе и должностям их, также и всякие бесчестные поступки частных людей, которые дойдут до сведения общества. Тех, на кого кто лично действовать может, отвращать от дурных дел советами своими. Обязанности были: содействовать к сей цели показанными мерами, приискивать людей, способных и достойных войти в состав общества, о таковых давать заранее обществу знать, чтоб можно было собрать о них каждому члену сведение, не удостоверяться о достоинствах и доброй нравственности их по одним слухам, но стараться изыскивать средства испытывать их. Самим членам вести себя и поступать во всех отношениях как по службе, так и в частном быту таким образом, чтоб никогда не заслужить ни малейшей укоризны. Если один член в другом что подобное заметит, то должен тотчас откровенно ему сказать, и сей не должен сим обижаться, но тотчас стараться загладить** поступок свой. Сверх того боляре (так назывались первоначальные члены) обязаны были, когда число их каким-нибудь образом уменьшится, стараться о пополнении оного новыми достойными членами, дабы общество от убыли членов разрушиться не могло***. Присяга была: стремиться к цели общества, хранить обязанности, покоряться решениям Верховного собора боляр (так называлось Главное управление). Точных слов присяги вспомнить я не могу.

Члены должны были собираться два ли раза в месяц или в каждом собрании назначать день на последующие по возможности — упомнить не могу. Для собраний обрядов не было; были только для принятий, они были написаны особо при уставе, сколько упомнить могу, взяты были с некоторых обрядов масонских, но большая часть чле-

---

* Вместо зачеркнутого: «дурные поступки».

** Вместо зачеркнутого: «заслужить».

*** *Примеч. автора:* «И сказано было, если б каким-нибудь образом случилось так, что из всех боляр один только остался, то он должен также стараться о восстановлении вновь общества. Имя боляр, то есть название *болярин*, должно было быть тайною для других членов».

нов обрядов сих не хотела, так они и остались в забытьи.

Для управления, когда бы число членов размножилось, полагалось сделать округи, из коих каждый управлялся бы одною Главною думою под председательством уполномоченного на то от Верховного собора болярина; под ведомством сих Главных дум были бы еще управы из членов 2-го и 3-го разряда; а управляющие думами боляре сносились бы с Верховным собором посредством одного из его членов, избирая его по собственному произволу. Где болярин полномочия не имел, там он, если имел постоянное пребывание, то относился к полномочному и имел заседание в Главной думе.

Вот все, что имею я сказать об обществе, учрежденном в 1816 году. Оно в ход не пошло. Члены, составившие его с самого почти начала его учреждения, большею частию разъехались; оставшие находили, что действие было затруднительно и незначуще, оттого очень к нему охладели.

Преобразовать и** не умели и*** не могли, потому что должно было бы сие сделать по общему всех боляр согласию. Отраслей никаких завести не могли, и так оно оставалось до 1818 года, когда положили истребить устав и составить что-нибудь удобнейшее в исполнении.

Еще немало способствовало падению сего общества распространение масонских лож в Петербурге, в кои и некоторые из членов общества, не бывшие масонами, поступили. Александр Муравьев, как я выше сказал, весьма привязанный тогда к масонству, доказывал, что общество только и может существовать посредством ложи. Он старался и успел сделаться начальником ложи, существовавшей тогда здесь под именем ложи Трех добродетелей. Но многие члены с ним в сих мыслях не согласовались; попытка его осталась без успеха, и он, оставшись в Москве, вышед в 1818 году в отставку, оставил ложу, из которой и бывшие в ней члены общества вышли.

Я уже прежде объяснял, что я делал в 1816 и 1817

* *Примеч. автора:* «Особенно нашли тогда, что приобретение новых членов вовсе невозможно тем, что по уставу требовалось от предлагающего кого-либо к принятию в общество, чтоб были представлены от вводимого ими до уведомления его еще о существовании общества письменные доказательства о связях, знакомстве, образе мыслей его, делаемые ответами на заданные ему вопросы».

** Вместо зачеркнутого: «или».

*** Вместо зачеркнутого: «или».

году до приезда моего в конце оного в Москву, где я узнал, что бывшие там члены общества, видя малые его успехи и неудобства, сожгли бывший устав общества, уничтожили оное и положили составить новое. Что основанием взяли устав известного прусского общества Тугендбунд, которому приписывали ополчение Шилля[6], и после того в 1813 году скорое восстание Пруссии против французов; общества, коего начальником почитали известного министра Штейна[7] и в числе членов коего считали Гнезенау[8] и многих других известных людей. Напечатанный устав сего общества каким-то образом попался тогда в руки, кажется, *кн. Илье Андреевичу Долгорукову* (ныне адъютанту е. и. выс. вел. кн. Михаила Павловича). Его прочли и по примеру оного написали тетрадку под названием Союза благоденствия. Образование и управление общества оставлено было почти таковое, как в Тугендбунде, то есть члены должны были быть разделены на управы, а главная называлась Думою, в которую все прочие относились. В каждой был председатель, который собирал управы, должен был назначать дело каждому члену по отрасли, по которой он занимался, и в каждой же был блюститель, который должен был наблюдать за нравственностью членов и за тем, чтоб действие производилось в должном порядке. Оба сии лица выбирались членами управ; председатели управ относились председателю Верховного совета, а блюстители управ к блюстителю оного же. Верховным советом называлась та часть членов Главной думы, которой поручалось текущее управление Союза. Пребывание сих управляющих членов назначено было в Петербурге.

Цель, изображенная в уставе Союза, была: «Способствование правительству к приведению в исполнение всех мер, принимаемых для блага государства»*. Главная мысль составлявших общество членов была, что блаженной памяти государю императору угодно было, дать России конституцию, подобно как его величество дать изволил в Царстве Польском и что первою мерою к сему должно служить освобождение крестьян от крепостности помещикам; о последнем** тогда очень много говорили

* *Примеч. автора:* «Ибо правительство одно, без добровольного содействия граждан, не может довольно успешно приводить в действо мер, им принимаемых».

** Вместо зачеркнутого: «о чем».

московские жители. Мнение сие основывалось на речи, государем императором произнесенной при первом открытии Польского сейма, и потом на мерах, принятых касательно крестьян немецких губерний. Члены общества должны были истолковывать незнающим, что такое конституционное правление, и изъяснять необходимость освобождения крестьян от крепостного состояния. Чтоб быть членом, не требовалось, однако ж, убеждения в сей мысли, если только он мог быть полезен по другим частям и имел хорошую нравственность. Отрасли, по которым члены записывались, разделялись на следующие: правосудие, просвещение, воспитание и государственное хозяйство. Кто по которой отрасли записывался, должен был стараться приобретать по оной познания, а по возможности своей и лично к преуспеянию оной содействовать.

Обрядов никаких не было, собирались члены по управам по своему благоусмотрению. Принимались новые члены по общему согласию членов управы, в которую они поступали, и давали только расписки, о которых я прежде говорил и которые в Петербурге доставлялись от управ в Главную думу, а в Москве — к старшим членам, где и сжигались*. Списки членов с отметкою их по отраслям** должны были быть в Главной думе, но их из Москвы никогда не присылали, а потом и в Петербурге уничтожали. В Петербурге была Главная дума и составились три управы[9]; в Москве одна или две, не знаю, потому что до половины 1819 года была одна, а тогда я уехал за границу и возвратился в сентябре 1821 года, когда уже общество было разрушено и члены разошлись.

Теперь я должен сказать слово о себе самом. Возвратясь из чужих краев с любимою страстно женою, я делил время между ею и должностию моей по службе; членов прежнего общества не нашел здесь почти никого, общество нашел разрушенным, горячность прежняя во мне простыла, и я уже не думал никогда более заниматься прежним делом. Так и было до того времени, как приехать должен был сюда Пестель[10]. Я уже говорил, почему мы положили тогда необходимым показать ему что-нибудь здесь существующее. Но когда я с ним увиделся и узнал

---

* *Примеч. автора*: «В уставе сказано было, что они должны храниться у блюстителя Верховного совета».

** Вместо зачеркнутого: «по разрядам».

его мысли, тогда уже я полагал обязанностию противупоставить ему что-нибудь здесь такое, которое могло бы удержать его и препятствовать его действию. Тут было заблуждение, я впал в ту погрешность, о которой я говорил в начале сего изложения и которая мне столь дорого стоит, что цена оной возвратиться не может никогда. Я против воли моей был введен в такие дела, коим, действуя по воле, стал бы противодействовать. Я сделал то, на что бы ни за что в свете не думал никогда покуситься; я действовал против моего сердца, против моих правил, против всего, что есть святого. Не могу почесть сего страшного упадка моего иначе, как наказанием, посланным мне от бога за гордость мою и самонадеянность. Но должно обратиться к Пестелю. Не стану повторять то, что я уже писал прежде. Я скажу только, что он меня привел в ужас. К счастью, я увидел, что ему необходимо содействие Петербургского общества и, следовательно*, что он не может привести намерения своего в действо по одному собственному произволу и собственными средствами. Я заключил тогда из сего, что он не такою большою силою располагает, как желает заставить думать о себе, но между тем заключил также, что он человек вредный и что не должно допускать его усилиться, но стараться всевозможно его ослабить**. До свидания еще нашего с ним Никита Муравьев представлял уже мне его как человека опасного и себялюбивого, но я не мог в том увериться, не исследовав сего сам лично. Для сего, признаюсь, должно мне было с ним притвориться как тогда, так и после и иногда показывать, что я вхожу в некоторые его виды. Письменных сношений я, сколько возможно, с ним избегал, но словесно поручал исполнение сего два раза Полтавского полка *подпоручику Бестужеву*[11], который по его зову к нему ездил. В последний раз он велел мне сказать, что он уверен во мне, что я не откажусь действовать, что он очень рад, что я еду в Петербург, что я, конечно, приготовлю к действию, которое, может быть, он начнет в будущем году, что его вызывают к сему из Москвы и Пе-

* Далее зачеркнуто: «заключил».

** *Примеч. автора:* «Тем более полагали мы необходимым иметь здесь общество, что боялись, если такого не будет, то Пестель найдет средства завести здесь отделение, которое будет совершенно от него зависеть и которого действия будут уже от нас тогда скрыты».

тербурга. (Я этому не верю, ибо, сколько знаю, он не имеет таковой переписки ни с кем из членов общества здесь или в Москве.)

Я говорил вообще о предложениях его в бытность его здесь и о предположении его ввести республиканское правление. Мне нужно было узнать, каким средством он сего хотел достигнуть, и я успел узнать тогда ж, что он обрекал смерти всю высочайшую фамилию, и для того именно нужно ему было содействие здешних членов. Он надеялся, что государь император не в продолжительном времени будет делать смотр армии, в то же время надеялся на поляков в Варшаве, и хотелось ему уговорить то ж исполнить и здесь. Сам он садился в Директорию. Я ему представлял ужас, каковой подобные убивства нанести должны, что убийцы будут гнусны народу, что людям, никакого имени не имеющим и неизвестным, невозможно сесть в Верховное правление, что русский народ не может управляем быть иначе как государем наследственным, представлял ему различные неудобства его конституции, которую он вообще рассказывал, и сим средством со начала не навлек я на себя от него подозрения, но уже тогда он увидел, что я его подозреваю в личных видах, когда я ему стал доказывать, что он вместо законного самодержавного правления поставляет самовольный деспотизм директоров, которым отдает всю высочайшую власть в руки на неопределенное время.

Я имел все право ужаснуться сего человека, и если скажут, что я должен был тотчас о таком человеке дать знать правительству, то я отвечаю, что мог ли я вздумать, что кто б либо сему поверил; изобличить его я не мог, он говорил со мною глаз на глаз. Мне казалась достаточною та уверенность, что он без содействия здешнего общества* ничего предпринять не может, а здесь я уверен был, что всегда могу все остановить, — уверенность, которая меня теперь погубила. Однако ж я намерен был ослабить Пестеля, узнать его силы и тогда, если б я увидел, что он в силах исполнить и сам намерение свое, тогда б я уже должен был прибегнуть к единственному средству обличения его пред вышнею властью, которая бы одна была в состоянии оста-

* Вместо зачеркнутого: «здесь».

новить его. Я, однако ж, полагал, что сего случая* иметь не буду, первое, потому что, сколько мне известно было, покойный, блаженной памяти государь император не предполагал смотреть войск в том краю на будущий год; второе, в последнем времени Пестель хотя и получил благодарность за полк в приказе главнокомандующего, но между тем боялся, что у него оный отымут по случаю какого-то неудовольствия на него от начальника Главного штаба армии. Тогда б он потерял всю силу, какая у него есть. О силах его я сказывал, что знаю, но замечу здесь, что нужно открыть сношения его с поляками. Я знаю, что он предлагал им отделение от России с возвратом им большой части завоеванных прежде губерний, что главные лица Польского общества в Варшаве и Царстве Польском; сколько мог разведать это, в губерниях польских если есть члены, то в самом малом количестве; в Подольской или Волынской, а может быть, в пограничных к сим губерниям уездах Киевской губернии живет какой-то Мошинский, он из членов сего общества, но, кажется, не из важных. Его знают кн. Сергей Григорьевич *Волконский и Бестужев.* Свиданья бывают на Бердичевской ярманке; может быть, также где и в другом месте. *Пестель*, кажется, в Бердичев не ездит и вообще больше пребывает в своих квартирах, то буде он сам, как кажется, ведет теперь переговоры, то или есть кто-нибудь вблизи его или приезжают к нему. Прежде он было употребил *Бестужева* для переговоров, но, кажется, остался им недоволен. Бестужев должен знать имена некоторых из значащих членов. Кажется, *Пестель* посылал кого-то в Литовский корпус, но сего утвердительно сказать не могу; также полагаю, что и Польское общество с своей стороны желало в оном же корпусе завести связи.

Давно уже я полагал существование в Польше какого-то общества под названием Соединенных славян; была в Киеве некогда масонская ложа под сим названием, но это совсем другое. Общество сие, если существует между поляками, то оно также отдельное от Варшавского общества. Но есть члены общества сего названия в 7-й или 8-й дивизии, а может быть, и в обеих, более, кажется, между артиллерийскими офицерами. Полтавского полка поручик Бестужев знает некоторых. Может быть, штабс-капитан

* Зачеркнуто: «я».

Корнилович, который теперь долго жил в Каменец-Подольской губернии, что-нибудь там узнал о всех сих обществах.

Есть один флотский офицер, кажется чином лейтанант, *Завалишин*, росту малого*, его теперь здесь нет, он, кажется, в отпуску; он член какого-то общества, которое управляется извне и, должно быть, из Англии. Он не очень давно совершал путь в Калифорнию и приехал из Камчатки или Охотска сухим путем. Мне сказывали, что будто он просил дозволения у покойного государя императора о заведении сего общества в России и что в ответ получил, что его величество не дозволяет никаких тайных обществ в подвластной ему империи и потому и сего заводить не дозволяет. И будто бы Завалишин на пути чрез Сибирь там же или уже в России, не знаю, нашел много членов, принадлежащих к сему обществу. Цели и образования сего общества я не знаю.

Сношений со внешними государствами или иностранными лицами общество, здесь, в Петербурге, существовавшее, не имело. Я сие говорю утвердительно, потому что никак полагать не могу, чтоб мне о таковых сношениях ничего не сказали, если б оные были заведены. А я с своей стороны никак бы на оные не согласился, ибо я мог заблуждаться насчет пользы государства, но не мог обманываться, что иностранные державы, когда вмешиваются в дела других, то не иначе как во вред им. Особенно же касательно России иначе быть не могло, потому что всем известно, сколько иностранные дворы страшатся ее силы.

Я здесь изложил во всей подробности, сколько мог припомнить и сколько мне известно, всю историю учреждения, состава, хода и сношений обществ; также все, что в разные времена, по доверию других или по догадкам и соображениям, мог узнать о существовании других обществ. Достоверных доказательств я не имею дать иных, кроме слова моего, и смело могу ручаться, что я из всего того, что знаю, что мог себе привести на память или что предполагаю или предполагал, ничего не исказил и умышленно ничего не утаил. Может быть также, что я не мог

---

* *Примеч. автора*: «Сколько я слышал, ибо лично я его не знаю».

припомнить имен каких-нибудь из бывших членов, но сие единственно или потому, что они были по обществу не значащими или давно уже от оного отстали; наверное могу сказать, что если не припомнил таковых, то весьма немного. Из бывших же когда-либо по обществу значащими, сколько могу убеждаться, никого не забыл. Еще может быть, что я несколько членов перемешал из одного года в другой; например, не помню, не был ли полковник Бибиков (адъютант его императорского высочества) членом общества в 1816 году; также достоверно не упомню, Владимир Пестель поступил ли в общество, учрежденное в 1818 году, или уже тогда совсем в оное не поступал. Иное что, может быть подобное же, о членах смешал, но без намерения; в сем, кажется, мне легко поверить можно, ибо сие важности составить не может.

Теперь осталось мне изложить в подробности план действия, который предполагался для исполнения переворота, навлекшего бедственные и гибельные происшествия, ознаменовавшие 14-й день сего декабря месяца. Я заранее могу уверить, что в оном все будет от меня изложено с полным чистосердечием.

Прежде нежели приступить к описанию в подробности плана, обстоятельств и действия моего в делах, приуготовивших гибельные происшествия 14 декабря, в коих я, по несчастию моему, играл столь бедственное лицо, должен я дать некоторое понятие о себе самом, об образе моих политических мыслей и об обстоятельствах, которыми я приведен был к тому, чтоб играть столь пагубное лицо и быть виновником ужасных бедствий, от того последовавших.

Не для защиты своей хочу что-либо говорить; не стану я оправдываться в преступлении, на которое нет и не может быть никаких оправданий. Не в надежде несправедливыми какими-либо показаниями избежать достойного по делам моим воздаяния; я слишком чувствую весь ужас преступления моего; слишком знаю всю величину наказания, заслуженного мною, и слишком убежден, что и продолжением до сих пор существования моего я обязан единственно неизреченному милосердию государя моего, который продолжением несчастной жизни моей по человеколюбию своему соблаговолил дать время несчастному преступнику восчувствовать всю великость своего преступления и почувствовать в душе его полное раскаяние. Но единственно хочу я говорить для того, чтобы в самую

минуту учиненного мной ужаснейшего преступления облагодетельтвовавший меня всемилосердный монарх, равно как и его высочество государь вел. кн. и почитаемые мною господа члены, Комитет составляющие, могли видеть, что я не изверг рода человеческого, что я не гнусное какое-либо исчадие ада, но несчастный, вовлеченный в преступление ложными своими понятиями, слабостию своего нрава и бедственною самонадеянностию. Чтоб видели, что я рожден чувствовать благодарность за оказываемые мне благодеяния, что сие благородное чувство не иссякло еще из сердца моего и что если я был и величайший преступник, то я не чужд спасительного чувства раскаяния и страх божий не престал исполнять души моей.

Отец мой был добрый и хороший человек, он старался поселить во мне и братьях моих чувства чести и добродетели, и я тщился* быть всегда человеком честным и истинным христианином. Я готовился поступить в военную службу и с начала поступления моего искал приобресть нужные военному ремеслу познания. Я уже описывал чувства, горевшие во мне по счастливом окончании войны с французами и побудившие меня к учреждению в то время тайного общества вместе с другими, подобно мне, молодыми людьми. Сильно было во мне чувство любви к Отечеству, я старался приобретать все познания, какие могли приготовить меня к служению ему с пользою. Тогда я не помышлял о возможности существования в России конституционного правления. Но после того ход конституционного правления во Франции, конституция, данная блаженной памяти государем императором Царству Польскому, учреждение или обещание конституций различными государями в Германии, мнение многих, что государь император Александр Павлович намерен приготовить подвластную его величеству империю к введению в оной такого же рода правления, побудили меня изучаться правилам, на коих основаны таковые правления, изыскивать, отчего конституции революционного правления во Франции состояться не могли и отчего произошли ужасы Французской революции. С сими мыслями я вступил в общество, учрежденное в 1818 году.

По возвращении моем из-за границы я хотя и остался убежден в доброте конституционной монархии, но слиш-

---

* Вместо зачеркнутого: «искал».

ком счастлив был в семействе моем, чтоб помышлять о чем-либо ином, кроме продолжения моего благополучия.

Я уже объяснил причины, побудившие меня к восстановлению общества в 1823 году. Тогда из бывших здесь членов вошло в состав общества весьма мало; Тургенев и Митьков уехали в чужие края, Нарышкин вышел в армию, действительными членами были только я, Муравьев[12], Оболенский и Рылеев; три или четыре, может быть, члена из офицеров, между коими был Вольский, которого я не знал, равно как и других, относились к Оболенскому; Рылеев принял капитан-лейтенанта Бестужева[13] и, может быть, еще кого другого; Никита Муравьев и я не принимали никого[14]. Я настаивал на том, чтоб приемы были как можно рассудительнее, чтоб не брали пустой молодежи, которая будет только болтать, кричать и наделает шуму, чем и принудит опять уничтожить общество. Но чтобы искали людей солидных, постоянных и рассудительных, на которых бы можно было надеяться, говоря, что числом достоинства не заменишь. Я восстал также против мысли, чтобы в противность Пестелевой Конституции написать другую, которую читать членам, коих будут принимать. На сие я возражал, что Конституции мы написать сообразной с духом народа не можем, ибо не имеем довольного познания Отечества своего, и что если б и написали какую, то не можем заставить ее принять. Хотя я и вступил опять в общество, но я должен признаться, что я боялся огласки, боялся горячности новых членов и неохотно занимался делами общества, так что редко виделся с членами и ограничился одними теми, которые составляли Думу, и тогда избегал разговора об обществе. Никита Муравьев, казалось мне, разделял со мною одинаковую неохоту, он только что женился тогда. Не знаю, имел ли я какое предчувствие, что это все не добром кончится, или нежелание отрываться от приятностей, которые я имел в семействе моем, мною владело. Однако ж я должен также признаться, что я имел тщеславие не казаться таковым пред товарищами, и потому, когда кн. Щербатов[15], будучи назначен корпусным командиром, предложил мне ехать с ним, то я, с одной стороны, доволен был, что удалюсь от общества, с другой — хотел и показать членам, что я имею в виду пользу общества и что там я могу ближе наблюдать и за Пестелем. Скоро по приезде моем в Киев увиделся я с Сергеем Муравьевым-

С. П. ТРУБЕЦКОЙ В РИСУНКАХ А. С. ПУШКИНА.
Перо. 1825—1826 гг.
ИРЛИ АН СССР (Пушкинский Дом)

Апостолом, который уверил меня, что он нимало не вдался Пестелю и что он с другими членами общества из их дивизии дали друг другу слово против Пестеля. Что они Пестеля не видят, но что Пестель имеет доверенность к Бестужеву, чрез которого они и наблюдают Пестеля, с которым нужна большая осторожность в сношениях, ибо он весьма подозрителен. 9-я дивизия начала ходить в караул в Киев, я стал часто видеться с Муравьевым и Бестужевым, которые оказали мне и жене моей большое участие в горести, которую мы имели, потерять брата жены моей жестоким образом[16].

Муравьев и Бестужев, приезжая в Киев, останавливались у меня; последний дал мне те известия о Пестеле, которые я сообщил, и говорил, что Пестель окружает себя дурными людьми, в пример сего ставил Василия Львовича Давыдова. Отец мой был хорошо знаком с отцом Бестужева[17], которого и я знал. Сын оказывал мне большую

привязанность, я его полюбил и с сожалением видел, что сей молодой человек при добром сердце и хорошей душе увлекается чрез меру горячим воображением. Я старался выиграть его доверенность, чтоб успеть умерить запальчивость его воображения и исправить его образ мыслей. Я видел, что хотя он и не доверяет во многом Пестелю, в коем он видит жестокого и властолюбивого человека, но между тем обольщен умом его и убежден, что Пестель судит весьма основательно и понимает вещи в настоящем их виде. Я старался оспоривать принятые Бестужевым мысли Пестеля понемногу, чтоб тем вернее достичь моего намерения, а может быть, также и от свойственного мне нрава. Я уже сказывал, какие я имел сношения с Пестелем чрез Бестужева. В последний раз, когда он ездил к Пестелю, я получил от Рылеева известие, что прошедшим летом он открыл, что капитан Якубович из личной ненависти к блаженной памяти государя императора хотел убить его величество и что Рылеев его в сем остановил, но только мог уговорить его на отсрочку до времени. Чтоб показать доверенность к Пестелю, я поручил Бестужеву сообщить ему сие известие и в ответ получил от Пестеля, как прежде сказал, что он надеется начать действие в следующем году. Приехав в Петербург, я узнал от Рылеева, что он остановил Якубовича тем, что доверил ему, что есть общество, которое имеет в виду ввести конституционное правление, что тогда Якубович ему сказал, что он надеется быть переведен в гвардию, что после того надобно ему будет съездить в Грузию, потому что генерал Ермолов его туда требует, но он оттуда будет стараться сколь возможно скорее возвратиться, чтоб иметь здесь эскадрон; что если общество хочет и имеет возможность его намерением воспользоваться, то он уведомит, когда будет готов к исполнению его, но что он непременно намерен произвести в действо свое мщение.

Я уже писал, каким образом Рылеев пришел мне сказать, что члены, собравшись, избрали меня для распоряжения и начальства в бывших обстоятельствах. Вот каков был план мой. Я полагал, что если полки откажутся от присяги, то собрать их где-нибудь в одном месте и ожидать, какие будут приняты меры от правительства; я надеялся, что если их будет достаточное число, то силою не вздумают их принуждать к повиновению, и для того, чтоб убедиться в собственной силе, должно было тот полк,

в котором откажутся люди от присяги, стараться вывести к другому, ближнему полку, что побудит и тот полк выйти, если он также отказывался дать присягу, или* также отказаться от оной. По рассказам Рылеева и Оболенского, от коих одних я сначала имел все сведения, я полагал, что не присягнут полки: Измайловский, Финляндский, Егерский, Лейб-Гренадерский, Московский и Морской экипаж. Таковую силу полагал достаточною.

Думал, что если в первый день не вступят с ними в переговоры, то, увидев, что они не расходятся и проночевали первую ночь на биваках, непременно на другой день вступят с ними в переговоры или объявят, что послали в Варшаву к государю цесаревичу. Между тем нельзя будет сим полкам отказать в продовольствии и тогда, если действительно послано будет в Варшаву, ожидать решения от обстоятельств и, если его высочество цесаревич изволит приехать, тогда покориться обстоятельствам. Если же государь цесаревич не приедет или, что я полагал вероятнее, вступят с полками в переговоры, то сказать солдатам, что есть завещание блаженной памяти государя императора, по которому завещано им убавить срок службы, что надобно вытребовать исполнение сего завещания, но просто на одно обещание положиться нельзя, а надобно сделать крепко и для того убедить их не расходиться и что если не разойдутся, то будет все сделано. Тогда требовать всего того, что написано в известной записке[18], состоящей при деле**, и чтоб все сие было объявлено Манифестом от Сената. Для полков же вытребовать*** удобное для стоянки место до окончания всего. Я не сомневался, что в сие время многие бы и другие полки к сим не присоединились и даже многие лица во всех местах не поддержали бы требования. Сие основано было на том мнении, что, вероятно, есть много людей, желающих конституционной монархии, но которые**** не являют своего мнения, не видя возможности до оной достигнуть, но когда увидят возможности, и притом, что восставшие войска никакого

* Вместо зачеркнутого: «может быть, побудить его».
** *Примеч. автора:* «Впрочем, записка сия не полагалась определительно принятою, из оной, возможно, полагалось многое уступить, исключая, однако ж, Собрания депутатов из губерний по сословиям».
*** Далее зачеркнуто: «тогда».
**** Далее зачеркнуто: «теперь».

буйства не делают, то обратятся на их сторону. Я не опасался, чтоб другие полки можно было заставить действовать против сих, но опасался одной артиллерии, почему и полагал необходимым зайти за нею и взять ее с собой. Обстоятельства должны были решить, где удобнее будет расположить полки, но я предпочитал расположить их за городом, ибо тогда в городе сохранится тишина, да и самые полки можно будет лучше удержать от разброда. Полков же армейских, как я сказывал, мы не боялись, ибо не верили, чтоб можно было подвигнуть полки на полки.

Другое предположение было, чтоб собрать все полки на Сенатской площади и как скоро вступят с ними в переговоры, то требовать в Сенате завещания, по которому убавлен срок службы солдатам (как выше сказано), а между тем требовать рассылки известного Манифеста, и тогда уже обстоятельства должны определить, где полкам быть на сборном месте, чтоб не расходиться до окончания.

Впрочем, было мнение некоторых, что если б все сие так не удалось, то идти к военным поселениям, присоединить их и ожидать окончания. Уверенность вообще была, что окончание будет по желанию.

Когда я сам стал собирать сведения с офицеров (коих я прежде показал) о состоянии умов в полках и осведомился о числе членов самого общества, то я увидел, что расположение умов не подает надежды на успех исполнения и что общество состоит из самых незначащих лиц. Но вместе с тем я видел, что много есть людей, которые начинают весьма горячиться; один раз Рылеев сказал мне, что требуют начать до предположенного времени. Между тем я знал, что были некоторые, хотевшие возмутить полки еще в день присяги, данной государю цесаревичу. Я пришел в большое замешательство. Слышал, что некоторые говорили, что и с одной горстью солдат можно все сделать, говорили о грабеже и убийствах, говорили, что можно и во дворец забраться, но на сие бывший тогда тут Батеньков возразил, что дворец должен быть священное место, что если солдат до него прикоснется, то уже ни черт его ни от чего не удержит. Я уверен, что сие его возражение от многого впоследствии бедствия удержало. Я жаловался Рылееву, что такой бунтующий дух между членами, он уверял меня, что оный успокоится.

Я не рожден убийцей; я желал отойти, видя себя между людьми, готовыми на убийства, но между тем пола-

гал, что я же или, по крайней мере, имя мое служило к возбуждению их на такие дела, и надеялся еще, что, оставаясь с ними в сношении и как бы в виде начальника, я успею отвратить зло и если необходимо должно быть чему-нибудь, то убедить их не делать беспорядков и сохранить хотя некоторый вид законности.

Но внезапу узнали мы, что курьер приехал из Варшавы (ранее, нежели я ожидал его по своим расчетам), я увидел, что горячность многих опять возгорелась; некоторые говорили, что отступать уже нельзя, ибо все может быть уже открыто, следовательно, все равно умирать. Я еще все думал сколько-нибудь помочь, уговаривая, чтоб офицеры начинали просто вопросами, почему хотят их приводить к присяге, и только тогда, если увидят, что поддерживают их солдаты, выводили их; и, увидя, что на это поддаются бывшие тут ротные командиры, кроме Арбузова, который с уверенностью говорил, что он выведет, некоторая надежда в сердце моем вселилась, что не будет ничего от других полков, кроме разве из Морского экипажа. (Я надеялся, что в Московском полку не начнется, потому что бывший тут оного полка Бестужев[19] говорил, что за ним рота не последует, ибо он только два месяца ею командует.) Я вышел, однако ж, от Рылеева в отчаянии. Я ясно видел, что принятием на себя вида начальства (хотя все распоряжения и были деланы Рылеевым, но от моего имени) и согласием, данным быть с бунтующими полками, я делаюсь виновником всего того, что последовать может, что рассуждениями моими с сими офицерами о средствах, каким образом все устроить, я подал им уверенность, что я от них не отстану, и тем, может быть, еще более их подвигнул, если они были готовы, или возбудил их, если они к тому не готовились. Укорял себя в том, что не представил им всего безумства такого намерения. Терзаем совестью, мучим страхом грозящих бедствий, я видел, что во всяком случае и я погиб неизбежно, но решился, по крайней мере, не иметь еще того на совести, чтоб быть в рядах бунтовщиков.

Присяги ожидали в 6 часов поутру. Рылеев сказал мне, что он рано уйдет в Морской экипаж, тоска души моей не дала мне сна, я в 7 часов пошел осведомиться, где Рылеев, и нашел его дома. Сердце мое отошло несколько, я надеяться стал, что все пройдет тихо, но не имел духа спросить его о Морском экипаже. В 9 часов я узнал, что уже

Конная гвардия присягнула, и послал еще к Рылееву просить его к себе, желая убедиться, что он дома, и в самом деле он приехал; тогда вновь отрада вошла в сердце мое, однако ж, я не спросил об Экипаже, сказал только, что, кажется, все тихо пройдет. Он был с Пущиным, сей, выходя от меня, говорит: «Однако ж вы будете на площади, если будет что-нибудь». Я не имел духу сказать ни да, ни нет, отвечал: «Да что ж, если две какие-нибудь роты будут, что ж может быть? Кажется, все тихо пройдет, уж многие полки присягнули». Я боялся, что если сверх моего чаяния и будет какое-нибудь возмущение, то за мной придут, почему и ушел из дому.

Из описанных мною здесь действий и помышлений моих и из сказанного мной прежде об участии моем в гибельных происшествиях 14 декабря ясно видно, что я не только главный, но, может быть, и единственный виновник всех бедствий оного дня и несчастной участи всех злополучных моих товарищей, которых я вовлек в ужаснейшее преступление и примером моим и словами моими. Я не только не заслуживаю ни малейшей пощады, но уверен еще, что только увеличением заслуженного наказания должна быть облегчена участь всех несчастных жертв моей надменности, ибо я могу почти утвердительно сказать, что если б я с самого начала отказался участвовать, то никто б ничего не начал.

Я говорил о намерении моем сохранить и посреди самого бунта и мятежа тишину и спокойствие, но по оказавшемуся последствию могу ли я теперь полагать, что я б в том успел, и не должен ли я, напротив, опасаться, что, один раз войдя уже в толпу мятежников, я при случае сделался бы истинным исчадием ада, каким-нибудь Робеспьером или Маратом. Мысль ужасная, которая ежеминутно приводит меня в содрогание! Боже милосердный! Может ли величайшее раскаяние загладить таковое преступление!

ПИСЬМА ЖЕНЕ Е. И. ТРУБЕЦКОЙ ИЗ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

[*15 декабря 1825 — 23 июля 1826 г.*]

[1825 г.]

1

1. [Вторник], 15 декабря[1]

Я жив и здоров, друг мой несчастный, я тебя погубил, но не с злым намерением. Не ропщи на меня, ангел мой, ты одна еще привязываешь меня к жизни, но боюсь, что ты должна будешь влачить несчастную жизнь, и, может быть, легче бы тебе было, если б меня вовсе не было.

Моя участь в руках *государя*, но я не имею средств убедить его ни в искренности*, государь сейчас подошел и приказал мне тебе написать только, что я жив и здоров буду**. Бог спаси тебя, друга моего. Прости меня.

Друг твой вечный Трубецкой

2

2. Вторник, 22 [декабря]

Истинно, друг мой, молитва чудеса творит. Я был болен, уныл, почти бесчувствен, не мог ни мыслить, ни молиться — теперь здоровье, вера, упование на бога и совершенная покорность его святой воле возвратились[1]. Господь услышал твою молитву, истинный мой ангел-хранитель; и будь спокойна на мой счет, я твердо уповаю, что он не отвратит от нас лица своего и более и более утвердит веру мою. Ты видишь, друг милый, что я тебе правду сказал о здоровье моем и теперь повторяю, что и грудь моя также здорова[2]. Да твое здоровье господь сохранит! Целуй Володеньку[3], сестер[4] и всех родных. Обнимаю и целую тебя от всей души. Бог благословит тебя за все добро, которое ты мне делаешь. Молись за общего нашего благодетеля[5]. Друг твой С. Трубецкой

Ты бы написала брату, друг мой, чтоб он принял в управление дом наш, надобно бы ему и денег несколько послать на содержание людям[6]. Также напиши ему и о деле нашем с Пирожковым[7], которому непременно надобно от-

---

* Так в оригинале[2].

** Слово «буду» вписано поверх строки.

дать 2 тыс. р. сер. не позднее 25 генваря. Я не знаю, нашла ли ты деньги, у меня еще довольно оставалось. Прости, ангел мой, еще раз прижимаю тебя к сердцу моему.

3

3. Среда, 23 [декабря], вечер[1]

Истинный друг мой, как услаждают меня письма твои, какую веру, упование и покорность к воле божией вливают оне в душу мою! Какую надежду они вселяют мне, что несчастие в жизни сей господь послал мне для спасения в жизни вечной! Спаситель не оставит тебя, друг мой милый, он излиет утешение на тебя, милого ангела моего. Вместе с тобою призываю я благословение всевышнего на подающего нам утешение беседовать друг с другом. Таковой глубокой благодарности, каковую я чувствую к нему, я еще ни к кому не ощущал.<...>[2]

Сейчас получил я сегодняшнее письмо твое, милый друг мой; и в каждом письме твоем я более и более вижу нежную твою любовь ко мне. Чем и когда вознагражду* я тебя за такую нежность? Друг мой, единая тебе награда от господа бога нашего. Его я молю усердно и ежеминутно о тебе, о сохранении здоровья и сил твоих и чтобы он подал тебе утешение. А о себе молю да помилует меня, да укрепит дух мой и да очистит меня в жизни сей и не лишит живота вечного. Друг мой, жизнь моя, утешение мое, целую и обнимаю тебя от всей горячности души моей.

С. Трубецкой

Поцелуй Володеньку, Лизу, всех родных, ручки у маменьки, бабушки и тетушки твоей[3]. Благодари маменьку за благословение ее.

Телом я совершенно здоров.

Благодарю за присланное евангелие, хотя и было оно уже у меня, но все твоя память драгоценна.

4

4. Пятница, 25 [декабря][1]

Я вижу, друг мой милый, что хотя мы и в разлуке, но занятия у нас одинаковые, ты молишься богу и перечитываешь мои письма, я также молюсь богу и перечитываю

---

* Так в подлиннике.

Е. П. ПОТЕМКИНА, урожд. Трубецкая, сестра декабриста.
Художник Ф. К. Гау. 1843 г.
Местонахождение оригинала неизвестно.
Публ. по: Русские портреты, т. 3, л. 68

по нескольку раз в день все твои письма. Ты знаешь, как они меня утешить могут. Не бойся на мой счет. Я себя сохраняю, надеюсь, что здоровье мое будет продолжаться хорошо. Одна у меня в мире драгоценность — твое спокойствие; чего я для него не сделаю? Ангел мой, не мучься мыслию, что, делив счастье со мной, ты не делишь страданий; неужели они не одинаковы для тебя, с тою только разницею, что не ты их виною, а я их виновник. Этого страдания дай бог тебе никогда не разделять со мной. Будь

всегда покорна богу, надейся и уповай на его благость, и тогда твое здоровье сохранится. Если б теперь ты была нездорова, когда я не могу ходить за тобою, что бы со мной было. Ради бога, береги себя.

Продолжай молить о благодетеле нашем, ты еще не знаешь всех благодеяний его[2].

Прости, друг мой, ради бога, будь покойна насчет моего здоровья и сохраняй свое.

Верный друг твой С. Трубецкой.

Расцелуй сестер твоих и мою, всех родных и Володеньку.

Вечер, 9 часов.

Сию минуту, нежнейший друг мой, получаю письмо твое сегодняшнее; ангел мой, прости мне наведенное тебе нынешний день горе, верь, что я б не оставил твою просьбу без внимания, если б уже не предупредил оной исполнением того, о чем ты меня просишь[3]. Ради Христа спасителя, будь покойна.

5

5. Понедельник, 28 дек[абря]

Третий день не имею я об ангеле моем никакого сведения. Трепещу я от мысли, что, может быть, и до сих пор я не успел в том, чтоб были довольны мной. Душа моя, несчастный друг мой, верь, что я все старание употребляю, чтоб были мной довольны и чтоб не сделать тебя еще несчастнейшею[1]. И скажи, чем я иным могу заслужить какую-либо малейшую пощаду, как не откровенным признаньем и чистейшим раскаянием. Еще трепещу я, что, может быть, недостало у тебя сил снести вторичный удар, нанесенный тебе мной[2]. Может быть, ты жестоко больна. Эта мысль сокрушает сердце мое, раздирает душу. Друг мой, несчастный друг мой, если оно так, то у меня уже недостает сил снести сего. Ангел мой, ты все уговариваешь меня, чтоб я берег здоровье свое, но не меньше ли бы ты мучилась, если б все уже со мной свершилось. Каждая минута жизни моей не есть ли уже для тебя минута мученья. И если жизнь моя продлится, то что от того для тебя произойдет, кроме терзаний и несчастья. При всем милосердии государя он не может и не должен меня пощадить. Он не может не осудить меня на самую ужаснейшую участь, если жизнь мне оставляет. Скажи мне, друг мой, какая же может быть твоя участь, если жизнь моя продолжится. Ка-

кую горькую чашу я заставил тебя пить. Нет сил думать о том. С. Т.

6

6. Вторник, 29 дек[абря]

Никакими словами не могу выразить тебе, ангел мой, радость, которую почувствовал, получив вчера письмо твое[1]. Верь, друг мой, что все силы мои будут направлены к тому, чтоб не ввергнуть тебя еще в горестнейшее положение. Одно есть и будет навсегда единственным помышлением моим; одним этим могу я еще явить тебе, что ты живешь в сердце моем, ибо иного сделать для тебя возможности уже я не имею. Бывшего уже возвратить не могу. Боже мой! Самую душу мою положив за благодетеля нашего, могу ли я еще довольно и тем явить ему всю благодарность мою за его благодеяния[2]. Бог один может воздать ему.

Получив вчера вечером письмо твое, я стал уже бояться, чтоб мое вчерашнее письмо не погрузило тебя в глубокую печаль. Несчастный друг мой, часто я думаю, что одно прекращение существования моего может возвратить тебе сколько-нибудь из спокойствия, которое я столь варварски у тебя отнял. Но не страшись, друг мой, мысли сей, верь, что я ничего для сего не сделаю, что я даже стараюсь сохранить здоровье свое, что оно уже и так, может быть, слишком хорошо для спокойствия твоего. И верь, что если богу угодно продлить мою жизнь, как бы она бедственна мне ни являлась, я повинуюсь всемогущей воле его с должною покорностию. Может быть, господу угодно дать мне время для раскаяния, изгладить сколько-нибудь вины мои, покаянием в сей жизни открыть путь к животу вечному.

Итак, если к твоему спокойствию почитаешь ты нужным здоровье мое, то не беспокойся об оном, друг мой, ты видишь, что оно хорошо, я бы не стал тебя обманывать. И будь уверена, что я не пойду против воли господа моего и во всем совершенно покорюсь святому суду его и все приму с сердцем умиленным, будь на сей счет совершенно спокойна. От души обнимаю тебя, ангел мой.

С. Трубецкой

Поцелуй Володеньку, занимайся им, вспомни, что ты взяла в рассуждении его на себя обязанность матери, а те-

перь и отцом должна служить ему. Поцелуй сестер, всех родных и молись; да господь помилует меня и не отринет истинного и великого раскаяния моего.

7

7. Четверг, 31 [декабря]

Сам бог послал мне вчерашнее письмо твое, нежнейший друг мой[1], если б ты знала, какими горькими мыслями наполняло меня приближение первого дня Нового года. Я не стану поминать об них. Ты, как ангел хранитель, пришла и усладила горечь сердца моего, ты успокоила волнующееся мое воображение. Ты заставила меня пролить слезы чистейшей благодарности господу моему за посланную мне скорбь и снова утвердила покорность мою к его святой вере. Друг мой, я надеюсь, что я жребий свой перенесу с тою покорностию, с которою я обязан перенесть его, я сам навел его на себя.

Я заслужил свою участь, как бы она тяжка ни была, и уповаю, что всегда буду благословлять карающую меня десницу. Но, несчастный друг мой, не может мне не быть тяжела мысль о том, какой я удел изготовил тебе. Тебе, которая питаешь ко мне такую чистейшую любовь, которая, забыв совершенно себя, помышляешь единственно обо мне. Друг мой, легко нельзя снести мысли, что от меня зависело продлить твое счастье и что я его разрушил. Но будь покойна, ангел мой, ты же сама даешь мне силу и сию ужасную мысль перенесть. Ты отгоняешь от меня излишнюю тоску, унынье и отчаяние; но оставь мне раскаяние и благодари благость божию за послание мне сего спасительного чувства. Оно одно может поддержать и веру и покорность мою. Прости, друг мой. Храни свое здоровье и верь, что я тебя насчет моего не обманываю. Мысленно обнимаю тебя и целую, милого ангела моего.

С. Трубецкой

Я сам виноват, что ты не имела известия от меня с субботы до понедельника. Письмо мое до тебя не дошло, и я благословил руку, удержавшую его[2]. Сделай милость, береги свое здоровье, оно мое единственное благо на земле.

8

10. Вторник, 5 ген[варя]

Вчера, друг мой, получил я письмо твое от воскресенья[1] и вижу из него, что ты все еще неспокойна насчет моего здоровья. Успокойся, друг мой, я, право, тебя не обманываю. Я здоров, ни грудь у меня не болит, ни кровью я не харкаю. Может быть, богу угодно укрепить мое здоровье, чтоб чрез ослабления тела не изнемог дух; и я благодарю его за сию милость, ко всем прочим приданную. Ты молишься о сохранении меня, милый ангел мой, и господь слышит молитву твою. О сколько и я молю его о тебе и сколько благодарю его за тебя! Вчера, получа твое письмо, я во весь день ничего более не мог делать, как перечитывать его и молиться богу. Ангел мой, как в нем выражена вся любовь твоя ко мне! Где мне сыскать слова, чтоб сказать тебе все, что я чувствую? Ты единственно желаешь быть со мной, делить судьбу мою и скорбь мою, со мной молиться, укрепить веру мою и раскаянье. Ангел мой, я крепко уповаю, что бог услышит все твои молитвы. Ты не молишься, чтоб бог избавил нас от участи, которая нам суждена; друг мой, участь моя, как бы она горька ни была, не страшила меня для меня собственно, я ее заслужил и для себя снес бы ее с покорностью, но для тебя она меня ужасала, и ты умела и на сей счет меня успокоить. Верный друг мой, какое благодеяние письма твои! Сколько раз в день я преклоняю колени перед господом и благодарю его от глубины души моей за сию великую милость, молю его, да воздаст он всещедрою десницей своей благодетелю, дозволившему мне иметь сие наслаждение, он спас меня через него и здесь и в жизни вечной. Молю о том, чтоб я не оказался ему за сие великое благодеяние неблагодарным; но чтоб та истинная и глубокая благодарность, которую я чувствую каждый день более и более, утверждалась в сердце моем во все дни живота моего. Обнимаю и целую тебя от всей души моей. Ожидаю блаженной минуты, когда прижму тебя к сердцу моему. Я так же, как и ты, милый друг мой, несравненно спокойнее с тех пор, как имею неожиданную сию надежду.

Все, чего я более страшился, это не видеть тебя, и сей страх господь рассеял; как мне не молить и не благодарить его за неизреченное его милосердие и как не молить за

благодетеля, рукою коего он изливает на меня столь несказанные щедроты[2].

С. Трубецкой

Поцелуй Володеньку, Лизу и всех твоих.

9

11. Среда, 6 генв[аря]

Я рад был видеть, друг мой, из третьегодняшнего письма твоего, что ты спокойнее на счет мой. Бог меня подкрепляет, и я не перестаю благодарить его и молиться ему. Сколько могу судить о чувствах моих, то истинно предаю себя воле божией, и кажется мне, что покорность сия всякий день увеличивается. Насчет будущей участи моей, молю только об одном, милый друг, чтоб не быть с тобой в разлуке. Друг мой милый, не просить счастия быть опять с тобою вместе я не в силах. С тобою будучи, я чувствую, что я все могу перенести; один взгляд твой вознаградит все претерпенное страдание. И теперь живу я одной надеждой видеть тебя; если б ты знала, ангел мой, как эта надежда во всем меня укрепляет. Ежеминутно молю бога, чтобы он сохранил тебя и чтоб разлука наша не была вечной; чтоб он подал мне средства заслужить скорейшего с тобой соединения. Береги себя, ангел мой, ради Христа, береги себя. Ты мне пишешь, что ты крепка, что ты здорова; душевной силе твоей я верю, я знаю, с каким усердием ты прибегаешь к богу, и уверен, что господь тебя подкрепляет, но о здоровье твоем я, признаюсь, не очень верю тому, что ты пишешь; я боюсь, чтоб оно не пострадало от грусти. Прошу, умоляю тебя, ангел мой, старайся сохранить его. Ты видишь сама, как ты мне нужна и в сей жизни и для будущей; чрез тебя только могу я иметь какое-либо утешение, и только чрез тебя я могу спастись. Ради самого бога, храни себя, мой друг, мой милый ангел, не дай мне быть еще твоим убийцей. Не может быть, чтоб грусть на здоровье твое не действовала сильно, не предавайся столько грусти, бесценный друг мой, жизнь моя, старайся ее рассеять надеждою, которую крепкая вера твоя и упование не могут не послать тебе. Пиши мне всю правду о состоянии твоего здоровья, не думай, что мне легче будет, когда ты будешь что-либо скрывать от меня насчет оного. Друг мой, если оно не так хорошо, как бы я желал, чтоб оно было, то, зная это, я буду молиться, и усердную молитву бог услышит, как бы грешен ни был; то не лиши

меня, ангел мой, утешенья молиться и просить у бога то, что тебе нужно.

Занимайся Володенькой, ласки этого маленького ангела сколько-нибудь усладят тебя, и попечение твое об нем доставит тебе сколько-нибудь сладостных минут, которых я уже не могу тебе доставить. Друг мой, как грустно мне, когда я подумаю, что я навсегда отогнал улыбку с милого лица твоего, что слезы суть все утешение, которое я тебе оставил. Ангел мой, могу ли я простить себе эту жестокость?

Займись сколько-нибудь делами нашими; напиши брату[1] о них и поручи ему все устроить, как он придумает лучше или как ты рассудишь. Напиши брату Петру, узнай, каков он после жестокой своей потери и что его дети? Я, ты знаешь, ничего о нем не знаю после уведомления о смерти Лизы[2].

Ради бога, друг мой, храни себя из любви и из жалости к несчастному и виновному другу твоему. Если он обрек тебя горю, то ты не ввергни его в отчаяние.

С. Трубецкой

10

15. Понедельник, 11 генв[аря]

По отправлении вчерашний день письма моего я стал бояться, милый друг мой, чтоб ты не заключила из него, что я предаюсь тоске вместо того, чтоб прибегать к единственному всемилосердному утешителю всех грешных кающихся, взявшему все грехи мира и зовущему нас к себе господу, спасителю нашему, Иисусу Христу. Успокойся на сей счет, милый друг мой, если письмо мое обеспокоило тебя. Бог — одно прибежище и единственное упование мое; я твердо верю, что он, по благости своей, примет чистосердечное раскаяние мое и очистит душу мою. Но, милый друг мой, господь бог не иначе примет покаяния моего, как когда я буду вполне чувствовать все согрешение мое, а это самое чувство не может быть ничем другим, как ужасным бременем на душе моей и должно быть таковым во всю жизнь мою. И потому нельзя не думать мне весьма часто, сколько бы я спокоен был в совести моей, если б я не навел на душу мою такого жестокого бремя. Я думал о сем, когда писал к тебе вчера, и потом стал бояться, чтоб письмо мое не извлекло горьких слез из глаз твоих, но оно

было уже отправлено. Ангел мой, когда уже единственным утешением оставил я тебе слезы, то, по крайней мере, желал бы, чтоб сколько менее заставить тебя проливать горьких. И тебя, в свою очередь, прошу, друг милый, не предаваться тоске, но продолжай молить за меня, чтоб господь помиловал и поддержал меня в тех чувствах, за которые я столько благодарю милосердие моего создателя и которые каждое письмо твое укрепляет во мне. Храни себя, друг милый, и помни, что какая бы судьба меня ни ждала, чрез тебя одну я снесу ее с твердостию и чрез тебя одну могу снискать спасенье в вечности и умоляю бога моего принять глубокое мое раскаяние, ибо ты одна можешь укрепить веру мою и совершенную покорность. О здоровье моем не беспокойся, оно крепко. Бог укрепляет тело мое. Да сохранит тебя господь бог, милый друг мой, и да не лишит меня радости прижать тебя к сердцу моему и быть с тобою когда-нибудь. Прости, мой ангел, целую тебя от всей души моей.

С. Трубецкой

Пошли, друг милый, поздравить от себя завтра Татьяну, а послезавтра мачеху мою, оне помолятся обо мне[1].

11

17. Среда, 13 генв[аря]

Ангел милый, когда я перечитываю письма твои, то мне кажется, будто я слышу голос твой, кажется, будто вижу выражение лица твоего, и каждое слово глубоко входит в душу мою. Сегодня получил я вчерашнее письмо твое, и так ты мне живо представилась, казалось, каждое слово в нем написанное, выходит из уст твоих. С каким утешением я его перечитываю! Я знаю, друг мой милый, что ты ни о чем не будешь жалеть, если бог приведет нас быть вместе; ты не будешь жаловаться на судьбу свою, какая бы она ни была: но, друг мой истинный, не могу же я не жалеть, что утратил у тебя ту участь, которую господь судил тебе; не могу я не вспоминать ежеминутно, что я один причиной теперешней горькой твоей участи и будущей. Ангел мой, я был прерван поданным мне от тебя письмом, писанным сегодня; оно вызвало у меня из глаз ток горячих благодарностию слез, которые пролил я перед всемилосердным богом, утешителем несчастных. Я не могу описать тебе, какую надежду вселила в меня уверенность, которую ты изъяв-

З. И. ЛЕБЦЕЛЬТЕРН, урожд. Лаваль, свояченица декабриста.
Неизвестный художник. Не позднее 1827 г.
Местонахождение оригинала неизвестно.
Публ. по: Вел. кн. Николай Михайлович.
Донесения австрийского посланника при русском дворе
за 1816—1826 гг. СПб., 1913, с. XI

ляешь, что всемилосердный отец наш небесный не лишит нас счастья быть опять вместе когда-нибудь. Государь наш так милостив, что нет милости, которой бы мы не могли ожидать от него Боже мой, зачем я столь виновен пред ним, ах, ангел мой, если б ты знала, как тяжело быть пред ним

преступником! Но сего уже воротить я не могу. Молю бога только, чтоб он подал мне какую-либо возможность уверить благодетеля нашего, что я чувствую и мое преступление и его благодеяния и что, по крайней мере, сердце мое не неблагодарное.

Я не мог продолжать, ангел мой: ты легко угадаешь чувства, которые вырвали у меня перо из рук. Хочу успокоить тебя, друг мой, насчет веры моей. Не страшись, друг мой, чтобы сомнения в милосердии божием коснулись когда-либо сердца моего. Нет, друг милый, в этом неизреченном милосердии лежит все упование мое. Оно уверяет меня, что бог примет мое раскаяние, и оно поселяет в душу мою совершенную покорность к воле его святой. Я знаю, что бог слышит призывающих его, принимает истинно кающихся и знает лучше нас, что для нас нужно, и я совершенно предаю себя в волю его святую. Не могу только, милый друг, не молить, чтоб он соединил нас когда-нибудь и чтоб не отдалил столь нетерпеливо ожидаемые минуты свидания, чтоб наставил меня, если я могу что сделать для ускорения вожделенной сей минуты. Ты пишешь, друг мой, чтоб я старался заслужить счастье увидеть тебя и благополучие быть опять когда-нибудь вместе. Ангел мой, заслужить я не имею никакой возможности; все, о чем могу молить бога, то чтоб он дал мне не сделаться еще более недостойнейшим милостей государя моего, и я надеюсь, что господь услышит теплую молитву мою. Прости, друг мой, ангел мой утешитель, бог сохранит тебя и наградит тебя за горячую веру твою и любовь твою к несчастному другу твоему.

С. Трубецкой

Мысленно прижимаю тебя к бедному сердцу моему, друг мой, и прошу тебя хранить себя. Поцелуй Володеньку, сестер, и родных твоих, и мою сестру; когда увидишь, и Никиту[1], выздоровел ли он?

12

19. Пятница, 15 генв[аря]

Тяжелы были для меня, ангел мой, дни вчерашний и третьегодняшний: тяжел и сегодняшний, этих три несчастных числа будут в каждом месяце для меня самыми тяжелыми днями[1].

Понимаю, друг милый, что и тебе тяжел сегодняшний день; месяц минул, ангел мой, что мы в жестокой разлуке.

Л. А. ЛЕБЦЕЛЬТЕРН, свояк декабриста.
Художник Маттес. 1822 г.
Местонахождение оригинала неизвестно.
Публ. по: Русские портреты, т. 5, л. 68

Молю бога, чтоб он подкрепил тебя, милый друг мой. Неполучение от тебя письма усугубило тяжесть вчерашнего дня. Благодарю бога, однако ж, молитва поддержала меня; вера моя в неизреченное милосердие божие и покорность к святой его воле не ослабли. Он не оставит нас до конца, он

услышит усердные наши молитвы, он примет покаяние мое и очистит душу мою, он сохранит тебя, ангела моего, утешителя, тебя, которая всю жизнь свою посвящает несчастному другу твоему, ввергнувшему тебя в бездну горестей, и которой единственно одною тобою может и жить и спасен быть в жизни вечной. Я твердо уповаю, друг мой, что всемилосердный бог нас помилует и не разлучит нас навеки. Он соединит нас когда-нибудь и даст мне на самом деле прижать тебя к сердцу моему, как я сие делаю теперь мысленно.

С. Т.

Сию минуту получил твое письмо, но прочесть еще не успел.

13

20. Воскресенье, 17 генв[аря]

Вчера, друг милый, я не мог писать к тебе, и это было мне очень грустно, потому что ты проведешь день без известия от меня. Я же имел, душа моя, от тебя письма и третьего дня и вчера и теперь получил от вчерашнего дня. Еще и кроме того я имел о тебе известие; мне сказывали, что ты здорова[1]. Благодарю бога моего, что он хранит тебя; благодарю его, что и ты меньше беспокоишься насчет моего здоровья; и чтоб ты видела, что я на сей счет ничего от тебя не скрываю, то я скажу тебе, что вчера весь день у меня болела левая щека, кажется, от зуба сделалась опухоль, которая сегодня очень уменьшилась, и боль совсем прошла. Не думай, однако ж, что это мне препятствовало вчера писать к тебе. Не стану, друг мой, описывать чувств, которые возбудили во мне последние три письма твои, на это ни времени, ни слов бы недостало, скажу тебе только, что каждое письмо твое, ангел мой, трогает меня до самой глубины души моей. В каждом письме твоем, можно сказать в каждой строке, вижу беспредельную любовь твою к несчастному твоему другу, который не умел сохранить того благополучия, которым наделил его всещедрый отец наш небесный. Как ты хочешь, друг мой, чтоб воспоминание об утрате блаженства, коим я наслаждался, не было бы для меня горестно! Особенно, друг мой, когда я думаю, что я сам единственный тому виновник.

Друг милый, я знаю, что ты все в состоянии перенести, если только бог, по неизреченному своему милосердию, приведет нас опять быть вместе. Я знаю, что ты никогда не

будешь жаловаться на меня (даже и в душе своей), какую бы участь я тебя не заставил терпеть; я знаю, ангел мой, что ты найдешь для себя утешенье и в раскаянии моем и в покорности моей к воле божией. Но, милый друг мой, невольно иногда устрашаюсь я, чтоб когда ты увидишь меня в униженном состоянии, покорность твоя к пресвятой воле творца нашего не ослабела. Помни, друг мой, что как бы участь моя ни показалась тебе жестокою, но я ее вполне заслужил; помни, что уже и сохранение жизни моей до сих пор есть неизреченная милость и что я не имею никакого права роптать ни на что, что бы мне суждено ни было. Вспомни тогда, сколько уже благодеяний оказал нам милосердный государь наш, и ты примешь с покорностию судьбу, которую он нам судит. Ты говоришь справедливо, друг мой милый, что одним только чистосердечным признанием могу я убедить его в искренности моего раскаяния и в глубокой благодарности, которую я чувствую за его к нам благодеяния. Конечно, друг мой, я для этого иных средств не имею; но и здесь, милый друг мой, мне необходима всемогущая помощь милосердного бога моего. Он только один может обнаружить мое чистосердечие и твердое желание мое быть откровенным, ибо я потерял уже все права на то, чтоб верили моему слову; об этом-то, милый друг, я молю бога моего непрестанно. Он один видит душу мою и сердце мое; ему одному нужно мое раскаяние, ибо он призывает грешников к покаянию; и в нем одном ищу я и буду искать утешения и кротости. Он даже мне поможет в том, и я крепко уповаю, что ни раскаяние мое, ни вера, ни покорность к его святой воле не ослабнут. Другим, конечно, не нужно мое раскаяние, оно нужно мне, ибо чрез него только могу я очиститься от грехов моих, им одним могу заслужить, чтоб небесный отец наш не затворил мне входа в вечную обитель свою; оно нужно для тебя, истинный друг мой, ибо им только одним могу тебе воздать сколько-нибудь из спокойствия, которое я столь жестоко у тебя отнял. Оно нужно мне еще, чтоб доказать, что я чувствую оказанные благодеяния и молю бога, друг мой, от чистого сердца, чтоб оно каждый день, всякую минуту было сильнее чувствуемо в душе моей. Я твердо верю, друг мой, что господь бог нас услышит, теплые наши молитвы и не отвратит лица своего от нас. Прости, друг мой, будь здорова и сколько можно покойнее на мой счет; и будем продолжать воссылать к богу нашему теплые молитвы наши; он помилует

нас, соединит нас и даст мне прижать тебя к сердцу моему, которое одною тобою бьется.

С. Трубецкой

Поцелуй Володеньку, Лизу и всех твоих.

14

22. Вторник, 19 генв[аря]

Вчера, друг милый мой, надежда моя не обманула меня; я получил письмо твое от 17-го, а сегодня получил и вчерашнее письмо твое, в котором ты грустишь, что не имела от меня известия в воскресенье, и страшишься за здоровье мое. Мне всегда бывает грустно, когда ты проводишь день без письма от меня, но прошу, друг мой, в такие дни не беспокойся о моем здоровье, оно, право, хорошо. Как бы оно худо ни было, оно не попрепятствовало мне написать к тебе хотя несколько строк, и состояния здоровья моего я бы не скрыл от тебя, следственно, не думай, что эта причина может помешать мне писать к тебе, но какая-нибудь другая, от меня не зависящая. Ради бога, друг мой милый, не прибавляй к горести своей излишними страхами*, которые наводит на тебя воображение твое: в такие минуты прибегай с молитвою к милосердному богу нашему. Ты видишь, друг милый, он, по благости своей, хранит нас до сих пор, следовательно, воля его на нас еще не исполнилась; хранит он нас для какого-нибудь конца, и уверенность наша в неизреченном милосердии его должна убедить нас, что он хранит нас для благой для нас конец*. Мы нетерпеливо ожидаем обещанного милосердием государя нашего благодеяния увидеть друг друга, но если до сих пор еще благодеяние сие не могло исполниться, стало быть, друг мой, нет еще на то воли божией. Будем просить, чтоб он нам послал терпение и покорность и сделал бы нас достойными сей милости. Я всякий день усердно молю его о том, чтоб он не попустил меня сделаться недостойным сего благодеяния, и твердо уповаю, что он, по благости своей, откроет мне к оному путь. Мы не можем, друг мой милый, угадать, когда придет сия счастливая минута. Может быть, тогда, когда бы мы ее вскоре ожидали, то она весьма далека от нас, а может быть, когда вовсе не ожидаем ее вскоре, то она наступит. Друг мой, мог ли я ожидать такой вели-

---

* Так в оригинале.

кой милости, чтоб она обещана была нам? Или мог ли я ожидать, что мне дозволено будет пользоваться благодеянием писать к тебе и получать твои письма? И ты видишь, друг мой, что мы имеем сии несказанные милости, коих мы и ожидать не могли. Чему мы обязаны за такие благодеяния? Не единственно ли благости божией? Господь не хотел погубить нас до конца, и государь возымел милосердие к преступнику, который его не заслуживал. Так и теперь и впредь, милый друг мой, я не могу ничего заслужить, но от милосердия всего ожидать могу, как бы ни был оного недостоин. Все, что я могу делать, это быть благодарным и искренним; первым невозможно мне не быть, если есть во мне какое чувство и если я хотя малейшее имею раскаяние, а вторым не только чувство прегрешения моего и благодарность заставляет меня быть, но и простой расчет должен к оному понудить, ибо могу ли я скрыть что-нибудь, что бы ни открылось? Бог все устраивает к лучшему, милый друг мой, и не станем вопрошать его. Покоримся воле его святой, и когда он посылает нам наказание, то оно справедливо, а если посылает испытание, то да вера наша не ослабеет! Обратимся к нему с молитвою, и он сам поможет нам все перенести, что он нам посылает, и за все благодарить его, и укрепит веру нашу в могущество и в милосердие его. Ты сама говоришь, милый друг мой, что без помощи божией мы не в состоянии ни здраво рассуждать, ни чувствовать как должно и что ты надеешься, что он нас не оставит милостию своею, что он веру нашу подкрепит, слезы, раскаяние наши примет, увеличит это раскаяние, пошлет нам дар молитвы и помилует нас *не ради нас самих, но ради неисчерпаемого своего милосердия*. Итак, друг мой, не станем ослабевать, но будем уповать и молить, чтоб упование наше на него усилилось и укрепилось. Сам бог сказал апостолам своим: «Все, чего ни попросите в молитве с верою, получите». И в другом еще месте Христос говорит: «Ежели двое из вас на земле согласятся просить о чем-либо, все то будет дано им от отца небесного». Будем же, друг мой, молить бога непрестанно с усердием и верою, и он не оставит нас. Прости, друг мой, целую тебя от глубины души моей.

С. Трубецкой

Володеньку, сестру мою и твоих целую; родителей твоих и всех родных. Ради бога, милый друг, старайся быть покойнее и сохрани здоровье и жизнь твою для несчастно-

го друга твоего. Тем только можешь ты и меня сохранить, друг мой. Возьми предосторожности от прежней своей болезни.

15

23. Среда, 20 генв[аря]

Друг мой, ангел мой, какой ты день провела третьего дня![1] Как усердно призывал я имя господне и молю бога моего, чтоб ужасное беспокойство, в котором ты была, не имело последствий вредных для твоего здоровья! Милый ангел мой, как здоровье твое нужно для меня; ради самого Христа, спасителя нашего, храни его и сохрани себя от беспокойств, подобных тому, в котором ты была в понедельник. Друг милый, в такие минуты призывай бога на помощь с твердою верою во благость и милосердие его. Ты видишь, друг мой, как бог милостив, как он хранит меня, который недостоин его великих милостей. Уповай твердо, ангел мой, что он, по милосердию своему, не оставит меня. Он видит, что существование мое нужно для сохранения жизни твоей. Он помилует и спасет нас. Ради бога, ангел мой, не предавайся подобному беспокойству и чрезвычайной горести, этим одним ты можешь сохранить себя для несчастного друга твоего. Не увеличь его несчастия еще тем, чтоб он должен был еще более страшиться за тебя. Ангел милый, ради бога, береги себя и верь, что никакая болезнь не попрепятствовала бы мне написать к тебе хоть одну строчку, и я тебя не буду обманывать насчет моего здоровья. За тебя я страшусь ежеминутно, я все боюсь, что твои силы не выдержат всей горести, которую я тебе причинил, и беспрестанно молю бога, чтоб он послал бы тебе терпение, покорность и какое-нибудь утешение, чтоб он укрепил тебя в силах твоих и сохранил тебя. Друг милый, я тем только несколько успокаиваюсь, что надеюсь, что вскоре, по отправлении ко мне вчерашнего твоего письма, ты получила мое письмо от 17-го, но я очень неспокоен о последствиях беспокойства, в котором ты была. Ради бога, друг мой, умоляю тебя, не скрой от меня истину, опиши, в каком ты положении была с понедельника, и подробно скажи, как ты с тех пор чувствовала себя. Прости, друг мой, укрепи дух твой молитвою. Право, друг мой, я душевно верю, что бог, по милосердию своему, поможет в том тебе и сохранит тебя. Обнимаю и целую тебя от всей горячности любви моей.

С. Трубецкой

16

24. Четверг, 21 генв[аря]

Милый друг, какой я день провел вчера! После письма твоего от вторника я еще не имел от тебя известия, и если б ты знала, что в душе моей происходит. Только беспрерывная молитва могла несколько успокоить меня вчерашний день и уменьшить страх на несколько минут, а потом опять он стеснил сердце мое. Друг милый, с каким ужасным нетерпением жду я твоего письма от вчерашнего дня. Одно только твое уверение может меня убедить, что ты в силах была перенести беспокойство не иметь два дня моих писем[1]. Друг мой неоцененный, только одна надежда, что бог услышал горячие молитвы, которые я ему воссылал с получением твоего письма с 19-го, поддерживает меня. Что бы со мной было, если б я не верил в милосердие божие и не надеялся, что он, по благости своей, избавит меня от такого ужасного удара и сохранит тебя! Ах, друг милый, как я жду твоего письма! Ради бога, друг мой, заклинаю тебя той горячей любовью, которую ты ко мне имеешь и которую я к тебе чувствую, не беспокойся в другой раз насчет моего здоровья, когда не получишь письма от меня. Уверяю тебя, что состояние моего здоровья никогда не помешает мне писать к тебе. Друг мой, если б ты знала, какие ужасные воображения во мне бродили и какой страх в сердце моем на твой счет! Не могу я продолжать писать, буду молиться о тебе и надеюсь, что господь сохранит тебя и даст мне получить сегодня от тебя письмо. Я твердо верю, что он нас не оставит милостию своею.

С. Трубецкой

Ради Христа, ангел мой, береги себя. Неужели ты думаешь, что я могу жить без тебя? Слава богу, друг мой, получаю письмо твое столь долгожданное. Не беспокойся обо мне, я здоров, и последствий от вчерашнего моего беспокойства для моего здоровья никаких не будет. Храни только себя, ради бога.

17

28. Среда, 27 генв[аря]

Милый друг, из полученных мною сегодня вчерашнего и третьегодняшнего писем твоих я вижу, что ты не имеешь писем моих после того, которое я тебе писал в пятницу, и причину тому полагаю ту, что письма мои были слишком

велики, ибо и вчерашнее письмо возвращено мне по сей же причине[1], почему вперед я буду писать к тебе только короткие письма и тебя прошу то же делать, чтоб они могли к нам доходить. Из возвращенного мне вчерашнего моего письма ты бы видела, милый друг мой, что я приготовлен на все то, о чем ты пишешь в письме твоем от понедельника[2], я очень рад был видеть из него, что ты на все готова, что нам остается перенесть в жизни сей; меня очень тревожило, чтоб ты не слишком страшилась на мой счет, и о том я к тебе писал; но теперь я на сей предмет покоен. Я очень знаю, друг мой, что суждения людей на мой счет будут очень строги и тем строже, чем милосердие государя нашего больше. И потому не должен я искать сострадания даже и в самых ближних. Ты и сестра можете одни меня любить столько, сколько любите. Обнимаю вас обеих от глубины души. Бог тебя сохранит, ангел мой.

С. Трубецкой

18

29. Четверг, 28 генв[аря]

Поздравляю тебя, милый ангел мой, приобщившись святых христовых тайн. Мне что-то говорило, что ты сегодня будешь причащаться, и нынче рано поутру я получил вчерашнее письмо твое, которое в том меня удостоверило. Друг мой, усердно я молился о тебе и о себе, и бог вложил мне в сердце те же чувства, которые я нашел в письме твоем; благодарю его, что он чувствами нас соединяет, когда телами мы разлучены. Не могу никак выразить тебе, ангел мой, первый друг мой, что произвели в душе моей последние три письма твои; чистая и беспредельная любовь твоя ко мне, единственное желание, ощущаемое тобою, делить вполне участь мою, как бы она жестока ни была, твердая вера твоя в милосердие божие и совершенная покорность к святой воле его — все эти чувства твои исполняют сердце мое живейшей благодарностию к милосердному богу моему; все эти чувства, друг милый, я вполне делю с тобою и молю создателя моего, чтоб он навсегда изгнал из сердца моего все нехристианские чувства, которые могли бы еще в нем укрыться. Ты знаешь, друг мой, что сердце мое всегда было чуждо злобы и ненависти, бог хранил меня от сих враждебных чувств, и теперь ничто не исполняет сердца моего, кроме чувства благодарности; могу ли я не приносить оной господу моему за все его милосердие и за благодеяния,

оказываемые мне государем моим. Во всю жизнь мою не престану молить бога, чтоб он сторицей воздал ему за то, что он для меня сделал; и в моих молитвах, как и в прочих, душа моя неразлучна будет с твоею, милый ангел мой. Прижимаю тебя к сердцу моему. С. Трубецкой

19

32. Воскресенье, 31 генв[аря]

Сегодня я получил вчерашнее письмо твое, милый друг мой, и так же, как и ты, я всякую минуту живее чувствую, какое благодеяние для нас позволение переписываться. Ты писала прежде, друг милый, чтобы я решился снести все, что бы нас ни ждало, с чувством истинного христианина; я крепко надеюсь, что бог мне в этом поможет. Физические страдания могут быть только: труд, нужда, недостатки; всему этому есть мера, ибо свыше меры тело человеческое выдержать не может; притом же бывают и болезни, в которых человек терпит несравненно более, нежели вообразить можно. Но именно против нравственных страданий должно просить силы у бога; эти страдания предстоят нам от большей части знакомых, приятелей, друзей и родственников, от всех тех, кому мы были или будем известны, и от них никакая власть избавить нас не может, даже самое милосердие государя нашего их более увеличит, как я прежде писал тебе. Умереть для мира есть одна возможность уменьшить их; и я надеюсь, что бог и в сем не оставит нас сильною своею помощию. Прости, друг мой, от души обнимаю тебя. Я здоров.

С. Трубецкой

20

33. Понедельник, 1 февр[аля]

Милый друг, из полученного мной сегодня вчерашнего письма твоего вижу, что бог укрепляет тебя, и из глубины души моей благодарю его за сию великую милость. Ты пишешь, милый друг, о истинно родительских чувствах, которые маменька твоя имеет ко мне; друг мой, я слишком познал на опыте, сколько она и все родные твои любили меня, чтоб усумниться в том участии, которое они во мне принимают[1]; тем еще больнее для меня, что я им причинил такую грусть; для них суждения людей на мой счет будут, может быть, еще тяжелее, нежели для нас самих, ибо многих из них, может быть, мы не услышим, и к тому ж я

слишком знаю, что я сам виноват, что возбудил против себя сии суждения, в которых не только то, что достойно осуждения, но что и невинно, или даже и недурные поступки мои будут истолкованы самым неблагоприятным образом; но я все это заслужил, друг мой, и должен все принять с покорностию, как заслуженное наказание. Будь здорова, ангел мой, целую тебя от всего моего сердца.

С. Трубецкой

21

35. Среда, 3 фев[раля]

Очень помнил, милый друг мой, какие горестные воспоминания должен был привести тебе вчерашний день и все эти дни[1], но не имел никак духу начать о том говорить тебе; довольно уже я тебе грусти навел и слез проливать заставил, и бог знает, когда перестанешь ты лить их.

Ужасно тяжело мне, когда я вздумаю о том. Если б не послал мне бог, по великой благости своей, твердую веру в неизреченное его милосердие, я не знаю, что бы было со мной от всех тех чувств и мыслей, которые раздирают и сердце и душу мою. Единственно вера, что бог принимает покаяние и сотворит с нами, по великому милосердию своему, дает мне некоторое успокоение. Большое благо — молитва, милый друг мой, она много укрепляет. Молись о душе брата твоего с верою в милосердие божие, и ты получишь уверенность, что господь не наказывает за неведение и не по одним видимым делам судит нас, но также по намерениям и самым тайным помышлениям нашим. Чувства брата твоего не укрылись от всевидящего ока отца нашего небесного, и это должно много тебя успокоить. Прости, друг милый, храни себя для любящего тебя от всей души друга, который много тебе зла сделал.

С. Трубецкой

22

38. Суббота, 6 фев[раля]

Сегодня, друг милый, я получил вчерашнее письмо твое. Истинно, друг милый, невозможно найти довольно слов, чтоб изъяснить всю благодарность, которую мы должны чувствовать за доставленное нам благодеяние знать ежедневно друг о друге. Это такое утешение, за которое мы должны ежеминутно воссылать богу наши благодарения от всей глубины души и непрестанно молить его о воздании щедрою рукою его доставившему нам сие благо.

Почерк третьегодняшнего письма моего дал тебе сомнение насчет моего здоровья; нет, милый друг мой, не пугайся сим, не здоровье мое причиною его неровности, оно все сохраняется в хорошем положении, но, когда пишу к тебе, столько различных чувств стесняется в душе моей, что не всегда могу писать одинаковым почерком. Прости, друг милый, ангел мой, поручаю тебе обнять всех наших, целую тебя от всей души моей. С. Трубецкой

23

39. Воскресенье, 7 фев[раля]

Я получил сегодня вчерашнее письмо твое, милый друг мой, и благодарю тебя, что ты бережешь себя. Я точно уверен, что ты не желаешь теперь оставить этот свет, потому что знаешь, сколь ты мне нужна. Это ты теперь чувствуешь, конечно, более, чем чувствовала в счастливые дни жизни нашей. В письме моем от четверга ты видела, что я был беспокоен, не имев от тебя письма от среды, беспокойство мое от того более было в сей день, что я знал, как тяжелы были для тебя все дни сей недели, и меня с тобой не было, милый друг мой, чтоб принести тебе утешение[1]. Ангел мой, невозможность быть с тобой в такие минуты и сверх того знать, что сам причиной сей невозможности, чрезвычайно горька. Чего бы я не дал, чтоб возвратить все слезы, которые я заставил тебя пролить и которых ты бы не проливала, если б я имел более твердости и если б я прибегал тогда к богу моему, как теперь прибегаю. Все, что могу сделать теперь для тебя, милый друг мой, это молить бога о тебе и благодарить его за тебя. Прости, милый друг, от глубины души моей обнимаю тебя. С. Трубецкой

24

40. Понедельник, 8 фев[раля]

Я получил сего утра вчерашнее твое письмо, милый друг мой, не мучайся, ангел мой, когда видишь в письмах моих, что я неспокоен по тебе; в такие минуты я молюсь богу, и вера в непостижимое его милосердие успокаивает меня. Даже я заметил, что чем беспокойство мое по тебе сильнее бывает, то тем тверже бывает после надежда моя, что господь сохранит тебя в сем мире, к которому ты только одна привязываешь меня. Если б не надежда видеть тебя и быть опять с тобою когда-нибудь, то что б могло

дать мне силы перенести мое положение? Ибо какое будущее, даже самое блистательное, может изгнать из памяти моей прошедшее? Вера в милосердие божие убеждает меня, что господь примет раскаяние мое, но и сие убеждение не может истребить скорбь из сердца моего, потому что прошедшего возвратить нельзя. Что привязывает меня еще к жизни? Это любовь, которою ты, милый друг мой, ко мне исполнена и которая убеждает меня, что хотя я расстроил твое благополучие, но еще чрез меня же одного можешь ты иметь в жизни некоторые минуты утешения. Прости, друг мой милый, от глубины души моей обнимаю тебя. С. Трубецкой

25

41. Вторник, 9 фев[раля]

Из вчерашнего письма твоего, милый друг мой, вижу, что ты спокойна на мой счет, и ты можешь вообразить, как я бога благодарю за каждую минуту спокойствия, которую он тебе посылает. Это еще единственное благо, которое ты можешь иметь, прочее все я у тебя отнял; нет для тебя ни веселья, ни радости, ни наслаждений. Завтра день рождения сестры твоей, милый друг мой, поздравь ее и мужа ее от меня, передай им, чтоб благополучие их было продолжительнее нашего[1]; поздравь родителей твоих и всех родных твоих. Для всего семейства твоего будет день радости, а ты, друг мой, вместо радости, может, только более будешь чувствовать всю скорбь, которою я наградил тебя за горячую любовь твою ко мне. Ангел мой, бог один может воздать тебе за все то, что я тебя терпеть заставил, и я не могу сделать иного, как усердно молить его о тебе, чтоб он, по благости своей, не оставил тебя и послал бы тебе утешенье. Целую тебя от всего моего сердца, друг милый мой. Поцелуй за меня Володеньку и Лизу. С. Трубецкой

26

42. Среда, 10 фев[раля]

Милый ангел мой, сегодня я получил письмо, которое ты вчера ко мне писала и в котором ты так живо изображаешь горячую и нежную любовь твою ко мне. Ты можешь представить себе, милый и бесценный друг мой, сколько слез живейшей благодарности заставило оно меня пролить пред всемилосердным создателем моим, наделившим меня таким утешителем и нежным другом, какова ты, ми-

лый ангел мой. Если бог, по неизреченному милосердию своему, судил еще нам быть вместе, то, конечно, любовь твоя доставит мне много счастливых минут, когда она теперь, в разлуке нашей, столь для меня утешительна. Ты не поверишь, сколько она укрепляет меня в покорности к воле божией и сколько убеждает меня в неизмеримости его милосердия. Я не могу описать тебе всех чувств, которые нежность любви твоей поселяет в сердце моем; скажу только, что я в ней вижу верный залог, что еще не все счастье для меня на земле потеряно и что спаситель наш открывает мне путь в живот вечный. Друг мой, от души целую тебя.

С. Трубецкой

27

44. Пятница, 12 фев[раля]

Милый, милый друг, я получил сегодня вчерашнее письмо твое, которым ты так утешительно отвечаешь на мое письмо от 9-го. Ангел мой, могу ли я довольно благодарить творца моего за то, что он мне дал такого нежного друга, какова ты; ты так умеешь из всего изыскать для меня что-нибудь утешительное; могу ли не любить тебя всею душою, всем сердцем моим? Кажется, как будто бы любовь моя к тебе каждый день горячее становится. Чем могу я когда-либо воздать тебе за такое отречение самой себя и помышление единственно только о том, как бы мой горестный удел облегчить? Как милостив ко мне господь и как я мало достоин его милостей! Не умел я сберечь тебя, друг мой милый, и не умел сохранить счастье твое, которое бог мне поверил. Милый друг, крепко прижимаю тебя к сердцу моему, которое одною тобою бьется. С. Трубецкой

28

45. Суббота, 13 фев[раля]

Во вчерашнем письме твоем ты пишешь, друг милый мой, какое приятное чувство доставляет тебе мысль, что и разлука не препятствует любви твоей приносить мне некоторое утешение в горестном положении. Ангел мой, ты не можешь даже вообразить себе, сколько сладостных минут доставляет мне любовь твоя и какое большое утешение доставляют мне письма твои, особенно те, в которых так живо изображена любовь твоя. Сколько бы раз я их ни перечитывал, не могу читать, не проливая слез живейшей бла-

годарности к богу и не чувствуя в глубине души моей всей великости благодеяния, доставленного мне государем нашим. Ангел мой, я не могу выразить тебе тех благодетельных чувств, которые письма твои поселяют в душе моей.

Истинно чувствую, что я всем спасением моим буду тебе обязан. Прости, друг мой нежный, от всей души моей обнимаю тебя.

С. Трубецкой

Пирожкову пошли сверх известной суммы 90 рублей серебром[1].

29

46. Воскресенье, 14 фев[раля]

Сегодня я получил, друг милый, письмо твое вчерашнее, в котором ты пишешь, чтоб я усерднее молил, чтоб господь не продлил нашу разлуку. Друг милый, могу ли я не молить его усердно о том, что есть единственный предмет твоих желаний и что есть единственное блаженство для меня на земле. Ангел мой, одного этого жаждет душа моя, одна надежда, что господь когда-нибудь соединит меня с тобой, крепит и живит меня; без сей надежды жизнь моя не может быть для меня иным, как только несносным бременем. Я знаю, очень знаю, что я не стою сего блаженства, но милость божия несравненно больше, нежели все грехи мои, как бы они велики ни были. И эта вера в неизмеримость милосердия божия дает мне уверенность, что господь хранит жизнь нашу для того, чтоб помиловать нас и соединить когда-нибудь. Он знает, сколько пользы для души моей приносит беспредельная любовь, которую ты ко мне имеешь. Он не лишит меня счастья оказывать тебе, сколько и как крепко я люблю тебя, милый ангел мой. Хотя и не в моей уже воле состоит посвятить тебе единственно всю жизнь мою, но я твердо верю, что бог не лишит меня возможности посвятить тебе все те минуты, которые будут в распоряжении моем. От глубины души целую и обнимаю тебя.

С. Трубецкой

30

47. Понедельник, 15 фев[раля]

Сегодня получил я вчерашнее письмо твое, друг милый мой. Ты не можешь сомневаться в том, что любовь твоя не только что приносит мне величайшее утешенье, но даже делает мне несказанное добро во всех отношениях. Одно уже

то, что в несчастии твоем, которого я единственный виновник, ты только более чувствуешь любовь ко мне, доказывает мне, сколько бог наш милосерд, и дает мне твердую веру, что он хочет меня помиловать и спасти; от этого я совершенно предаюсь воле его святой и уверен, что он сотворит с нами, по великой благости своей. Эти дни точно для меня тяжелее других[1], но я знаю, что ты молишься за меня, и это укрепляет и меня в молитве. Иногда воображение мое представляет мне, что я более грешен, нежели думаю; в эти минуты мне также бывает тяжело, и потому я молю бога, чтоб он дал мне зреть все мое преступление и принести достойное покаяние. Я очень надеюсь, что господь услышит молитвы наши и помилует нас. Прости, друг мой, от души обнимаю и целую тебя. Поцелуй Володеньку и Лизу, маменьку и всех твоих.

С. Трубецкой

31

48. Вторник, 16 фев[раля]

Я сейчас получил вчерашнее письмо твое, друг милый мой, и могу тебя утешить, что расположение мое душевное точно таково, как ты его желать можешь. Сии дни точно особенно для меня тягостны были[1], но прибегал к богу, и господь меня не оставил. Он ежедневно укрепляет во мне веру, что хочет помиловать меня. Я непрестанно молю его, чтоб он не допустил меня сделаться еще более недостойным его великих милостей, нежели сколько я есмь, и твердо уверен, что он, по милосердию своему, мне в том поможет. Что бы с нами ни было, какая бы судьба ни ждала меня, я совершенно и без малейшего ропота ей покорюсь и теперь и всегда молю бога моего, чтоб не допустил меня чем-нибудь еще более его прогневить. И для тебя, милый ангел, я не могу иного сделать, как только искренностию и покорностию оказать чистосердечное раскаяние мое, а мысль о тебе и образ твой никогда, ни на минуту не выходит из головы моей, и с этим я надеюсь, что не сделаюсь более виновным. Нежнейший друг мой, одно у меня желание: избавить тебя от больших горестей, и крепко уповаю на бога моего, что он услышит молитвы мои и поможет мне. Он единственное наше прибежище и единственный покровитель и защититель наш. Целую тебя от всей души и крепко прижимаю в мыслях к сердцу моему. Целую Лизу, Володю и всех твоих.

С. Трубецкой

32

51. Пятница, 19 фев[раля]

Я получил, милый друг мой, вчерашнее письмо твое, в котором ты как будто извиняешься в том, что часто повторяешь мне о благодарности твоей к государю. Я не могу скучать тем, милый ангел мой, и от глубины души моей благодарю бога моего за живость сего чувства в тебе; оно как будто облегчает меня от тягости моих против него преступлений, тем более что я каждый день нахожу, что я более и более пред ним преступен[1]. Тяжело, очень тяжело тебе будет, друг мой, когда ты узнаешь все мои вины: познание их будет всю жизнь твою отравлять. Усердно молю я бога моего, чтоб беспредельная любовь твоя ко мне не была для тебя неисчерпаемым источником горестей и чтоб продолжение жизни моей не было бы для тебя продолжением несчастий. Ты зовешь меня своим ангелом, я был для тебя только злобным духом. Ты истинно мой ангел, и ты меня от всей души твоей любила, а я обманывал сам себя, когда думал, что любил тебя; если б я истинно любил тебя, то умел бы сохранить твое благополучие. Моли бога, бесценный друг мой, чтоб бог простил меня. Я молю его, чтоб он сохранил тебя, положил бы конец твоим горестям, избавил тебя от напастей и послал бы тебе утешенье. Крепко целую и обнимаю тебя, ангел мой. С. Трубецкой

33

52. Воскресенье, 21 фев[раля]

Милый друг мой, я вчера не мог тебе писать, потому что не успел, как из прежних писем ты видела, что я занят был[1]. Я боюсь, что ты, день пробывши без известия, подумала, может быть, что я нездоров, но будь покойна на сей счет. Бог хранит мое здоровье. Надеюсь также, что бог услышит и твои и мои молитвы и сохранит вперед меня от прегрешения; ты не можешь сомневаться, истинный друг мой, чтоб я не исполнил твое желание, которое ты повторяешь и во вчерашнем твоем письме,— не скрывать ничего, что может у меня остаться на душе[2]. Я не хочу взять еще на себя добровольный грех. Моли только со мною вместе, чтобы бог просветил меня и дал мне видеть все мое прегрешение и чтоб привел мне на память все, что даже было в мыслях моих преступного. Бог тебя сохранит, ангел мой; я усердно молю его, чтоб он осушил твои слезы. Целую тебя от всего сердца. С. Трубецкой

34

53. Понедельник, 22 фев[раля]

Ты права, милый друг мой, я весьма был близок к отчаянию, когда писал к тебе письмо, на которое ты вчера отвечала мне[1]. Я не отчаивался, что бог, по милосердию своему, примет мое покаяние, я верил, что страданием и вольною смертию Христа открыт и мне путь ко спасению; но, друг мой, воображению моему представились все те слезы, которые ты уже третий месяц чрез меня проливаешь и которым я конца не видал, вся та грусть, которую ты терпишь и которая неизвестно когда прекратится; я не видел для тебя в будущности ничего более, кроме скорби и страданий; я чувствовал, что я единый виновник бедственной твоей участи; самая беспредельная любовь твоя ко мне, казалось мне, увеличивает только твои страдания, мне представился весь ужас твоего положения, если б каким бы то ни было случаем я подал повод к прекращению переписки нашей[2]; и я признаюсь тебе, милый друг мой, я совершенно голову потерял. Когда я представил себе, что я, который каждую слезу твою готов бы был искупить жизнию моею, что я и теперь и впредь осужден быть виновником твоего несчастия, то истинно я не помнил сам себя; я молил бога, чтоб он иным образом послал тебе утешение, которого чрез меня уже ты иметь не можешь, чтоб дал только мне еще раз видеть тебя и прижать к бедному сердцу моему; поверишь ли, друг мой, что я даже желал, чтоб любовь твоя ко мне прекратилась, так я страшился, что ты не в силах будешь перенесть всего, на что чрез оную решиться можешь. Но бог возмилосердовал над мною; он мне послал спасение, откуда я оного не ожидал, та рука, которая столько уже благотворила нам, спасла тебя и меня; и я узнал, что государь истинно добр[3]. Друг мой, благодарность наша к нему не должна иметь другого предела, кроме жизни нашей. Вчерашнее письмо твое, которое я сегодня получил, довершило мое спасение[4]. И теперь, милый друг, более на мой счет не беспокойся. Ожидаю с нетерпением твоего письма, тем более что ты вчера от меня не имела. Целую тебя от всего сердца и всей души моей.

С. Трубецкой

35

54. Вторник, 23 фев[раля]

Как я обрадовался, милый друг мой, увидя из полученного мной сегодня вчерашнего твоего письма, что ты мое

письмо от воскресенья получила в тот же день вечером. Это новая и великая милость, которой я также не ожидал и за которую я от глубины души моей бога благодарю, она никогда не выйдет из памяти моей[1]. Каждый день, друг милый мой, я приобретаю новое доказательство, что государь к нам несказанно добр и милосерд; и тем более чувствую, сколько я был преступен пред ним, и более о том сожалею. Все, чем мы можем возблагодарить его, есть молить бога о нем во все дни живота нашего. Благодаря ему и богу премилосердному ты теперь покойна на мой счет; вчерашнее письмо мое, надеюсь, совершенно тебя успокоило; и на будущее время будь покойна, друг мой; того, что было, уже не будет; воспоминание прошедших дней слишком для меня ужасно, чтоб оно могло выйти из памяти моей; я твердо уверен, что бог меня не попустит впредь ничем его прогневить. Никакое человеческое рассуждение не заставит меня сделать что-либо такое, что могло бы прогневить бога моего; я вперед не забуду, что бог силен послать неожиданную помощь и спасение, и потому без рассуждения, в простоте сердца, буду стараться выполнить его волю святую. Ты пишешь, ангел мой, как бы ты желала видеть меня хоть одну минуту или хотя только услышать голос мой; милый друг мой, если б ты знала, как это желание сильно во мне! Но и для получения сего счастья еще более должен я опасаться бога моего прогневить, он силен лишить меня его, когда б оно и вернейшим казалось. От души целую тебя.

С. Трубецкой

36

56. Четверг, 25 фев[раля]

Милый друг мой, во вчерашнем письме ты пишешь, что ты бы рада была даже страданиями заплатить за то, чтоб быть со мною, и что со мною тебе везде легко покажется, где бы мы ни были и как бы нам худо ни было. Истинно знаю, ангел мой, что это неложные твои чувства. Жестоко помыслить, что я ничего тебе в предмете не оставил, кроме такой жестокой будущности. Друг милый мой, чего бы я не дал, чтоб возвратить тебе спокойствие твое, которым я с такой легкостью пожертвовал. Чего бы я не сделал, чтоб осушить источник горьких слез твоих? Ангел милый, если б я страданием самым ужасным и чрез целый век мог тебе доставить счастливые минуты, с какою бы радостью

Н. П. ТРУБЕЦКОЙ, брат декабриста.
Художник О. А. Кипренский.
Государственная Третьяковская галерея

я все потерпел, что можно только вообразить жесточайшего. Ангел милый, сколько ты меня ни стараешься утешать в письмах твоих, но невозможно, чтоб я мог даже и на минуту забыть, что я отнял у тебя благополучие и спокойствие, коими ты наслаждалась и которые уже не от меня зависит тебе возвратить. То, что ты утратила чрез меня, не может быть уже возвращено. Крепко обнимаю и целую тебя.

С. Трубецкой

37

57. Пятница, 26 фев[раля]

Я сейчас получаю письмо твое вчерашнее, милый и безутешный друг мой. Будь покойна на будущее время, милый ангел мой, не предаюсь я ни отчаянию, ни унынию; все меня уверяет, что господь спасет меня вперед от них, в каких бы обстоятельствах я ни находился. Милость божия слишком явно ознаменовалась на мне в последние дни, чтоб я мог забыть, что в нем сильную помощь имеют все, к нему прибегающие[1]. Я чувствую, что вера моя и упование в милосердие и всемогущество бога нашего крепче стала теперь, и усердно молю его, можно сказать, непрестанно, чтоб он, по великой благости своей, поддержал меня в сих чувствах. Я знаю, что и ты молишь его о том же, милый, милый друг, и это, не поверишь как, подкрепляет мою надежду, что господь услышит молитвы наши, что он простит мне согрешения мои не за молитвы недостойные мои, но по великому своему милосердию; он, который призывает грешников к покаянию, примет и мое раскаяние, очистит душу мою и сделает ее достойною войти в царствие его небесное. Милосердие его неизреченное уверяет меня, что он сохранит и тебя, что даст мне еще когда-нибудь тебя увидеть и прижать тебя к сердцу моему, которое одною тобою дышит. Из земных блаженств ничего не прошу, кроме того, чтоб соединил нас бог наш, столько потерпелый* моих согрешений. Об этом не могу не молить, когда вижу в тебе такую решимость. Ангел мой, крепко, крепко, от всей души целую, обнимаю тебя и мысленно прижимаю к сердцу моему. Благодарю тебя за молитвенник, ангел мой; Володеньку, Лизу, родителей твоих и всех родных крепко поцелуй.

С. Трубецкой

38

58. Суббота, 6 марта

Сию минуту, любезный и милый друг мой, получаю позволение написать тебе несколько строк; ты можешь вообразить, с каким удовольствием я взял перо в руки. Милый ангел мой, я много молил о тебе бога моего в сие время и надеюсь, что он тебя сохранил телом и духом. Я здоров и ожидаю с нетерпением от тебя известия. Прости, друг милый,

---

* Так в оригинале.

дожидаются моего письма и потому кончаю, прижимая тебя от всей души к сердцу моему.

С. Трубецкой

Всех наших обними.

39

59. Воскресенье, 7 марта

Друг милый мой, я вчера мог только несколько строк написать к тебе; по крайней мере, ты узнала из них, что бог хранил меня. От радости я едва мог писать и теперь ожидаю твоего письма с превеликим нетерпением. Сегодня еще не надеюсь иметь, но завтрешнее утро полагаю наверное получить его. Надеюсь видеть из него, что с тех пор, как не имел от тебя известий, бог тебя хранил и в теле и в духе. Твое последнее письмо мне очень помогло снести прекращение переписки нашей на сие время[1] с тем духом смирения и покорности, с которым ты желала, чтоб я сие перенес; я видел, что ты приняла это прибавление к твоей грусти с покорностию, и ею ты сохранила меня от беспокойства. В это время я познал еще более всю цену милосердия государя, истинно почувствовал, что чрез доставленное нам благодеяние переписываться он мне сохранил жизнь и что в разлуке с тобою и без известия и притом зная тебя в грусти, печали и беспокойстве, я не мог бы пережить это время. Чувство благодарности моей к нему много возникло, друг мой, с тех пор как я убедился, что он истинно милосерд. Не забудем никогда, милый друг, что после бога мы всем ему обязаны и что все, что мы имеем и иметь можем,— все по его милосердию. Мы же воздать ему ничем не можем, кроме самых горячих слез благодарности и самых усердных молений о нем господу нашему. Прости, милый ангел мой, от всей души целую и обнимаю тебя. Дай бог получить от тебя известие такое, какое желаю. Прижимаю тебя к сердцу моему.

С. Трубецкой

40

63. Четверг, 11 марта

Благодарю бога, милый друг мой, что вижу из вчерашнего письма твоего, что ты стала совершенно спокойна на мой счет. Из первых твоих писем я не видел всего твоего беспокойства, но из последующих увидел, что ты должна была много беспокоиться обо мне, когда не имела от меня писем. Я непрестанно молю бога, чтоб он тебя сохранил от

беспокойства, и скажу тебе, что я теперь чувствую, несомненно, что господь послал мне достаточную крепость, чтоб не дать мне впасть ни в отчаяние, ни в уныние, ни в малодушие, как сие было недавно. Я теперь вижу в боге моем не строгого и взыскательного судию, но истинно милосердного отца, который любит нас, как детей своих, и который каждого из нас, преступившего волю его святую и обращающегося к нему, принимает, как отец принял блудного сына своего. Прежде я хотя и твердо верил милосердию божию, но в молитвах моих приступал более со страхом, нежели с упованием; иногда даже страх превозмогал; и теперь я вижу, что то был более страх несчастья в здешнем мире, но тогда я не умел сего различить. Теперь страх сей совершенно истребился, и будущее в сем мире не страшит меня более ни для тебя, ни для себя. Но я твердо уповаю, что все то, что бог пошлет нам, будет нам во благое, для довершения начатого спасения нашего, и ожидаю решения судьбы моей с совершенною покорностию и чувствую, что какой бы она ни была, я буду искренно за нее благодарить бога. Я все это пишу тебе, милый ангел мой, для того, чтоб ты убедилась, что ты не должна вперед беспокоиться обо мне. Ты видишь, как бог беспредельно милосерд, и во всем полагайся совершенно на его милосердие. Я надеюсь, что это доказательство милосердия божия тебе подаст те чувства и спокойствие духа, которые ты должна иметь, когда будешь говеть. Ты давно желала, чтобы я говел, и скрыла от меня это желание, но вперед, милый друг, прошу тебя никогда не скрывать от меня, когда желаешь, чтоб я что-либо сделал. От души обнимаю тебя, друг мой, и всех наших.

С. Трубецкой

41

65. Суббота, 13 марта

Из вчерашнего письма твоего, друг милый мой, я вижу, что ты укрепляешься духом, и надеюсь, что в спасительном занятии будущей недели благодать господня еще более утвердит тебя. Меня очень утешает мысль, что мы в одно время будем говеть, но я не хотел тебя приглашать к тому, не зная расположения духа твоего, мне самому давно хотелось говеть, но все видел разные неудобства и желал прежде посоветоваться со священником; но теперь вижу, что рука божия меня до сих пор от того удерживала и что я тогда недовольно был очищен и недовольно был тверд в

вере любви божией. В раскаяние мое вмешивалось много стыда мирского, много очень действовал во мне страх людской, который был очень опасен; иногда невольно роптал на судьбу, которая, казалось, влекла меня к несчастью, когда я старался избежать его; благодарность моя к государю была сопряжена с каким-то тягостным чувством; теперь я благодарю бога моего, что привязал меня к нему душевною благодарностию, что чрез несчастье мое призвал меня ко спасению, что не оставил в сердце моем иного страха, кроме страха прегрешить против святой воли господа моего и что пример мой может служить добрым поучением для других. Теперь чувствую, что чрез покаяние не я принесу дань богу моему, но от него получу дар неоцененный, подаваемый беспредельным его милосердием. Всех сих и прочих недостатков я в себе не видал до тех пор, пока не получил того, чего был лишен. Теперь ежеминутно благодарю от глубины души бога моего, что он послал мне то, чего во мне недоставало, и надеюсь получить, по милости его, и то, что еще недостает.

Очень благодарю тебя за известие о брате[1] и верю, что он усердно молит обо мне. Бедный Александр[2] должен также очень грустить, ты знаешь, как он меня нежно любит. Целую Лизу от души и тебя всею крепостию любви моей, милый ангел и друг мой. Поцелуй Володеньку и всех твоих.

С. Трубецкой

42

68. Вторник, 16 марта

Милый друг, я уже отчаивался было получить от тебя письмо сегодня и хотел посылать свое, как вдруг принесли мне твое вчерашнее, к превеликому для меня утешению, потому что я очень был грустен. Так, милый и несчастный друг мой, вчера минуло три месяца, что я разлучен с тобою и что я заставляю тебя слезы лить. Ангел мой, никакая тяжесть не может сравниться с тяжестью сей мысли, что ты терпишь грусть чрез меня, что я тот, в котором ты все благополучие жизни своей полагала, и я его разрушил. Какою любовью могу я окупить те слезы, которые ты пролила! Каждый день, каждый час прибавляет к той тягости. Если б я мог приблизить минуту, которая соединит нас; когда б я знал только, чем могу заслужить счастье видеть тебя; друг милый, нет в свете вещи, которой бы я не сделал, чтоб получить это блаженство. Одна только эта и есть у меня в предмете радость, другого ничего в свете не имею

и не желаю, и если б не душевное убеждение, которое сам бог вселил в сердце мое, что я еще буду иметь сие блаженство, то никакой бы силы в свете недостало вытерпеть мучение, что ты страдаешь от меня. Но что-то непрестанно тайно уверяет меня, что бог, по неограниченному милосердию своему, услышит беспрерывные наши молитвы и вознаградит беспредельное наше на него упование. Молю бога, чтоб скорее свершилась воля его над нами. Целую и обнимаю тебя крепко от всей глубины души моей.

С. Трубецкой

43

70. Четверг, 18 марта

День проходит, и я не имею письма от тебя, милый друг мой; надеюсь, однако ж, что не какая-либо горестная для меня причина лишает меня сего утешения в нынешний день. Грустно мне бывает в тот день, когда не имею от тебя известия, но твердое упование в милосердие божие, столько уже нами испытанное, много теперь укрепляет меня. Иногда даже не знаю сам, откуда берется в сердце моем надежда, что я скоро обойму тебя, чтоб более с тобой никогда не расставаться, но чтоб беспрепятственно благодарить вместе бога и государя. В такие минуты благодарность моя заранее изливается током горячих слез, и эти минуты бывают очень утешительны. Я знаю, друг мой, что я ничем не заслужил ни милости божией, ни милости государевой; но где умножился грех, там преизбыточествует благодать; и все убеждает меня, что государь хочет делать благодарных, а не несчастных, иначе он не был бы к нам столько милосерд. Эти надежды возрастают в сердце моем с тех пор, как я более чувствую неограниченное милосердие божие, и сколько мы уже и теперь должны быть благодарны государю нашему. Прости, друг милый, ангел мой, да подкрепит бог тебя такими же надеждами. Целую и обнимаю тебя от всей души. Обнимаю Лизу и всех твоих, и поцелуй Володеньку.

Получил письмо твое, друг милый. С. Трубецкой

44

71. Пятница, 19 марта

Друг милый, я вчера уже совсем не ожидал твоего письма, когда получил его, и содержание его очень меня порадовало, ибо очень утешительно для меня, когда я вижу, что ты разделяешь мои надежды, которые, как ты видела

из вчерашнего моего письма, хотя и ни на чем ином не основаны, как на уповании в милость божию и милосердие государя, но сердце мое твердо уверяет меня, что это есть самое твердое и надежнейшее упование.

Прости меня, друг милый, что я тебя огорчал и во время нашей разлуки моим малодушием, и надеюсь, что с сильною помощью божиею вперед ни сей, ни другой грусти тебе не причиню. Благодаря господу моему я чувствую, что сердце мое очистилось от всего мирского и что я счастие земное вижу не в суете мирской и наслаждении теми благами, которые я много ценил в мире, но единственно в исполнении воли божией и соединении с тобой. Я бы солгал тебе, если б сказал, что я совершенно равнодушен касательно будущей нашей участи; нет, милый друг, я часто молю бога об облегчении ее. Горько бы было для меня видеть тебя чем-нибудь страждущую, но надеюсь, что покорюсь воле его святой и воле государя без малейшего ропота, если б даже оная и противна была моим надеждам. Вчерашнее письмо твое я также получил сегодня. Прости мне, что мое письмо от вторника тебя обеспокоило; не будущее в тот день заставляло грустить меня, но воспоминание тех дней, и, как ты видела из письма моего от среды, мне показалось, что в понедельник, когда ты писала ко мне, то покорность твоя воле божией очень ослабела.

Прости, друг мой, всей душой целую тебя.

С. Трубецкой

45

72. Суббота, 20 марта

Сейчас я получил вчерашнее письмо твое, милый друг мой, радовался, видя в нем надежду твою устоять в терпении и покорности, с которыми мы должны принимать волю божию. Я полагаю, что ты сегодня причащалась, и молил моего Христа и бога нашего, чтоб приобщение к святой его вечере было тебе нужно в обновлении к новой и беспорочной жизни, как сего и для себя усердно прошу, и чтоб бог, по милосердию своему, скоро прекратил горестное наше состояние и утешил бы тебя, моего доброго и милого ангела. Ты думала, что я исповедовался вчера? Нет, милый друг, господь не удостоил принять моего покаяния, видно, чего-нибудь во мне недостает. Усердно молю, чтоб он мне послал оное. Может быть, покаяние мое не довольно усердно или еще не довольно очищено. Я готовился, но священник у меня не был. Молю бога, чтоб по-

слал мне сию минуту, которую я ожидаю с превеликим нетерпением.

Ты говоришь, друг милый, что я не должен у тебя просить прощение, потому что я, конечно, не хотел против тебя грешить; но я, друг милый, ни против кого не хотел грешить. Познание греха удержало бы меня от согрешения. Ложное понятие о долге и обязанностях моих, может быть, и о чести; забвение, что бог все устраивает по своей предвечной премудрости и предведению к благому концу, что мы не должны предугадывать судеб его, но, в простоте сердца, исполнять волю его и что противящийся власти противится воле божией — вот, друг мой, причина моего преступления и твоих страданий. Благодарю бога моего, что он мне их указал, и молю его, чтоб простил меня.

Всею душою моею обнимаю и целую тебя.

С. Трубецкой

46

75. Вторник, 23 марта

Друг милый мой, если б сердце мое не было исполнено живейшей благодарности к всемилосердному создателю моему, то достаточно было бы третьегодняшнего и вчерашнего писем твоих, чтоб исполнить его сим чувством в высочайшей степени. Что может быть чище, беспредельнее и утешительнее изображенной в них любви твоей ко мне; и могу ли я жалеть о чем-нибудь земном, когда бог оставил мне сие блаженство? Могу ли я не быть уверен, что, оставив такую любовь ко мне в сердце твоем, он судил еще нам, по великому своему милосердию, и насладиться ею. Милый, бесценный друг мой, будь совершенно покойна на мой счет. Я надеюсь на милость божию, он сохранит в сердце моем те чувства любви и благодарности, которые он сам в нем посеял, а с ними я уверен принять участь, которую он судил нам, даже не так, как наказание, ибо сие было бы несогласно с верою в беспредельное его милосердие, но так, как подвиг, который он потребует от любви нашей к нему, как дело, на которое он призвал нас и которое мы должны исполнить с чувством сердечной благодарности. Со стороны же государя, милосердие его убеждает меня, что в сердце своем он давно уже простил мне и что то, что он судит мне, будет меньшее из всего того, что он может мне судить. Следовательно, друг милый мой, какая бы участь нам ни была суждена, я не только готов принять ее с покорностью, но и благодарность моя к богу и госуда-

рю нимало не ослабнет, как бы наша участь ни показалась строгою. Ты желала, друг милый, чтобы я в субботу не причащался, но ты видела, что молитва твоя была услышана. Я бы хотел, чтоб ты избрала день причастить Володеньку. Целую тебя, ангела моего, жизнь мою, все, что есть в мире для меня драгоценного.

С. Трубецкой

47

76. Среда, 24 марта

Я еще не получал сегодня письма от тебя, милый друг мой, может быть, повечеру получу, а если и не получу, то слишком надеюсь на милосердие божие, чтоб бояться, чтоб с тобой приключилось что-либо неприятное и для меня горестное. Бог столько оказал мне милосердия, несмотря на то, что я был и есмь совершенно оного недостоин, несмотря на всю мою к нему неблагодарность, что я бы был еще виновнее пред ним, если б хотя на одну минуту могло войти в сердце мое сомнение о беспредельности его милосердия. И потому, друг милый мой, я твердо уповаю, что он тебя хранил и сохранит и помилует нас обоих до конца и что даст и мне когда-нибудь оказать тебе, сколько я чувствую всю горячность твоей любви ко мне и сколько сердце мое воздает тебе, милому ангелу моему, таковою же любовью.

Поздравляю тебя с завтрашним праздником, и как бы душа моя желала, чтоб он принес и тебе радостную весть. Поцелуй крепко за меня Лизу, маменьку твою и всех твоих, тоже Володеньку. Будь здорова, не грусти обо мне, и будем с покорностью ожидать, когда угодно будет создателю нашему явить святую свою волю над нами. Целую тебя от всей глубины души моей, милый друг мой.

С. Трубецкой

Ты писала мне о книгах; я их не получил, если нет затруднений, то пришли.

48

77. Четверг, 25 марта

Не знаю, когда дойдет до тебя сие письмо, и не знаю, когда получу известие от тебя, милый, бесценный друг мой[1]. Прошу тебя только, милый ангел мой, не тужи обо мне и не имей на счет мой никакого беспокойства, ибо я во всем полагаюсь совершенно на великое божие милосер-

дие и не уповаю на собственные свои силы, но прошу крепости от бога моего и потому сильно надеюсь, что он охранит и дух мой от всякого уныния и всего того, что могло бы сделать меня сколько-нибудь ему неблагодарным, и здоровье мое телесное. Сие упование сохранит и спокойствие мое на твой счет; и надеюсь, что когда можно будет, то получу от тебя утешительное известие. Прости, друг мой, будь здорова; поцелуй сестру мою и твоих также родителей и Володеньку. От всей души целую тебя и вверяю тебя господу богу нашему. С. Трубецкой

49

78. Пятница, 26 марта

Четвертый уже день, что я не имею от тебя известия, друг мой милый, и что ты не знаешь ничего обо мне: последнее, мне кажется, грустнее еще для меня, нежели первое, потому что я все боюсь, чтоб ты не слишком беспокоилась и тужила по мне, когда не имеешь от меня писем. Ради Христа, милый друг мой, ангел мой, не предавайся беспокойству. Бог меня хранит, я беспрестанно к нему прибегаю, ибо знаю слишком, сколь я немощен, и он, по милосердию своему, подает мне нужные для меня силы. Я имею надежду, что это письмо скоро до тебя дойдет, хотя сам не надеюсь еще иметь твоего письма, но касательно здоровья твоего не беспокоюсь, ибо в беспрестанных молитвах моих о тебе получаю уверение, что бог тебя хранит. Прости, друг мой, целую тебя от души и крепко к сердцу прижимаю. С. Трубецкой

50

79. Суббота, 27 марта

Надеюсь, милый друг, что ты вчера или сегодня имела о мне известие, и скажу тебе, что эта надежда очень меня утешает; самый большой страх мой есть всегда, чтоб ты не излишне грустила и не предавалась беспокойству касательно меня, и когда я знаю или полагаю, что имеешь мои письма, тогда я гораздо покойнее бываю. Я еще не имел от тебя известие, милый ангел мой, но, может быть, также сегодня или завтра получу. Я совершенно здоров телом, и благодаря бога моего дух мой весьма укрепляется верою, которую он, по милосердию своему, усиливает. Прости, друг мой, всеми силами моими обнимаю и целую тебя. Поцелуй Лизу, Володеньку и всех твоих.

С. Трубецкой

51

80. Воскресенье, 28 марта

Ты можешь представить себе, друг милый мой, как радостен был для меня вчерашний день: я получил пять твоих писем за все дни, от которых не имел оных от тебя, и даже вчера тобой писанное; от глубины души возблагодарил бога и руку, которая доставила мне сие утешение. Признательность наша ничего не может воздать, кроме живейших молитв о благотворящем к нам, но молитвы не остаются тщетными пред нашим общим отцом небесным. Слава богу, милый друг, он сохранил тебя от беспокойства, которого я боялся, по крайней мере, из писем твоих мне показалось, что дух твой был довольно крепок все это время; и вчера, надеюсь, что и ты имела радость получить мои письма; ты из них могла видеть, сколько бог милосерд ко мне. Моли его усердно, чтоб он укрепил тебя в той грусти, которую тебе причиняет отъезд доброй нашей Лизы[1], и чтоб каким-нибудь утешением заменил тебе то, которое она тебе приносила. Что делать, ангел мой, богу угодно и да будет его святая воля; расцелуй добрую Лизу за меня, скажи ей, сколько я благодарю ее, что она все это время здесь пробыла и утешала тебя при всей своей грусти. Я много молился о ней богу, особенно в последнее время, как будто предчувствуя, что она отсюда уедет, и буду о ней усердно молиться. Проси ее, чтоб давала тебе часто о себе известие и не грустила бы обо мне. Обними ее так, как я тебя.

Друг твой С. Трубецкой

52

81. Понедельник, 29 марта

Читая вчерашнее письмо твое, друг милый мой, я было очень опечалился, но когда увидел в приписке, что ты получила все мои письма, то тем более я обрадовался. Благодарю тебя, очень благодарю, ангел мой, что ты старалась удержаться от беспокойства. Единственный страх мой о тебе, как ты и видела из писем моих, был, чтоб ты не предалась беспокойству; во всем другом я совершенно и очень твердо уповаю на милосердие божие; и нельзя мне не уповать на оное от всей моей души, потому что господь, по великой милости своей, вложил мне в сердце такую уверенность, что он сохранит тебя, что на сей счет никакое сомнение до оного не достигает. Знаю, друг бес-

ценный, сколько спокойствие мое для тебя дорого и что ты сердечно желала бы взять на себя мою грусть, если б то можно было; ах! друг милый, с какой бы радостью и я отдал бы самую жизнь мою, если бы тем мог прекратить грусть твою и возвратить тебе спокойствие, которое я у тебя отнял. Но сего быть не может; есть бог, и бог милосердный, в нем наше упование, и он помилует нас. Целую и обнимаю тебя от всей души. Поцелуй всех твоих, Володеньку и добрую, милую Лизу; бог милостив, когда-нибудь ее увижу.

С. Трубецкой

53

82. Вторник, 30 марта

Я вчера не имел письма от тебя, милый друг мой, и сверх того вчерашний день был для меня днем большого искушения. Я увидел, что еще не имел той твердости, которую желаю иметь и которую надеялся иметь[1]; однако ж господь подкрепил меня, услышал молитву мою и не дал мне прогневить бога моего. Благодари вместе со мною, ангел мой, создателя нашего и предадимся совершенно его святой воле; что бы с нами ни последовало, все будет по святой его воле. Будем молить его, чтоб дал нам крепость нужную, чтоб все перенести, что он нам ни пошлет. Во всяком случае, то должно нас утешить, что он не дал мне вновь быть виновным пред ним, ни пред милосердным нашим государем[2]. Благодарю бога, что веру мою укрепляет, и моли его, милый друг, чтоб она во мне не оскудела; моли о том усердно, как я молю о сохранении и помиловании тебя, милого ангела моего, единственного друга моего. От всей крепости души моей обнимаю и целую тебя, обнимаю также Лизу; поцелуй Володеньку и всех твоих.

С. Трубецкой

54

83. Среда, 31 марта

Мне ли, друг милый мой, пенять тебе за то, что ты чувствуешь себя совсем иною, когда получаешь мои письма и когда не имеешь их? Я и сам бываю совершенно другой: вчера я не переставал молиться богу, не мог хлеба куска в рот взять до тех пор, пока не получил два письма твои в девятом часу вечера; тогда и надежды мои возвратились и возросло упование на милость божью и на мило-

сердие государя; тогда все опять показалось в лучшем виде, и снова стал я ожидать с большим спокойствием судьбы нашей от бога и от государя. Я очень рад для тебя, что Лиза еще несколько дней пробудет; знаю, сколько дружба ее для тебя утешительна, и с тех пор как узнал, что она должна ехать, все молю бога, чтоб послал тебе крепость и силу и заменил бы приносимое ею утешение каким-либо другим, по великой благости своей. Обними Лизу, друг мой, за меня; не могу вообразить, чтоб бог, по милосердию своему, не послал мне еще когда-нибудь в жизни моей увидеть ее, и если обманываюсь в сей надежде, то, по крайней мере, она меня подкрепляет. Одним упованием, что бог помилует нас ради своего неизреченного милосердия, можем мы существовать. Прости, друг бесценный, от души целую тебя. С. Трубецкой

55

84. Четверг, 1 апреля

Вчерашний день еще прошел без письма от тебя, милый и бесценный друг. Естественные причины могут в это время задерживать письма наши, даже и тогда, когда б желали их нам доставить. Это рассуждение и, кроме его, известие, данное тобою в последнем твоем письме, что Лиза пробудет с тобою всю неделю, успокаивает меня. Молю очень бога моего, чтоб он тебя укрепил, когда она уезжать будет. Касательно же самого себя благодарю создателя моего, он укрепляет мое упование и веру, и хотя бывают минуты, в которые ослабеваю, но молитва скоро опять возводит и всегда исполняет сердце мое сильной надежды в милосердие государя. Если будем, друг милый, иметь еще счастливые минуты в жизни, то ему одному будем ими одолжены и потому, друг милый, во всю жизнь нашу должны будем с живейшею благодарностию молить за него бога нашего. Прости, ангел мой, целую тебя, Лизу, Володеньку и всех твоих. Господь тебя сохранит и помилует нас. С. Трубецкой

Сию минуту получаю письмо твое.

56

85. Пятница, 2 апреля

Можно ли, милый друг, не ободриться после такого дня, каковым был для меня вчерашний? Можно ли иметь

малейшее сомнение в милосердии того, кто мне послал такой день? Когда я надеялся, что бог пошлет мне еще когда-нибудь в жизни моей прижать милую сестру к сердцу моему, мог ли я ожидать, что она уже имеет на то позволение от государя и что надежда моя так скоро исполнится?[1] Могу ли после этого не надеяться, что это было не в последний раз, и не ожидать всего от милосердия такого государя? Как не благодарить бога, что судьбу нашу отдал в руки такого милостивого государя, и как не чувствовать всякий день более, сколько я пред ним виновен, и не оплакивать, что имел несчастие быть пред ним преступником? Друг мой, можем ли мы не надеяться всевозможного помилования от такого истинно свышечеловеческого милосердия? Предадимся, ангел мой, воле его с совершенною покорностию. Каким раскаянием и какою благодарностию могу я заслужить хотя малейшую часть благодеяний государя моего? Во всю жизнь мою не могу достойно оплакать вины моей пред ним.

Благодари, друг милый мой, родителей твоих, сестер, зятя[2] за все то, что они велели мне сказать чрез сестру мою. Мысль, что я любовь их не утратил, очень утешительна, скажи маменьке твоей, что не могу не почитать ее для себя истинно родною матерью, не иметь к ней других чувств, как тех, кои бы имел я к родной матери. Лиза скажет вам, сколько я сожалею о том, что наполнил жизнь их горестию. Обними их всех за меня и поцелуй Володеньку и Лизу. Прости, друг мой, целую тебя от всей души; да пошлет мне бог мой скорее обнять тебя, как я обнял сестру, и чтоб никогда более ввек нам не разлучаться. Всего можно ожидать от милосердия государя.

С. Трубецкой

Сей час получаю два твои письма сегодняшние, и мне это возвратили, чтоб приписать о получении их[3]. Не могу пространно описать тебе впечатление после свидания с Лизой, скажу только, что оно мне много, очень много добра сделало и между тем живее дало чувствовать всю мою грусть, но зато упование на милосердие бога и государя чрезвычайно как укрепилось, и это много меня успокаивает. Бог милостив и когда-нибудь соединит нас, хотя я не заслуживаю никак таковой милости. Это большая милость, что дозволили тебе написать другое письмо и уведомить меня, что я завтра не получу. Будь здорова, милый ангел, целую тебя от души; поцелуй Володеньку.

57

86. Воскресенье[1], 3 апреля

Ты писала мне в пятницу, друг милый, что ты в сей день не имела обыкновенной твердости; я это очень понимаю и ожидал, что свиданье мое с Лизою и рассказы ее растравят горесть твою; но я надеюсь, что после ты укрепилась; меня насчет состояния духа твоего сестра очень успокоила. Человек, по слабости своей, не может единственно собственными чувствами сблизиться к богу; для укрепления веры его нужны бывают явные знамения милосердия божия; может ли быть знамение более того, которое господь благоволил мне послать? И после сего можно ли не предаться совершенно в волю его святую? Ты видела, ангел мой, из всего, что я писал тебе во всех моих письмах и Лиза тебе подтвердила, что от закона мне нет никакой пощады, но что от милосердия государя я ожидаю всякого помилования[2]. Мог ли бы ожидать сего помилования, если б бог не укрепил упования моего и не послал для укрепления его знамения милосердия государя? Бывают обстоятельства, которые тревожат меня на некоторое время, но упование всегда превозмогает беспокойство; и после каждого бывшего мне искушения я чувствовал, что вера моя становилась крепче. Мог ли я находить сию крепость в себе? Напротив, ежеминутно более чувствую собственную свою немощь и вижу, что единственно сила вышнего меня укрепляет. Не можем не надеяться всего от милосердия божия, друг мой, и будем в твердом уповании ожидать воли божией. Бог до сих пор нас не оставил, он и впредь нас не оставит, единственно по великому и неизреченному своему милосердию. Может быть, это последнее письмо, что ты получишь при Лизе[3], расцелуй ее за меня и скажи ей, что я не отчаиваюсь, что господь еще пошлет нам милость свидеться с нею когда-нибудь, хотя и не знаю, что он судил нам в великом своем милосердии. Как я благодарен маменьке твоей, друг мой, что она прислала мне с Лизой сказать, что она меня совершенно во всем прощает, я ожидал сего от нее, но подтверждение в том много мне сделало добра. Благодари ее от всей души моей за сие истинно христианское и материнское прощение, которое столько утешило меня. Скажи Софье, что я и прежде знал, что, верно, она приносит самые горячие молитвы за меня и за тебя. Молитвы невинности бог слышит. Поцелуй всех наших и Володеньку.

Целую тебя, милого друга моего, от всего сердца; бог тебя сохранит и когда-нибудь соединит нас, по великому и неизменному своему милосердию. С. Трубецкой

58

87. Понедельник, 5 апреля

Ты получила, друг милый мой, от меня письмо в субботу, но зато в воскресенье не имела; надеюсь, что это тебя не беспокоило, ибо тебе известна была причина. Ты пишешь, что надежды мои тебя ободряют и что, когда я вижу будущее не вчерне, тогда и ты бываешь спокойна. Я не могу видеть его вчерне с того дня, как видел Лизу, ибо такое милосердие слишком велико, чтоб не надеяться после сего быть мне вместе с тобою в остальные дни жизни нашей. С тех пор я не могу не предаваться совершенно воле божией и государевой и ожидаю с совершенною покорностью, что государю угодно будет нам судить, и с уверенностью, что то, на чем остановится его милосердие, будет то, более чего уже ему невозможно для нас сделать[1]. Не подумай, милый друг мой, что я полагаю иметь какое-нибудь право на милосердие государево; нет, ангел мой, я более многих преступен перед ним и многих менее заслуживаю его милосердия, но все доказывает, что он хочет быть ко всем истинно милосерд и, как я прежде писал к тебе, хочет делать благодарных себе, а не несчастных. Великость прегрешения не может остановить милосердия; кому более оставляется, тот и более любит; это основа спасителя, друг милый мой. Вот мои надежды, ангел мой, и я на них твердо уповаю. Прости, милый друг, от всей души обнимаю и целую тебя. Поцелуй всех наших, Володеньку и Лизу, если сие письмо еще застанет ее. Еще раз целую тебя.

С. Трубецкой

59

90. Четверг, 8 апреля

Я вчера получил, милый друг, твое вчерашнее письмо. Надеюсь, что господь, по милосердию своему, тебя каждый день все более и более укрепляет. Будем непрестанно, друг милый, благодарить бога за то, что он милосерд к к нам, и будем всего ожидать от сего благого источника. За то, что сестра твоя и муж ее сделали для тебя в первую минуту твоей грусти, и за любовь, которую они оказали тебе, могу только молить бога, чтоб он воздал им. Обними их за меня и всех твоих. На днях, кажется, рож-

дение твоей маменьки, но когда — не упомню; в оный день не забудь поздравить ее от меня. Я молю бога, чтоб он ее благословил. Я получаю сегодняшнее письмо твое; не беспокойся, друг милый, что вчерашнего моего письма не получила, могло что-нибудь задержать его. Меня бог хранит, по своему милосердию. Молю его, чтоб разлуку с Лизой дал тебе перенести с твердостию. Поцелуй и крепко обними ее за меня. Также поцелуй Володеньку. Прости, будь здорова, ангел мой. Целую тебя от всего моего сердца. С. Трубецкой.

60

91. Пятница, 9 апреля

Милый друг мой, зная, как тяжело тебе в теперешнее время расставаться с сестрой моей, я не могу не думать о том очень много и от всей души моей молю создателя моего, чтоб он послал тебе перенести и эту разлуку с тою твердостию и терпением, с каковыми ты до сих пор переносила всю ту грусть, которую я тебе причинил. Нельзя, друг мой, чтобы мы не ослабевали, когда какие-нибудь причины умножают наши горести, но, прибегнув к богу с молитвою, мы получаем от него помощь, без которой мы при немощи нашей совершенно бы потерялись. И верь, друг милый, что господь так милосерд, что он вознаградит терпение и покорность твою и, отняв у тебя одно утешение, пошлет тебе другое. Мы не можем предвидеть судеб его, не можем знать, что он, в премудрости своей, нам приготовляет, но мы знаем, что он несказанно милосерд, и должны твердо уповать, что, по предведению и благости своей, он не оставит нас и, устроив все к нашей пользе, пошлет нам и утешения в скорбях наших, даже и тогда, когда бы мы вовсе не предвидели, каким образом. Бог много средств имеет помиловать нас, только бы мы не преставали прибегать к нему с совершенным упованием и предаваться благой воле его от всей души и с совершенною покорностию.

Поцелуй и обними Лизу, скажи ей, чтоб она не тужила обо мне, помолилась бы богу за нас. Она знает, как мы ее любим, и потому знает, что и мы усердно будем об ней молиться. Поцелуй всех наших и Володеньку. Прости, друг мой. Бог тебя укрепит; целую и обнимаю тебя от всей души моей и от всего моего сердца.

С. Трубецкой

61

92. Суббота, 10 апреля

Милый и безутешный друг мой, от глубины души моей возблагодарил я всевышнего, прочтя вчера в письме твоем, что бывают для тебя минуты, в которые ты ждешь будущего с спокойствием. Я всегда молю бога о том, чтоб он послал тебе спокойствие сие и покорность и чтоб утешил тебя, милого друга моего. Богу одному известны все помышления, все желания, все чувства человека. Мы сами часто можем в них ошибаться, но он в нас ошибиться не может и знает лучше нас самих, что нужно к утешению нашему, и неисчерпаемое его милосердие никогда не оставляет прибегающих к нему. Очень бы мы грешны были, если б не полагались во всем, касательно судьбы нашей, на милость господню и на милосердие государя. Мы уже слишком много испытали и то и другое, чтоб не предаться совершенно им; и какое мы иметь можем спасение, кроме того? И на что иное уповать можем? Что бог пошлет нам рукою государя нашего, примем то, друг милый, с совершенною покорностию; и верь, ангел мой, что если б оно сначала и показалось нам трудно, но бог, по милосердию своему, воззрит на покорность нашу и соразмерно оной пошлет нам облегчение судьбы нашей и утешения, каких мы предвидеть не можем. Прости, милый ангел и истинный друг мой, целую и обнимаю тебя от всей души моей; бог сохранит тебя. Поцелуй всех твоих и Володеньку, также Лизу, если это письмо еще застанет ее, обними ее покрепче за меня. Еще раз целую тебя, милого друга моего.

С. Трубецкой

62

94. Понедельник, 12 апреля

Вчера, милый друг мой, я не очень надеялся иметь утешение получить от тебя письмо; однако ж повечеру получил оное. Хотя я давно ожидал иметь известие об отъезде сестры, однако ж грустно было мне читать в письме твоем, что она отъезжает. Упование увидеть ее когда-нибудь еще в жизни моей не исчезает из сердца моего. Бог благословит эту ангельскую душу. Я знаю, сколько она меня любит, и потому нельзя мне не ожидать, что она всегда, от глубины души своей, будет обо мне молиться. И я, друг мой, так же как и ты, совершенно

уверен, что молитвы этой чистой и незлобивой души принесли мне и принесут большую пользу. «Молитва верующего спасает того, за кого верующий молит», — говорит апостол, и церковь наша сему верует; как же мне не уповать на великую помощь, которую подают мне молитвы всех тех добрых душ, которые за меня молят милосердного нашего бога.

Я очень рад, если ты провожала сестру до Царского Села, как для твоего здоровья, так и потому, что это сколько-нибудь рассеяло тебя и облегчило грусть твою, хотя на малое время. Ты желаешь, ангел мой, чтоб я молился о том, чтоб бог помог тебе отдать себя, от глубины души, в волю его и все принять от руки его с истинной любовью. Ты могла видеть, друг милый, из писем моих, что я не престаю о том для тебя и для себя усердно молить господа нашего, и истинно могу сказать, что это есть беспрестанная моя молитва ко всевышнему и всемилосердному богу нашему. Причем, кроме покорности совершенной, не можем мы оказать благодарности нашей за все его великие милости и щедроты, на нас ниспосланные. Прости, друг милый и бесценный, поцелуй всех твоих и Володеньку. От глубины души целую и обнимаю тебя.

С. Трубецкой

63

97. Четверг, 15 апреля

Милый друг мой, я все думал о тебе, как ты проведешь эти дни и как приближение великого праздника[1], должно быть, грустно для тебя, боялся, чтоб ты в оный день не слишком ослабела, и молил бога, чтоб укрепил тебя, а вчера получаю твое письмо, в котором вижу твою заботу на сей же счет касательно меня. Ангел мой, для меня дни не могут иметь между собою той разницы, как для тебя; ничто, по крайней мере видимое, не напоминает мне, что завтрашний день не тот будет, что вчерашний, одно только могу видеть: то, что где бы и когда бы мы ни соединились, все завтра я ближе к соединению с тобою, нежели был вчера. Итак, не грусти обо мне, милый ангел, но сама старайся укрепиться. Благодарю создателя моего, он меня очень укрепляет, заставляя меня помышлять о величии его милосердия и всего надеяться от милосердия государя. Эта надежда так велика, что я ничего не в состоянии ожидать от него, кроме слова спасения; я не могу уверить себя, что я должен от государя

моего ожидать наказания, но чем более чувствую все мои вины пред ним, тем более ожидаю от него милостей. Ты опять будешь мне писать на это, чтобы я приготовился ко всему, но я тебе скажу, милый друг мой, что даже если б я должен был и обмануться в сих надеждах, то все они весьма утешительны и во всех отношениях приносят мне большую пользу; они наполняют сердце мое любовью и благодарностью, они подают мне терпение и покорность, они заставляют меня чувствовать более, сколько я виновен и сколь милосердно со мною поступают. Итак, будь покойна, друг милый, если богу угодно будет уничтожить сии надежды, то он не оставит меня и нужною тогда твердостию, чтоб совершенно покориться воле его святой. Обнимаю и целую тебя от всей души моей. Поцелуй Володеньку и всех твоих.

С. Трубецкой.

Я должен Péleciev не 1200, а около 700. У меня есть его счет; также и другой счет La Sog в 480, кажется[2]. Если ты будешь платить первому, то очисти оба счета, буде можешь. Еще раз целую тебя, друга моего.

64

98. Пятница, 16 апреля

Какое великое для меня благодеяние — дозволение иметь каждый день письма от тебя, милый друг мой! Вчера я был грустен, и это особенно бывает со мною, когда, обращая мысли на прошедшее, я думаю о том, что я мог сделать, что я должен был сделать и чего я не сделал. В это время получаю письмо твое, оно тотчас рассеяло грустные мысли и обратило помышления мои на великость милосердия господня и на все то, что мы от оного милосердия получили. Благодарность и упование заступили место грусти. Всей жизни нашей недостанет, милый ангел, чтоб благодарить бога и господа нашего за все его помилование и неоставление. Истинно не можем мы ни довольно возблагодарить его, ни истинно уповать на его милосердие, ни достаточно предаться в волю его святую. Мы должны все старание наше употребить, чтоб эти чувства никогда в жизни нашей не ослабели, и во все остальные дни нашей жизни употребить все наше внимание на то, чтоб быть благоугодным богу и тем оказать, что поистине его благости и милосердие во всей силе хранятся в сердцах наших. Прости меня, милый

друг, будь здорова и старайся укрепить себя в сии дни и не предавайся тоске. Целую и обнимаю тебя, милого ангела моего, от всей души моей и от всего моего сердца. Поцелуй Володеньку и всех твоих. Бог тебя не оставит и вознаградит упование твое и веру твою.

С. Трубецкой

Если ты занимаешься делами, друг милый, то не забудь, что срок найма дому в Киеве — 15 мая, надобно его к этому времени сдать. Счета по найму все у Ивана[1], думаю, что придется сколько-нибудь доплатить. Только, должно быть, немного. Я полагаю, что менее пятисот рублей.

65

99. Суббота, 17 апреля

Вчера, друг милый, я получил письмо твое очень скоро после того, как ты его написала; ибо оно дошло ко мне в исходе десятого часа поутру. Я знаю, милый ангел, что когда ты уговариваешь меня приготовиться ко всему, то ты не надежды хочешь отымать у меня, но делаешь сие единственно от боязни, чтоб я не ослабел, когда узнаю участь нашу[1]. Будь спокойна, друг милый, я надеюсь, что бог меня укрепит; я знаю, как и прежде писал к тебе, что от закона мне нет пощады, но не могу не надеяться, что милосердие государя смягчит строгость закона; и эта надежда приготовляет меня заранее принять с благодарностью его решение о моей участи. Не думай, чтоб я занимал воображение мое мечтами и останавливался на мысли, что такая-то будет судьба наша, а не иная; нет, милый друг, я не стараюсь ее угадывать и не предполагаю на сей счет ничего, исключая того, что воля государя есть смягчить участь нашу; но до какой степени возможно ему будет последовать внушениям его милосердия, это знает только один бог. Я много надеялся, что бог пошлет нам милость свою к сим великим дням, в которые человеколюбие Христа спасителя нашего совершило наше искупление, надежды мои не исполнились, но благодарю господа, что он хранит меня от уныния и не дает ослабеть моей покорности к воле его святой, молю его, чтоб он тебя укрепил, милого друга моего, нынешняя ночь для тебя грустна будет, но не предавайся грусти, ангел мой, вспомни, что воскресением своим Христос и нас воскресил от смерти греховной и воскресит и нас к

вечному блаженству, если мы покорны будем святой воле его; эта мысль укрепит тебя; и я в то же время буду молиться, чтоб господь послал тебе крепость и силу. Поздравь уже за меня родителей твоих, сестер и всех твоих; не забудь бабушку и тетушку с ее семьей. Поцелуй Володеньку. Прости, милый ангел, нежный друг мой, бог сохранит тебя и помилует нас; целую тебя и обнимаю от всей крепости души моей. С. Трубецкой

66

101. Понедельник, 19 апреля

Воистину воскресе! Милый друг мой! Видишь, ангел мой, как господь милосерд и как он слышит всякую усердную молитву: мы друг о друге усердно молились, и он услышал нас и укрепил, когда мы боялись ослабеть и, чувствуя собственную немощь, просили друг для друга его всесильной помощи. Можем ли мы не надеяться, что бог сею всесильною помощью своею не оставит нас, в каком бы мы положении ни были, только бы с покорностию принимали волю его святую и просили у него крепости и силы? Ты видела из письма моего от субботы, что я многого ожидал от вчерашнего дня[1], и, видя, что ожидания мои не исполнились, ты могла полагать, как и я сам, что сей для всех радостный день будет очень грустным для меня. Несмотря на то, я был вчера гораздо покойнее, нежели во все дни прошедшей недели. Не явное ли это милосердие божие? Точно, друг милый, будем всегда всею душою уповать в это неизреченное милосердие и благословим жребий наш, каков бы он ни был; все, что с нами будет, будет по воле господней; и господь нам не пошлет того, чего бы мы не в силах были перенести.

Вчерашний день государь вспомнил несчастных, и это меня тронуло до слез. Верь, друг мой, что если он еще не решил нашу участь, то сие не от него зависело и что мы можем вполне надеяться и на его милосердие. Благодарю родителей твоих и сестер и обними их за меня. Поцелуй также Володеньку. Целую и обнимаю тебя, милого ангела моего, от всей души моей. С. Трубецкой

67

102. Вторник, 20 апреля

Милый, милый друг, ты можешь представить себе, как после радостных вчерашних минут я счастлив был во

весь остальной вечер[1]. Я только мог благодарить бога и государя за великое благодеяние, нам доставленное милосердием, истинно удивительным милосердием государя нашего. Бог воздаст ему за это милосердие, мы только можем непрестанно молиться за него и от всей души просить, чтоб господь излил на него сторицей все те милости, которые он сам оказывает. Все сердце мое исполнено благодарностию самою живейшею, никакое другое чувство не может иметь в нем места. Возможно ли было оказать нам больше сего благодеяния в том положении, в котором мы находимся? И как не положиться во всем на того, кто может быть столь милосердным? Как не принять от такой руки с истинною благодарностию всего, что бы она нам ни послала? Всю жизнь мою буду от всей души моей благодарить бога за то, что участь нашу отдал в руки такого милосердого государя[2]. Будем, милый ангел мой, будем непрестанно молиться за него; не может он не быть счастлив, когда умеет столько облегчать несчастие и доставлять такие счастливые минуты. Прости, милый ангел, друг бесценный; как крепко прижимаю я тебя мысленно к сердцу моему. Обними всех твоих и Володеньку.

С. Трубецкой

68

103. Среда, 21 апреля

Ты пишешь, милый ангел мой, что после свидания нашего все чувства твои и силы твои душевные неизъяснимо оживились, что надежда, спокойствие и покорность к воле божией возросли в душе твоей; и как ты хочешь, милый ангел мой, чтоб оно было иначе? Может ли такая удивительная милость произвесть иное действие? Я думал, что после того я живее почувствую грусть мою, как то было после свиданья с сестрою, однако ж во весь вчерашний день я не мог иметь другого чувства, кроме благодарности, и не мог иного делать, как молить бога, чтоб воздал государю за несказанное его милосердие. Я молился о том, когда мне вчера подали твое письмо, и ты можешь понять, что оно еще усерднее заставило меня молиться. Точно, милый друг, невозможно, чтоб бог не вознаградил его за его милости и сострадание. Бог воздаст ему щедрою рукою. После великого благодеяния, которое он нам доставил, я только сильнее чувствую, сколько я недостоин его милостей; ты не можешь знать, милый

друг мой, сколько милосердие, оказываемое человеку, заставляет его чувствовать вины свои, но я имею несчастье знать это на собственном опыте. Благодарю бога, что дал мне познать вины мои, и усердно молю его, чтоб не дал мне вперед быть недостойным милосердия, и твердо уповаю, что он сохранит меня от такого несчастья.

Сегодня тяжелый день для тебя и для всего твоего семейства[1]. Я соединю молитвы мои с вашими, милый друг мой, и мы должны уповать, что господь возмилосердствовал и к несчастному брату твоему, как он к нам возмилосердствовал. Эта надежда облегчит грусть твою. Прости, милый ангел, обнимаю всех твоих. Целую и обнимаю тебя от всей души моей.

С. Трубецкой

69

104. Четверг, 22 апреля

Я вчера получил вчерашнее письмо твое, милый друг мой, из которого вижу, какое большое добро сделало тебе благодеяние, нам доставленное милосердием государя. Такой милости нельзя забыть, друг мой. Я не могу тебе описать, сколько оно мне добра сделало[1]. Один вид твой сколько уже облегчил меня! Ты все представлялась грустная, вся в слезах, теперь осталось в памяти моей лицо твое, на котором изобразилась радость и удовольствие; ты можешь представить себе, какую перемену уже одно это делает в положении моем. Когда после первых слез я увидел радостную улыбку на лице твоем, когда увидел вместо грусти написанное на нем удовольствие, тогда вся грусть моя разогналась, и ничего в сердце у меня не осталось, кроме радости; я забыл, что мы с тобой видимся ненадолго, забыл, что целые четыре месяца ты страдала и грустила чрез мое безумие; ничего помнить не мог, кроме того, что я опять с тобою. Как не благодарить беспрестанно за такое великое благодеяние? Истинно, бог воздаст государю за его великое милосердие, и дай бог, чтоб он всю жизнь свою был так счастлив, как мы были счастливы в эту минуту. Я не могу описать тебе, ангел мой, какую надежду оставило во мне спокойное упование, которое изображалось на лице твоем в ту минуту, как мы прощались; казалось, я вижу в нем уверение, что мы расстались ненадолго. Точно, друг милый, во всем мы можем положиться на благость господа и на милосердие

государя нашего. Прости, друг мой, целую и обнимаю тебя от всей души; поцелуй всех твоих и Володеньку.

С. Трубецкой

70

105. Пятница, 23 апреля

Во вчерашнем письме ты пишешь, милый друг мой, что ты видишь из моих писем, что свиданье наше мне столько же пользы принесло, сколько и тебе. Невозможно исчислить, ангел мой, сколько оно мне добра сделало; это такое благодеяние, на которое нет никакой цены; я чем больше думаю о том, тем более увеличивается моя благодарность. Больше этой милости невозможно было оказать нам в нашем положении и в теперешних обстоятельствах. Велика была милость для меня — свидание с сестрою, но она не может сравниться с последнею. Я знаю, что ни та, ни другая милость не для меня оказаны, я слишком того недостоин; но я вполне ими пользовался и хотя они не для меня, но мне оказаны, и я не могу не иметь за такие благотворения беспредельной к государю благодарности. Истинно никакой благодарности не достаточно за такие великие благодеяния; один бог, по всемогуществу своему, может достойно воздать за такое милосердие. Прости, милый друг мой, обними за меня родителей твоих и сестер, поцелуй Володеньку; целую и обнимаю ангела моего от всего моего сердца и молю бога, чтоб он сохранил тебя и помиловал вперед, как хранил и миловал до сих пор.

С. Трубецкой

71

106. Суббота, 24 апреля

Я вчера получил письмо твое, милый друг мой, и очень сожалею, что ты так страдаешь зубною болью, и желаю, чтоб боль сия тебя скорее оставила; но о последствиях не беспокоюсь, если другого нет ничего. И молю бога, друг милый, не о сей боли, но чтоб он, по благости своей, излечил сердечные твои скорби, которых ты, конечно, бы не имела, если б я не имел для тебя тайны[1]. Эта мысль часто и много меня сокрушала, и я думал, что когда бог даст мне увидеть тебя, то, по крайней мере, в этом ты мне не можешь воспрепятствовать, признать себя пред тобою виновным, когда не хочешь признать таковым ни в чем другом[2]; но когда увидел тебя, милого ангела моего,

тогда не имел духа ни о чем грустном вспоминать тебе. От тебя же я ожидал, что ты не сделаешь мне никакого упрека, и хотя до сих пор ничего тебе о том не говорил, я умею ценить, милый друг, этот знак нежной твоей любви. Счастлив я буду, когда бог подаст мне еще в жизни моей быть тебе сколько-нибудь в утешение и сколько-нибудь изгладить из памяти твоей те горести, которые ты чрез меня потерпела; это единственное мое желание, и не могу не уповать всею душою моею, что господь когда-нибудь пошлет мне сию милость. Истинно одною этою надеждою живу, и она одна дает мне крепость и силу ожидать будущего. Сегодня день именин нашего милого ангела Лизы; сегодня, может быть, боль твоя еще помешает тебе о ней помолиться, но не в один сей день молимся мы о ней, и бог ей воздаст за ее любовь к нам и за ту часть, которую она имела в доставлении нам радости, которая нас оживила[3]; не имеешь ли от нее известия? Когда будешь писать к ней, поцелуй ее за меня. Прости, ангел мой, милый друг мой, целую и обнимаю тебя от всей души моей. Поцелуй родителей твоих, сестер и Володеньку. Если боль твоя еще не прошла, то надеюсь, что уменьшилась.

С. Трубецкой

72

107. Воскресенье, 25 апреля

Я вчера получил письмо твое, милый друг мой, и обрадовался увидеть из него, что зубная боль твоя совершенно прошла. Пожалуй, не крушись о том, что ты мне о ней писала. Зная, сколько ты сему подвержена, я часто думал, что без сего не обходилось, но не спрашивал тебя о том потому, что у тебя есть примета и ты не любишь, когда о зубах твоих спрашивают. Ты видела из письма моего, что это известие не сделало мне того беспокойства, которого ты страшилась, по крайней мере, я знал, что с тобой делается, а эта мысль все как-то сближает меня будто с тобою. Благодарю тебя, что ты помолилась о Лизоньке. Я знаю, что ты не для того написала, чтоб я благодарил тебя, но прочесть мне сие было очень приятно. Мы другого для сей доброй сестры не можем сделать, как молиться о ней и просить ей благословения божия. Как я рад видеть из писем твоих, друг милый мой, что свидание наше столько тебя успокоило.

Немало сделало и для меня то, что я тебя увидел здоровую и покорною судьбе своей: на тебя, ангел мой, много подействовало, что ты меня нашла спокойным; это спокойствие, друг милый, есть действие твердого и совершенного упования в милосердие божие и непрестанно благодарю бога моего и господа нашего Иисуса Христа за сей неоценимый дар божий. Ничто, кроме такого упования, не могло поддержать меня и видеть всю благость господню; послав мне упование, бог укрепил его в сердце моем явными знаками своего великого милосердия, чтоб вера моя не оскудела. Могу ли, друг мой, после стольких милостей господних не предаться совершенно воле божьей и не ожидать от отца нашего небесного всякого нам помилования? Прости, милый ангел мой, целую и обнимаю тебя от всей души и молю бога всем сердцем, чтоб послал тебе утешение. Поцелуй Володеньку и всех твоих. Поверь, друг мой, в каком бы мы состоянии и положении ни были, бог нас не оставит.

С. Трубецкой

73

108. Понедельник, 26 апреля

Вчера, милый друг мой, я получил письмо твое очень скоро, в девятом часу поутру оно уже было у меня. Не беспокойся о моем здоровье, оно очень хорошо; если б я в какой день чувствовал себя хоть сколько-нибудь нездоровым, я бы того не скрыл от тебя — я это тебе обещал — и верь, что исполнил бы без малейшей утайки. Почерк мог измениться или оттого, что меня прерывали, что часто бывает, когда я к тебе пишу, или заторопили; может быть также, что грустная какая-нибудь мысль тогда меня тревожила, хорошенько не помню, как было в пятницу, в ту минуту, как я писал к тебе. К прочим день на день прийтись не может; и в счастливом положении день на день не приходится, то тем более, когда, можно сказать, жизнь висит на ниточке, особенно когда подумаю, что участь твоя, милого дражайшего друга моего, так тесно связана с моею. Упованье также не может быть всегда в совершенно одинаковом положении; как оно ни сильно, но иногда бывает сильнее, иногда слабее и, может быть, иначе превратилось бы в равнодушие, которое очень близко к отсутствию чувств. Человек сам собою истинно не в состоянии иметь никаких чувств, прибли-

жающих его к богу, они не иначе приобретаются, как молитвою, и при оной бог не всегда их посылает, но смотря по труду и усердию, иначе, может быть, перестали бы мы молиться. Я заметил, что иногда даже усердная молитва в течение нескольких часов не приносила мне того утешения, которое получал иногда в одну минуту, когда сердце исполняется смирения и истинного познания собственного ничтожества, тогда вдруг как будто свет какой осветит душу и исполнит ее всеми спасительными чувствами; такая минута надолго оставляет впечатление. Благодарю бога моего, эти минуты бывают мне теперь несравненно чаще, нежели прежде; вчера письмо твое мне такую доставило. Будь уверена, ангел мой, что если только бог приведет нас быть вместе, то я все терпеть буду с любовию и благодарностию и истинно не буду знать предела благодарности моей государю. Прости, милый друг, благодарю тебя за известие о сестре; целую тебя и обнимаю от всей души моей; поцелуй ручки у маменьки и обними всех твоих и Володеньку.

С. Трубецкой.

74

110. Среда, 28 апреля

Милый друг мой, я вчера получил письмо твое, из коего вижу, что ты очень ошиблась в смысле моего письма от понедельника. Я хотел тебе сказать, что такие благодатные минуты, когда и упование восхищает всю душу, бывают непродолжительны, но не хотел и не мог сказать, что бывают минуты, в которые бы я чувствовал отсутствие или большое ослабление сих чувств в душе моей; ибо благодарю создателя моего, он меня хранит от сего, и я не престаю, и надеюсь, что никогда не престану, предавать себя совершенно святой воле его в полной уверенности, что все, что он нам ни пошлет, будет нам во благое, хотя бы нам и казалось оно иначе. Ты это знаешь, милый ангел мой, ибо я тебе уже несколько раз о том писал и говорил тебе сие во время нашего свиданья; ты знаешь также, сколько я полагаюсь во всем на милосердие государя, ибо нельзя, кажется, больше сказать, сколько я тебе на сей счет сказал, когда говорил тебе, что я совершенно уверен, что если б он мог последовать движению своего сердца, то сказал бы мне: «Иди, совершенно прощаю тебя и все, что было, забываю». Может быть,

тебя напугало выражение «жизнь на волоске», но оно и всегда так бывает, друг милый, только обыкновенно мы сего не видим, а в моем положении нельзя сего не видеть, но вместе с тем я знаю, что сей волосок не иначе порвется, как когда час воли божией на то настанет. Твоя любовь и готовность все терпеть со мною слишком известны мне, а я потерпеть в сем мире за вины мои не отметаюсь. Итак, друг милый, будь спокойна и совершенно уверена, что я беспокойству не предаюсь; я очень сожалею, ангел мой, что так написал письмо, что оно тебя могло обеспокоить. Прости, милый друг, от всей души моей целую и обнимаю тебя. Поцелуй ручки у маменьки, Володеньку и всех твоих. Я рад, что ты имела письмо от Лизы.

С. Трубецкой.

75

111. Четверг, 29 апреля

Я понять не могу, милый друг мой, что делается со мной, когда я пишу к тебе, что мои письма вместо утешения приносят тебе одно беспокойство. Ради Христа, ангел мой, успокойся и поверь истине, что в душе моей нет ни же искры беспокойства, которое ты нашла в письмах моих; все сердце мое исполнено совершенным упованием и беспредельною покорностью, и я ожидаю решения участи моей с полною уверенностью, что воля божия будет всегда к спасению нашему, и потому надеюсь принять ее с искренней благодарностию, с теми чувствами, которые выражены в молитве Моисея: «Во все дни наши возвеселихомся, за дни в неже смирен мы еси; лета в неже видехом злая». Итак, милый и бесценный друг, перестань беспокоиться о состоянии духа моего. Я очень надеюсь, что господь, по великой благости своей, поддержит меня в том же расположении душевном, и не престаю его молить о том с усердием и верою. Не могу не молить бога о соединении нашем, ибо без тебя, в каком бы состоянии я ни был, жизнь может быть мне только тяжелым бременем, а с тобою вместе в самой жестокой участи я буду иметь утешение. Ты знаешь, милый друг мой, что я всегда видел счастие в любви твоей, могу ли теперь, когда ты мне ее столько оказала, полагать его в чем ином? Надежда быть с тобою укрепляет меня, и, пока она живет в сердце моем, я уверен, что я не предамся ни тоске,

ни унынию. Прости, милый, бесценный друг мой, прости меня и в том, что навел тебе против желания моего беспокойство; целую тебя всею душою и прижимаю тебя к любящему тебя сердцу. Поцелуй Володеньку и всех наших.

С. Трубецкой

76

112. Пятница, 30 апреля

Я вчера получил, милый друг мой, твое вчерашнее письмо и обрадовался, увидев из него, что ты стала спокойнее касательно моего душевного расположения. Конечно, ангел мой, обеспокоиться не мудрено и во всякой разлуке с тем, кого любишь, и тем более в нашем положении; одного слова довольно в письме, чтоб привести в беспокойство, и потому, милый друг, я не могу себе простить, что два дня сряду я так писал к тебе, что привел тебя в беспокойство; надеюсь, что сего вперед не будет. Нет также никакого сомнения, друг мой, что без всесильной помощи божией мы бы не могли перенести нашего положения. Когда только я вспомню то ужасное состояние, в котором я был в начале нашей разлуки, и то расположение духа, в котором я теперь нахожусь, то не могу не видеть ясно, что единственно действие всемилосердного промысла божия сохранило меня; и сердце мое исполняется беспредельною благодарностию; этому непостижимому для человеческого ума милосердию обязаны мы и силами душевными, которые теперь имеем, и упованием, которое поселяет надежда, что будущее состояние наше в сей временной жизни доставит нам еще приятнейшие минуты. Истинно, друг милый, могу сказать, что я с утра до вечера благодарю бога моего за великое милосердие, которое он явил над нами, и молю его, чтоб щедрость его на нас не истощилась и чтобы он скоро дал нам увидеть счастливый день соединения нашего. Прости, милый ангел, бесценный друг мой, продолжай быть покойною на мой счет и ожидай с терпением милости господней. От всей души целую и обнимаю тебя. Поцелуй всех наших и Володеньку.

С. Трубецкой

77

116. Вторник, 4 мая

Я вчера получил письмо твое, милый друг мой. Скажу тебе, что я еще никогда не имел такого искушения, какое имею теперь[1]; молю бога, ангел мой, чтоб он, милостию

своею и силою, все привел к благому окончанию. Я благодарю его за то, что он, по бесконечному милосердию, не дал ослабеть моему во всем на него упованию; и моли спасителя нашего, чтоб он послал мне и крепость, и силу. Благодарю также бога моего за то, что на милосердие государя надежда моя не ослабевает. Все, что будет, милый друг, будет по воле господней, и потому прошу тебя, ангел мой, не предаваться унынию, но с верою, упованием и покорностию просить от создателя, чтоб он нас не оставил и укрепил. Я много надеюсь на твою молитву, бесценный друг. Целую и обнимаю тебя от всей силы души моей. Поцелуй Володеньку и всех наших. Да будет воля господня и благословение божие на нас. Прости, милый друг, крепко целую тебя.

С. Трубецкой

78

117. Среда, 5 мая

Я получил, милый друг, вчерашнее твое письмо, из которого с удовольствием и благодарностию к подателю всех благ, творцу и богу нашему, видел, сколько он, по милосердию своему, не оставляет тебя всякий раз, как ты прибегаешь к нему с теплым молением. Мое вчерашнее письмо, друг мой, тебя обеспокоило, прости мне это, милый ангел. Мне как-то легче бывает, когда я тебе передаю приходящую ко мне скорбь, и уверенность, что ты в такое время еще усерднее молилась, всегда приносит мне сколько-нибудь спокойствия и укрепляет меня в вере, уповании и покорности. С сими чувствами будем продолжать ждать решения нашей участи. Милости господней нет предела, и потому быть может, что чрез милосердие и благотворительное сердце государя не так уже долго остается нам терпеть продолжительную нашу разлуку. Мне кажется, что я всякий день делаюсь более недостойным его милосердия и, несмотря на то, не могу не полагать в оном единственную надежду мою. Прости, ангел мой, целую тебя и обнимаю от всей души. Поцелуй Володеньку, родителей твоих и сестер. Бог тебя благословит.

С. Трубецкой

79

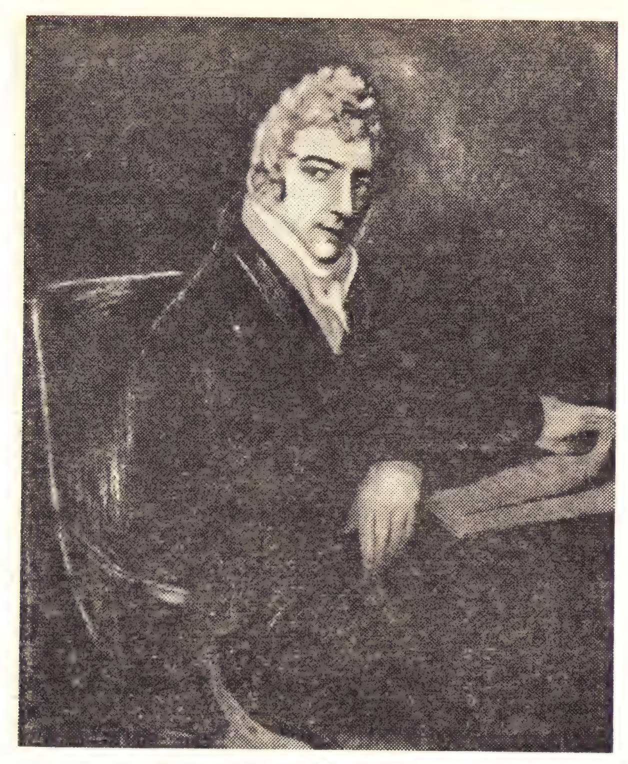
118. Четверг, 6 мая

Я получил, милый друг мой, вчерашнее письмо твое; благодарю тебя за теплую твою молитву, и очень уте-

А. Г. ЛАВАЛЬ, урожд. Козицкая, теща декабриста.
Художник П. Герен. 1821.
Местонахождение оригинала неизвестно.
Публ. по: Русские портреты, т. 2, л. 88

шительно для меня было видеть, что ты молилась с твердым упованием. Я также могу тебя сколько-нибудь утешить тем, что молитва твоя тщетною не осталась и что господь послал мне всесильную свою помощь и укрепил меня. Он дал мне увидеть, что искушение я навлек себе по собственной своей вине, и дал мне исправить ее, сколько то в моей было силе; последствий не знаю, по крайней мере, думаю, что исполнил все то, что должен был, и это меня много успокоило[1]. Это происшествие сбавило мои надежды, но утвердило мою покорность; может быть, также и это приготовление нужно было. За все благодарю бога моего и всякий день более вижу,

И. С. ЛАВАЛЬ, тесть декабриста.

Художник П. Герен. 1821 г.
Местонахождение оригинала неизвестно.
Публ. по: Русские портреты, т. 2, л. 87

что более делать ничего не могу, как благодарить его за все и во всем и ожидать с совершенною покорностию и совершенным упованием воли его святой. Прости, друг милый мой, ангел мой, целую тебя и обнимаю от всех сил души моей. Поцелуй родителей твоих, сестер и Володеньку.

С. Трубецкой

80

119. Пятница, 7 мая

Я получил вчерашнее письмо твое, милый друг мой, и, к удовольстию моему, видел, что ты не предалась беспокойству после моего письма от вторника (чего я после

посылки его боялся), но прибегла от всего сердца твоего к источнику всех благ. Я надеюсь, с своей стороны, последовать во всем, милый ангел мой, желанию, тобой изъявленному, и быть совершенно готовым принять все с покорностию и благодарностию, с полным упованием, что все будет к лучшему. Жалобы же или ропота от меня не опасайся, душа моя, ни словом, ни мыслию, ибо я слишком убежден, что все совершенно справедливо, что бог нам ни посылает; и как бы строга судьба моя ни была, я слишком знаю, что я более заслужил, и в том не ошибаюсь, что сие есть истинное чувство сердца моего. Сегодня я, кажется, в том расположении духа, в каком можешь ты желать, чтоб я был; но вчера я почти весь день обладаем был каким-то непонятным равнодушием, которое в первый раз со мною еще случилось[1]; может быть, душа имеет нужду, так же как и тело, в отдыхе, но я боюсь сего состояния бесчувственности, молил бога, чтоб прекратил его, и кажется, что сегодня оно заменилось чистым упованием. Прости, милый друг, целую и обнимаю тебя всеми силами души моей. Обними родителей твоих и сестер и поцелуй Володеньку.

С. Трубецкой

81

121. Воскресенье, 9 мая

Я получил, друг милый мой, вчерашнее письмо твое, и ты не ошибаешься в том, что я спокойнее стал, благодарю создателя моего, он своею сильною помощью привел меня опять в то положение духа, в котором только можешь ты желать, чтоб я был, и даже в спасительнейшее против прежнего, ибо покорность моя гораздо совершеннее прежнего; я имел ее в душе и имел твердое желание, чтоб оно не изменилось, но быть может, что недовольно я готов еще был ко всему, что может свершиться; непрестанное помышление о милосердии государя, испытанном нами, возбуждало мне воображение, теперь благодарность моя к нему осталась, но мечтаний более не имею, хотя и много надеюсь. Словом, могу тебе сказать, что я совершенно чувствую, что то, что во мне было такого, которое могло бы сохранять меня в недостаточной готовности к принятию с должною покорностию того, что будет мне суждено, все таковое исчезло; осталось чистое и совершенное упование на бога. Он нам, конечно, пошлет

все нужные силы как для будущего, так и для настоящего; я чувствую, что и терпение мое получило новую крепость. Во всем я вижу неизреченное божие милосердие и неисповедимость судеб его, что побуждает меня еще более всею душою предаваться в совершенную его волю. Прости, ангел мой, милый друг мой, будь совершенно покойна на мой счет; я очень жалею, что я тебя обеспокоил; но между тем уверен, что твои молитвы много мне добра сделали, и когда я на свою не довольно надеюсь, то охотно к твоим прибегаю. Целую тебя, милого друга моего, от всего сердца и от всей души. Обними Володеньку и всех наших.

С. Трубецкой

82

123. Вторник, 11 мая

Благодарю тебя, милый и бесценный друг мой, за все утешения, которые ты старалась подать мне во вчерашнем письме твоем[1], благодарю тебя за всю горячую любовь, которую ты сохранила ко мне и которую в нем изображаешь; ты мне столько уже сказала ее, милый ангел мой! Ты уверена, говоришь, что будущее меня оттого более страшило, что я жалел о тебе, — и не ошиблась, ангел мой: я надеюсь, что если б не мысль о том, какою неблагодарностию я воздал тебе за любовь твою и что я приуготовил тебе, может быть, на всю твою жизнь, лишь горестную и исполненную страдания участь; если б не сия мысль преследовала меня, то я надеюсь, что ожидание будущего не обеспокоивало бы меня и что я без размышления покорился бы судьбе своей, зная, сколько я заслужил ее; по крайней мере, не приходило ни одного раза мне на ум сожаление о себе самом, касательно благ земных, которых я лишился, напротив, когда я думал о себе самом, то я всегда молил бога о прощении моих согрешений, благодарил его за справедливое наказание, которое он мне послал за оные, и за то, что несчастием сим предохранил меня, может быть, от больших прегрешений. Также очень тяжела мне была потеря доброго имени; кроме его, я ничего не имел и знал, сколько оно тебе льстило. Но, друг мой, благодарю бога, теперь упование все превозмогло; я уверен, что если бог оставит меня в живых, то он пошлет мне и возможность жить для утешения тебя, кроме тебя, милый друг, моя жизнь нико-

му не нужна, — если же она и для тебя должна быть источником горестей, то милосердие небесного отца нашего убеждает меня, что тогда он возьмет ее от меня и найдет средства утешить тебя в моей потере. Не сокрушайся сию мыслию, друг мой, но во всем уповай на бога, как ты уповаешь. Бог всесилен и всякого блага от несказанного милосердия его мы должны ожидать. Прости, милый ангел мой, да сохранит тебя господь. Целую и обнимаю тебя от всех сил души моей. Поцелуй Володеньку и всех наших.

С. Трубецкой

83

124. Среда, 12 мая

С большим удовольствием увидел из вчерашнего письма твоего, друг милый мой, что ты совершенно успокоилась насчет моего здоровья, и прошу тебя, ангел милый, будь покойна во всех отношениях касательно меня, моли только бога, чтоб он меня сохранил в том положении, в какое он, по благости своей, привел меня, и чтоб не дал мне ни на минуту никогда поколебаться в уповании на совершенное его милосердие и в покорности к его святой воле. Истинно чудесна сила господня, и истинно сила его в немощи нашей совершается. Чем больше чувствую свою немощь и свою непотребность[1], тем крепче чувствую себя помощию господней. Чувство непотребности моей я желал бы иметь еще более, чтоб оно постоянно было в сердце моем; иногда самолюбие его уменьшает. Надеюсь, что общими нашими молитвами и в сем бог нам поможет.

Когда будешь писать Лизе, благодари ее за молитвы обо мне. Скажи ей, что и я молюсь о ней от всей души, чтоб бог ее никогда не оставил своею милостию и дал бы мне еще когда-нибудь увидеть ее. Я боюсь, не боком ли она была больна? Напрасно, друг мой, ты не хочешь переезжать на дачу. Для твоего здоровья и для Володеньки я бы желал, чтоб ты была на даче, и не думаю, чтоб чрез это могла быть какая задержка в письмах моих, но, может быть, иногда ты бы и ранее их получала. Имей человека в городе, который бы тотчас привозил тебе письмо, когда оно в город будет доставлено. А на даче ты ближе ко мне, друг мой, ибо река нас не будет разделять[2]. Много молю бога моего о том, ангел мой, чтоб послал нам то время, когда мы не будем в разлуке. Про-

сти, милый, бесценный друг мой, целую тебя от всей глубины души моей. Поцелуй Володеньку и всех твоих. За Софью я молился особенно[3] по твоему желанию, друг милый, но я всякий день за всех твоих молюсь от всего сердца. Да хранит бог Софью такой, как она теперь, чтоб она осталась утешеньем всего семейства. Прости еще раз, друг милый, крепко обнимаю тебя.

С. Трубецкой

84

125. Четверг, 13 мая

И я, добрый ангел мой, у ног твоих прошу: прости мне огорчение, которое навело тебе третьегодняшнее письмо мое, прости мне слезы, которых оно тебе стоило. Милый друг мой, жизнь моя, душа моя, все мое, прости мне, прости горячей моей любви печаль, которая объемлет меня, когда я вздумаю о том, что я единственный виновник грусти твоей; прости мне страх, который иногда стесняет сердце мое, страх, что я лишил себя возможности жить для счастия твоего. Слишком знаю я, ангел мой, что одно для тебя несносно — это разлука со мной и что ты все готова с радостию вытерпеть, когда бог соединит нас опять; но, друг мой милый, истинный и бесценный друг мой, подумай также о том, что и я люблю тебя несравненно более самого себя, более жизни моей, и прости мне желание мое отдать жизнь мою для облегчения судьбы твоей, если б сие облегчить ее могло. Друг мой, если б ты меня не так любила, как ты меня любишь, то, конечно, не беспокоила бы меня так мысль о будущей твоей участи. Прости мне, ангел мой, что я тебе написал, и верь истине, что я не желаю, чтоб бог прекратил жизнь мою, но всегда усердно молю его, чтоб он, по милосердию своему, допустил, чтоб она была еще тебе в утешение, и для себя прошу единственно, чтобы тебя не пережить. И верь также, милый друг мой, что в глубине души моей твердо уповаю на благость создателя, что если он хранит мою жизнь, то единственно для того, чтоб ты могла чрез нее сколько-нибудь иметь утешенье; кому иному жизнь моя нужна, как не тебе? Я знаю, ангел мой, что ты единственно во мне видишь все свое счастие; но, друг милый, и ты *одна* все мое благо, ты знаешь, друг мой, что любовь твоя была всегда единственным моим наслажденьем; теперь не еще ли более? Истинно верю, что всемилосердый отец

наш небесный не для чего иного сохраняет жизнь нашу, как для того, чтоб мы могли еще друг друга утешать, и в твердом уповании предаю обоих нас в святую волю его. Милый друг, отри слезы твои, и да будут они последние, которые я пролить тебя заставил. Бог услышит молитву мою, чтоб ты ни чрез меня, ни обо мне более горьких слез не лила. Прости, ангел мой, целую тебя всеми силами без меры любящей тебя души. Поцелуй Володеньку и всех наших.

С. Трубецкой

85

129. Понедельник, 17 мая

Я вчера ранее прочих дней получил письмо твое, милый и бесценный друг мой, и, увидя в нем подтверждение страха моего, что ты ослабела духом в сей день, ты можешь вообразить, что это заставило меня еще более и усерднее о тебе молиться, ангел мой. Да услышит бог наш все твои и мои молитвы! Тогда, друг мой, сколько бы округ нас все ни изменилось, сколько бы мы ни потеряли из благ мира сего и сколько бы судьба наша ни показалась тяжелою, мы не будем несчастливы. Совершенно уповаю, что все то, что с нами будет, необходимо для нашего спасения, ибо воля божия есть спасти уповающих в него, и он сам, по благости своей, послал нам упование и наставил нас чрез него и познание наших согрешений на истинный путь спасения.

Ты говоришь, что если будем вместе, то никак не будем иметь право жаловаться на судьбу свою. Милый друг, не только помышления мои далеки от жалобы, но истинно, ангел мой, чувствую сколь должен буду быть благодарным за такое милосердие, которое возвратит жизнь не только мне, но и тебе, милому другу моему. Ты одна имеешь полное право жаловаться на меня, ангел мой, за мою жестокость к тебе, но я ни на что не имею никакого права жаловаться; и когда ты для себя ничего более не желаешь, как быть со мною и делить мою участь, то могу ли я чего иного желать? И могу ли не благодарить беспрестанно господа моего за ту истинную и нежную любовь, которую ты сохранила ко мне в сердце своем? Бог тебя благословит и укрепит, по милости своей. Целую и обнимаю тебя всеми силами души моей, милый ангел и друг мой. Поцелуй Володеньку и всех наших. От всей души прошу всем им милостей господних. С. Трубецкой

ОСОБНЯК ЛАВАЛЕЙ В ПЕТЕРБУРГЕ НА АНГЛИЙСКОЙ НАБЕРЕЖНОЙ (ныне наб. Красного Флота, 4).
Фото 1920-х гг.

86

130. Вторник, 18 мая

Я получил, милый ангел мой, вчерашнее письмо твое, из которого вижу, что ты сегодня хочешь переехать на дачу. Благодарю тебя, что ты это делаешь в угождение мне, и признаюсь тебе, что я спокойнее от мысли, что ты опять будешь не одна, но в семействе твоем, в котором ты любима и в котором стараются подать тебе утешение и рассеять грусть твою. Я боюсь, что ты слишком предаешься ей в уединении. Как я благодарю бога, что письмо мое третьего дня успокоило тебя, но мне кажется, друг мой, что и вчера ты еще была некрепка. Да укрепит тебя господь бог наш всесильною своею помощию. Милый ангел, во всем полагайся на благость господнюю и, предавшись, как ты сама пишешь, всею душою в его святую волю, молись и о том, друг милый, чтоб бог, по великому милосердию своему, простил мне согрешения мои и очистил душу мою от всякой скверны и сделал бы меня до-

стойным его великих милостей. Тогда, друг мой, мы можем надеяться получить от благости его и милость соединения в этой жизни и провести вместе остаток дней наших. Христос сам говорит нам, что бог прежде прошения нашего знает, чего мы требуем, и чтоб мы прежде просили царствия небесного, а все, что нам нужно в сей жизни, бог тем нас не оставит. Если мы будем недостойны милости божией, то он может нас опять разлучить, хотя бы мы и соединились; а если мы послушанием, терпением, верою и любовью будем оной достойны, то хотя мы и не предвидели никакой возможности к соединению, то и тогда бог силен нас соединить. Богу известно, друг милый, что одна радость наша, одно утешение, одно желание, одно прошение в сем мире — быть вместе и окончить век наш вместе, в любви его, и он уповающих в него не оставляет. Прости, милый друг мой, целую и обнимаю тебя от всей души моей. Поцелуй Володеньку и всех наших.

С. Трубецкой

87

132. Четверток, 20 мая

Я получил вчера, друг милый мой, письмо, писанное тобою во вторник вечером. Я не сетую на то, что ты с вечера будешь писать, напротив, кажется мне, что я лучше буду из писем твоих видеть, в каком духе ты провела день. Жалею очень, что погода переменилась к приезду вашему на дачу, и боюсь, что эта перемена долго продолжится, ибо долго стояло хорошее время, которым вы не успели воспользоваться. Ты пишешь, милый друг, чтоб я молил бога, чтоб он сохранил тебя от всякого ропота и всего того, что близко к непокорности, и я тебе скажу, ангел мой, что об этом я очень много молю господа, более всего его молю о том, чтоб он укрепил нас в терпении, покорности и уповании, ибо твердо уверен, что единственно оными чувствами и чистейшею к богу благодарностию можем мы сохранить на себе его милосердие. Апостол говорит: «терпением вашим спасайте души ваши»; и св. апостол пишет: «всегда радуйтеся, непрестанно молитеся, о всем благодарите, сия бы есть воля божия о Христе* в вас» и часто повторяет, чтоб мы радовались в скорбях и благодарили за них. Будем стараться, милый

* Далее одно слово не поддается прочтению.

друг, дойти до сего совершенства. С верою в бога все возможно, ибо благодать его верующим помогает; а чем больше мы чувствуем свою немощь, тем более благодать нам помогает. Господь сказал апостолу: «сила любви в немощи совершается». Итак, друг милый, ради бога, не предавайся грусти или унынию, они, точно, могут невольно нас привести к ропоту; но всегда, когда почувствуешь, что горе или уныние овладевают твоею душою, всеми силами моли бога, чтоб он их отогнал от тебя. И хотя бы молитва твоя сначала и безрезультатна была, не отчаивайся, но продолжай молиться до самых тех пор, когда почувствуешь в сердце своем радость, которая убедит тебя, что господь услышал молитву твою, и тогда ты будешь и воле его святой от всей души предаваться. Когда молишься, утруждай тело твое, если уныние и грусть расслабили его*, не бойся утруждать его, утрудивши его, освобождаешь душу от действия тела и получаешь бодрость и твердость духа. Прости, милый друг мой, да поможет господь бог нам и укрепит в нас те чувства, которые я непрестанно прошу у него для тебя и для себя, и да сохранит тебя и помилует нас. От всей души целую тебя. Поцелуй всех наших и Володеньку. С. Трубецкой

88

133. Пятница, 21 мая

Я вчера получил письмо твое от среды, милый друг мой. Ты пишешь, ангел мой, что 19 апреля, в счастливый день свиданья нашего, прощаясь со мной, ты уверена была, что разлука наша скоро кончится, и оттого так спокойно простилась со мною. И я уверен, друг милый, что во все это несчастное время надежда, что оно скоро минуется, столько же тебя поддерживала, сколько и меня. Я уверен, что нам бы еще тяжелее было, если б мы знали заранее, какое долгое время нам предстояло быть в разлуке. Неизвестность, какое время продолжится несчастие, порождает упование и терпение, и за это должно человеку благодарить всевышний промысел. Без упования не было бы и молитвы, следовательно, ни средства приблизиться к богу; но благостию его дано нам, смертным, ничтожным тварям, приближаться к создателю нашему чрез молитву в уповании, что он услышит ее.

* Далее одно слово не поддается прочтению.

Если б не было сей отрады, милый друг, то какую могли бы мы иметь надежду, что когда-нибудь прекратится тяжелая наша разлука? Но при оной мы уповаем, что господь услышит нас и, возмилосердствовав на нас, соединит нас. Предаваясь совершенно воле божией и желая всем сердцем принять с совершенною покорностию, что ему угодно будет нам послать, мы не можем притом не молить его, чтоб он облегчил нам жребий. Молясь о том, мы не оказываем непокорности, но молились оттого, что надеялись, что он, по своему великому милосердию, услышит нашу молитву. Если бы я не имел надежды, что господь соединит нас, то какой ужасной судьбы я должен бы был ожидать на всю мою жизнь! Не стократ ли предпочтительнее была смерть? И мог ли бы я столь долгое время перенести такое ожидание? Но, уповая на милость божию, я прошу у него и сил снести участь, в которую он меня судит, и молю его об облегчении ее, и надеюсь, что он, по своему великому милосердию, услышит и мою молитву. Эта надежда дает мне силы сносить тяжелое состояние мое. Будем твердо уповать на бога, ангел мой, он нас не оставит. Прости, милый друг, целую и обнимаю тебя всею душою. Молю и уповаю, что господь скоро подаст мне упование* сие на самом деле. Целуй Володеньку и всех наших.

С. Трубецкой

89

134. Суббота, 22 мая

Я вчера получил письмо твое от четверга, милый друг мой. Я, так же как и ты, возлагаю всю надежду мою на спасителя и твердо уповаю, что он подкрепит и направит нас во все минуты жизни нашей и пошлет нам силы снести и сносить всегда судьбу нашу с совершенным терпением и покорностью и за все от чистого сердца благодарить бога. От всей души моей молю всемилосердого создателя нашего, чтоб он соединил нас и избавил от всякой сердечной скорби, и с полною верою предаю себя и тебя, милого друга моего, в волю его святую. Не могу не быть твердо в сердце моем уверенным, что он, по великой благости своей, хочет спасти нас. Мы столько получили знамений непостижимого уму человеческому милосердия божия, что не можем не верить от всей души, что

---

* Далее одно слово не поддается прочтению.

он нас не оставит, если мы сами от него не отлучимся. Будем всегда прибегать к нему от всей души нашей, без лености, с верою и любовию. Я и в уповании моем также не устроен, как и во всем прочем был, и, конечно, погиб бы без удивительной помощи милосердного отца небесного, который истинно призирает нас, как нежнейший отец возлюбленных детей своих. Что можем мы воздать ему, кроме хвалы? И можем ли на что иное уповать, как не на сильную его помощь и великую его благодать? Предадимся совершенно, милый друг, в волю его святую и верь, всеми способностями души, ума и сердца твоего верь, что он нас не оставит. Прости, милый, бесценный друг мой, ангел мой, которого любви я столько недостоин был. От всего сердца моего целую и обнимаю тебя. Обними родителей твоих и сестер. Поцелуй Володеньку; ты уже четыре письма о нем ничего не пишешь, здоров ли он?

С. Трубецкой

90

135. Воскресенье, 23 мая

Я получил вчера, друг милый мой, письмо твое от пятницы. Приятно мне видеть, что письма мои сколько-нибудь тебя утешают; если б ты знала, ангел мой, сколько и твои письма мне добра делают; когда я перечитываю их и вижу, что от самого первого письма во всех их изображается та же нежная любовь твоя ко мне, отвергшаяся всего, что собственно тебя касается, но единственно обо мне пекущаяся; вижу ту же твердую веру в упование к богу и господу нашему, в его милосердие всю надежду твою полагающие; то когда я и ослабеваю духом, особенно при размышлении о том положении, в которое я тебя повергнул, и о последующей от него участи твоей, и когда я от сих мыслей предаюсь беспокойству, чтение писем твоих всегда если не истребляет, то уменьшает сие беспокойство, а иногда так возбуждает во мне чувство милосердия божия и благодарности, что доставляет истинно сладостные минуты. Если б не имел я писем от тебя, большой бы помощи и утешенья лишен был, и дозволение получать их есть такое великое благодеяние, что если б государь и ничего более не сделал для меня, то я и тогда должен молить бога во все минуты жизни моей, чтоб воздал ему щедрою рукою за такое милосердие его. Ты боишься, друг мой, не сделали ли вреда здоровью моему сырость и холод прошедших дней? Нет,

друг мой, никакого, и не беспокойся нисколько о моем здоровье, я сам не могу ему надивиться; когда господь исцеляет душу, то он и тело сохраняет. До сохранит бог и тебя, ангела моего, и помилует всех милостию своею. Прости, друг милый, всей душой целую и обнимаю тебя. Поцелуй всех наших и Володеньку. С. Трубецкой

91

136. Понедельник, 24 мая

Я получил вчера, милый друг мой, письмо твое от субботы и от всей души моей благодарю бога, что не оставляет, по благости своей, укреплять тебя в тех чувствах, которые одни могут утвердить на пути спасения. Сильное желание твое покориться совершенно во всем святой воле господней много укрепляет меня, ибо, друг милый мой, несмотря на все утешенья, которые ты старалась во многих твоих письмах подать мне, не признавая меня пред тобою виновным, не могу я не знать, что я единственный виновник всех скорбей, которые ты потерпела и которые еще и вперед тебе предстоит потерпеть; и если б ты не терпеливо сносила судьбу свою и со страхом и беспокойством ждала будущего, то, конечно бы, мне несравненно грустнее было. Но ты, ангел мой, помнишь только любовь мою, и бог тебе воздаст за незлобие твое и за то добро, которое ты мне делаешь. Усердно молю его, чтоб любовь твоя ко мне не была для тебя источником горестей в жизни твоей и чтоб он послал мне еще утешить тебя моею любовью. Когда ты, бесценный друг мой, так готова потерпеть все скорби, которых ты не заслужила, то могу ли я сколько-нибудь о себе помышлять? Много доброго я получил в жизнь мою от господа и злых ли не стерплю? Особенно, друг мой, когда знаю, что заслужил несравненно более всего, что могу потерпеть. Но бог милосерд и за покорность и веру туне[1] оправдает меня благодатию своею, спасением о господе нашем Иисусе Христе. Да пребудет благословение божие на тебе, ангел мой, во все дни жизни твоей и да вознаградит тебя господь в лучшей жизни за зло, которое ты чрез меня здесь терпишь, и спасет нас обоих, по великой своей любви к нам, недостойным. Прости, друг милый мой, целую тебя от всей души. Поцелуй Володеньку и всех наших.

С. Трубецкой

ИНТЕРЬЕР ГОСТИНОЙ ОСОБНЯКА ЛАВАЛЕЙ
(правая сторона).
Акварель художника М. Н. Воробьева. 1819 г.
Музей А. С. Пушкина, Москва. Из собр. П. В. Губара

92

138. Среда, 26 мая

Вчера я получил письмо твое от понедельника, милый и бесценный друг мой. Я готов, ангел мой, терпеть все, что господу богу моему угодно будет мне послать. Я знаю, что неисповедимый для нас его всевышний промысел неведомыми и непостижимыми для ума нашего путями устраивает все ко спасению нашему. Я уверен также, что если бог, по благости своей, исполнит наши молитвы и пошлет нам провести остальные дни жизни нашей, то он пошлет и все нужные силы, чтоб перенести участь нашу, как бы она тяжела ни была. Но, друг милый, невозмож-

но мне не молить господа и о том, чтоб в будущей участи нашей все трудности и все страдания были для меня одного и чтоб он избавил тебя от всякой скорби: душевной, сердечной и телесной; и в этом я надеюсь, что он, по благости своей, не оставит услышать молитву мою. Что ж касается до меня самого, то я повторяю тебе, ангел мой, что с помощью божией я уповаю все принять с благодарностию и молю бога, чтоб исполнил сердце мое той истинной любовью к нему, которая и в скорбях заставляет радоваться. Прости, милый сердцу друг, жизнь моя, всеми силами души обнимаю и целую тебя. Поцелуй всех наших и Володеньку.

С. Трубецкой

93

139. Четверг, 27 мая

Известие, данное мне тобою вчера, милый друг мой, поразило меня; в ум не приходило мне предвидеть для тебя такую новую грусть в сие уже столь грустное время[1]. Молю бога от глубины души, чтоб он укрепил тебя; знаю, сколько должна ты быть грустна от разлуки с сестрой, с которой такая дружба тебя связывала, особенно при мысли, что ты уже не имеешь никакой надежды более когда-нибудь с нею в сем мире увидеться[2]. Но, друг милый, старайся эту последнюю мысль удалить от себя, и это тебя облегчит сколько-нибудь. Конечно, нет для тебя никакой видимой надежды видеться с сестрой твоей когда-либо, но кто может угадать судьбы всевышнего? Он по воле своей соединяет тех, кои не думают быть вместе; разлучает тех, кои не думают быть в разлуке; все делается дивным его промыслом и все ко благу каждого из нас. Что ему невозможно? И кто против воли его постоит? И кто может предвидеть заранее, какая будет его воля? Кто знает, увидел ли бы я еще сестру твою, если б она здесь оставалась? И кто может теперь сказать наверное, что мы ее никогда уже более не увидим? Старайся, ангел мой, с терпением и покорностию овладеть твоим горем; я тебя, бедного друга моего, приучил уже грустить. Тем более бодрствуй, что теперь некому тебя утешать, но и твои все имеют нужду в утешенье; да поможет тебе бог быть родителям твоим утешительницею на малое время, которое, может быть, осталось тебе сие возможным. Если б не мое безумие, то ты мог-

ла бы быть для них отрадою, но я был врагом всех, любивших меня. Надеюсь, что бог сохранит Зинаиду, благословит ее, и она будет так же счастлива, как была; наши молитвы, по крайней мере, всегда будут сопровождать ее. Прости, друг милый, бог поможет тебе, ищи в нем помощи и уповай на нее и получишь. Целую тебя и обнимаю от всех сил души моей. Поцелуй родителей твоих, Софью и Володеньку. Бог тебя благословит.

С. Трубецкой

94

140. Пятница, 28 мая

За что ты не хочешь, милый друг мой, чтоб я молил бога, чтоб он избавил тебя от всяких скорбей? Разве не довольно тебе тех, которые я тебе причиняю? И не слишком уже достаточно будет тебе делить мои скорби, что ты хочешь еще для себя особенных? И разве твоя скорбь не умножит еще мою? Милый друг, оставь мне молить бога о сохранении тебя, об облегчении твоей участи, о том, чтоб послал тебе утешение и дал мне утешить тебя моею любовью, чтоб соединил нас и чтоб в соединении нашем не предстояли для тебя горести и трудности. Оставь меня молить господа о ниспослании тебе всех благ, каких можно ждать от всещедрой его десницы и каких я желаю тебе. Или ты боишься, что я слишком многого прошу для тебя? Милый друг, к господу богу можно приступать со множеством молитв, от его благости и от его милосердия никогда не можно слишком многого требовать. Он знает лучше нас самих немощь нашу, суетного же я ничего не прошу, ангел мой, напротив, молю его непрестанно, чтобы и тебе и мне послал чистое отвержение всего мирского и все блага мира сего вменять за тщету, желав единственно вечного блаженства и подвизаясь всеми способностями нашими к достижению оного, молю от всей души господа Христа, чтоб дал нам понести иго и бремя его и чтоб оно нам никогда не показалось тяжелым. Успокойся, друг милый, и верь, что молитвы мои не уменьшают моей покорности к воле божией. Прости, друг милый, целую и обнимаю тебя от всей души моей и всего сердца моего. Поцелуй родителей твоих, Софью и Володеньку. Пиши мне о них и о себе; как они сносят разлуку с сестрой твоей. Когда от нее будут известия, уведомь меня. Ты об ней сказала: «в ее по-

ложении», разве она беременна? Прости, милый ангел, еще целую тебя.

С. Трубецкой

95

141. Суббота, 29 мая

Я получил, милый ангел мой, письмо твое от четверга. Не беспокойся, друг бесценный, о действии твоего письма от вторника, я совершенно здоров; и не тужи о том, что в первую минуту огорчения, которое причинил тебе отъезд сестры, ты мне более изобразила грусть свою, нежели желала. Я всегда желаю знать точное состояние души твоей и всегда благодарен бываю тебе, когда ты оного от меня не скрываешь; тогда я молю бога, чтоб он грусть твою рассеял и укрепил тебя, и стараюсь тебе подать сколько возможно утешенья недостаточным средством переписки. Зная веру твою, я всегда надеюсь, что господь не оставит тебя своею помощию, и молить его о тебе — большая отрада. Итак, милый друг мой, не скрывай от меня истинного состояния души твоей и пиши мне более о себе самой, не беспокоясь о том, какое действие оно произведет надо мною. Я во всем и всегда надеюсь, по великой милости господней, не ослабеть в твердом, на благость и всемогущество божие, уповании. Старайся утешать родителей твоих и сестру в грусти их; господь тебе в этом поможет; обними их за меня. Поцелуй Володеньку и пиши мне о его и своем здоровье. Прости, ангел милый, целую и обнимаю тебя всеми силами души моей.

С. Трубецкой

96

142. Воскресенье, 30 мая

Сию минуту получаю письмо твое от пятницы, милый и бесценный друг мой, и спешу отвечать тебе, потому что требуют письма моего для отправления. Благодарю тебя, ангел мой, за известие, которое ты даешь о сестре, о родителях твоих и о себе. Я надеюсь, что господь сохранит их всех и утешит, тем более что Зинаида может надеяться, что она так же счастлива будет, как была до сих пор, и радость быть матерью прибавит к ее благополучию. Тебя, милого друга моего, друга самого драгоценного и все счастье моей жизни составляющего, тебя, ангела моего, я обрек злополучию, и ты, истинный ангел, вместо того, чтоб сетовать на меня, думаешь единственно о том

и молишь о том одном бога, чтобы он дал тебе средства облегчить судьбу мою и быть моим утешителем. Ангел милый, бог, один бог может вознаградить тебя за истинную твою любовь ко мне; он услышит горячие мои о тебе молитвы и благословит тебя святым своим благословением. Прости, ангел мой, жизнь моя, всею душою и всем сердцем обнимаю и целую тебя. Обними всех твоих и поцелуй Володеньку. Бог тебя да сохранит. С. Трубецкой

97

151. Среда, 9 июня

Я получил письмо твое от понедельника, милый друг мой. Молю усердно бога, ангел мой, чтоб он утвердил и усилил в нас обоих те чувства, которые он, по благости своей, посеял в сердцах наших и в исполнении молитвы моей, совершенно надеюсь на милость его и сильную его помощь. Он призвал меня к себе, он указал мне заблуждения ума моего, он дал мне раскаяние, и он не оставит меня, но доведет начатое им дело и подаст мне сотворить плод, достойный покаяния. О сем одном молю и о соединении с тобою, милым и истинным другом моим, и надеюсь, что господь подаст мне сколько-нибудь тебя еще утешить и сколько-нибудь исправить зло, которое я тебе сделал. Не прошу никаких благ мирских ни для себя, ни для тебя, но прошу спасенья нашего и верю, что господь пошлет нам по желанию нашему; и самое сие желание вскоренит в сердцах наших, истребя в них все, что препятствовало его вскоренению. Тогда нас ничто не разлучит от любви его, и терпеть волю его не будет нам никогда казаться тягостным. Да хранит тебя и благословит господь бог наш. Целую и обнимаю тебя всеми силами души моей и сердца моего. Прости, милый друг мой, поцелуй Володеньку и сестер твоих. Обними родителей и уведоми, успокоились ли они несколько от разлуки с Зинаидой? Благодарю тебя за известие о ней. Уверен, что бог ее сохранит и в дороге и на месте нового жительства. Еще раз прижимаю тебя к сердцу моему, милого ангела моего. С. Трубецкой

98

152. Четверг, 10 июня

Я вчера уже перестал было ожидать письма твоего, когда получил его, милый друг мой. Сожалею, что ты не

имела письма моего во вторник, но уверен, что ты вчера его получила и что оно тебя успокоило на мой счет. И сделай милость, ангел мой, если тебе случится еще иметь какую остановку в получении письма, то не предавайся беспокойным мыслям обо мне, но уповай совершенно на великое милосердие божие и верь, что господь, не оставивший меня до сих пор сильною своею помощью и покровительством, не оставит и теперь. Не опасайся, чтоб я предался беспокойству, грусти или мечтаниям какого-либо рода. Сила господня отгоняет от меня все чувства, которые могли бы помешать мне предаваться воле его с совершенным на благость его упованьем. Я на свои силы ни в чем и нисколько не надеюсь, но зато тем более уповаю на силу божью, она мне поможет во всем: «похвалюся в немощех моих, — говорит апостол, — да вселится в мя сила Христова», — и он же опять пимет: «верен бог, иже не иставит вас искуситися паче еже можете, но сотворит с искушением и избытие яко возмощи вам понести». За первое впечатление я не отвечаю, милый друг, но опять твердо верю, что оно может быть только минутное, ибо господь сильною десницею своею не оставит тот же час воздвигнуть меня. Итак, друг милый мой, будь совершенно спокойна на мой счет, и если когда-нибудь тебе придет беспокойная мысль обо мне, то молись обо мне богу с полною верою, что он мне поможет. Да благословит и сохранит тебя господь бог наш и утешит тебя во всем. Прости, мой ангел, целую тебя и обнимаю всеми силами души моей. Поцелуй Володеньку и сестер твоих и обними родителей. С. Трубецкой

99

154. Суббота, 12 июня

Я вчера получил, милый друг мой, письмо твое от четверга, которого я очень ожидал, ибо, не имев от тебя третьего дня известия, желал очень получить утверждение надежды моей, что ты вышла из беспокойства, в котором была обо мне во вторник; и рад был видеть, что ты получила письмо в четверток, которое должно было тебя успокоить. Благодарю с тобою вместе, ангел мой, и от чистой души благодарю того, кто прилагает о тебе попечение и в те дни, когда ты не можешь иметь моего письма, уведомляет тебя, что со мною ничего не сделалось; истинно добрая та душа, которая думает об уте-

шении горестных[1]; и господь не оставит таких без воздаяния. Ты желала знать, в каком я духе нахожусь, и ты, милый друг, видела то из последних моих писем. Бог меня хранит, и на благость его во всем уповаю: он сохранит в сердце моем любовь, веру, благодарность и покорность и с сими чувствами подаст мне без страха ожидать и узнать решение участи моей. Молю бога, чтоб хранил тебя душою и телом и привел меня кончить с тобою век мой и утешить тебя от всех скорбей, которые я тебе причинил. Храни, друг мой, в сердце твоем те же благие чувства, которые теперь в нем находятся, и бог тебя благословит. Прости, ангел мой, целую и обнимаю тебя от всей души моей. Поцелуй родителей твоих, сестер и Володеньку. Благодарю тебя за известие о Лизе.

С. Трубецкой

100

155. Воскресенье, 13 июня

Я вчера получил письмо твое от пятницы, милый друг мой, из которого вижу, что ты получила мои последние письма и успокоилась насчет состояния моего духа. Не бойся, мой ангел, того, чтоб я предавался каким-нибудь излишним надеждам; одна надежда живет в сердце моем — надежда, что я не буду разлучен с тобою; впрочем, не занимаю воображения моего никакими мечтами, но предаюсь с совершенною покорностью воле божией, зная, что бог лучше нас знает, что нам истинно полезно и что может привести нас к цели бытия нашего: спасению в царстве его вечном. Испытав милосердие государя, ожидаю доброго; зная, что я заслужил, — ожидаю дурного. Ни к тому, ни к другому не прилагаю моих помышлений; во всем, что будет, буду видеть благой промысел всевышнего, ведущий нас к цели неисповедимыми для нас судьбами. Не зная, какой путь может меня ближе к оной привести, я даже не знаю, какой судьбы я должен для себя желать, ибо могу ли предузнать, к чему бы привела меня та судьба, которой пожелал бы? Могу ли быть уверен, что она не отвратила бы или не удалила бы меня от пути спасения? Одно то знаю, что за все должен буду благодарить господа бога моего и во всем предаваться воле его с совершенным упованием. Прости, ангел мой, милый и неоцененный друг мой, да будет с тобою благословение божие. Целую и обнимаю тебя всеми силами лю-

бящей души и прижимаю тебя к горячему сердцу. Поцелуй Володеньку, сестер и родителей твоих.

С. Трубецкой

101

156. Понедельник, 14 июня

Я вчера получил, милый друг мой, письмо твое от субботы. Надеюсь, ангел мой, что господь сохранит в сердце моем те чувства, которые благость его в оном посеяла, взрастит их, усилит и придаст еще и все то, что к оным недостает, чтоб они произвели плод, достойный его милосердия, столько меня помиловавшего. Надеюсь, милый друг, очень надеюсь, что милость его будет и на соединение наше. Одного прошу от благости его в сей жизни — кончить век мой вместе с тобою. Если сия молитва моя исполнится, то, конечно, я уже не буду иметь чего просить для себя в мире сем, кроме сохранения тебя, жизни моей. Без тебя, друг милый, все для меня постыло, и никакой нет у меня связи с миром сим. Моя душа горит желанием быть с твоею душою, и одно это желание живит ее. Когда сии наши желания и надежды сбудутся, тогда, конечно, ангел мой, одна наша молитва будет о воздаянии государю, и молитва сия будет сердечная; и уповаю, что милосердие его исполнит меру нашей к нему благодарности. Прости, милый, сердечный друг мой, да пребудет с тобою благословение божие. Целую и обнимаю тебя от всей души моей. Обними родителей твоих, поцелуй сестер и Володеньку.

С. Трубецкой

102

157. Вторник, 15 июня

Я вчера получил письмо твое от воскресенья, милый друг мой. Благодарю бога, что он послал тебе силы без страха ожидать будущего; и когда ты уверена в себе, ангел мой, что ты без ропота узнаешь судьбу нашу, то мне остается только помолить господа о поддержании твоей покорности в воле его святой и о том, чтоб он сподобил нас быть ему благодарными не словами только, но и самим делом. Благодарность наша к творцу нашему иначе не может изъявиться, как совершенным исполнением святой воли его; и да будет сие всегда нашим желанием, нашим помышлением и нашим единственным попечением. Сила господня укрепит нашу немощь. Упование

в него даст нам терпение в скорбях, вера утвердит и наставит в благих подвигах; любовь оживит и воспламенит дух наш, и свет его просветит наш разум к истинному познанию наших прегрешений и к исполнению его заповеди; и благодать господня приведет нас истинным и правым путем к цели бытия нашего — жизни вечной. Прости, ангел милый, целую тебя, истинного друга моего, от всей крепости души моей. Обними всех твоих и Володеньку. Ты слышала, что брат женится, если сие справедливо, то дай бог, чтоб он столько же был счастлив с сею женою, как с первою[1].

С. Трубецкой

103

162. Воскресенье, 20 июня

Я вчера получил письмо твое от пятницы, милый друг мой. Ты просишь у меня прощенья[1], в чем, милый друг? Когда ты не хочешь меня признать пред тобою виновным, меня, разрушившего твое спокойствие, то в чем можешь ты иметь случай извиняться предо мною? Что от тебя в целые пять лет испытал я, кроме счастия и благополучия? Могла ли любовь к человеку быть совершеннее той, которую я во все время от тебя испытал? Исследуй всю прошедшую жизнь твою, можешь ли ты себя против меня в чем-либо упрекнуть, даже в невольном или*. Ангел мой, если б моя любовь к тебе вполовину была столь чиста, сколько твоя ко мне, то ты бы не пила той горькой чаши, которую ты теперь пьешь. Ты желаешь иметь к ближнему ту любовь, говоришь, какую я всегда имел; милый друг, не заблуждайся на мой счет, любовь твоя не остынет ко мне, когда ты будешь видеть все пороки, которые я имел и от которых милостию божиею надеюсь освободиться, когда ты будешь видеть их, то сердце твое будет исполнено большею благодарностию ко всевышнему, когда неизреченное милосердие привело меня неисповедимыми путями к исправлению, душевно желаю, друг мой, чтоб глаза твои открылись на мой счет и чтоб ты видела всю ту ужасную греховную бездну, в которую я слепотою моею стремился и в которую я и тебя увлекал. Прочти, друг мой, в апокалипсисе (гл. 3), что Иоанн пишет ангелу Лаодикийской церкви, и ты

* Далее одно слово не поддается прочтению.

увидишь истинное подобие мое: прочти в евангелии все то, что Христос говорит фарисеям[2]; я знаю, что любовь твоя ко мне откажется тому верить, но я не могу себя обманывать, я был истинный фарисей в душе моей, я благодарю бога, что благость его открыла мне глаза; истинно желаю, друг милый, чтоб и ты меня видела таковым, каков я был, тогда истинное чувство благодарности к богу поселится в сердце твоем; к сему великому благому богу, который не хотел меня погубить в беззакониях моих, но который временным наказанием хочет спасти от смерти вечной. Благословим господа за все, что он нам послал; истинно не могу в том не видеть великой его любви к нам, недостойным. Благодарю господа и за то, что ты, кажется, спокойнее была в пятницу, нежели накануне, и уверен, что милость его во всем тебе поможет. Я надеюсь, что сегодня, после причастия, ты еще укрепилась. Целую тебя, обнимаю, милого ангела моего, от всей души. Целуй Володеньку и всех наших.

С. Трубецкой

104

163. Понедельник, 21 июня

Благодарю тебя, ангел мой, за те строки, которые ты ко мне написала в субботу. По крайней мере, я имел от тебя известие, а это утешило меня. Надеюсь увидеть в том письме, которое получу я от тебя сегодня, что ты снова совершенно укрепилась духом, как была в начале сего месяца. Я уверен, что причастие св. тайн имело на тебя сие действие, ибо знаю, с какою верою ты всегда приступаешь к сему великому таинству, а господь верующих не оставляет. И как молю бога, чтоб укрепил тебя навсегда в тех чувствах веры, любви и покорности, которые столь часто и столь сильно изображались в письмах твоих. И верю, друг милый мой, что господь, по благости своей, доведет их до того совершенства, в котором ты желаешь их иметь. Не пугайся минут ослабления, только не давай им овладевать тобою, но возбуждай дух твой, когда* усердною к богу молитвою. Господь скор на помощь молящимся ему и уповающих в него. Не углубляйся в тех мыслях, которые могут произвести печаль или уныние, но отгоняй их; и как скоро начнешь чувст-

* Далее одно слово не поддается прочтению.

вовать грусть или тоску, тотчас прибегай к молитве. Кроме воспоминаний много и видимых вещей могут в тебе производить грусть или возбудить тебя к оной; будь всегда готова бороться с нею. В моем положении ничто видимое не может склонять меня к грусти и печали, следовательно, мне легче твоего побеждать ее, когда она вкрадывается в сердце мое. Я тебе откровенно признаюсь, ангел мой, что я ничего не страшусь для тебя в будущей нашей участи, как бы она жестока ни была, я знаю, что ты все готова перенести; и сверх того, я совершенно уверен, что бог пошлет нам точно ту участь, в которой мы возможем снискать спасение, которого желаем. Но я одного только страшусь для тебя, чтоб нежная любовь твоя ко мне не принесла тебе печали, и умоляю тебя, жизнь моя, милый друг мой, когда чувство любви твоей ко мне производит в тебе грусть, то, ради Христа, коего неизреченным человеколюбием мы надеемся получить спасение, именем святым его, умоляю тебя, побеждай грусть, которую нежность твоя ко мне может возбуждать в сердце твоем. Верь, друг мой, что я готов истинно принять с чувством совершенной благодарности к богу все, что он ни пошлет, в твердой вере, что если б судьба наша была иная, то мы бы не получили спасения. Ты любишь душу мою, ангел мой, ты желаешь более всего на свете спасения нашего в жизни вечной, молись о том, милый друг, и тела наши господь соблюдет, и во всем, что до жизни сей касается, вверь себя совершенно воле господней. Если б он судил нам такого скорого соединения, как мы желаем и надеемся получить, то, друг милый, предадимся воле его с любовию, и он наградит нас за покорность нашу. Почему мы знаем, что не нужно для спасения нашего, совершенного и в этом повиновения* воле божией, и что наши желания не тогда должны сбыться, когда мы окажем всю покорность, которую господь требует от нас? Прощай, ангел мой, целую тебя всей душой.

С. Трубецкой

105

164. Вторник, 22 июня

Вчера я должен был кончить письмо по недостатку места и боялся, друг милый мой, чтоб конец его тебя не

* Так в подлиннике.

огорчил и не заставил бы подумать, что мне что-нибудь известно о будущей нашей участи и что я хочу тебя приготовить. Я никаких не имею сведений и не могу их иметь до самого того дня, когда мне объявлено будет, а писал к тебе потому, что ты изъявила страх, чтоб разлука наша не продолжилась и после окончания дела, и потому, что я в душе моей убежден, что благоволение божие тогда только будет на исполнение желаний наших, когда мы совершенною, беспредельною и безусловною покорностию своей воли его заслужим того. И потому когда мне кажется, что покорность наша не дошла еще до того, чтоб мы вытерпеть могли без ропота и продолжение разлуки, если господь нам пошлет таковой удар, то я тогда ни о чем думать более не могу и ни о чем ином молить его не в состоянии, как о том, чтоб он послал нам силы и сей жесточайший удар перенести с совершенною покорностию, без ропота и печали, которая могла бы к оному привести, но чтобы и сию скорбь мы перенесли из повиновения к нему, с полным упованием, что таковая покорность наша обратит на нас его совершенное милосердие*. <...>Душу твою я люблю всего более, и всем, всем без исключения готов я жертвовать; все, что можно представить, страдания самого жестокого, всякого рода мучений, нет и не может быть ничего, чего бы я не был готов вытерпеть для спасения души твоей. Собственная моя душа и собственное мое спасение не дороже для меня спасения твоего. Милый ангел, бесценный друг, будем просить у господа спасения душ наших и будем готовы все понести, что угодно будет воле его. Сила его нам поможет, и милосердие его попечется и о счастье нашем в жизни сей. Прости, целую тебя от всей души и крепко прижимаю тебя к сердцу моему. Я вчера получил письмо твое.

С. Трубецкой

106

165. Среда, 23 июня

В письме твоем от понедельника ты пишешь, ангел мой, что я тебя осчастливил, сказав тебе, что я не страшусь для тебя всего, что предстоит нам в будущей судьбе нашей; если б ты знала, милый друг мой, сколько и ты меня осчастливила означенным письмом твоим!

---

* Далее опускается страница с поучениями из евангелия.

Ты видела из вчерашнего моего письма, что я неуверен был, как ты примешь письмо мое от понедельника, я боялся, чтоб оно тебя не огорчило, и признаюсь тебе, что я особенно боялся ослабления твоего духа при мысли, что, может быть, разлуке нашей не будет еще конца тогда, когда дело кончится; мне показалось по последним твоим письмам, что ты недостаточно покоряешься в этом воле божией, я устрашился сей мысли и решился писать тебе так, как писал вчера и третьего дня. Ты не знаешь, милый, бесценный друг мой, какое бремя последнее письмо твое сняло с меня, ты не знала, как давно меня беспокоит единственно мысль, что ты не так беспредельно предаешься воле божией, как должно нам оной предаваться, и что ты чувствуешь себя не в состоянии принять с покорностию, если бог не соблаговолит соединить нас по окончании дела. Я давно беспрестанно молю бога о том, чтобы послал тебе сию совершенную покорность; в начале сего месяца надеялся, что ты ее имеешь, но после сия надежда моя ослабла, и в последнее время беспокойство мое на сей счет усилилось; наконец, я решился коснуться сего предмета, ободренный письмом твоим от 18-го, и надеюсь много на занятие твое последней недели; и, наконец, письмо твое превзошло мои ожидания и разрушило все страхи мои. Теперь, когда я вижу, что ты желаешь истинно покориться во всем без всякого условия воле господа, я уверен и в помощи его, она тебя спасет от излишней грусти, и господь даст тебе силы, которых недостанет. Благодарю тебя, ангел мой, ты совершенно меня успокоила, и я тебе скажу, милый друг, что истинно я вижу весьма ясно, что господь, по благости своей, все устраивает к спасению нашему и что истинно все то, что он посылает нам, точно есть ко благу нашему, как бы нам ни казалось оно трудным. Веришь ли ты тому, что если б мое теперешнее положение давно прекратилось, то оно не принесло бы мне той душевной пользы, которую принесло мне продолжение оного состояния, и если господь его не прекращает, то я точно уверен, что в том есть истинная надобность для моего спасения. Не быв в том положении, в котором я нахожусь, я бы никогда не имел таких благодатных минут, какие я имел в оном; и за каждую такую минуту можно с радостию жизнь отдать, так они усладительны; особенно во всю жизнь мою памятно мне будет 21 мая, я никогда не имел и не

воображал, чтоб душа могла иметь чувство столь сладостное, какое душа моя в сей день имела[2]. Но должно кончить, милый, милый друг, бог тебя благословит, целую и обнимаю тебя от всей души моей. Поцелуй Володеньку и сестер твоих и обними родителей. Ты мне не писала, сподобилась ли причаститься св. тайн в воскресенье, как надеялась. И я тебе скажу, что я также надеюсь вкусить сие благо в пятницу, если господь поможет приготовиться, как желаю.

С. Трубецкой

107

166. Четверток, 24 июня, 6 час. утра

Друг милый! Если ты помнишь письмо, которое ты писала ко мне третьего дня, то ты легко поймешь, что с тех пор, как я его вчера получил, и до сей минуты оно лишило меня всех способностей всего существа моего, я теперь только начинаю приходить в себя; сон и на ум не приходил. Если ты помнишь это письмо, то подумай, может ли быть что жесточе и безотраднее его?[1] Ты в нем лишаешь меня последней надежды, надежды, по милосердию господню, быть с тобою в царствии небесном, если богу неугодно, чтоб мы здесь были вместе когдалибо. Какая разница с письмом твоим от понедельника, которое было столько меня осчастливило! Где вера? Где любовь к богу и Христу? Где упование? Где покорность воле божией? Где желание улучить царствие небесное? Где желание переродиться и отречься мира и себя самой, которое еще на днях ты изъявляла? Ни одного из сих чувств не было в сердце твоем, когда ты писала ко мне третьего дня; и ты хочешь, чтоб такое письмо меня не огорчило? И ты в нем же говоришь, что тебе дорого мое спокойствие и благополучие! И ты говоришь, что ты роптать не будешь и что душа твоя никогда ропота не знала! Разве отказываться терпеть скорби и сердечные или душевные удары, которые бы богу угодно было послать на нас, не есть ропот? Разве желать или надеяться не пережить грусти не есть ропот? Разве ропот бывает только в словах и разве уныние и печаль не есть ропот? Ах, друг милый, неужели ты возненавидела душу твою и не хочешь спасения ее? Неужели, друг милый, ты забыла все, что ты должна богу? Забыла его милосердие и всемогущество? Разве он не может соединить нас и

тогда, когда бы не представлялось уму нашему на то никакой возможности? А если б он и не хотел нас соединить, то не должны ли мы молить его от всей души, чтоб послал нам силы перенести такую грусть? Смеем ли мы и думать не пережить грусти, которую богу угодно будет послать нам? Друг милый, если ты хоть сколько-нибудь меня любишь, если ты хоть сколько-нибудь помнишь, что ты была счастлива со мною, умоляю тебя, прибегни к господу богу с усерднейшею молитвою, проси совершенной покорности и силы на все, что ему угодно будет послать. Сжалься надо мною, ангел мой, не сделай меня несчастливейшим человеком в свете; оставь мне надежду спасения души твоей и не дай мне быть твоим убийцей. Друг милый, если ты не переживешь грусти, которую ты чрез меня имеешь, могу ли я не мучиться, если бог накажет меня продолжением жизни? Ангел мой, святым именем бога и Христа его умоляю тебя: сжалься надо мной; вспомни, друг милый, что довольно уж я грешен, не налагай на меня еще греха. Спаси душу твою и мою. Нежели душа тебе не дороже тела? Тело пройдет, а души наши останутся. Милый друг, жизнь моя, сжалься надо мной, отри горькие слезы мои. Слава богу, что они потекли.

С. Трубецкой

108

167. Четверток, 24 июня, 9 час. вечера

Благословен бог, не оставляющий уповающих на него! Я получил письмо твое вчерашнее многими часами ранее обыкновенного, и оно, милый друг мой, удостоверило меня в том, чего я надеялся*, то есть что ты сама не помнишь, что ты третьего дня писала ко мне[1] и что смятение духа, в котором ты была тогда, не продлилось. Ты спрашиваешь, не огорчило ли и не обеспокоило ли меня твое письмо от вторника? Ты видела это из письма, которое я писал к тебе сегодня поутру. Я одно только скажу тебе, ангел мой, ты знаешь, как грустно я провожу время вот уже седьмой месяц, но я не имел еще ни одной даже минуты, в которую бы я чувствовал скорбь такую, чтоб можно было ее хоть сколько-нибудь сравнить с тою, которую я чувствовал вчерашним вечером и всю ночь до

---

* Так в подлиннике.

того время, как уже написал письмо к тебе. Тогда слезы меня облегчили. Да и какая скорбь может сравниться со страхом погибели души такого существа, которое любишь несравненно более самого себя? Такой души, за которую готов свою отдать? И сверх того чувствовать себя виновником ее погибели. Вот чувство, которое владело мной по прочтении письма твоего. Можно ли такое ужасное чувство описать на каком бы то ни было человеческом языке? Но не беспокойся, милый и бесценный друг, все прошло. Бог не оставляет уповающих на него и просиял в сердце моем утешительную надежду, что такое ослабление духа случилось с тобою в первый и последний раз. Я о том не перестану молиться до тех пор, пока не увижу тебя в том твердом духе, в котором видеть тебя желаю; в том духе, которого молю себе и в котором человек из любви к богу готов все оставить и все потерпеть. Я уверен, что если мы все наше попечение приложим, то бог нам поможет сильною своею помощию и сподобит нас достигнуть сего совершенства, несмотря на всю нашу слабость. Я не меньше тебя надеюсь на милосердие государя, я в нем так уверен, как в том, что завтра день будет. Больше сей веры иметь нельзя, но что может милосердие государя, если мы прогневим бога нашего непокорностию и неготовностию перенести все скорби, какие ему угодно послать нам? Не силен ли бог в ту самую минуту, когда ты милосердием государя думаешь объять меня, не силен ли бог в самую эту минуту отнять меня у тебя навеки и тебя наказать тем, чего ты страшишься, — продолжением жизни твоей? Помни это, милый друг, помни, что бог милосерд свыше понятия человеческого и ангельского, но к любящим его и покорным ему; а противящихся воле его и непокорных не щадит, когда они не хотят прийти в послушание. Господь нас помилует, друг милый, будем усердно молиться ему. Получаю письмо твое сегодняшнее: не молить бога о том, чтоб быть нам вместе и хладнокровно сносить разлуку, невозможно. Это не есть непокорность, но о том до послезавтра. Я пишу с вечера, потому что завтра в 8 часов надеюсь причаститься св. тайн. Ты понимаешь, друг милый, что мне давеча не пришло в голову, что сегодня именины батюшки твоего. Поздравь его и маменьку. Прости, целую тебя.

С. Трубецкой

168. Суббота, 26 июня

Милый друг! По письму твоему, полученному мной в четверток вечером, я не ожидал от тебя письма вчерашний день, но ожидаю сегодня и с большим нетерпением, как ты и сама представить себе можешь, ибо, конечно, полагаешь, что я знаю, что мое письмо, на которое жду ответа, огорчило тебя. Молю бога, милый ангел мой, чтоб оно огорчило тебя только тем, что ты допустила дух свой до такого расслабления, в каком он был, но чтоб ты не огорчалась тем, что мне грустно было. Об этом прошу тебя, друг мой, и не помышлять; грусть моя прошла, и я твердо уповаю, что милосердие божие избавит тебя впредь от подобной минуты, и в письме твоем вижу знак неизменной твоей ко мне доверенности, это чувство весьма сладостное; я всей душой благодарю тебя, милого, бесценного друга моего, что ты не скрыла от меня состояние твоей души. Письмо твое огорчило меня, но это огорчение заставило усерднее молиться о тебе; и кто так помолится о тебе, как я помолюсь? Не солгу, когда скажу, что я, конечно, еще усерднее молюсь о тебе, нежели ты сама. Что мне на свете дороже тебя? И не ты ли единственная моя драгоценность? И драгоценность, которую я желаю и, по благости и милосердию господа, надеюсь сохранить не только на время краткой жизни нашей в сем мире, но и в мире вечном, ибо твоя душа не все ли равно для меня, что собственная моя душа? Сколько бы мы зол или блага ни испытали на сей земле, все они пройдут, как сон или мечта, вместе с телами нашими, но там благо или зло — бесконечное и непреходящее; там жажду я насладиться с тобою вместе, там жажду вкусить с тобою вместе сладости, которые продолжаться будут не час, не день, не лето, но веки веков, всегда, бесконечно. В краткую нашу жизнь потщимся достигнуть сего блаженства, которое никто у нас тогда не отымет и ничто не прекратит. Искать его — от нас зависит, а достигнуть поможет милосердие божие. Когда мы будем помышлять и стараться о достижении его, то сколько бы мы слабы ни были, сила Христова нас укрепит. Бросимся в его объятия, отверстые всякому прибегающему к нему; он нас не отвергнет.

Прости, милый ангел, бесценный друг мой, жизнь,

душа моя. Целую и обнимаю тебя всеми силами души моей и крепко любящего сердца. Поцелуй родителей твоих, сестер и Володеньку.

С. Трубецкой

110

169. Воскресенье, 27 июня

Ангел мой, не проси у меня прощенья и не грусти о том, что твое письмо меня огорчило. Я уже просил тебя о том и опять то же повторяю. Описав мне твои чувства, ты показала мне, милый и верный друг мой, что любовь твоя и доверенность ко мне неизменны. Если б они уменьшились и ослабли, тогда ты бы скрыла чувства твои, и если б я меньше тебя любил, то я также бы меньше огорчился и не описывал бы тебе всей грусти моей. Ты видишь, ангел мой, что я и подумать не могу, чтоб мне надобно было в чем-то тебя прощать, напротив, я всей душой благодарю тебя за оказанную тем мне любовь и молю об одном, чтоб и впредь ты не скрывала от меня чувств твоих. Если б ты скрыла от меня, то кто бы за тебя помолился? Кто бы покаялся о твоем грехе, как о собственном своем? А ты много была виновата пред богом, милый друг мой! Но он милостив; будем ему молиться, и он простит тебя и пошлет тебе крепость и силы. Не будем неблагодарны пред богом, милый друг мой! Когда и мы от него счастье получили, то будем готовы потерпеть и несчастье, как бы оно тяжело ни показалось и которое, может быть, еще он нам и не пошлет. Почему ты знаешь, сколько несчастия и скорбей может отвратить от нас одно искренное желание потерпеть с совершенною покорностью всю волю божию? И как можем мы исчислить все то зло, которое непокорность наша может нам навести? Когда мы в сердцах наших не находим довольно покорности, чтоб перенести волю божию, когда б она была несогласна с нашими желаниями, то можем ли мы надеяться, что он примет наши молитвы и избавит нас от той скорби, которой мы страшились? Чем тяжелее для нас несчастье, которого мы страшимся, тем усерднее должны мы молить бога, чтоб он послал нам силы вынести его с покорностию, если ему не угодно будет* от нас чашу сию. И, может быть, господь, воззрив на слабость нашу и на покорность, помилует нас и исполнит желание наше. Могу ли я желать от тебя холодности

* Далее одно слово не поддается прочтению.

и равнодушия? Ты знаешь, что любовь твоя есть единственное* мое. Но если мы будем непокорны воле божией, то я не смею и ожидать исполнения наших желаний. Моли, друг мой, всеми силами твоими, моли господа, чтоб он дал тебе истинную покорность, и я о том молиться не перестану; и бог нам поможет и помилует нас. Прости, ангел мой, целую и обнимаю тебя от всех сил души моей. Поцелуй Волод[еньку] и всех наших.

С. Трубецкой

111

170. Понедельник, 28 июня

Письмо твое от субботы, милый друг мой, обрадовало меня известием, что письма мои облегчили тебя. Не помышляй о том, ангел мой, чтоб ты вперед могла меня чем-либо огорчить; в этом положись на любовь твою, она тебе в том порукою. Одно могло меня огорчить — это страх, что любовь твоя ко мне заставила тебя на минуту забыть, чем ты должна богу. Люби меня, друг мой, больше всего на свете, это мне нужно, необходимо, но первая мысль наша да будет к богу, милующему нас. Его возлюбим превыше всего, ему будем готовы принести в жертву самих себя и друг друга; и он за любовь нашу воздаст нам своею милостию, не оставит нас, сирых, но будет отцом нашим, попечется об нас, избавит нас от скорбей и печалей и всякую грусть отвратит от нас. Не потребует он от нас излишнего, не отяготит нас свыше сил наших. Что мы видели от щедрот его десницы, кроме блага? Не он ли наделил тебя тем счастьем, которое ты вспоминаешь и за которое ты меня столько благодаришь? А я что был? Только орудие. Во власти божией было употребить другое орудие или другие средства для доставления тебе таких же счастливых дней. И если б я не согрешил против бога моего, то и счастье твое не прекратилось бы. Будем молить господа, чтоб он простил нам согрешения наши, избавил нас впредь от всякого греха, очистил сердца и души наши от всего, что мешает нам любить его превыше всего, превыше собственного нашего благополучия, и тогда он исполнит все наши желания, подаст нам все наши прошения и вознаградит нас не только тем благополучием, которым мы готовы были пожертвовать ему, но и большим: и в жизни временной и

---

* Далее одно слово не поддается прочтению.

в жизни вечной. Бог одного от нас требует — любви неограниченной, и чем иным можем мы воздать господу богу нашему за все его милости, за его долготерпение, милосердие, за то, что мы приняли от благой его десницы, и за все то, что надеемся и уповаем получить от щедрот его. Да возжет он в сердцах наших сей огонь нелицемерной к нему любви. Помолимся ему о том, и он нас не оставит и благословит. Прости, ангел мой, милый друг мой и все счастье, вся радость моя. Целую тебя и обнимаю всею душою и сердцем. Поцелуй Вол[оденьку] и всех наших.

С. Трубецкой

112

171. Вторник, 29 июня

Я получил вчера письмо твое от воскресенья, милый друг мой, и рад видеть из него, что ожидание решения судьбы нашей не пугает тебя, и очень желаю, чтоб ты касательно меня нисколько в сем случае не тревожилась. Верь, что я в определении участи нашей буду видеть залог нашего спасения[1]. Уверенность, что господь, по великой милости своей, хочет спасти нас, и мысль, что ему одному известны судьбы, которые должны спасти нас, заставляет меня с полным упованием ожидать конца. Ты желаешь, ангел мой, чтоб я тебя утешил, сказав, что надеюсь, что бог, по бесконечному своему милосердию, соединит нас по окончании дела. Милый друг, если ты сей надежды не открыла из писем моих, то я теперь скажу тебе, что она тем более укрепляется в сердце моем, чем совершеннее я предаюсь воле божией: с тех пор как я почувствовал в себе желание всем жертвовать воле господней и стал молить его о том, что если ему угодно будет продолжить разлуку нашу, то чтоб он послал нам силы снести сей удар с совершенною покорностью, с тех пор мне сердце беспрестанно твердит, что господь сей жертвы от нас не потребует. Эта уверенность только тогда ослабевала, когда мне казалось из твоих писем, что ты не имеешь той же покорности к воле божией. Я так молил бога, чтоб он тебе ее послал, и желал, чтоб она добровольно в сердце твоем поселилась; не хотел я возбуждать ее страхом, ни надеждою воздаяния, но молил, чтоб господь послал нам такую к нему любовь, которая бы заставила нас быть готовыми жертвовать воле его всем нашим благополучием и единственно из любви к нему.

Если б ты знала, как велика во мне уверенность, что когда мы будем иметь сию совершенную к богу любовь, то он нас и совершенно помилует; и сколько я боюсь, чтоб недостаток сей любви не сделал нас совершенно недостойными милосердия божия. Верь, друг мой, что сколько бы мы веры ни имели, вера — ничто без любви. Будем непрестанно молиться, чтоб господь дал нам сию любовь, и тогда в сердцах наших не будет никаких страхов; но всего будем уповать от благости его и ожидать от его щедрот с полною верою, что ему все возможно. Прости, ангел мой, целую и обнимаю тебя я всем сердцем и от всей души. Поцелуй Володеньку и всех наших.

С. Трубецкой

113

172. Среда, 30 июня

Радуюсь, милый и бесценный друг мой, что письмо мое от понедельника было утешительно для тебя. Поверь, ангел мой, что нам надобно всеми силами желать и от глубины души молить бога, чтоб сподобил нас, совершенно отрекшись от собственной нашей воли, покорить ее воле его, и тогда мы всего можем ожидать от его благости. Мы сами, при всем себялюбии, когда видим любящего нас человека, страждущего чем-нибудь, и можем прекратить его скорбь, не охотно ли помогаем ему? Как же нам не ожидать, что милосердный отец наш небесный не окажет нам всесильной помощи своей, когда увидит, что сердца наши исполнены к нему горячей любви? Как нам не быть уверенными, что при таковой к нему любви он оставит нам все, чем мы должны ему, и осыплет нас незаслуженными нами его щедротами? Кто лучше его может знать, сколь мы один для другого нужны и что все счастие и единственное желание наше в мире сем ограничивается желанием кончить век наш вместе и быть нераздельными в царстве его небесном? И можем ли мы сомневаться, что когда мы будем иметь к нему нелицемерную любовь, то он пошлет нам исполнение сего единственного желания нашего? Если б ты знала, как далеко от меня всякое таковое сомнение. Всегда, когда я от глубины души молю бога, чтоб он сотворил с нами, по совершенной воле своей, и чтоб дал нам силы перенести с покорностью разлуку, если он судил разлучить нас, то ты не можешь представить себе, какая после такой молитвы рождается в сердце моем несомненная уверенность, что

господь соединит нас с тем, чтоб вперед ни в жизни, ни по смерти не разлучать нас. И тогда никакое решение не страшит меня, хотя бы из него казалось, что нам более друг друга никогда не видеть, ибо все богу возможно. Моли со мною вместе, от всего сердца, милый безутешный друг мой, чтоб господь утвердил в сердцах наших неограниченную к нему любовь и совершенную преданность его святой воле, чтоб эти чувства были не в словах одних, но глубоко в душах наших вкоренились. И верь, что, имея их, мы получим и все другие прошения наши от беспредельной благости господней. Прости, милый ангел, бог тебя благословит и поможет тебе во всем. Целую и обнимаю тебя всеми силами души и сердца. Поцелуй Володеньку и всех наших.

С. Трубецкой

114

173. Четверток, 1 июля

Из твоего письма от вторника и двух предыдущих ему писем вижу, друг мой милый, что дух твой снова укрепился, и благодарю бога и надеюсь, что он, по милости своей, пошлет тебе всю ту силу и твердость, которые нам нужны и о которых мы молим его непрестанно. Ты говоришь, ангел мой, что ты не имеешь права уговаривать меня, оказав недавно малодушие; разве ты забыла, друг мой, сколько раз ты укрепляла дух мой, когда он упадал, и я гораздо более во все это время малодушествовал, нежели ты. Когда я разбираю письма твои, то вижу с самого начала ту веру и покорность в тебе, которые я недавно еще стал иметь, и это заставляет меня сомневаться, что в бывшем на днях случае много должно приписать состоянию твоего здоровья; я уверен, что ты что-нибудь об оном скрыла от меня, ибо я знаю, сколько ослабление здоровья действует на твое воображение и на душевные силы. Молю бога, чтоб он сохранил здоровье твое, оно тебе, бедному другу моему, не менее нужно, нежели мне[1]; и уповаю совершенно на господа бога моего, который столько укреплял нас до сих пор и который так неимоверно поддержал и души, и тела наши. Он нас не оставит, милый ангел мой, для него все равно, что начало, что конец дела; он в расчеты человеческие не входит, и ему все равно время и обстоятельства; ничто не может положить препятствия, только

бы мы смирением нашим, чистою верою и любовию продолжали обращать на себя его милосердие. Об этом будем молить с твердым упованием, что он в нас укрепит чувство сие, пошлет нам все нужные силы душевные и телесные и избавит нас от всякой скорби и печали, которые могли отягчить жребий наш. Чем сильнее и беспредельнее предаюсь я в волю его святую, тем более процветает надежд в сердце моем. Не забудем только, друг милый, что исполнение желаний мы можем только получить совершенным смирением и покорностью. Прости, ангел милый, да сохранит тебя господь от всякого зла и прекратит все горести твои. Целую тебя и обнимаю всеми силами души и крепко любящего сердца. Поцелуй Володеньку, сестер и обними родителей твоих.

С. Трубецкой

115

174. Пятница, 2 июля

Я вчерашний день не имел письма от тебя, милый друг мой, и как-то с самого утра не надеялся получить, не знаю отчего; однако ж, несмотря на ожидание пробыть день без известия от тебя, вечером мне немного грустно было: я вспомнил, бедный и милый друг мой, все, что ты чрез меня в это время потерпела, все, что, может быть, еще предстоит тебе потерпеть в жизни твоей. Но здесь память всего удивительного милосердия божия остановила ход мыслей моих, возбудила сильное упование на бога в душе моей, и сие чувство разлило в ней утешения, каковых никакое человеческое рассуждение подать не может. Оно показало мне, как благость божия воспользовалась, можно сказать, несчастьем для обращения нас к нему и, как бы сказать, чтоб привязать нас неразрывными узами благодарности и любви к господу нашему, коего благость всегда печется о нас, как бы мы ни были ее недостойны и несмотря на то, что мы небрежением нашим беспрестанно от него удаляемся. Эти мысли разогнали тучи воображения моего и заменили их светом радостных надежд. Я твердо верю, что господь, по милости своей, пошлет мне еще в жизни моей много усладительных минут чрез тебя, милого друга моего, бывшего мне в несчастии ангелом хранителем. Подаст и мне утешить тебя моею любовию, соединит нас и в здешнем мире и не разлучит и по смерти, но введет в царствие свое небесное.

Милый друг! Все сии надежды не мечта, бог нас, по благости своей, благословит, и мы не отступим от него. Прости, ангел мой, истинный друг мой. Целую и обнимаю тебя всею душою моею и всею крепостию любящего сердца. Поцелуй Володеньку и сестер и обними родителей твоих.

С. Трубецкой

116

175. Суббота, 3 июля

Вчера, милый друг мой, я было перестал уже ожидать от тебя известия, когда получил два письма твои от среды и четверга, и первое меня особенно обрадовало[1]. Слава богу, ангел мой, что ты чувствуешь себя крепче, и надеюсь, что при усердных наших молитвах и совершенной преданности воле божией господь не оставит укреплять нас по мере надобности. Никогда не забывай, милый друг мой, того, что ты мне в оном письме пишешь, что теперешнее положение наше не вечное будет; но всегда помни, друг милый, что нет ничего вечного в мире сем. Скорби ли, радости ли, ничто долго не продолжается, но и те и другие скоро проходят, и одни других прогоняют: ни тем, ни другим не должно всею душою предаваться. Одно вечно, друг милый, это милость господня. Она пребывает вовеки, и ее будем всеми силами нашими стараться заслужить и воскресить. Ей нет конца, и она на боящихся и любящих бога пребывает в сем мире и в вечном, бесконечном и во веки веков. Да сохранит нам ее господь бог наш. Прости, ангел милый, бесценный друг мой, во всем уповай всегда на милость божию, и не будем ничего страшиться. Целую и обнимаю тебя всеми силами души и крепко любящего сердца. Поцелуй родителей твоих, сестер, Володеньку. Завтра именины мачехи моей, поздравь ее. Еще раз целую, ангел мой.

На вопрос твой о закладной скажу тебе, что у меня спрашивали, не имею ли я каких долгов на имении, и я о сей закладной объявил и о том, когда ей срок, следовательно, тебе теперь нечего мешаться в это дело, ибо, вероятно, по чековым делам сделано распоряжение, хотя я и не знаю какое; но уже давно о том спрашивали[2]. У меня на столе осталась расписка на гербовой бумаге об уплате по сей закладной процентов в прошлом году; ее только сохрани.

117

177. Понедельник, 5 июля

Я получил вчера письмо твое от субботы, милый друг мой, и также был доволен им, как и предыдущими. Состояние теперешнего духа твоего не может не радовать меня. Это особенная милость божия, ангел мой. Никакие усилия твои приучить себя к тягостным ожиданиям не могли бы доставить тебе того спокойствия, которое ты чувствуешь и которого, говоришь, не смела ожидать в теперешнее время, если б господь не послал тебе своей сильной помощи. Его щедрую десницу возблагодарим за сию милость, милый друг мой; и верь, что чем совершеннее ты будешь покоряться его святой воле с отречением собственной и твердым упованием, что его невидимый промысел приведет все для нас к благому концу, тем более ты будешь чувствовать спокойствие. Не забывай ни в коем случае, что милости господней нет ни меры, ни предела, ни конца для тех, которые с чистою верою и любовью всю надежду свою на него возлагают и которые желают даже и самые тяжкие для сердца их скорби принять от руки его не только с покорностию, но и с благодарностию. Имея сии чувства и желания, никогда не раскаемся, но, пребывая в них, примем от благости божией и награду веры нашей. Господь и силу даст вытерпеть скорби, если угодно ему будет ими испытать нас, и господь прекратит их, когда верою нашей мы угодим ему. Прости, друг мой милый, жизнь моя, целую и обнимаю тебя от всей души моей и всего моего сердца. Поцелуй Володеньку и всех наших.

С. Трубецкой

118

178. Вторник, 6 июля

Я вчера получил письмо твое от воскресенья, милый и бесценный друг мой, и скажу тебе, что оно много мне принесло удовольствия. Я не могу описать тебе, сколько каждое письмо твое более и более радует меня, ибо каждое подтверждает более и более, что сердце твое исполнено теми чувствами, которые одни могут сохранить нас в милости божией. Благодарю господа от всей души моей за его к нам неоставление. Если б ты знала, ангел мой, какое неимоверное спокойствие разливает в душе моей теперешнее состояние твоего духа и как мне нужна была

уверенность, что господь благословил тебя тою душевною крепостью, которую я в тебе теперь вижу. Одной сей уверенности недоставало к совершенному спокойствию моему при ожидании будущего. Теперь не могу довольно благодарить милосердного создателя моего за всю благость, которую он нам оказывает. Когда подумаю только о том, как благ господь к недостойному его милости, то как не уповать совершенно на сию великую благость его, когда единственным желанием и единственным попечением нашим будет сохранить на себе его милость! Оставим, милый друг, всякое иное попечение, ибо во всем ином господь сам о нас попечется, когда все наше попечение будет обращено на угождение ему словом, и делом, и помышлением, и всеми нашими чувствами. Прости, ангел мой, целую тебя тысячу раз. Поцелуй Володеньку и всех наших.

С. Трубецкой

119

179. Среда, 7 июля

Я получил вчера письмо твое от понедельника, милый друг мой, и оно также заставило меня благодарить бога за сильную помощь, которую он тебе являет. Совершенно уповаю на него во всем, милый ангел мой, так же как и ты, и никогда совершеннее не мог я предаваться в волю его святую, как теперь предаюсь. Не имей, милый друг мой, ни малейшего беспокойства насчет моих чувств, но благодари со мною вместе господа бога нашего за то, что ими благословил меня, и моли о том, чтоб они сохранились всегда таковыми и на самом деле. Я твердо надеюсь, что господь услышит молитвы наши и что сии чувства в сердце моем не изменятся, равно как и те, которые я в тебе вижу. Его благость сохранит их от всякого ослабления; с ними мы можем быть уверены, что не почтем за несчастье повиноваться воле божией и что нам не покажется тяжело нести каковой бы крест господу ни угодно было наложить на нас. Тебе, милый друг, тяжелее отстать от всех мирских приятностей, к которым ты привыкла, я же имел время достаточно от всех их отвыкнуть, и снова привыкать к ним был бы новый труд, а потому и в этом случае касательно меня будь совершенно без малейшего беспокойства. Да пребудет на тебе, милом ангеле моем, милость божия. Целую и обнимаю тебя от всей души и прижимаю мысленно к крепко любящему

тебя сердцу. Обними родителей твоих, поцелуй сестер и Володеньку.

С. Трубецкой

120

180. Четверток, 8 июля

Вчера я не получил письма от тебя, милый ангел мой, но известность о состоянии духа твоего хранит меня от беспокойства; и к тому ж я надеюсь, что все мои последние письма сохраняют спокойствие твое в рассуждении меня; и прошу тебя, милый друг мой, обо мне ни в каком случае не беспокоиться. Я столько уповаю на милость господню и на сильную его помощь во всех случаях и во всех обстоятельствах, что ты можешь и должна быть без малейшего на мой счет беспокойства, ибо с твоею верою ты не можешь усумниться, что господь, по благости своей, скор на помощь всем, кто возлагает всю свою надежду на него единого и кто предается в волю его совершенно, без всякого предела и условия. Итак, милый друг мой, да будет дух твой свободен от всякого беспокойства касательно меня, во всяком случае, верь истине, что ничто не может огорчить меня, кроме твоей грусти, но и здесь, друг милый, я уверен также в помощи божией. Господь тебя укрепит и спасет от излишней скорби и печали. Он призрит на смирение, с которым ты все терпишь и готова терпеть, не имея за собой никакой вины. Твердо верь, ангел мой, что господь, по милости своей, вознаградит твое смирение и покорность, хотя мы и не можем предвидеть, каким образом. Но мы знаем, что он имеет на то все средства, что ничто ему невозможно и что милосердие его беспредельно. С твердым на господа упованием предаю себя и тебя в его святую волю.

Прости, ангел мой, милый и бесценный друг мой. Целую и обнимаю тебя от всей души и от всего сердца. Поцелуй и обними родителей твоих, сестер, Володеньку.

С. Трубецкой

121

181. Пятница, 9 июля

Вчера, милый друг мой, я получил два письма твои от вторника и среды. Читая их, благодарил бога за то, что, по милости своей, укрепляет тебя против судьбы твоей и ожиданий будущего[1]. Благодарил и за то, что сохранил в сердце твоем такую истинную любовь ко мне,

несмотря на то, сколько сия любовь заставляет тебя и теперь страдать и сколько она представляет тебе и в будущем тягостей, скорбей и терзаний. Вся душа моя и все сердце мое исполнены живейшего упования на благость божию. Господь не оставит утешить тебя в сей жизни утешениями, которые он один только в силах подать и с которыми никакие другие утешения равняться не могут. Он наградит твое терпение и покорность в царстве его небесном. Надеюсь, друг милый, что он, по милости своей, не лишит и меня возможности утешить тебя попечениями любви моей и подаст мне отереть твои слезы и изгладить хотя сколько-нибудь из памяти твоей те горькие дни, которые я заставил тебя провести. Милосердие и благость господни неистощимы, и на них возлагаю все мое упование. Прости, ангел мой, милый друг мой, целую и обнимаю тебя от всей души и горячо любящего сердца. Обними крепко родителей твоих, поцелуй сестер и Володеньку.

С. Трубецкой

122

183. Воскресенье, 11 июля

Вчера, милый друг мой, я получил письмо твое от пятницы, тогда, когда переставал уже ожидать иметь о тебе известие[1]. Что делать, ангел мой, если обстоятельства не дозволяют письмам нашим так скоро доходить, как прежде доходили; прошу тебя только не беспокоиться обо мне, когда бываешь без письма, но всегда, когда придет тебе в ум грустная мысль, вспомни только, что я живу единственно упованием на бога и что бог уповающих на него не оставляет; я уверен, что это всегда будет тебя успокаивать. Не думай, друг мой, чтоб я воображал, что ты будешь жалеть о потере мирских приятностей; я писал, что тебе труднее отстать от них в сравнении со мной, ибо положение мое способствовало к тому мне, тогда как твое положение тебе в том нисколько не помогает; но не только полагать, что тебе придет когда-либо в ум пожалеть о них, я знаю, что если б даже ты была совершенно окружена всякого рода приятностями мирскими, то ты все с радостью бросишь для того, чтоб делить со мною самую трудную участь; и признаюсь тебе, милый друг мой, что я не только для себя, но и для тебя не пожалею ни малейше о утрате всех тех выгод и наслаждений, которые прежнее состояние наше нам доставляло и в ко-

торых не только нет ни малой необходимости для спасения, но которые, может быть, только способствовали к отклонению нас от благого пути; одно, о чем жалеть буду, есть разлука с родными, которые нас столько любят и которым я бы желал более оказать любви, нежели оказал; особенно матушка твоя истинно оказала мне любовь как к родному сыну, и я всею душою желал бы иметь возможность заслужить пред нею мою прежнюю неблагодарность. Но бог милостив, друг мой, может быть, его святым благоволением когда-нибудь сбудется и то, чего мы не имеем никакой возможности ожидать[2]. Сему господнему милосердию вполне поручаю тебя, милого друга моего, и обнимаю и целую тебя от всех сил души и сердца моего. Поцелуй родителей, твоих сестер и Володеньку.

С. Трубецкой

123

184. Понедельник, 12 июля

Я вчера не имел от тебя известия, милый друг мой, и полагаю, что и ты также провела день без письма от меня; сколь ни грустны для нас такие дни, но мы не можем сетовать, ангел мой, ибо мы столько видели доброжелательства и сострадания, что не можем не быть уверенными, что одна только естественная невозможность препятствует доставлению нам писем столь скоро, сколь бы мы того желали[1]. В последнем письме твоем[2], милый ангел мой, ты писала, чтоб я молил бога от всей души, чтоб он нас соединил; могу ли я, бесценный друг мой, иначе как от всей души молить о том, что одно обещает мне утеху, радость и счастие в остальные дни жизни моей? Есть ли у меня другое какое желание в жизни сей, опричь того, чтоб иметь возможность изгладить из памяти твоей все горе, которое я причинил тебе, и счастию и утешению твоему посвятить все минуты жизни моей? Без тебя, милый ангел мой, я не вижу и не могу видеть в жизни ничего, кроме скорбей, с тобою же не будет для меня ни скорби, ни печали; никакая житейская грусть не омрачит лица моего и не вкрадется в сердце мое, когда я буду с тобою; для тебя одной я желаю продолжение жизни моей; ты одна привязываешь меня к миру сему; без тебя жизнь не иное что для меня, как тяжелая ноша, которую я счастлив буду сбросить; с тобою же, где бы я ни был, в каком бы состоянии и положении я ни был, я не предвижу для себя истинно никакой грусти, но вижу

ДАЧА ЛАВАЛЕЙ НА АПТЕКАРСКОМ ОСТРОВЕ В ПЕТЕРБУРГЕ.
Не сохранилась. Литография.
Государственный Эрмитаж

единственно радости; доколе господь, по милости своей, хранит тебя, милого друга моего, тебя, жизнь, и утеху, и радость мою, до тех пор я не могу не желать продолжения жизни моей и последний день твоей жизни видеть пределом и моей. О сем молю, друг милый, и во всем уповаю на неисчерпаемое милосердие божие; но если господь судил не по желаниям моим, во всем столь же истинно желаю покориться святой воле его и всякую скорбь готов терпеть от руки его, как бы оная тяжела ни была. Словом, милый друг, во всем тебя и себя предаю в руки его беспредельно, в полном уповании на благость отца нашего небесного; он помиловал нас, он и еще помилует и спасет. Целую тебя, милый друг, от всей души. Поцелуй Вол[оденьку] и всех наших.

С. Трубецкой

124

185. Вторник, 13 июля

Милый, милый ангел, как меня обрадовало письмо твое от вчерашнего дня, которое я сей час получаю; если б ты знала, как оно обрадовало меня! Я выразить этого никак не могу[1]. Благодарю всемогущего бога, что он тебя

укрепляет, и усердно, ах как усердно молю его, чтобы он укрепил тебя, успокоил и утешил; твердо, твердо уповаю на благость его, а сие упование тем сильнее во мне, что я вчера и сегодня ощутил на себе все его милосердие и могущество; если б ты знала, какие сверхъестественные силы он послал мне![2] Об одном и молю, о том, чтоб послал тебе, милому, дражайшему другу моему, такую же крепость, какою меня благословил, это такое неизъяснимое благословение, за которое нет достаточной благодарности. Проси сей крепости у бога, я буду тебе непрестанно в том молитвами моими содействовать. Благо, благо — господь, и не оставит нас, милый ангел мой; сердце мое это чувствует, и душа моя всею горячностию верит сему. Все мирское, все земное, все видимое, друг мой, ничего не значит; упование невидимого нас спасет, господь нас не оставит, верь сему; но ты этому твердо веришь, друг милый, ибо ты так убеждаешь меня, чтоб я не слабел духом; будь покойна на сей счет, ангел мой, такой твердости и такой крепости духа я не вооображал и иметь даже, какую господь, по благости своей, мне послал, я ли после такой его милости несказанной перестану уповать на него или ослабею в уповании? Нет, мой ангел, будь покойна в том; к тому ж уже все самое жестокое прошло, и тем сильнее я почувствовал всю силу помощи божией, что нимало не был приготовлен к тому, что было[3]. Вся моя молитва, друг милый, теперь о сохранении тебя в такой же крепости душевной и телесной; ради Христа, сохрани себя в ней, ангел мой, и при них всего можем уповать от господа бога, его милость неизменна ко уповающим в него. Как я рад, что брат приехал, обними его, расцелуй и не отпускай от себя[4]. Прости, ангел мой, душа моя, жизнь моя, всею душою вручаю тебя богу моему и целую и обнимаю всеми силами, сколько их есть во мне. Володеньку и всех твоих прижми к сердцу за меня.

Друг твой С. Трубецкой

Сейчас получил и письмо твое от 11-го, милый ангел, и не могу выразить тебе, сколько благодарю тебя за него[5]. Молю бога, чтоб всегда тебя так укреплял. Целуй зятя за меня[6]. Продолжай, ангел мой, так же уповать на всевышнего, ему все возможно, и уповающих он не оставляет. Целую тебя еще раз, милого ангела моего.

125

186. Среда, 14 июля

Слава богу, милый друг мой, что ты так спокойна, как я вижу из полученного мною сию минуту вчерашнего письма твоего[1]. Как благодарю за то милосердного моего создателя. Я точно, ангел мой, испытав столько на себе в сии несчастные семь месяцев удивительное оказанное мне милосердие государя, не предвидел ужасного конца, которое имело дело; а по твоим письмам мне казалось, что ты еще более имеешь надежд на счастливое окончание, вместо того, что ты приготовлена была, как говоришь, к тому, что было[2]; и по этому моему незнанию я очень боялся за тебя и с превеличайшим нетерпением ожидал сегодняшнего письма твоего, которое я уже надеялся получить, получа от тебя два вчерашний день; ибо до получения их я уже не имел надежды иметь сие величайшее утешение, я полагал, что уже не только что наша переписка совершенно прекратилась, но что, по всем вероятностям, я более уже о тебе никогда ничего и не услышу; ты можешь судить, милый ангел, как эта мысль раздирала сердце мое, но всеблагий бог укрепил сильным упованием, что благость его уготовит нам обоим место там, где ничто уже нас не разлучит; я только молил его об укреплении тебя и вижу с превеличайшею благодарностию, что благость его превзошла и в сем ожидание мое. Дай боже, друг милый, чтоб мы еще здесь когда-нибудь увиделись; ты имеешь надежду, что мы когда-нибудь будем вместе, и когда ты ее имеешь, то я не могу не разделять ее, хотя в теперешнем положении вещей я не предвижу к тому никакой возможности, но, конечно, богу все возможно, он смягчил сердце государево на дарование мне жизни, может быть, склонит еще его и на убеждение, что я не закоренелый злодей и что умею чувствовать благодарность за оказанное мне милосердие. Дай бог, чтоб твои надежды сбылись; по мне же, будь покойна, сегодняшнее письмо твое во всем на твой счет меня успокоило, а все прочее, что меня ожидает и что уже я считаю неминуемым, нимало меня не беспокоит, когда я уверен, что оно тебе беспокойства не наведет; в здоровье же я совершенно надеюсь на господа, что он меня сохранит таким же крепким и телом и душой, каковым теперь я себя чувствую. Я осмелился написать письмо длиннее в надежде на сострадание чувствительных душ, что его мне

не возвратят в теперешних обстоятельствах и когда я ожидаю, что переписка наша, вероятно, в самом коротком времени прекратится, если уже и это не последнее письмо, и тогда долго очень мы не будем знать ничего друг о друге[3]. Но и тогда будь покойна в рассуждении меня во всем совершенно и ничем, что бы ты услышать могла, не огорчайся; а меня твое сегодняшнее письмо так успокоило на твой счет, что я, уповая на благость божию, совершенно буду покоен о тебе до тех пор, когда господь соблаговолит исполнить надежду, которую ты меня делить заставляешь[4]. Прости, ангел мой, дай бог, чтобы я мог тебя поцеловать и прижать к сердцу когда-нибудь на самом деле так крепко, как я сие делаю теперь мысленно. Расцелуй братьев, родителей и сестер твоих; напиши к моей сестре, успокой ее на мой счет[5]. Поцелуй Володеньку. Еще раз прости, обнимаю тебя, милого, сердечного друга моего.

Друг твой С. Трубецкой

126

187. Четверток, 15 июля

Слава богу, милый друг, еще позволяют мне писать к тебе письмо и обещают, что сегодня получу от тебя. И как жду, ангел мой, с каким нетерпением! Ах, если бы милость божия была и государева и дозволено мне было обнять тебя и брата прежде отправления отсюда! Какое бы это счастие было! Дай бог, ангел милый, чтобы все сбылось по твоим надеждам, я им верю, потому что и худые ожидания твои сбылись, но много милости, очень много милосердия нужно на то, особенно ко мне. Будем продолжать молить бога, и благодарить его, и просить у него спасение государю, который уже дважды даровал мне жизнь[1] и который и теперь ее столько облегчает продолжением переписки с тобой, несмотря на всю ужасную будущность, которая предстоит моим глазам. Уповаю совершенно на господа бога моего, что он поддержит и укрепит силы мои и твои, душевные и телесные; и надеюсь с помощию Христа спасителя понести тяжелый крест мой с тем усердием, которое только вера и любовь к сему дать могут. Надеюсь с его святою помощию никогда не уныть духом, но иметь дух мой всегда в радостном уповании на благость господню; быть может, что

отец наш небесный воззрит когда милосердием своим на смирение мое и исполнит те радостные надежды, которые ты имеешь и которые вчерашнее письмо твое заставляет меня сколько-нибудь делить. Буду его молить о том ежеминутно и о сохранении тебя в твоем состоянии духа и здоровья, в котором ты теперь находишься. Проси родителей твоих, бабушку, все семейство, чтоб не кляли меня за то, что я им столько грусти причинил и причиняю, но простили бы мне от сердца хотя за то, что я больше их стражду. Как мне жаль, друг милый, что я не предвидел всего и не просил тебя заготовить портрет твой, который бы мог носить на груди. Я надеюсь, что мне дозволят иметь с собой евангелие и крест на шее, если же нет, то попрошу, чтоб отправили к тебе, тогда носи крест, пожалоста; письма твои тоже надеюсь, что оставят при мне, они будут утешать меня, когда я буду без известия от тебя, что, конечно, продолжится очень долгое время. Но, уповая во всем на господа, надеюсь, что не буду беспокоиться по тебе и что ты не будешь беспокоиться по мне, ибо уверен, что господь нас совершенно сохранит. Прости, ангел милый, друг бесценный, жизнь, душа моя, никакое название не выразит то, что ты есть для меня; прости, целую тебя мысленно и прижимаю к горящему сердцу; прижми к своему сердцу за меня брата моего и маленького нашего племянника. Поцелуй зятя, обними сестру, когда увидишь ее, утешь ее теперь письмами твоими. Поцелуй ручки маменьки твоей, бабушки, тетушки, обними батюшку твоего, сестер всех, всех, особенно Софью; прости, и что еще скажу? Да будет бог наш с тобою и со мною! И да будет воля его святая! Все — в этих словах, и бог спасет нас милостию своею, прости.

С. Трубецкой

Сейчас, друг милый, получаю обещанное письмо твое и что могу сказать и сделать, кроме того, что пасть на колени пред милосердым отцом нашим небесным и благодарить и молить его о государе нашем, оправдывающем ту благодарность, которую я воссылал господу богу моему за то, что участь нашу отдал в его руки[2]. Да сохранит и благословит его господь бог мой! Прости, ангел мой, слава богу, еще обниму тебя, ангел мой, я вне себя.

127

188. Воскресенье, 18 июля

Слава богу, друг милый, что я тебя видел[1], вид твой уверил меня в том, что твои письма заставили меня надеяться в непостижимой твердости духа твоего; благодарю бога за сию неоцененную благодать и уповаю совершенно, что, по великому его милосердию, он ее тебе всегда сохранит. Ты могла также увериться в том, что господь меня столь же непонятно хранит. Признаюсь, однако ж, тебе, что весь остальной вечер и вся ночь чрезвычайно для меня тяжелы были[2], но теперь все это прошло, господь дух мой укрепил более, нежели прежде еще, и сердце мое горит радостным упованием, которое дает мне совершенную уверенность, что тело мое выдержит все трудности, мысль о которых заставляла иногда его трепетать. Будем всегда благодарить бога за все добро и за все зло, которое он нам послал, ибо все он устраивает к спасению нашему в царстве его святом; и он нас не оставит, сердце мое слишком чувствует это. Теперь я сильно уверен, что я всю дорогу и все время, которое я буду с тобою в разлуке, перенесу как нельзя лучше и телом и духом. Теперь я бы желал знать, каким образом ты располагаешь сей длинный путь совершить, я в уме моем не умею сего себе объяснить; надеюсь только твердо, что бог и тебя и меня сохранит. Я признаюсь тебе, что в тот день, когда ты написала ко мне, что ты имеешь в виду разделить мою участь, я догадался, что ты подала о том прошение, и я еще до получения твоего письма хотел тебе писать, чтоб ты сего не делала, зная все, что оно тебя лишает, и надеясь, что то, что ты теперь имела, могла ты иметь и без сего лишения, ибо ехать туда так, как во всякое другое место, ты всегда имела полное право, и верно бы тебе не запретили, я желаю знать: поступок, который ты из любви ко мне сделала, лишает ли тебя возможности возвратиться сюда, не испросив на то дозволения[3]. Пиши мне правду, ибо я хотя теперь сего не знаю, но имею возможность верно о том знать. Бог тебе воздаст, моему милому другу, истинному ангелу во плоти, за всю ту любовь, которую ты питаешь к несчастному твоему другу. Истинно сей беспредельной любви твоей ко мне я обязан сохранением моим до сих пор, и она же меня сохранит и на будущее время. Еще вопрос: конечно, Володенька с тобою не поедет? Если бы и брат

его отпускал, жестоко было бы взять его[4]. Расцелуй маменьку твою, благодари ее, что она меня посетила, расцелуй всех твоих и моих. Как я рад, что я видел доброго и милого моего Александра. Уведоми меня, отдали ли мое имение братьям моим или конфисковали[5]; в первом случае отдай братьям расписку в получении процентов по закладной на оное; о сей расписке я тебе писал прежде, чтоб ты ее отыскала. Прости, ангел, прижимаю тебя мысленно к горящему сердцу. Если б ты могла видеть, как в нем горит к тебе любовь и благодарность.

С. Трубецкой

128

189. Понедельник, 19 июля

Благодарю господа бога нашего за то утешительное впечатление, которое оставило в тебе свиданье со мною. Ты видела, ангел мой, и из моего вчерашнего письма, сколько оно мне добра сделало; оно заставило меня видеть все будущее еще несравненно с большею твердостию, нежели прежде, и презирать все трудности, которые мне представляет вперед состояние мое для того, чтоб сохранить тебе единственное утешение, которое ты в виду имеешь. Бог нам поможет, друг мой бесценный. Однако ж я тебя должен несколько огорчить, но не пугайся, ради бога. Тело мое не в силах было совершенно выдержать без малейшего сотрясения все то волнение, которое последовало в душе моей от свидания третьегодняшнего. Вчера около полудня кровь пошла гортанью, и сначала, признаюсь, я подумал, что богу неугодно меня выпустить из Петербурга, я молил за тебя, и господь послал мне уверенность, что из сего приключения не будет никаких последствий, которых ты бы могла страшиться, ибо все тотчас остановили, и я надеюсь, что при свиданье нашем в будущую субботу, если господь его нам пошлет, как я того надеюсь, ты не заметишь во мне никакого остатка сего нездоровья и еще что оно нисколько не ослабит тела моего к перенесению того трудного и продолжительного пути, который мне предстоит. Во всем этом я совершенную сегодня имею уверенность, а сия уверенность, друг мой милый, от самого бога мне послана, ибо она последовала в душе моей от сильного чувства преданности воле его святой. Не опасайся, чтоб первое наше свиданье то же произвело; если б я виделся с тобою одной, то сего бы

не было, однако ж чтоб это не остановило на будущий раз маменьку и братьев, сердцу моему нужно их видеть. Будь покойна, друг мой, сегодня я хорош, а бог посылает уверенность, что все хорошо будет. Целую тебя и всех наших.

С. Трубецкой

Ты не можешь представить себе, какую скорую мне помощь подали и какое имеют попечение обо мне и доктор, и все чиновники. Благодари бога за них и за генерала[1]. И, право, будь покойна, я тебя не обманываю.

129

190. Вторник, 20 июля

Упование наше на бога не тщетно, милый ангел мой; попечение, которое имеют обо мне, крепкий и хороший сон и особенно милость господня так удивительно меня поправляют, как лучше нельзя. Увидев меня сегодня, ты бы удивилась, в какое я хорошее положение пришел в два дни. Ты знаешь эту болезнь мою, ты видала, как я слаб бывал после малейшего кровохаркания, а теперь я не могу сам надивиться, как я хорошо поправляюсь и как силы ко мне возвращаются. Это точно особенная милость божия; возблагодарим его всею душою нашею за его к нам благость и неоставление. Ты можешь быть совершенно на мой счет покойна, так же, как и я сам покоен. Бог наше упование, его милость неизменна, и помощь его верна и всесильна. Ты видела, друг мой милый, что я не скрыл от тебя болезни, хотя знал, как такое известие огорчит тебя, но по сему самому ты можешь быть совершенно и теперь покойна, ибо я бы не желал тебя успокаивать напрасно, когда бы сам не был спокоен, но я не хочу ни в чем тебя обманывать, тем более что много всегда ожидаю от молитв твоих. Слава богу, надеюсь, что ты найдешь меня в будущую субботу, если бог приведет свидеться, как надеемся, лучше в здоровье, нежели прошедшую. Прости, ангел мой, прижимаю тебя крепко к сердцу моему. Обними родителей, сестер, братьев и Володеньку.

С. Трубецкой

130

191. Среда, 21 июля

Слава богу, милый друг мой, могу тебя вывести из всякого беспокойства насчет моего здоровья, осталась

только некоторая слабость, но надеюсь, что и оная в скором времени пройдет, ибо чувствую, как неимоверно прежние силы возвращаются. Не тужи, мой ангел, что ты не можешь за мной ходить, ибо благодаря бога теперь я не имею нужды, чтоб за мной ходили, и уверен, что при первом нашем свиданье ты найдешь меня лучше, нежели при последнем. Доктор[1], однако ж, требует от меня вещь, которой бы мне сделать не хотелось; он требует, чтоб из предосторожности, для того, чтоб опять подобного не случилось, мы отложили свиданье днями двумя позднее; я боюсь, чтоб этим мы не лишились счастия видеться разом больше; он ручается, что генерал[2], по милости своей, не заставит нас сего потерпеть, я уверял его вчера, что я в силах буду вынести, только предупрежду тебя просьбою, чтоб слез не было, но он взял от меня слово, что я тебе его требование сообщу. Благодарю тебя за все, что прислала, еще пришли мне саго, только красного; платье ты, друг мой, напрасно прислала, довольно бы одного сюртука и то какого-нибудь на какие-нибудь, может, два раза, которые мне достанется надеть; здесь мне ничто не нужно, а взять с собой ничего нельзя будет, хотя бы и хорошо было, если б можно было взять, что ты прислала, фланелевое и несколько белья, но я полагаю, что мне ни нитки собственной нельзя будет иметь с собою в дороге. Прости, ангел мой, благодари бога за его милость, я совершенно уповаю, что он нас обоих сохранит и телом, и душою. Поцелуй родителей, братьев, сестер. Целую тебя всею душою и всем сердцем. Уповай на бога и будь покойна. С. Трубецкой

Сейчас получаю твое письмо[3], ангел мой. Бог слышит твои горячие молитвы. Какое утешение, друг милый, знать, что такой ангел как ты, так <...>*. Доктор велел мне сегодня тебе написать, чтоб ты мне для дороги заказала пояс кожаный на толстой замшевой подкладке, шириною не менее шести вершков, который бы стягивался пряжками, и, кроме того, были бы ремешки или помочи, которые бы его держали на плечах, чтоб он не мог опускаться[4]. Верхняя кожа должна быть довольно твердая для того, чтоб даже от продолжительного употребления не могли на поясе сделаться ни малейшие складки, ибо

* Далее два последних слова не поддаются прочтению.

они сделают его совершенно бесполезным; также не надобно никаких пружин внутри. Этот пояс можно заказать перчаточнику Остерлову, он живет в доме кн. Лобановой. Только доктор требует, что он был готов как можно скорее. Не делай его слишком широким, помни, что я худ.

131

192. Четверток, 22 июля

Слава богу, любезный, милый, дражайший друг мой, здоровье мое очень хорошо поправляется; вчера была еще слабость в ногах, нынче только что проснулся и чувствую себя гораздо крепче вчерашнего, и дыхание полнее. Я пробовал ходить и увидел, что ноги мои очень укрепились, прошел твердо, обыкновенным шагом, а не медленным, как вчера, только еще скоро ходить не могу; и теперь слабости ни в груди и ни в чем другом не чувствую. Бог милостив, ангел мой, все будет хорошо, и твои усердные молитвы сохранят нам его святое милосердие. Вчера поутру я также испытал великую его благость: с тех пор, как мне стала известна участь наша, меня много заботило твое будущее; долгий путь, который тебе предстоит, долгое время, в которое ты не будешь иметь от меня известия, жизнь твоя на месте нашего назначения — все это меня много беспокоило, я желал знать все это заранее и тосковал о том, что не могу всего сего узнать; вчера поутру, когда все это занимало мои размышления, господь благословил меня мыслию, чтоб я без малейшего беспокойства, в совершенном уповании положился во всем на его благое попечение, что он до сих пор умел нас сохранить, и вперед его святому промыслу не трудно сие будет. Когда я почувствовал твердо в сердце сию надежду, явился ко мне посетитель[1], который показался мне ангелом, посланным от бога для укрепления меня в сем благом уповании; и я не ошибся, он точно был таковым. Благодарю бога и все на него возлагаю для тебя и себя. Прости, ангел милый, целуй родителей, братьев и сестер, как я тебя целую от всей души и сердца, и Володеньку.

С. Трубецкой

Благодарю за оржаг и вышли саго, бутылка разбилась, то если можно, пришли мне саго и еще оржагу, потому что доктор хочет, чтоб я его пил, я уже отвык от такой роскоши, в какую ты меня поставила.

132

193. Пятница, 23 июля

Друг милый, ангел мой, единственное благо дней моих, будь совершенно на счет мой покойна, именем бога, именем Христа его, спасителя нашего, умоляю тебя о том. Господь так удивительно хранит меня и хранит, что я не могу не уповать на него во всем твердою душою. Если б ты видела меня сегодня, ты бы уверилась, как удивительно и неимоверно он укрепил мое здоровье <...>*. Я большую часть дня был на ногах, все ходил по комнате, и грудь моя нимало не уставала. И в дороге надеюсь, что господь меня совершенно сохранит. Доктор, человек весьма человеколюбивый и попечительный, снабжает меня порошками; одни для предупреждения болезни, а другие в случае болезни; я уповаю, что, благостию божию, в последних нужды иметь не буду. По письму твоему и многим другим признакам я вижу, что, может быть, я так скоро отправлен буду, что не удастся мне здесь более обнять тебя, ни проститься с маменькой, ни братьями; в таком случае ты, друг милый, изъяви им все, что чувствует сердце мое, ты, конечно, в чувствах его не ошибаешься, также бабушке, всем родным, сестрам, мачехе моей. Расцелуй их и нашего ангела Володеньку. Когда ты поедешь, то помни в дороге, что ты единственное благо мое в мире: я лучше хочу месяц позднее тебя увидеть, но здоровую и невредимую; береги себя и будь осторожна в пути. На меня можешь во всем положиться; я не забуду, что жизнь и здоровье мое — единственная твоя отрада, и, сколько будет зависеть от меня, сохраню и ту и другое; и во всем уповаю на помощь божию.

Молю бога, чтоб он утешил родителей твоих; им я не оставляю никакой отрады. Дорога, как я вижу, далеко не так трудна будет, как я предполагал, и обещает мне несравненно скорейшее соединение с тобою, ангелом моим, нежели я воображал, следовательно, она мне очень легка будет казаться. Пояс за неимением корсета будет годиться, но корсет лучше[1]. Впрочем, в здоровье моем, как и во всем прочем, более на бога уповаю; его единого в помощь призываю и ему поручаю я родителей, братьев, всех родных твоих и моих. Он, по милости своей, не оставит всех нас благословить.

С. Трубецкой

* Далее одно слово не поддается прочтению.

Не пугайся моим почерком, я пишу на коленях и оттого так худо. Заготовлено письмо заранее, неравно отправят вдруг[2]. Надеюсь, что добрые люди, за которых бога молю, не откажут доставить тебе письмо сие. <...>* божьей милостью надеюсь скоро обнять тебя и не расставаться ни в здешней жизни, ни вечной. Умоляй братьев от имени моего думать более о будущем веке, нежели о зд[ешнем?]**.

ЗАПИСКИ

1844—1845, [1854] гг.

По окончании Отечественной войны имя императора Александра гремело во всем просвещенном мире; народы и государи, пораженные его великодушием, предавали судьбу свою его воле: Россия гордилась им и ожидала от него новой для себя судьбы. Она смыла позор Тильзитского мира[1], разорвала оковы, наложенные на нее властилем Европы, твердою ногою заняла первое место между сильнейшими государствами в мире. Эпоха самостоятельности настала. Оставалось вкусить плодов этого положения. Император изъявил манифестом благодарность свою войску и всем сословиям народа русского, вознесшего его на высочайшую степень славы, обещал, утвердив спокойствие всеобщим миром в Европе, заняться устройством внутреннего благоденствия вверенного провидением державе его пространного государства.

Некоторые молодые люди, бившиеся за Отечество и царя своего на поле чести, хотели быть верной дружиной вождя своего и на поприще мира. Они дали друг другу обещание словом и делом содействовать государю своему во всех начертаниях его для блага своего народа. Их было мало, но они уверены были, что круг их ежедневно будет увеличиваться, что другие, им подобные, не захотят ограничиться славою военных подвигов, но пожелают оказать усердие свое и любовь к Отечеству не одним исполнением возложенных на них службою обязанностей, но и посвящением всех средств и способностей своих на содействие общему благу во всех его видах.

* Два слова не поддаются прочтению.
** В этом месте лист надорван.

От поступающих в это маленькое общество требовалось: 1) строгое исполнение обязанностей по службе; 2) честное, благородное и безукоризненное поведение в частной жизни; 3) подкрепление словом всех мер и предположений государя к общему благу; 4) разглашение похвальных дел и осуждение злоупотреблений лиц по их должностям*.

Сначала молодые люди ограничивались только разговорами между собою. Еще не известно было, что именно государь намерен был сделать, но в уверенности, что он искренне желает устроить благо России, решено было дать форму обществу, определить порядок действий**. 9 февраля 1816 года Пестель, Никита Муравьев, Сергей Шипов и кн. Трубецкой положили основание обществу. К ним пристали Александр Ник[олаевич] Муравьев, Николай Новиков*** (бывший правителем канцелярии у кн. Репнина), Илья Бибиков, кн. Илья Долгоруков, Федор Николаевич Глинка, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы, кн. Павел Петрович Лопухин и Якушкин[2]. Пестелю, Долгорукову и Трубецкому поручено было написать устав общества, последний занялся правилами принятия членов и порядком действия их в обществе; Долгоруков — целью общества и занятиями его для ее достижения; Пестель — формою принятия и внутренним образованием. Он имел пристрастие к формам масонским и хотел, чтобы некоторые подобные были введены для торжественности[3]. При первом общем заседании для прочтения и утверждения устава Пестель**** в прочитанном им вступлении сказал, что Франция блаженствовала под управлением Комитета общей безопасности[4]. Восстание против этого утвержде-

---

* В черновике далее: «Действие общества должно было основываться на том рассуждении, что многие из правительственных лиц и частных людей будут восставать против некоторых намерений императора (как и было то касательно свободы крестьян), и, следовательно, как бы ни был слаб голос тех, которые стали бы их оправдывать, но беспрерывное склонение в обществе разговора на известный предмет, возбуждая рассуждение пояснить [далее зачеркнуто: «пользу или вред»] могущие произойти последствия, и в случае ожидаемой пользы оправдание его убедит многих и, способствуя к опровержению сопротивления, даст силу правительству привести предположения свои к исполнению».

** В черновике далее зачеркнуто: «которыми намерены были поддерживать и подкреплять предначертания государя».

*** Автор ошибся: не Николай, а Михаил Николаевич Новиков.

**** В черновике далее зачеркнуто: «поселил в некоторых членах некоторую недоверчивость к себе».

ния было всеобщее, и оно оставило невыгодное для него впечатление, которое никогда не могло истребиться и которое поселило навсегда к нему недоверчивость*[5]. Масонские формы, введенные в заседаниях и в принятии членов, затрудняли действия общества и вводили какую-то таинственность, которая была противна характерам большей части членов; они хотели действия явного и открытого, хотя и положили не разглашать намерения, в котором соединились, чтобы не вооружить против себя людей неблагонамеренных. Общие собрания не требовались, но только частные свидания для сообщения предметов, требовавших распространения сведений о них в публике. И потому чрез непродолжительное время положено было изменить в этом отношении устав, как признанный неудобным к приложению. Пестель скоро по учреждении общества должен был уехать в Митаву, корпусную квартиру графа Витгенштейна, у которого он был адъютантом. Трубецкой также должен был уехать из столицы[6]. В течение 1817 года часть гвардии отправилась в Москву, куда выехал двор. Члены, которых число умножилось, в это время были также рассеяны, и только немногие оставались в Петербурге.

Между тем император Александр приступил к исполнению двух своих мыслей: 1. Был составлен проект для освобождения крестьян Эстляндской губернии[7], и явно начали говорить, что он намерен дать свободу всем крестьянам помещичьим. 2. Другой проект, переданный графу Аракчееву, был об учреждении военных поселений[8], из которого мы поняли слова благодарного манифеста императора по окончании войны с французами, где он в награду войску обещал *оседлость*[9].

Первый проект должен был иметь противниками почти всех помещиков. Требовалось неусыпное действие членов для поддержания его и направления общего убеждения в необходимости этой меры. Должно было представить помещикам, что рано или поздно крестьяне будут свобо-

---

* Далее зачеркнуто: «Скоро по принятии устава общества Пестель должен был уехать в корпусную квартиру 1-го корпуса в Митаву. Между тем положено было, чтоб члены вступили в масоны, полагая, что посредством лож скорее можно узнать людей способных и что посредством их можно удобнее распространять и поддерживать любовь к Отечеству, одушевлявшую членов, и возбуждать к служению ему».

дны, что гораздо полезнее помещикам самим освободить их, потому что тогда они могут заключать с ними выгодные для себя условия, что если помещики будут упорствовать и не согласятся добровольно на освобождение, то крестьяне могут вырвать у них свободу, и тогда Отечество может стать на краю бездны. С восстанием крестьян неминуемо соединены будут ужасы, которых никакое воображение представить себе не может, и государство сделается жертвою раздоров и, может быть, добычею честолюбцев, наконец, может распасться на части и из одного сильного государства обратиться в разные слабые. Вся слава и сила России может погибнуть, если не навсегда, то на многие века. Члены общества были молодые люди, не имевшие еще собственных поместьев. Они не могли дать примера согражданам своим освобождением собственных крестьян, и потому им предстоял один только способ действия — убеждение словом. Второй проект — учреждение военных поселений для всей армии — был такое дело, которого дальнейшие последствия могли укрываться и от взоров самых проницательных мужей, опытнейших в государственном управлении.

Ему положено было начало еще в 1811 г., поселением Елецкого полка в Могилевской губ. Но в 1812 г. поселение было разрушено вторжением неприятеля, и невозможно было из малого и кратковременного опыта судить, в какой степени могло быть полезно или вредно это учреждение для государства. Граф Аракчеев не отклонился от возложенного на него поручения, но, однако, начал тем, что представил возражение и предлагал вместо военных для солдат поселений сократить срок службы нижним чинам, определив вместо 25-летнего срока 8-летний. Государь был убежден в пользе своего предначертания, и исполнение начато. Оно встретило всем известное сопротивление в крестьянах тех селений, в которых положено ему начало. Жестокими мерами и некоторыми уступками преодолено было упорство крестьян.

Долго члены общества собирали сведения об этом предмете, слушали о нем рассуждения, наводили на него речь* и старались исследовать его во всех отношениях, прежде нежели решились составить собственное о нем мнение. Наконец остановились на том, что новое образо-

---

* На этом беловой экземпляр обрывается.

вание армии усилит ее, образует хорошо обученных солдат, приучит их с малолетства к исправлению воинской службы, доставит возможность содержать войско с меньшим отягощением народа и уничтожит частые рекрутские наборы. Но что, с другой стороны, оно образует в государстве особую касту*, которая, не имея с народом почти ничего общего, может сделаться орудием его угнетения, что эта каста составит собою силу, которой ничто в государстве противустоять не возможет. Сама будет в повиновении безусловном нескольких лиц, а может случиться, что и у одного, и если это будет искусный честолюбец, то он легко может приобресть любовь подчиненных своих, обольстить их и сделать из них орудие своего честолюбия**. Сверх того, ненавистный начальник может быть причиною восстания вверенной ему части, и какая возможность к усмирению озлобленных, имеющих средства к отпору силы силою? Кто может поручиться, что небольшое даже неудовольствие не породит бунта, который, вспыхнув в одном полку, быстро распространится в целом округе поселения? И можно ли предвидеть, чем кончится таковое восстание многих полков вместе? Эти опасения подкреплены были происшествиями в начатых поселениях: Новгородском (гренадерском), Бугском и Чугуевском (уланских). Жестокие меры, употребленные против жителей мирных селений, из которых хотели сделать военных поселенцев, возбудили всеобщее негодование. Исполнители графы Аракчеев и Витт сделались предметами всеобщего омерзения, и имя самого императора не осталось без нарекания. Трудно было поверить, чтоб ему не известны оставались варварские действия этих двух человек; это подавало невыгодное мнение о его сердце и нраве. Государь выехал не прямо в Москву, но чрез западные губернии и Малороссию. Кажется, что цель этой поездки была приготовить мысли жителей этих губерний к свободе крестьян. Первое начало положено было уже в Эстляндии, за которою должны были следовать Курляндия и Лифляндия. Псковская губерния была присоединена к генерал-губернаторству маркиза Паулуччи[10], и потому полагали, что освобождение русских

* Далее зачеркнуто: «подобно как в Древнем Египте».

** В петербургском издании 1906 г. эта фраза обрывается на слове «лиц».

крестьян начнется с этой губернии. В речи своей к малороссийским дворянам государь объявил о своем намерении, но в сердцах их не нашел созвучия. Сопротивление ясно изъявил[ось] в ответных речах губернских предводителей полтавского* и черниговского. Это, кажется, поколебало твердость государя, ибо в Москве он удержался от выражения своих мыслей касательно этого предмета. Должно думать, что он, однако ж, желал искренно его исполнения; но между тем он от дворянства хотел единственно повиновения своей воле, а не содействия. Доказательством тому служит следующее: члены общества собрали подписку на освобождение крестьян. Из числа известных лиц подписали согласие свое и обещание исполнить на правилах, какие составлены будут, графы Кочубей и Строганов, кн. Меншиков, ген. Илларион Васильевич Васильчиков. Последний, подписав, доложил тотчас о том государю, который изъявил свое неудовольствие и приказал уничтожить подписку[11].

В следующем обстоятельстве еще более является нежелание его, чтоб дворянство содействовало ему. Может быть, он не отвергнул бы личного содействия поодиночке, но решительно не хотел, чтоб оно обнаруживалось совокупным действием. В бытность в Вильне он приказал тамошнему ген.-губ. Римскому-Корсакову приготовить дворянство вверенных ему губерний к принятию монаршей воли. Корсаков нашел в губернском предводителе дворянства, гр. Платере, готового сотрудника. На выборах 1818 г. Платер сообщил дворянам волю государя, и, подготовленные им, они приняли изъявление ее с восторгом, ввели бывших при них лакеев и кучеров в зал собрания и с наполненными шампанским бокалами поздравили их с будущим освобождением. Корсаков был тогда в Москве, и государь, узнав о происшествии, в жестоких словах излил на него гнев свой за нескромное действие и за то, что он в такое время оставил губернию свою**.

Это было после сопротивления, оказанного государю в Малороссии, когда по Москве ходили рукописи харьковского помещика Каразина, восставшего всею силою

* Поверх строки вставлено: «Ширкаго». Фамилия второго не указана.

** На поле вынесено: «впечатление от происшествия [с] императором в Москве и разговоры о поселениях и свободе крестьян».

своего красноречия против свободы крестьян и сравнивавшего состояние имевших счастье быть под его игом с состоянием свободных, у которых не будет собственности и которым можно сказать: «и та земля, в которую положат труп твой, не твоя!»[12]. В другой рукописи кн. Н. Г. Вяземский, свояк графа Кочубея и предводитель калужского дворянства*, требовал наместнических собраний[13]. Член общества А. Н. Муравьев написал возражения на обе эти рукописи[14] и, распустив их по древней столице, представил список своего сочинения государю чрез кн. П. М. Волконского. Его величество, прочтя, сказал: «Дурак! не в свое дело вмешался».

Такие действия государя казались обществу не согласующимися с той любовью к народу и желанием устроить его благосостояние, которые оно в нем предполагало. Сомнение, что он ищет более своей личной славы, нежели блага подданных, уже вкралось в сердца членов общества сделавшимся им прежде известным откровенным разговором наедине государя с кн. Лопухиным. Пред самым отъездом своим из Петербурга государь объявил ему, что он непременно желает освободить и освободит крестьян от зависимости помещиков, и на представление князя о трудностях исполнения и сопротивлении, которое будет оказано дворянством, сказал: «Если дворяне будут противиться, я уеду со всей своей фамилией в Варшаву и оттуда пришлю указ». Когда эти слова были переданы некоторым членам общества, бывшим в Москве, то в первую минуту мысль о том, каким ужасам безначалия могла подвергнуться Россия от такого поступка, так сильно поразила одного из членов, что он выразил готовность, если бы государь оказал себя таким врагом Отечества, то он чувствует в себе довольно духа, чтоб принести его в жертву, не щадя собственной жизни[15].

Эти слова тем замечательны, что они чрез восемь лет после того послужили поводом к приговору в каторжную работу того, кто их произнес, и тех, при ком были сказаны[16].

Члены общества, огорченные поступком государя и обманутые в тех великих надеждах, которые они на него полагали, не могли, однако ж, расстаться с мыслью, что,

---

* Далее зачеркнуто: «также противился свободе крестьян и доказывал при том необходимость».

действуя соединенными силами, они могут сделать много для пользы своего Отечества*. Пример прусского «Тугендбунда»[17] доказывал, что усилия людей, имеющих одну цель, не остаются тщетны. Число готовых содействовать ежедневно увеличивалось; оставалось определить ясно порядок действия и начала, на которых он должен быть основан**. Первый устав общества оказался неудобным в приложении, неполным и неопределенным[18], должно было составить такой, чтоб он соответствовал той обширной цели утверждения отечественного благоденствия, которую члены имели в виду***. Дух кротости, любви к Отечеству и благонамерения, которые одушевляли их самих, должен был ясно выразиться во всех статьях устава[19]; самое злостное розыскание не должно было найти в нем ничего такого, что бы могло подать повод к обвинению членов в**** себялюбии или в действии, опасном для спокойствия Отечества*****.

Четыре члена были избраны для составления нового устава. Они исполнили поручение, и новый устав был вполне одобрен и принят. Общество названо по предмету своей цели Союзом благоденствия, и эпиграф его означал твердое намерение членов посвятить всю свою жизнь исполнению этой цели; его составляли слова спасителя: «Никто же возложа руку свою на рало, и зря вспять управлен есть в царствие божие»[20]. Члены разделялись по предметам своих занятий или службы. Каждый по своей части обязан был приобретать познания, могущие сделать его полезнейшим гражданином, и сведения, потребные для действия общества, которое само оставалось неизменно первоначальному своему назначению, то есть:

---

* Далее зачеркнуто: «Малочисленность их должна быть усилена».

** Далее зачеркнуто: «Трубецкой изучил устав этого общества и предложил членам принять его в образец с некоторыми переменами».

*** Далее зачеркнуто: «Устав общества требовал преобразования. Члены желали, чтобы он был написан в том духе». Поверх этой строки написано и зачеркнуто: «все еще не был».

**** Далее зачеркнуто: «неблагонамеренной цели».

***** Далее зачеркнуто: «Большая часть членов общества находилась в Москве, и в числе их почти все основатели. Они избрали четырех членов, которым поручено было составление нового устава. Члены эти были: М. Н. Муравьев, к[н]. И. А. Долгоруков, Никита Муравьев и Трубецкой».

1-е. Поддержание всех тех мер правительства, от которых возможно ожидать хороших для благосостояния государства последствий; 2-е. Осуждение всех тех, которые не соответствуют этой цели; 3-е. Преследование всех чиновников, от самых высших до самых низших, за злоупотребление должности и за несправедливости; 4-е. Исправление по силе своей и возможности всех несправедливостей, оказываемых лицам, и защита их; 5-е. Разглашение всех благородных и полезных действий людей должностных и граждан; 6-е. Распространение убеждения в необходимости освобождения крестьян; 7-е. Приобретение и распространение политических сведений по части государственного устройства, законодательства, судопроизводства и прочих; 8-е. Распространение чувства любви к Отечеству и ненависти к несправедливости и угнетению.

Общее действие членов согласовалось с этими правилами, и сверх того каждый из них принимал обязанность освободить своих крестьян, когда поступят к нему во владение. Действие общества обнимало в своем предмете все сословия государства и все отрасли управления и потому должно было определить каждому члену круг его действия, для чего члены и разделились на четыре разряда, названные по отраслям*. Каждая отрасль состояла из управ, которой все члены действовали по предмету своей отрасли. Управа управлялась председателем, который представлял предметы действия; члены сообщали сведения и доносили о своих действиях. Каждый член мог заводить вспомогательную управу. Цель вспомогательных управ была приготовлять членов для Союза; действие их — учебные занятия и содействие Союзу. Все управы состояли под ведением Коренного совета[22], который состоял из 24 членов. В Коренном совете избирались председатель и блюститель. Последний соединял в себе общий надзор за всем действием и не дозволял ни в чем отступать от духа, цели и порядка действия, определенного по уставу Союза благоденствия. Он же сверял все списки устава Союза и скреплял их своею подписью. Ему подведомственны были блюстители управ, назначаемые в управы от Коренного совета, из его членов (вспомогательные управы не имели блюстителей особых, но блюститель той уп-

---

* Название отраслей вынесено на поле: «Законодательства, Благочиния, Правосудия, Государственного хозяйства»[21].

равы, которой член завел управу, имел над нею надзор)*. Сверх наблюдения за общим действием блюстители наблюдали за действием частным каждого члена, за его поведением как члена Союза, так и общественным и частным, ему предоставлено было <...>вение** члену и его обязанностей, когда он отступал от них. Блюститель управы собирал сведения о лицах, которые предлагались к принятию в Союз; он должен был стараться познакомиться с ними лично, чтобы короче их узнать и испытать, и только по его представлению мог быть принят новый член. Блюститель хранил список устава, он давал его прочитывать тому лицу, которое предложено было к принятию, и брал с него предварительно подписку, что он не будет никому сообщать о прочтенном; когда же прочитавший соглашался вступить в Союз, то давал другую подписку на вступление. Блюстители управ препровождали все подписки к блюстителю Коренного совета и должны были часто с ним видеться для сообщения ему о всех действиях и для совещания по предмету своих занятий. В члены Коренного совета принимались уже из испытанных членов и не иначе как единогласным согласием всех членов Коренного совета, налицо в столице находящихся. Блюстители управ, отдаленных от столицы, сообщались с блюстителем Коренного совета по возможности, но обязаны были изыскивать средства частого сообщения. Члены Союза благоденствия очень понимали, что действие их на Отечество не может быть полезным, если оно не будет иметь верных и подробных сведений о состоянии его и если они не приобретут познаний в науках, имеющих целью усовершенствование гражданского быта государства, и потому приобретение этих необходимых сведений и познаний поставлялось в непременную обязанность*** всем членам Союза. Уже и прежде того некоторые из членов приговорили профессора для чтения курса политической экономии[23]; после нескольких уроков профессор просил позволения одному своему приятелю быть в числе слушателей. Тем, к кому он имел доверенность, признался, что мнимый приятель прислан от полиции. Вскоре после государь потребовал сведений от полковых командиров о

* Далее зачеркнуто: «Они вели также список».
** Первая часть слова не поддается прочтению.
*** Далее зачеркнуто: «в особенности членам Коренного совета».

тех офицерах, которые слушали курс, и по хорошим о них отзывам нашел очень странным это необыкновенное явление и несколько раз повторил слова: «Это странно! Очень странно! Отчего они вздумали учиться!»

Сначала действие Союза благоденствия пошло быстро. Управы образовались в Москве, в разных губерниях, в Петербурге, между военными, гражданскими и неслужащими[24]. Были и вспомогательные управы. В течение первого года некоторые из лиц Коренного совета выбыли из столицы, между ими и блюститель его Трубецкой[25]. На место его был избран Долгоруков. Скоро после приехал в Петербург Пестель, который все был при гр. Витгенштейне, тогда уже главнокомандующем 2-й армии[26]. Он находил, что действие Союза благоденствия медленно и вообще не в том духе, в котором, по его мнению, должно действовать. Сообщил*, что не принял устав, и продолжал свое действие согласно первому уставу**[27]. Многие члены возмущены были его рассуждениями, и общее действие охладело и лишилось единства[28]. Положен был общий съезд в Москве; и там согласиться не могли[29]. Между тем происшествия, случившиеся в лейб-гвардии Семеновском полку[30], и распределение всех членов в разные полки довершили расстройство Союза. Члены боялись собираться, чтоб не навести подозрения; многие испугались до того, что прекратили всякую связь с другими членами. Мало осталось верных сделанному обещанию при учреждении общества. В таком положении нашел Трубецкой общество, возвратясь в Отечество по двухлетнем отсутствии. Первым делом его было соединить тех, которые оставались верными Союзу. Их было тогда в столице только несколько человек. В непродолжительном, однако ж, времени число их увеличилось. Пестель опять приехал, упрекал в бездействии, представлял деятельность членов на юге, предлагал соединение управления под руководством трех директоров, из которых два на юге и один в Петербурге. Представлял необходимость изменения образа действия, как весьма медленного и отдаляющего цель неопределенно. По его мнению, цель должна быть: насильственное изменение образа правления, как скоро общество соединит довольно членов, чтоб быть в силе

* Зачеркнуто: «Отказывался принять».

** В этом месте у автора стоит значок*, но самой ссылки нет.

это исполнить; правление должно перейти в руки общества до тех пор, пока все начала нового образа правления будут введены. Проект предлагаемых им постановлений написан им был под названием «Русской правды»[31]. Открыто было общество между поляками, с которым вступили в сношение. Оно требовало отделения Польши, на которое давалось предварительно согласие, хотя и не в том размере, в котором требовали поляки[32].

В частных свиданиях Пестель убедил некоторых членов в справедливости некоторых из своих рассуждений. Эти члены поддерживали его и в общих собраниях. Но Никита Муравьев и Трубецкой сильно восставали против всех предложений Пестеля и поддержанные большею частью членов обратили опять на свою сторону тех, которые пристали было к Пестелю. Пестель уехал недовольный, однако ж обещал сообщать Трубецкому о своих действиях и не предпринимать ничего решительного без согласия Северного общества.

Доверенность к Пестелю была сильно поколеблена, и петербургские члены видели необходимость бдительным оком следить за действиями его и Южного общества, которого члены были в совершенном у него повиновении[33]. О бывших прениях и несогласии Северного общества с Пестелем было сообщено Сергею Муравьеву, бывшему на юге, и ему поручено наблюдение и противодействие. Вскоре открылась возможность усилить это наблюдение и подкрепить противодействие распространением основных правил Союза благоденствия в тех местах, где проповедовались другие.

Кн. Щербатов, назначенный командиром 4-го корпуса, предложил Трубецкому место дежурного штаб-офицера. Приехав в Киев*, Трубецкой нашел, что Южное обще-

---

* *Примеч. автора:* «Может быть, удалившись из столицы, Трубецкой сделал ошибку. Он оставил управление общества членам, которые имели менее опытности и, будучи моложе, увлекались иногда своею горячностью и которых действие не могло производиться в том кругу, в котором мог действовать Трубецкой. Сверх того, тесная связь с некоторыми из членов отсутствием его прервалась. Но опасения, которые поселял юг, были такого рода, что [далее зачеркнуто: «для успокоения общества по этому предмету»] признавалось необходимым отделить туда такого члена, который имел бы достаточный вес в обществе, имел и силу привести южное отделение к тем благодетельным началам, на которых основан был Союз и по которым продолжали действовать на севере».

ДОМ ТРУБЕЦКИХ В КИЕВЕ (ныне Владимирская ул., 5)

ство во всем отклонилось от правил Союза. Некоторые только старые его члены оставались ему верными, но лишены были способа действовать. Внимание Трубецкого обращено было на то, чтобы воспрепятствовать распространению правил Южного общества в полках 4-го корпуса, соединить старых членов и дать им средства к действию по прежде принятым началам и отвратить членов Южного общества от мнений Пестеля. Одним из первых предметов было также войти в сношение с Польским обществом и убедить его ясными доказательствами, что Польша существовать не может отдельно от России и что не отделения они должны искать, но, напротив, присоединения к России и тех частей Польши, которые составляют владения Австрии и Пруссии.

Время не дозволило привести в исполнение этой последней статьи, но все прочие обещали увенчаться успехом[34].

Между тем Южное общество в недрах своих скрывало изменников. Образ действия Пестеля возбуждал не любовь к Отечеству, но* страсти с нею несовместные. Квар-

* Далее зачеркнуто: «властолюбие».

тирмейстер его полка Майборода, принятый им в члены, промотал в Москве часть полковых денег и, боясь ответственности, написал донос о существовании и намерениях Южного общества и успел препроводить его в Таганрог к государю. Шервуд, вольноопределяющийся унтер-офицер Нежинского конно-егерского полка, принятый Вадковским, был им послан с разными бумагами к Пестелю, но вместо того посредством гр. Витта нашел путь к государю, которому и передал бумаги в Таганроге. Какие меры принял государь или хотел принять, осталось обществу неизвестным*.

В Петербурге общество оставалось под управлением Никиты Муравьева, Рылеева, Оболенского и Пущина. Последний оставил артиллерию и определен судьей надворного суда в Москву. Он находил, что в этом звании он более принесет пользы Отечеству, нежели в звании артиллерийского офицера**.

В столицу приехал из Грузии Якубович. Он был не раз оскорблен по службе. Отличная репутация его в Кавказском корпусе, где он, невзирая на то, что был только в чине капитана, имел значительную команду на линии, не привлекла на него внимание государя. Якубович, если не в сердце, то на словах, питал к нему сильную ненависть и часто, в сообществе с военными, говорил о непременном своем намерении отомстить за претерпленные оскорбления. Были члены, которые изъявили мысль, что если Якубович исполнит свое намерение, то общество должно последствиями его воспользоваться. Другие, также приняв слова Якубовича за истину, говорили, что надобно воспрепятствовать ему в исполнении. Никита Муравьев, который должен был отлучиться из Петербурга, известил письмом об этих обстоятельствах Трубецкого и просил его содействия на обуздание Якубовича. Другие члены поручили также ехавшему через Киев фон дер Бриггену уведомить обо всем Трубецкого. Последний поспешил в столицу[35]. Увидев Якубовича, убедился со слов его, что выражение его ненависти преувеличено и что он не способен ни на какое злодеяние***. Незадолго пред этим

* На левом поле помета: «пр[имеч. 2], но текста самого примечания нет.

** Далее зачеркнуто: «Дела шли довольно хорошо».

*** Далее зачеркнуто: «какое ему приписывали».

были смотры корпусов 1-й армии; и когда был в сборе корпус ген. Рота, то некоторые члены Южного общества открыли между офицерами этого корпуса тайное общество под названием Славянского[36]. Они вступили с ним в сношение, открыли ему о существовании своего и хотели его к своему присоединить, хотя, кажется, и не успели узнать, в чем, собственно, цель Славянского общества состояла.

В это время неожиданное известие поразило столицу*: государь был при смерти. Через два дня пришло известие о его кончине**. Кто был тогда в Петербурге, тот знает, какое*** уныние овладело всеми жителями. Чувство это объясняется и отношениями, которые существуют между русским государем и его подданными, и самим поведением Александра в течение 25-летнего его царствования, исполненного важнейшими событиями, какие когда-либо представлялись в истории мира. В самодержавном правлении, таком, как в России, личные качества государя имеют самое сильное влияние на**** судьбу народа. Русский царь не силен доставить благоденствие своим подданным, но каждая ошибка его, всякий недосмотр с его стороны сможет быть причиною всяких народных бедствий. Правда, царствование Александра не обошлось без них. Россия много при нем вытерпела, но его в том никто не винил. Виновником всех своих бедствий Россия признавала Наполеона*****; и попытки противиться ему, оставаясь долгое время безуспешными, вменялись Александру в достоинство, и когда борьба с этим величайшим гением своего времени кончилась к славе русского народа, то блеск ее не переставал озарять и царя до конца его жизни.

За событием такой важности должно было последовать

---

* Ниже публикуемое окончание этого отрывка (три последних листа) сохранилось в беловом и черновом вариантах, почти идентичных. Здесь текст беловика дополняется, с соответствующими оговорками, строчками из черновика.

** Далее приводится абзац из черновика.

*** Далее зачеркнуто: «грустное впечатление неожиданная эта новость сделала на умы всех вообще сословий. Уныние распространилось не только между одними приверженцами покойного государя, но и те, которые не имели особых причин быть преданными его особе, также грустили. То же чувство овладело».

**** Далее зачеркнуто: «благоденствие подданных правимого им народа и на бедствие».

***** Далее зачеркнуто: «которому Александр не был в силе».

другое, не менее важное. К владычеству Александра привыкли; мысль о наследнике пугала всех, тем более что покрыта была неизвестностью, кто будет этот наследник. При всех своих недостатках Александр почитался несравненно лучше своих братьев. Его озарял блеск славы, приобретенной борьбой с Наполеоном, величайшим гением своего времени. Великодушие его к победе, кротость к побежденным, отсутствие тщеславия не изгладились в памяти людей, хотя доверенность к нему народов и была поколеблена. Хотя в Европе укоряли его в неисполнении тех обещаний, которые были даны народам в 1813 г. и потом повторены торжественно на Венском конгрессе*; хотя он и в собственном Отечестве своем не оправдал тех ожиданий, которые породили слова его**; хотя он был привязан крепко к мысли о своем самодержавии и, казалось, довольный приобретенною славою, не радел о благоденствии своих подданных, словом сказать, обленился; хотя ко всему этому должно прибавить черты деспотизма против многих лиц и гонение на те идеи совершенствования, которые сам прежде старался распространить, и хотя даже он подвергся обвинению в чувстве презрения к народу, но при всем том смерть его почиталась истинным несчастьем. Может быть, всякая перемена владетельного лица в деспотическом правлении наводит страх: к недостаткам деспота, когда они не великие пороки, привыкаешь, и перемена самовластительного правителя наводит невольную боязнь. Как бы то ни было, но*** страх господствовал в сердцах всех тех, кто не был приближен к тому или другому из двух лиц, которые могли наследовать престол****. Константин не оставил по себе

---

* В черновой рукописи далее: «но все еще к нему обращались общие взоры, как к лучшему, просвещеннейшему, могущественнейшему из царствовавших тогдашних государей в Западной Европе».

** В черновой рукописи далее: «по утверждении общего мира в 1815 году. Может быть, из того, что надежды были слишком велики, но оне были основаны на мнении о добродетелях и могуществе его».

*** В черновой рукописи далее: «к владычеству Александра привыкли; при всех своих недостатках он почитался несравненно лучшим всех своих братьев, и смерть его казалась истинным несчастьем. Мрак неизвестности покрывал будущность России».

**** В черновой рукописи далее: «Бесспорно, наследие престола принадлежало старшему из братьев покойного императора вел. кн. Константину Павловичу. Но в высшем круге общества давно уже

хорошей памяти в столице; надеялись, однако ж, что лета изменили его, и эта надежда подкреплялась вестями из Царства Польского. Николай известен был только грубым обхождением с офицерами и жестокостью с солдатами вверенной ему Гвардейской дивизии. Двор хотел Николая, и придворные говорили, что с ним ничего не переменится, все останется как было, только будет император 25 годами моложе; Константину уже потому неприлично быть императором русским, что он женат на польке; и как допустить, чтоб простая польская дворянка поставлена была саном выше великих княгинь из домов королевских?[38]

Вел. кн. Николай Павлович в тот день, как узнал об опасной болезни государя, собрал к себе вечером князей Лопухина и Куракина и гр. Милорадовича, представил им возможность упразднения престола и свои на оный права [39]. Гр. Милорадович решительно отказал ему в содействии, опираясь на невозможность заставить присягнуть войско и народ иначе как законному наследнику. Хотя некоторым лицам и известно обещание Константина при его женитьбе отказаться от наследия престола, но эти обещания сделаны частно, и имп. Александр не объявлял после себя никого наследником. Воля же его, изъявленная в запечатанной бумаге, не может служить законом, потому что русский государь не может располагать наследством престола по духовной. Если Константин не захочет принять престола, то он должен сделать это манифестом от своего лица; и тогда Николай будет законным наследником, но должно начать тем, чтоб тотчас по смерти государя присягнули Константину*.

носилась молва, что Александр готовил себе в наследники второго своего брата Николая Павловича. Что на это согласился сам Константин, когда женился на польке Грудзинской. Что духовное завещание Александра на этот предмет лежит на престоле Казанского собора. Но все это были только слухи, а истина была известна только немногим из высших государственных сановников. Воля Александра оставалась для народа тайной[37], и право располагать наследством престола посредством завещания подлежало сомнению. Следовательно, один Константин мог почитаться истинным законным наследником».

* В черновике далее: «Это мнение выразил санкт-петербургский ген.-губ. гр. Милорадович, когда был приглашен вел. кн. Николаем Павловичем на совет в день получения вести об опасной болезни государя, и потом повторил его в Государственном совете,

Николай покорился необходимости*.

В публике давно было известно, что...[40]

СИИ ЗАПИСКИ ПИСАНЫ В 1844—5 ГОДАХ

Давно носилась молва, что покойный имп. Александр Павлович готовил престолонаследником брата своего Николая Павловича. Говорили, что это сделано с согласия прямого наследника Константина Павловича при женитьбе его на польке Грудзинской. Говорили, что Александр сделал духовную на этот случай, но никакого положительного сведения по этому предмету не было. Только в прусском придворном календаре на 1825 г. Николай Павлович был показан наследником российского престола *по условию, заключенному при женитьбе* Константина: говорили, что император изъявил за это обнародование неудовольствие свое прусскому двору. Но все это, как обыкновенно бывает в самодержавных государствах, где всякое действие правительства есть государственная тайна, было известно только немногим и имело только небольшие отголоски в обществе.

Известно, что император Александр Павлович скон-

собравшемся тотчас по кончине государя. В сем последнем по настоянию кн. А. Н. Голицына прочтена была духовная покойного государя, писанная рукой кн. Голицына и хранившаяся в Совете; ею действительно он назначал преемником своим Николая Павловича, и к ней были приложены письма Константина, писанные во время его женитьбы на Грудзинской, в которых он отказывался от престола, оказав этим прочтением уважение памяти покойного. Все члены согласились с мнением гр. Милорадовича, что законы государственные не дозволяют располагать престолом по духовному завещанию и что должно присягнуть Константину, как единственному законному наследнику. Николай Павлович подчинился необходимости и пошел с членами Совета к имп. Марии Федоровне и оттуда в церковь для принятия присяги. Между тем гр. Милорадович приказал уже санкт-петербургскому коменданту послать по всем занимаемым в городе караулам приказать присягнуть новому государю, что и было тотчас исполнено. А министр юстиции кн. Лобанов-Ростовский поехал объявить о смерти государя Сенату, и господа сенаторы присягнули, и никто из них не помянул о конверте, положенном от покойного государя в Сенате, с подписью, сделанной его собственной рукой, чтоб в случае его смерти, не приступая ни к чему, сначала прочтена была в Сенате заключенная в этом конверте воля его. Указ о присяге немедленно напечатан и разослан».

* Далее зачеркнуто: «и по смерти Александра сейчас послал с предложениями к Константину».

чался почти скоропостижно. В Петербурге узнали о кончине его почти в одно время, как и о болезни. Первый курьер из Таганрога привез (24 ноября) известие о его болезни, третий (27-го) о его кончине в самое то время, когда вся императорская фамилия служила благодарный молебен за полученное им облегчение, которое известие привезено было в этот же день поутру 2-м курьером, за несколько часов до его кончины отправленным[41].

Молебен был прерван. Собрался Государственный совет. Все члены молчали. Уста тех, которых голоса привыкли слышать в Совете, сомкнулись. Голос одного гр. Милорадовича был слышан. Он приглашал присягнуть законному наследнику Константину Павловичу. Кн. Голицын требовал прочтения духовной покойного государя. Гр. Милорадович согласился, оговоря, что духовная эта не может быть обязательством ни для кого и что прослушать ее можно только для того, чтоб показать знак уважения к покойному. Духовная принесена и прочтена для сведения. Члены встали и пошли объявить вел. кн. Николаю Павловичу, что должно присягнуть Константину, вместе с ним пошли к Марии Федоровне, а оттуда в придворную церковь для принесения присяги.

Гр. Милорадович, как петербургский военный губернатор, приказал коменданту послать приказ по караульным постам, чтоб караулы были тотчас приведены к присяге Константину*. Между тем поставили налой для присяги внутреннего караула, бывшего от 1-го батальона Преображенского полка. По ответе на вопрос о причинах этого приготовления головной гренадер вышел и сказал, что они даже и о болезни государя не слыхали, и оказывал с прочими** сопротивление и недоверчивость к справедливости известия о смерти его величества. Никто из генералов не мог убедить их в истине кончины, доколе не пришел вел. кн. Николай Павлович и не объявил, что он сам присягнул уже новому государю Константину Павловичу. Тогда караульные гренадеры согласились принять присягу.

Сенаторы присягнули по изустному объявлению о

* Далее зачеркнуто: «Министр юстиции кн. Лобанов-Ростовский поехал объявить бывшему в сборе Сенату и предложить сенаторам присягнуть новому государю».

** Далее зачеркнуто: «гренадерами». В основной рукописи это слово сохранено, но отсутствует слово «сопротивление».

кончине, сделанному министром юстиции. О запечатанном конверте, отданном покойным государем для сохранения в Сенате с тем, чтоб, не приступая ни к чему после его смерти, сначала распечатать его и прочесть в полном собрании, не было даже и спроса. На вопрос министру одного из обер-прокуроров его превосходительство приказал его прислать к себе на дом. Общая присяга последовала по напечатании о том сенатского указа.

Возвратясь в свой дворец[42], вел. кн. Николай Павлович послал за бывшим в отставке действ. стат. сов. Опочининым и просил его съездить к Константину Павловичу и напомнить ему, что он сам добровольно отказался от наследования престола пред своей женитьбой еще в 1822 г. *[43]. Несколько часов держал его у себя и только вечером отпустил, снабдив его письмами, с тем, чтоб он немедленно отправился. Опочинин уехал в ночь[44]. Великий князь присылал удостовериться, точно ли он уехал. На другой день вечером Опочинин возвратился с вел. кн. Михаилом Павловичем, которого он встретил, едущего из Варшавы. Узнал, что в Царстве Польском Константин не приводил никого к присяге и в тот день, когда получил известие о смерти императора, заперся и видеть никого не хотел. Опочинин вновь был чрез несколько часов отправлен с новыми письмами и возвратился уже по присяге Николаю Павловичу**.

Необъявление известия о смерти государя, полученного Константином прямо из Таганрога, доказывало, что он или ожидает дальнейших известий из Петербурга или не желает наследия. Но после принесения ему присяги он только один имел власть разрешить от нее своих подданных.

Опочинин должен был уговорить его прислать манифест о своем отречении. Он поехал с сильным желанием привести его самого в ту столицу, в которой должна была решиться участь государства. В семействе его, однако же, не надеялись, чтоб он успел в этом намерении. Помнили, что Константин много раз говорил, что цар-

* В оригинале: «1817 году».

** В этом месте помета автора: «Смотри примечание 1-е. Особая тетрадь». Поскольку это обширное примечание со слов «Необъявление известия» до слов «25 годами моложе» фактически является вставкой, оно вводится непосредственно в текст.

ствовать не хочет, и прибавлял: «Меня задушат, как задушили отца»*.

Столица государства представляла тогда странное явление. Был названный государь, но не было действительного, и никто не знал наверное, кто им будет. Константин в течение последних лет пребывал в Варшаве, сделался почти чужим для русских** и потому не имел в Петербурге приверженцев. Воспоминания, которые оставались о нем***, не привлекали к нему публики, хотя говорили, что нрав его много изменился к лучшему, но многие, особенно придворные, вооружались против него. Гордость дам оскорблялась мыслью, что полька, и притом незнатного рода, может быть императрицей.

Молодые великие князья также не имели дара поселить к себе любовь, их особенно не любили военные. Однако ж большая часть высшего круга желали иметь императором Николая. Надеялись, что при нем двор возвысится, что придворная служба получит опять прежний почет и выйдет из того ничтожества, в котором была при покойном государе и в которое еще бы более погрузилась при Константине.

Надеялись, что двор будет не так скучен, вел. кн. Александра Федоровна была молодая еще женщина, любила веселости и удовольствия. При знакомом императоре и императрице все надеялись сохранить занимаемые ими места и потому говорили, что если будет Николай императором, то все останется в прежнем положении, только государь будет 25 годами моложе****.

Так говорили придворные. Другие классы общества

---

* В оригинале далее зачеркнуто: «Многие говорили, что он боится быть царем, другие, что он совсем ополячился и русских терпеть не может и пр.».

** В оригинале далее зачеркнуто: «Он только несколько раз, и то на короткое время, оставлял Варшаву для посещения».

*** В оригинале далее зачеркнуто: «были не в пользу его».

**** В оригинале далее зачеркнуто: «Лица, принадлежавшие к сословию государственных сановников, смотрели на вещи с высшей точки, но должно сказать, что мало было таких, которые бы искренно были озабочены мыслью об истинной пользе государства. Некоторые старались отклонить от себя всякое подозрение, чтоб они имели более или менее наклонности к тому или другому из обоих братьев. Другие». Далее авторская ремарка: «Примечание 2-е (после слов «25 годами моложе»)». Это обширное примечание-вставка со слов «Так говорили придворные» до слов «без всякого возмездия» вводится непосредственно в текст.

молча ожидали окончания междуцарствия. Они понимали свою незначительность, хотя, впрочем, более были склонны к Константину*, но только потому, что в пожилом человеке предполагали больше опытности, нежели в молодом[45], который до тех пор занимался единственно фрунтовою службою. Народ был вообще равнодушен. Одни военные искренне желали, чтоб Константин остался императором. Им молодые великие князья надоели. Гвардейские офицеры с нетерпением ожидали приезда своего нового государя. Солдаты, ничего не зная о происходившем, не ожидали никакой новой перемены и уверены были, что государь скоро к ним прибудет.

Можно утвердительно сказать, что эта уверенность солдат была причиной спокойствия столицы в эти дни и этим обязаны бывшему военным ген-губ. гр. Милорадовичу.

Его деятельному попечению обязаны, что до слуха солдат и народа не доходило и о том, что готовится какое-либо необыкновенное событие. Он смело принял на себя всю власть, которая заключалась в высших государственных местах, и полную ответственность за спокойствие не только одной столицы, но всего государства**. Он был тогда единственным действующим лицом и распорядителем всего с самого начала и до конца, сохранив присутствие духа, хладнокровную и твердую деятельность. Он был единственным виновником присяги законному наследнику и устранения духовной покойного государя. Убежденный им вел. кн. Николай покорился власти закона и терпеливо ожидал престола от добровольного и торжественного отречения Константина. Меры, принятые им, содержали в спокойствии гвардию и народ. Николаю Павловичу нельзя не отдать справедливости, что он при всем своем желании престола, подстрекаемый сверх того голосом придворных, умел, однако ж, овладеть собою и подчиниться с покорностью закону. Престол, и еще самодержавный, имел столько прелестей, что редкий на месте Николая стал бы ожидать его терпеливо от благоволения другого. Константин, конечно, изъявил прежде, что он отказывается от наследства, и теперь, что он не

---

* В оригинале далее зачеркнуто: «потому что Николая знали только как молодого человека».

** Последний абзац написан на левом поле листа.

хочет власти, но все это было, когда власть не была в его руках, а теперь, когда вся обширная империя присягнула ему в верности, можно ли было ручаться, что он останется столько же равнодушен к власти? Он имел бы достаточно извинений для принятия престола, на который был возведен без предварительного своего согласия и в исполнение государственных законов о производстве. Умеренность Николая в этих обстоятельствах еще тем замечательна, что на противное поведение с его стороны поощрял его голос придворных и молчание всех без исключения важнейших сановников государства, а удерживаем он был одним гр. Милорадовичем. Как легко было вел. кн. заставить Государственный совет и правительствующий Сенат исполнить всякую его волю, является из последовавших ранее и позже происшествий.

В первом собрании Совета, где было объявлено известие о смерти Александра, один только голос гр. Милорадовича был слышан*, прочие члены безмолвно приступили к его мнению; и Сенат также; все покорилось его воле. Сенаторы присягнули без всякого прекословия и просто по изустному объявлению министра юстиции. Когда Константин упорно отказался в присылке манифеста о своем отречении, не принял даже посланных с объявлением ему о принесенной всеми сословиями присяге, ни Совет, ни Сенат не помыслили о том, что одно только высшее правительственное место имеет власть объявить народу все случившееся, удостоверить в истине отречения Константина и несомненным следствием того — права Николая на престол. Что всякий иной образ восшествия Николая на престол должен иметь пред народом вид похищения. Если не робость виною этого молчания, то оно доказывает совершенное незнание в государственных сановниках политических прав.

Николай оказанным уважением законов заслужил признательность Отечества, и если б он до конца сохранил то же поведение и не издал манифеста от своего имени, то он воссел бы на престол спокойно, но здесь боязнь

* В оригинале далее зачеркнуто: «Он сказал, что должно присягнуть Константину и что духовная покойного ни к чему не обязывает, так как он не имел права располагать престолом по завещанию, вопреки установившегося обычая первородства. Все молча приняли его решение».

унизить самодержавную власть взяла верх над всяким другим рассуждением.

Между тем тайное общество, следившее неусыпно за всеми происшествиями и хорошо извещенное о малейших обстоятельствах, определило в предположении воцарения Константина приостановить свое действие и ограничиться на некоторое время наблюдением, какой ход примут дела при новом императоре. Когда же начало сомневаться в принятии престола Константином и, узнав дух войска, убедилось, что восшествие на престол Николая не может последовать без сопротивления, то стало помышлять о том, чтоб извлечь из этого обстоятельства всю ту пользу для России, которую действие общества до тех пор могло обещать ей только в неопределенной отдаленности[46].

Оно могло действовать в единственном предположении, что Константин не издаст от собственного лица манифеста о своем отречении; иначе восстание было бы неповиновением законной власти; и должно было бы действовать на военную силу обольщением. В случае даже совершенной удачи невозможно было предвидеть, к какому концу это приведет; и нельзя было надеяться, чтоб порядок и спокойствие сохранились в государстве.

Общество знало, что Сенату не будет предоставлено издание манифеста, а что сам он не осмелится взять этого на себя, но, безусловно, исполнит то, что повелено будет. Давно уже он перестал считать себя первым государственным местом, хотя и считается таковым в народе; выше его уже были Комитет министров и Совет[47]. В последнем скорее можно было ожидать как-то людей, способных взвесить всю важность настоящих обстоятельств*.

Большой наклонности к Николаю Павловичу от них не должно было ожидать, и, скорее, должно было предполагать, что они предпочитают Константина, ибо в противном бы случае они поддержали бы кн. Голицына и подали бы мнение, что нужно исполнить духовную, но этого никто не сделал.

Нельзя было также ожидать, чтоб кто из них решился бы выразить такое мнение, которое, не будучи поддержано прочими членами, подвергло бы подавшего немилости будущего государя. Следовательно, не должно

* В оригинале далее зачеркнуто: «Однако ж уверенности в согласии их содействия быть не могло».

было ожидать никакого начинания от высших государственных мест или лиц; и обществу оставалось действовать собственными силами. Оно чувствовало себя слишком слабым для того.

Столица, где должно было* все решиться, заключала в себе небольшое число членов. Прочие были рассеяны по всему пространству обширнейшей Российской империи. Некоторые были за границей (Тургенев, Бибиков, Перовский). Несмотря на то, обстоятельства показались такими благоприятными, что оно решилось испытать свои силы и подвергнуться всем личным бедствиям, в которые неудача должна была погрузить их. Они давно уже обрекли себя служению Отечеству и презрели страх бесславия и позорной смерти[48].

Сколько человек ни бывает привязан к жизни, но он готов рисковать ею за всякую безделицу. Везде, где какая-нибудь страсть овладеет рассудком, человек жертвует ею, хотя в обыкновенных обстоятельствах дорожит очень бытием своим. Но во всех почти случаях, когда разум не омрачен, то за такую жертву он ожидает какого-нибудь вознаграждения, и, сверх того, есть какая-нибудь надежда на счастливый случай. Когда же идет дело на то, чтоб хладнокровно предаться опасности, утратить жизнь и, сверх того, подвергаться, может быть, бесславию и позорной смерти, то недостаточно одной врожденной храбрости. Человек, дорожащий честью, не иначе решится на такой поступок, как в полном убеждении, что прошедшая жизнь его и возложенные ею на него обязанности требуют этой великой от него жертвы. Члены общества, решившие исполнить то, что почитали своим долгом, на что обрекли себя при вступлении в общество, не убоялись позора. Они не имели в виду никаких для себя личных видов, не мыслили о богатстве, о почестях, о власти. Они все это предоставляли людям, не принадлежащим к их обществу, но таким, которых считали способнейшими по истинному достоинству или по мнению, которым пользовались, привести в исполнение то, чего они всем сердцем и всею душою желали: поставить Россию в такое положение, которое упрочило бы благо государства и оградило его от переворотов, подобных французской революции, и которое, к несчастью, продолжает еще угрожать ей в

* В оригинале далее зачеркнуто: «происходить действие».

А. А. ГОЛИЦЫНА, урожд. Грузинская, тетка декабриста.

Миниатюра художника Э. Виже-Лебрен.
Местонахождение оригинала неизвестно.
Публ. по: Русские портреты, т. 3, л. 17

будущности. Словом, члены тайного общества Союза благоденствия[49] решились принести в жертву Отечеству жизнь, честь, достояние, все преимущества, какими пользовались, все, что имели, без всякого возмездия[50].

На письма, отправленные с Опочининым, Константин Павлович не сделал никакого ответа, который бы мог послужить доказательством для народа, что он добровольно отказывается от престола и уступает его ближай-

шему по себе наследнику. Говорили, что ответ, которым он предоставлял престол на волю желающего, был написан в самых неприличных выражениях, что и несколько подтверждается тем, что он не был напечатан при манифесте, которым Николай объявлял о своем вступлении на престол. Должны были удовлетвориться напечатанием писем Константина Павловича покойному императору, писанных в 1822 г. во время женитьбы его на кн. Ловичевой. Время же междуцарствия продолжалось ровно 2 недели[51]. Никакой другой случай не мог быть благоприятнее для приведения в исполнение намерения тайного общества, если б оно было довольно сильно для приведения в действие своих предположений. Но члены его были рассеяны по большому пространству обширной Российской империи, другие были за границей. Столица, где должно было происходить главное действие, заключала небольшое число членов. Несмотря на то, бывшие в ней члены положили воспользоваться предстоящим случаем, особенно когда в мыслящей публике поселилось ожидание, что Константин Павлович не примет следующего ему наследия престола. Причины, побудившие их воспользоваться предстоящим случаем, были следующие: 1. В России никогда не бывало примера, чтобы законный наследник престола добровольно от него отказывался, и должно было полагать, что с трудом поверят такому отказу. 2. Молодых великих князей не любили, особенно военные. Только некоторая часть двора предпочитала иметь императором Николая[52]. Придворные дамы находили, что им низко будет иметь даже незнатного рода польку императрицей. 3. Во всех домах, принадлежащих к знатному обществу столицы, изъявлялось негодование на странное положение, в котором находилось государство. Это негодование не смело выказываться речами дерзкими или решительными, но выражалось насмешками*. Но, однако же, никто из этих лиц не возвысил голоса в эти дни, в которые отозвался бы ему сильный отголосок; недостаток ли духа или любви к Отечеству? Или попечение о собственных выгодах замкнули уста? Только никто не смел выразить

---

* В этом месте авторская ремарка: «(+) См. прим[еч]. 2-е (1). Особая тетрадь». Это примечание со слов «Но, однако же, никто» и до слов «плоскими насмешками» приводится далее непосредственно в тексте.

мысли о возможности и надобности улучшить государственные постановления. Негодование высшего круга столицы и странное положение, в котором находилось государство, изъявлялось одними плоскими насмешками. Били заклады, кому достанется престол; спрашивали, «продадутся или нет бараны?»[53]. Смеялись над тем, что от Сената послан был к императору Константину с объявлением о принесенной ему присяге чиновник, бывший за обер-прокурорским столом, известный картежный игрок, хорошо передергивающий карты[54]; и это обстоятельство применяли с насмешками к тогдашнему случаю*. 4. Наконец, члены тайного общества уверены были в содействии некоторых из высших сановников государства, которые, опасаясь действовать ясно, когда еще общество не оказало своей силы, являли себя готовыми пристать, как скоро увидели бы, что достаточная военная сила может поддержать их[55].

Первое действие тайного общества было удостовериться, что все его члены будут равно** действовать общей его*** цели. Но здесь оказалось то же, что обыкновенно оказывается во всех человеческих делах. Многие члены вступили в общество, когда еще конечное его действие представлялось в неизвестной дали. Будучи его членами, они знали, что всегда будут поддержаны им и что это могло способствовать к их возвышению. Теперь, когда они**** не видели пользы для себя действовать сообразно видам такого общества, где члены, не имея никакой личной цели, стремились жертвовать собою единственно для блага своего Отечества и не предоставлявшего никаких личных выгод ни одному из своих членов. Многие, бывшие ревностными членами в молодости, охладели с летами. Теперь предстояло действие решительное, которое в случае успеха не представляло никаких личных выгод, с другой стороны, в случае неуспеха, грозило гибелью. Выгоднее было поддержать имеющего надежду получить престол и повергнуть себя и все свои способности и средст-

---

* В этом месте авторская ремарка: (+). См. прим[еч]. 2-е (2). Особая тетрадь». Однако этого примечания нет ни в особой тетради, ни среди примечаний к оригиналу рукописи.

** Далее зачеркнуто: «усердно».

*** Далее зачеркнуто: «пользе».

**** В оригинале далее: «достигли уже неизвестной степени и, когда открывались новые обстоятельства, они».

ва пред стопами того, от кого можно было надеяться наград и которому все предположения обещали успех*[56].

---

* Здесь примеч. автора: «Прим[еч]. к стр. 9. Многие из [в оригинале далее зачеркнуто: «спасшихся от ссылки»] оставшихся в России членов общества занимали после и ныне еще занимают важные должности в государстве [далее фамилии до Граббе вынесены на левое поле листа]: Вольховский (нач. штаба в Грузии), Гурко, Бурцов, Колошин, Михаил Муравьев, кн. Долгоруков, кн. Лопухин, Обручев, Граббе (ген.-адъют. — командовал на кавказской линии дивизией; Гурко заменил его и был начальником штаба Кавказского корпуса, ныне тож запасных войск); Мих. Горчаков—нач. штаба действующей армии; Ник. Ник. Муравьев — командовал корпусом; Мих. Ник. Муравьев — сенатор; Петр Колошин — начальник департамента; Илья Бибиков — при вел. кн. Михаиле Павловиче; Кавелин — военный ген.-губ. в С.-Петербурге; Литке — наставник вел. кн. Константина Николаевича. Не поминаю других, менее значительные должности занимавших. Л. В. Перовский[57] — министр внутренних дел; кн. Меншиков — член Общ[ества] р[усских] р[ыцарей], начальник штаба морского. Также не считаем Сергея Шипова, Ростовцева, Моллера— изменивших обществу, и кн. Долгорукова — отступившего из страха.

Здесь прилагаем список всех пострадавших[58]:
1. Якушкин. 2. Семенов. 3. Свистунов. 4. Муханов. 5. Мих. Орлов. 5. Кн. Волконский. 6. Фонвизин. 7. Лунин. 8. Нарышкин. 9. Бригген. 10. Никита Михайлович Муравьев. 11. Митьков. 12. Фаленберг. 13. Кн. Голицын. 14. Артамон Муравьев. 15. Александр Мих. Муравьев. 16. Александр Ник. Муравьев. 17. Осип Поджио. 18. Александр Поджио. 19. Кн. Фед. Шаховской. 20. Вас. Л. Давыдов. 21. Анд. Быстрицкий. 22. Сутгоф. 23. Якубович. 24. Кн. Оболенский. 25. Тизенгаузен. 26. [И. И.] Пущин. 27. Басаргин. 28. Кн. Щепин-Ростовский. 29. Вольф. 30. Кн. Барятинский. 31. Юшневский. 32. Ентальцев. 33. Арбузов. 34. Крюков 1-й. 35. Лорер. 36. Вадковский. 37. Розен. 38. Гр. Зах. Григ. Чернышев. 39. Соловьев. 40. Батеньков. 41. Спиридов. 42. Анненков. 43. Ивашев. 44. Кн. Трубецкой. 45. Вегелин. 46, 47, 48. Александр, Николай, Михаил Бестужевы. 49. Торсон. 50. Кн. Одоевский. 51. Муравьев-Апостол Матвей. 52. Муравьев-Апостол Сергей. 53. Каховский, 54. Пестель. 55. Бестужев-Рюмин Мих. 56. Рылеев. 57, 58. Михаил и Вильгельм Кюхельбекеры. 59. Веденяпин 1-й. 60. Веденяпин 2-й. 61. Заикин. 62. Репин. 63. Глебов. 64. Андреевич. 65. Андреев. 66, 67. Борисовы 1-й и 2-й. 68. Горбачевский. 69. Завалишин. 70. Мозалевский. 71. Мозгалевский. 72. Мозган. 73. Корнилович. 74. Люблинский. 75. Штейнгель. 76. Повало-Швейковский. 77. Крюков 2-й. 78. Киреев. 79. Тютчев. 80. Назимов. 81. Мих. Ив. Пущин. 82. Лихарев. 83. Бечаснов. 84, 85. Аврамовы 1-й и 2-й. 86, 87. Бр. Беляевы. 88. Лисовский. 89. Бар. Черкасов. 90. Толстой. 91. Булатов. 92. Поливанов. 93. Гр. Мусин-Пушкин. 94. Цебриков. 95. Бодиско. 96. Петр Пущин [Трубецкой ошибся: Петр Павлович Пущин, двоюродный брат декабриста И. И. Пущина, не был членом тайного общества и не привлекался по делу декабристов. Возможно, автор имел в виду Петра Бестужева, члена Северного обще-

Общество* видело себя ослабленным чрез отступление таких членов, которые бы непременно сделали бы значительный перевес по власти, которую чины, занимаемые ими в рядах гвардии, предоставляли в их руки**, но в то же время оно видело, что большая часть офицеров гвардии не верила возможности отречения Константина. Нелюбовь их к молодым великим князьям явно оказывалась в их разговорах, и те, которым общество открыло свои намерения, с восторгом оказали готовность действовать под его руководством. Все эти офицеры были люди молодые, никто из них не был чином выше ротного командира. Надобно было найти известного гвардейским солдатам штаб-офицера для замещания передавшихся на сторону власти батальонных и полковых командиров. Этот начальник нужен был только для самого первого начала***, чтобы принять начальство над собравшимися войсками. Был в столице полковник Булатов, который недавно перешел из Лейб-гренадерского полка в армию. Его помнили и любили лейб-гренадеры, а этот был одним из

ства, осужденного по XI разряду — *В. П.*]. 97. Дивов. 98, 99. Бобрищевы-Пушкины. 100. Выгодовский. 101. Шимков. 102. П-цов [в оригинале фамилия указана полностью — Песцов, но, видимо, это А. Пестов — член Общества соединенных славян. — *В. П.*]. 103. Сухинов [у Трубецкого Суханов. — *В. П.*]. 104. Ник. Тургенев. 105. Як. Толстой. 106. Игельстром. 107. Рукевич. 108. Гр. Коновницын. 109. Путята. 110. Фохт. 111. Кн. Рамоль-Сапега. 112. Фролов. 113. Раевский [имеется в виду Владимир Федосеевич Раевский — *В. П.*]. 114. Панов. 115. Громницкий. 116. Кривцов. 117. Берстель. 118. Норов. 119. Гр. Булгари [против № 117—119 помета: «креп[остные] работы». — *В. П.*]. 120. Загорецкий. 121. Краснокутский. 122. Чижов. 123. Фурман. 124. Шихарев. 125. Враницкий. 126. Оржицкий. 127. Кожевников. 128. Лаппа. 129. Мусин-Пушкин 2-й. 130. Акулов. 131. Вишневский. 132. Фок. 133. Ипполит Муравьев-Апостол. 134. Щепилло. 135. Казиков».

* В оригинале далее зачеркнуто: «увидевшее уже слабость свою прежде, теперь еще более».

** В оригинале далее зачеркнуто: «Нашло себя в необходимости искать подпоры в людях, не принадлежавших к обществу. Оно имело причину предполагать, что не только нижние чины, но также и многие из офицеров не поверят отречению нового императора; знали ненависть, которую имели в гвардии к обоим великим князьям. И на этом основании открылись многим офицерам гвардейским, из которых большая часть с восторгом приняла оказанную ей доверенность и все виды общества и оказала готовность действовать под его руководством».

*** В оригинале далее зачеркнуто: «когда соберутся».

полков, на который более надеялись. Булатов* согласился принять начальство над войсками, которые соберутся на сборном месте**[59].

Общество не имело опоры в старших чинах гвардии***. 2-е батальоны всех полков стояли не в городе, но в окрестностях и не могли принять участия. Из бывших в самом городе оба батальонных командира лейб-гвардии Финляндского полка, бывшие членами общества, отказали в содействии[60]. Лейб-гвардии Семеновского полка командир Шипов признался Трубецкому, что он дал слово вел. кн. Николаю привести к присяге свой полк, как скоро получит от него приказание; кроме членов из обер-офицеров присоединились все те, которые отозвались несогласием дать присягу новому императору, если Константин не объявит о том изустно перед войсками или изданным от себя манифестом. Манифесту нельзя верить в отсутствие Константина. Многим из таковых не было даже доверено о существовании общества, и они действовали просто по убеждению долга.

В полках Измайловском, Егерском, Лейб-гренадерском, Финляндском, в Морском экипаже и частью в артиллерии очень ясно в этом объяснились офицеры. Преображенского полка солдаты оказывали сильное нерасположение к Николаю. На кавалергардов можно также было несколько полагаться****, и потому план общества был следующий: воспользовавшись упорством солдат, не давать новой присяги, вывести полки и посредством их, собрав другие, заставить Сенат: 1) издать манифест для возвещения народа, в каких необычайных обстоятельствах находится Россия, и для приглашения выбранных людей от всех сословий для решения предстоящего затруднения[61].

Между тем стало известно, что имп. Константин сам не едет и не хочет дать от себя манифеста о своем отре-

---

* В оригинале далее зачеркнуто: «Было поручено».

** В этом месте авторская ремарка: «См. примеч. 3-е». Поскольку это примечание (со слов «Общество не имело опоры» и до слов «решения предстоящего затруднения») является скорее вставкой, оно введено непосредственно в текст.

*** В оригинале далее зачеркнуто: «Из всех пехотных полков, бывших в Петербурге, 2-е батальоны стояли в окрестностях по деревням, и потому они не могли принять в первый день никакого участия».

**** В оригинале далее зачеркнуто: «Гр. Милорадович очень знал, каков дух гвардейских офицеров, и потому всеми силами добивался манифеста Константина, но когда узнал, что не будет».

чении и передаче престола Николаю Павловичу. Обстоятельство очень затруднительное для последнего. Надобно издать манифест от собственного лица, но каким образом убедить в истине отречения и на каком праве основать свое вступление? Не будет ли оно иметь всех признаков похищения? Издать манифест именем Сената было бы действие самое законное и* народное, потому что народ привык получать все указы из Сената[62]; находили**, что это было бы предоставить такую власть Сенату, которая принадлежит одному только императору, а такой пример мог служить на будущее время поводом Сенату распоряжаться и самою верховною властью по своему усмотрению. В таких обстоятельствах решились издать манифест от лица императора, принимающего престол, и обнародовать письма Константина Павловича к покойному императору; начать присягу с военной силы и обязать гвардейских полковых командиров под личную ответственность, если они не сумеют преодолеть ожидаемого упорства подчиненных им полков. Гр. Милорадович, убедивший Николая*** в необходимости предоставить престол законному наследнику, видя странное действие Константина, решился теперь содействовать к преодолению препятствий о провозглашении Николая императором.

Тайное общество, хорошо извещенное о всех действиях великого князя и всего военного начальства, а также о мыслях офицеров и нижних чинов, проявлявшихся в их разговорах, распорядило действия свои сообразно этим сведениям. Оно знало, что трудно будет или даже и совсем невозможно уверить всех нижних чинов и многих офицеров, что Константин Павлович произвольно отказался от престола. Даже в народе**** признавали законным не Николая, а Михаила, как родившегося в то время, как отец был императором[63]. Одна привычка к безусловному повиновению и насильство могли заставить солдат присягнуть по требованию их начальников; а так как начальники полков большей частью были мало любимы

* В оригинале зачеркнуто: «самое».

** В оригинале далее вместо «находили»: «но это казалось для государя».

*** В оригинале зачеркнуто: «тотчас по известии о болезни Александра».

**** В оригинале далее зачеркнуто: «оспоривали законность Николая во всех случаях».

подчиненными и не имели их доверенности, то легко было поколебать их повиновение. Действительно, когда поутру 14 декабря выведены были в полках люди для присяги, то вообще они оказали недоумение и нерешительность, которые при первых словах* офицеров, изъявивших сомнение касательно законности требуемой присяги, обратились в явное упорство. Русский солдат так, однако ж, привык к слепому повиновению, что большая часть начальников успели удержать своих подчиненных. Но Фридерикс и Стюрлер, бывшие нелюбимы более прочих, и Карпов, не имевший никакого уважения подчиненных, не могли удержать вверенных их начальству.

Известно, что высшее военное начальство привыкло почитать русского солдата болваном, который поворачивается и идет туда, куда его направит начальник. Однако ж гр. Милорадович, собиравший в продолжение всего времени междуцарствия сведения о духе и расположении солдат и офицеров, убедился, что не легко будет заставить их присягнуть посредством манифеста, изданного от имени того лица, которое желает воссесть на престол. Граф тщетно добивался, чтоб этот манифест был издан тем императором, которому присягнули уже, и только в таком случае обещал, что порядок в столице не будет нарушен. Сомнения графа поколебали уверенность Николая, тем более что и он со своей стороны от приверженцев своих был предварен о расположении гвардии и о существовании тайного общества, намеревавшегося воспользоваться этим расположением**[64]. В ночь с 13-го на 14-е число полковой командир Преображенского полка[65] старался привлечь свой полк на сторону Николая Павловича. Это казалось тем необходимее, что гренадерский взвод роты его величества изъявил наклонность к сомнению в бытность свою во внутреннем карауле в день присяги. Кроме обещаний, роздана была большая сумма денег***, и поутру, когда выведен 1-й батальон и Николай Павлович, подъехав, спросил рядовых, хотят ли они его

---

* В оригинале далее зачеркнуто: «как бывших, так и не бывших в связи с тайным обществом».

** В этом месте авторская ремарка: «письмо Я. Ростовцева». В оригинале она отсутствует.

*** В этом месте авторская помета: «из артельных». В оригинале она отсутствует.

своим государем, они отвечали утвердительно. Тогда он приказал зарядить ружья и идти за ним*[66].

Происшествия 14-го числа и последующих дней известны. Казематов Петропавловской крепости недостало для помещения всех арестованных, взятых в столице и привезенных со всех сторон обширной Российской империи. Военное** сопротивление преодолено, и вся знать, все государственные чины и верховные правительственные места безусловно признали воссевшего на российском престоле. Никто не осмеливался изъявить мнения, что не-

---

* Далее в оригинале зачеркнутое автором примечание: «Пр[имеч]. к стр. 17. Пока происшествие 14 декабря происходило в столице, на всем пространстве России присягали в верности новому государю, одному вслед за другим, так что во многих местах были споры за церкви. Военные, получившие прежде приказы о присяге Николаю, оспаривали храмы у гражданских, которые в то же время присягали Константину. Но привычка к безусловному повиновению властям, какие бы они ни были, не допускала до дальнейших беспорядков. В 3-м только корпусе произошло возмущение, которое должно было утишить оружием[67]. Оно произошло следующим образом. В составе этого корпуса, независимо от тайного общества, известного в отчете Следственного комитета под именем Южного, существовало другое — под именем Славянского. Оно имело особое образование, особый образ действий, особую цель. Большею частью было составлено из обер-офицеров. На маневрах корпуса, бывших осенью 1825 года, оно было открыто Бестужевым-Рюминым и вошло с ним в некоторые сношения, но осталось неизвестным [далее зачеркнуто: «С.-Петербургскому северному»] первому тайному обществу. Когда получено было приказание об арестовании членов тайного общества на юге, в армии находившихся, то между прочими приказами было арестовать Черниговского пехотного полка подполк. Сергея Муравьева-Апостола. Он в этот день был в корпусной квартире и уехал оттуда в полк, в г. Васильков. Полковой командир Гебель [у Трубецкого здесь и далее — Гербель. — *В. П.*] был также в корпусной квартире и, получив приказание арестовать Муравьева-Апостола, поехал в Васильков для исполнения поручения. В полку это уже известно было; в нем некоторые офицеры принадлежали к Славянскому обществу. [Далее зачеркнуто: «Одна рота переходила из одних квартир на другие».] Роты собирались для присяги. Командовавший одною поручик Сухинов [у Трубецкого — Суханов. — *В. П.*] остановился на дороге, где должны были проехать Муравьев и Гебель, и, остановив обоих, не дозволил последнему привести в исполнение данного приказания. Между тем извещенные ротные командиры привели близ стоявшие роты, и когда полк. Гебель хотел [далее зачеркнуто: «заставить»] вновь приступить к исполнению своего поручения, офицеры на него напали, нанесли ему шпагами многие раны, а Муравьева принудили принять команду над полком, который весь скоро собрался»[68].

**В оригинале далее зачеркнуто: «Восстание подавлено».

правильность принятия скипетра в новые руки могла быть причиною бывшего сопротивления. Все приписано было злонамерению тайного общества, и члены его, также и все участвовавшие в происшествиях сих дней преданы были суду как злоумышленники и ослушники законной власти[69].

Все нижние чины, схваченные на месте битвы, были заключены в Петропавловской крепости. Все прочие лица приводились во дворец, и новый император сам всех допрашивал. На многих гнев его выражался ругательством. Кн. Оболенский был приведен с связанными руками; император обругал его и, обратившись к стоящим генералам, сказал: «Вы не можете себе вообразить, что я от него терпел». Кн. Оболенский был старшим адъютантом в дежурстве Гвардейской пехоты, а Николай Павлович, как великий князь, командовал одной из дивизий Гвардейской пехоты*. Многие из верноподданных сами спешили привозить к императору ближайших своих родственников, не дожидая, чтоб приказано было их взять. Так, Д. С.**. Ланской но дозволил родному племяннику жены своей, кн. Одоевскому, никакой попытки к избежанию ожидавшей его участи и, не дав ему ни отдохнуть, ни перекусить, повез во дворец. Супруга Ланского наследовала 2 тыс. душ от кн. Одоевского по произнесении над ним приговора. Были, однако ж, лица, оказавшие сострадание и человеколюбие. Кап.-лейт. Николай Бестужев, укрываясь от преследования, вошел в незнакомый ему дом и, пройдя ряд пустых комнат, очутился в кабинете одного знатного пожилого человека. Удивленный неожиданным явлением, N спросил Бестужева, чего он хочет, и, узнав, что он скрывается и голоден, запер его в своем кабинете, сам принес ему закусить, предложил денег и сказал, что скрыть его у себя не может, потому что имеет сына в гвардии, который непременно его выдаст, но проводит его сам из дому скрытно. Во время разговора услышали в ближайшей комнате голос сына, возвратившегося с не-

---

* В этом месте авторская помета: «См. примеч. 4-е». Это примечание (со слов «Многие из верноподданных» и до слов «успел в Кронштадт») в оригинале оставлено автором непосредственно в тексте, то же сделано и в настоящей публикации.

** Явная описка: не Д. С., а В. С. Ланской был женат на В. А. Одоевской, тетке А. И. Одоевского.

сколькими другими офицерами и резко изъявлявшего свое мнение против лиц, действовавших в сей день. Старик немедля вывел Бестужева, который успел уехать в Кронштадт[70].

Многие бежавшие с площади нижние чины и офицеры скрывались в доме тещи моей[71], и он был окружен с обеих сторон. Сестра тещи моей, кн. Б[елосельская-Белозерская], предложила ей ночлег в своем доме[72], а сестра жены моей, гр. Л[ебцельтерн], предложила в своем доме — жене моей и мне. Это после причтено мне было, как намерение укрыться в доме иностранного посланника[73]. Ночью с 14-го на 15-е число гр. Лебц[ельтерн] приходит меня будить и говорит, что император меня требует. Я, одевшись, вошел к нему в кабинет и нашел у него гр. Нессельроде в полном мундире, шурина его, гр. Александра Гурьева, который пришел из любопытства и с которым мы разменялись пожатием руки, и флигель-адъют. кн. Андрея Михайловича Голицына, который объявил мне, что меня требует император. Я сел с ним в сани, и, когда мы приехали во дворец, он в прихожей сказал мне, что император приказал ему потребовать у меня шпагу: я отдал, и он повел меня в генерал-адъютантскую комнату, а сам пошел доложить. У каждой двери стояло по трое человек. Везде около дворца и по улицам, к нему ведущим, стояло войско и были разведены большие огни. Меня позвали; император пришел ко мне на встречу в полной форме и ленте и, подняв указательный палец правой руки прямо против моего лба, сказал: «Что было в этой голове, когда вы с вашим именем, с вашей фамилиею вошли в такое дело? Гвардии полковник! Князь Трубецкой!.. как вам не стыдно быть вместе с такою дрянью? Ваша участь будет ужасная», — и, обратившись к генералу Толю, который один был в комнате, сказал: «Прочтите». Толь выбрал из бумаг, лежавших на столе, один лист и прочел в нем показание, что бывшее происшествие есть дело общества, которое кроме членов в Петербурге имеет еще большую отрасль в 4-м корпусе, и что дежурный штаб-офицер этого корпуса лейб-гвардии Преображенского полка полк. Трубецкой* может дать полное сведение о помянутом обществе[74]. Когда он прочел, император спросил: «Это Пущина?»

---

* В оригинале далее: «находящийся теперь в Петербурге».

Т. Б. ПОТЕМКИНА, урожд. Голицына, двоюродная сестра С. П. Трубецкого.

Неизвестный художник. Местонахождение оригинала неизвестно. Публ. по: Русские портреты, т. 3, л. 116

Толь: — Пущина.

Я: — Государь, Пущин ошибается...

Толь: — А! вы думаете, это Пущин? А где Пущин живет?

Я видел, что почерк не Пущина, но думал, что, повторив имя его, может быть, назовут мне показателя. На вопрос Толя я отвечал: «Не знаю».

Толь: — У отца ли он теперь?

Я: — Не знаю.

Толь: — Я всегда говорил покойному государю, ваше

величество, что 4-й корпус — гнездо тайного общества и почти все полковые командиры к нему принадлежат; но государю не угодно было верить.

Я: — Ваше превосходительство имеете очень неверные сведения.

Толь: — Уж вы не говорите, я это знаю.

Я: — Последствия докажут, что ваше превосходительство ошибаетесь. В 4-м корпусе нет никакого тайного общества, я за это отвечаю.

Император прервал наш спор, подав мне лист бумаги, и сказал: — Пишите показание, — и показал мне место на диване, на котором сидел и с которого теперь встал. Прежде, нежели я сел, император начал опять разговор: — Какая фамилия! Князь Трубецкой! Гвардии полковник! И в таком деле! Какая милая жена! Вы погубили жену. Есть у вас дети?

Я: — Нет.

Император, прерывая: — Вы счастливы, что у вас нет детей. Ваша участь будет ужасная! ужасная! — и, продолжав некоторое время в этом тоне, заключил: — Пишите все, что знаете, — и ушел в другой кабинет.

Я остался один. Видел себя в положении очень трудном. Не хотел скрывать принадлежности своей к тайному обществу, что и не привело бы ни к чему доброму, потому что ясно было из прочтенного мне и многих* исписанных листов, что более известно, нежели бы я желал. Но между тем я не хотел иметь возможность упрекать себя, что я кого бы то ни было назвал. И потому я в своем ответе написал, что принадлежу к тайному обществу, которое имело целью улучшение правительства, что обстоятельства, последовавшие за смертью покойного императора, казались обществу благоприятными к исполнению намерений его и что они, предприняв действие, избрали меня диктатором, но что я, наконец, увидя, что более нужно мое имя, нежели лицо и распоряжение, удалился от участия. Этой уверткой я надеялся отсрочить дальнейшие вопросы, к которым не был приготовлен**[75]. Пока я писал, вошел Михаил Павлович и подошел ко мне***,

* Далее зачеркнуто: «других». В оригинале далее: «исписанных разными почерками».

** Последняя фраза написана на поле.

*** В оригинале далее зачеркнуто: «Мне показалось, что он меня спросил, что я делаю? Я ответил: «Пишу».

постоял против меня* и отошел. Между тем приводили другие лица, которых расспрашивал Толь, которых потом выводили. Входил и император для допросов и уходил обратно. Когда я окончил писать**, подал лист вошедшему Толю; он унес его к императору. Несколько погодя Толь позвал меня в другой кабинет.

Я едва переступил за дверь, император — навстречу в сильном гневе: — Эк! что на себя нагородили, а того, что надобно, не сказали. — И, скорыми шагами отойдя к столу, взял на нем четвертку листа, поспешно подошел ко мне и показал: — Это что? Это ваша рука?

Я: — Моя.

Император, крича: — Вы знаете, что я могу вас сейчас расстрелять!

Я, сжав руки и также громко: — Расстреляйте, государь, вы имеете право.

Император, также громко: — Не хочу. Я хочу, чтоб судьба ваша была ужасная.

Выпихав*** меня своим подходом в передний кабинет, повторял то же несколько раз, понижая голос. Отдал Толю бумаги и велел приложить к делу, а мне опять начал говорить о моем роде, о достоинствах моей жены, о ужасной**** судьбе, которая меня ожидает, и уже все это жалобным голосом. Наконец, подведя меня к тому столу, на котором я писал, и подав мне лоскуток бумаги, сказал: — Пишите к вашей жене.—Я сел, он стоял. Я начал писать: «Друг мой, будь спокойна и молись богу...» — император прервал: — Что тут много писать, напишите только: «Я буду жив и здоров». Я написал: «Государь стоит возле меня и велит написать, что я жив и здоров». Я подал ему; он прочел и сказал: — Я жив и здоров буду, припишите «буду» вверху. Я исполнил[76]. Он взял и велел мне идти за Толем. Толь, выведя меня, передал тому же кн. Голицыну, который меня привез и который теперь, взяв конвой кавалергардов, отвез меня в Петропавловскую крепость и передал коменданту Сукину. Шубу мою во дворце украли, и мне саперный полковник дал свою шинель

---

* В оригинале далее зачеркнуто: «а я против него не более минуты, и он».

** В оригинале далее зачеркнуто: «ответ».

*** Так в рукописи.

**** Далее зачеркнуто: «участи».

на вате доехать до крепости. Здесь я несколько часов дожидался сначала в зале, потом в домовой церкви до тех пор, как отвели меня в №7 Алексеевского равелина. В церкви я горячо помолился, особенно при мысли, что, может быть, я более никогда уже не буду в храме божием.

Когда меня привели в назначенный мне № 7 равелина, велели раздеться и, оставя на мне только рубашку, портки и чулки, подали халат и короткие туфли, которые чрез несколько дней переменили на большие изорванные. Окно мое не было замазано подобно другим окнам; причины этому я никогда не мог узнать.

Окошечко в дверях, завешенное снаружи, давало возможность видеть меня во всякое время, а мне воспрещало видеть, что делается в коридоре. На ночь горела на окне лампада, которую зажигали, как скоро погасала. Мебель состояла из жесткой очень постели, маленького столика, стула и судна. Вечером подали свечу и щипцы, у которых обломан был кончик. Ножей и вилок не давали, посуда была оловянная. Чрез несколько дней жена моя прислала мне белья, и мне давали его в перемену[77]. Осматривали пристально, чтоб ничего не было остроконечного, даже булавки. Пищу давали: поутру чай с белой булкой; обедать суп или щи, говядину и кашу или картофель; вечером чай и ужин. В течение первых, не менее как шести, недель по ночам будили нас громким стуком; на вопросы о стуке не давали ответа, и вообще все вопросы почти всегда оставались без ответа или ответ был: «не знаю, не слыхал» и т. п. В течение дня и по вечерам прислужники подкрадывались тихонько в валенках или чем подобном, чтобы слышно не было их шагов, и украдкой посматривали в дверное окно. Случалось сначала* часто слышать и деревяшку коменданта[78], сопровождавшую ноги, обутые в сапоги и шпоры, и голоса, между которыми многие полагали похожий на голос императора. Однажды я довольно внятно слышал, как Сукин с уважением отвечал** и называл номера и сидящих в них.

17-го вечером пришел за мной плац-адъютант и принесли мне мой мундир. Я оделся, и меня отвели в дом коменданта, где я нашел ген. Левашова. Дорогой я, будучи в одном мундире, жестоко озяб, и, кажется, Лева-

* В оригинале далее: «довольно».
** В оригинале далее: «на вопросы».

шов принял дрожь мою за трусость, потому что он спросил меня, отчего я дрожу. Сказав мне по-французски, что он прислан от императора*, и прибавил: — Ah! mon Prince, vous avez fait bien du mal à la Russie, vous l'avez reculée de cinquante ans!**

Потом он стал спрашивать меня о составе и образовании Южного общества. На ответ мой, что я никаких сведений ему дать не могу, потому что сам их не имею, он мне прочел многие подробности, из которых я, к удивлению, увидел, что известен весь состав и все лица. (Я не знал, что Майборода сделал свой донос.)

Я: — Вы, генерал, гораздо больше знаете, нежели я; почти все, что вы мне читали, для меня ново.

Он: — Это не может быть, вы только не хотите сказать.

Я: — Если б и желал, то ничего не могу сказать, потому что ничего этого не знал.

Он: — Вы были на юге, и вы виделись с Пестелем.

Я: — Нет, я Пестеля не видел уже несколько лет. Могу ли я теперь об нем просить?

Он: — Он арестован. Если вы не хотите мне отвечать, то вы можете писать прямо к государю.

Спросив меня, принадлежит ли к обществу полк. И. М. Бибиков, и получив от меня отрицательный ответ, ген. Левашов меня отпустил. Мне показалось, что ген. Левашов не очень поверил моему утверждению о непринадлежности Бибикова к тайному обществу, и потому я, возвратившись в номер, спросил лист почтовой бумаги, перо и чернильницу и написал к Левашову письмо, в котором утверждал, что Бибиков положительно не принадлежал к тайному обществу и ничего не знал ни о существовании его, ни о 14-м числе[79].

В один из следующих дней пришел ко мне смотритель равелина старик Лилиенанкер с большим конвертом в руке и спросил меня, писал ли я к государю. На отрицательный мой ответ сказал, что кто-то писал из равелина и что, вероятно, он ошибся номером***.

23-го вечером приходит за мной плац-адъютант. Я

* В оригинале далее: «расспросить меня».

** Ах, князь, вы сделали много зла России, вы ее отодвинули назад на пятьдесят лет (*франц.*).

*** В оригинале далее: «и вышел».

оделся; меня повезли в дом коменданта. Войдя в комнату, я нашел сидящих за столом: в голове — военного министра Татищева, по правую его руку — вел. кн. Михаила Павловича, по левую — кн. А. Н. Голицына, возле них ген.-адъют. Голенищева-Кутузова, Бенкендорфа, Левашова, флиг.-адъют. полк. Адлерберга и 5-го класса Боровкова. Начались вопросы о 14-м числе, о цели и о средствах достижения цели его[80].

Я отвечал, что цель была доставить России правильное правление, воспользовавшись обстоятельствами, небывалыми в России; что мы уверены были, что войско не поверит манифесту, который не будет издан от лица государя, которому присягали, и упорство войска принести присягу хотели обратить к произведению в законоположении тех перемен, которые избавили бы Отечество наше на будущее время от переворотов, подобных Французской революции; что, когда сопротивление оказалось бы довольно сильное, вероятно, власть вступила бы с нами в переговоры, и тогда мы могли бы Отечеству своему доставить то, чего желали.

Вел. кн.: — Кто вступил бы с вами в переговоры?

Я: — Государь*.

Вел. кн. с гневом: — С вами? с бунтовщиками!? Это дело иностранное. На площади был кн. Шварценберг, от австрийского посольства.

Я: — Мы не допустили бы никакого иностранца вмешаться в наше дело. Оно должно было быть совершенно русское.

Вел. кн. — Как зовут секретаря графа Лебцельтерна?

Я: — Их несколько.

Вел. кн.: — Son secretaire particulier?**.

Я: — Я не знаю его имя.

Вел. кн.: — Как вы не знаете? Humlauer***.

Я: — Он не частный секретарь, но секретарь посольства.

Вел. кн.: — Все равно.

Продержав меня довольно долго, отпустили. Выходя в другую комнату, я увидел, что поспешно накинули кому-то, небольшого роста, на голову мешок, чтобы я не

---

* В оригинале далее вычеркнуто: «Николай Павлович».

** Его личный секретарь? *(франц.)*.

*** Хумлауер.

узнал. 24-го вечером опять потребовали меня[81], и я нашел то же собрание. Сегодня вопросы были многочисленнее: два, три человека спрашивали разные вещи в одно время с насмешками, колкостями, почти ругательствами, один против другого наперерыв.

Между прочими после разных вопросов о разговорах и совещаниях между членами до 14-го числа Бенкендорф спросил:

— Когда все было положено между вами, вы, возвратившись домой, поверили все княгине, вашей жене?

Я: — Нет, генерал. Я жене ничего не поверял, она знала не более, как и вы[82].

Бенкендорф: — Почему не поверить, это очень натурально. Когда любишь жену, то очень натурально поверить ей свои тайны.

Я: — Я не понимаю, какое вы имеете понятие о супружеской любви, когда полагаете, что можно поверить жене такую тайну, которой познание может подвергнуть ее опасности.

Бенкендорф: — Да что тут удивительного? C'est très naturel, que vous avez confié a votre femme les projets, qui vous occupaient, et il n'y a rien là qui doive étonner. C'est fort simple, si vous n'avez pas tout dit à la princesse, vous deviez necessairement lui confier, au moins, quelque chose*.

При каждом вопросе Бенкендорфа мое негодование возрастало и теперь возросло до высочайшей степени. — Je ne sais pas, General, comment vous aimez votre femme, mais ce que je sais moi, c'est que si jamais j'avais confié, à ma femme un secret, dont la connaissance aurait pu seulement la compromettre je me serais considéré comme un infâme**.

Левашов, который сидел последний ко мне и возле Бенкендорфа, поспешил теперь прервать разговор и, обратясь к нему, сказал: — Ecoutez Benkendorff, c'est tres-

* Это очень естественно, что вы доверяли вашей жене прожекты, которые вас занимали, и в этом нет ничего, что должно удивить, это очень просто. Если бы вы не говорили ничего княгине, то вы должны были ей доверить хоть что-нибудь (*франц.*).

** Я не знаю, генерал, как вы любите вашу жену, но сам я знаю, что если бы я когда-либо доверил моей жене тайну, знание которой могло ее скомпрометировать, я счел бы себя бесчестным (*франц.*).

probable, que le prince n'a voulu rien confier a sa femme et qu'elle n'a rien sú*.

Я, наконец, сказал: — Господа, я не хочу отвечать всем вместе, каждый спрашивает разное, извольте спрашивать меня по порядку, и тогда я буду отвечать.

Ген.-адъют. Кутузов-[Голенищев]**: — Нет, эдак лучше, скорее собьется.

Я: — Надеюсь, что не доставлю этого удовольствия вашему превосходительству. Я повторяю, что не могу отвечать, когда меня так спрашивают, как теперь. Все говорят, вместе наперерыв. Напали на меня, как на бешеную собаку. Вы требуете ответа о бывшем за несколько тому лет. Можно ли все припомнить в одну минуту. Если всем вам угодно иметь от меня ответы, задайте мне писаные вопросы, и тогда я буду отвечать.

Почти все: — Вот еще, отвечайте словесно.

Я: — Я не могу отвечать.

Вел. кн.: — Требование кн. Трубецкого справедливо. Задайте ему письменные вопросы и пошлите их к нему, чтобы он*** отвечал.

Члены согласились. Все встали. Кн. Голицын подошел ко мне и сказал: — Государь вами очень недоволен. Вы не хотите ничего отвечать, государю ваши ответы не нужны для узнания дела; все уже известно. Он желает видеть только вашу откровенность и что вы чувствуете милости его. Не заставьте принять с вами неприятных для вас мер[83].

Я: — Я уже сказал государю в первый день все, что касается моего участия, и готов пополнить все, что угодно будет его спросить. Но согласитесь, ваше сиятельство, что я не могу быть доносчиком.

Подошел военный министр и плачущим тоном стал уговаривать меня, чтоб я все открыл. Наконец меня отпустили, продержав очень долго. Я пришел в свой номер в**** изнеможении и стал харкать кровью.

---

* Послушайте, Бенкендорф, вполне возможно, что князь не захотел поделиться ничем со своей женой и что она ничего не знала.

** В оригинале далее: «с громким хохотом».

*** В оригинале далее: «письменно»

**** В оригинале далее: «совершенном».

На другой день Рождества Христова я был болен. Присланы вопросные пункты*, на которые отвечал[84].

Не помню, в какой день я получил запросы о письме, писанном чрез Свистунова в Москву к Степану Михайловичу Семенову. Отвечал, что уведомлял его о происшествиях, бывших в Петербурге[85]. Потом получил запрос: «Кем Семенов принят в общество?». Отвечал, что не знаю[86]. Вечером требуют меня в Комитет[87]. После различных вопросов о знакомстве моем и переписке с Семеновым и о принадлежности его к обществу** отвечал, что полагал его членом, но утвердительно сказать не могу, чтоб он был им. Говорят мне, чтоб я обернулся назад, и спрашивают, узнаю ли я Семенова? Я обернулся и увидел его за собою. Повторяют вопрос: «Этот ли Семенов принадлежал к обществу?» На повторный мой*** ответ, что я утвердительно сказать не могу, принадлежал ли он к обществу, Семенов возразил: «Как же, князь! Вы знаете, что я не принадлежал к обществу, вы меня в тайное общество не принимали, а с тех пор, как я уехал из Петербурга, вы знаете, где я был и что я там**** не мог быть принят никем».

Я: — Г-н Семенов говорит правду; я его никогда не принимал и не знаю, чтоб кто другой его принял.

Вопрос: — Вы писали к г-ну Семенову через Свистунова; вы писали к нему, как к члену тайного общества?

Я: — Что я писал г-ну Семенову, я мог писать и ко всякому другому знакомому, хоть бы он и не был членом тайного общества.

Вопрос: — Но ведь вы полагали г-на Семенова членом тайного общества и писали к нему не только чрез Свистунова*****, но и прежде с ним переписывались?

Я: — Наша переписка касалась единственно личных дел г-на Семенова.

Семенов: — Кн. Трубецкой знает, что, когда мы виделись с ним последний раз, я не был членом тайного об-

---

* В оригинале далее зачеркнуто: «и, сделав список первым членам Общества благоденствия».

** В оригинале далее зачеркнуто: «на которые вопросы я».

*** В оригинале далее зачеркнуто: «подобно прежнему, Семенов сказал, что он».

**** Далее зачеркнуто: «делал».

***** В оригинале далее зачеркнуто: «в Москву».

щества, это он может подтвердить. С тех пор я жил три года, отдален от всех моих знакомых.

Ген. Левашов, обращаясь к комитету: — Кн. Трубецкой не хочет доказать, что г-н Семенов принадлежит к тайному обществу, и я знаю почему. Г-н Семенов принял брата его, и кн. Трубецкой боится, чтоб г-н Семенов этого не объявил, когда он докажет ему, что он член тайного общества.

Я: — Предположение ген. Левашова несправедливо, ни один из моих братьев не принадлежит к обществу[88].

Левашов: — Ваш брат, который служит в Кавалергардском полку, член тайного общества[89].

Я: —Неправда.

Левашов, к Комитету: — Г-н Семенов воспитывал меньшого брата кн. Трубецкого и принял его в тайное общество.

Я: — Неправда. Брат мой, о котором говорит теперь ген. Левашов, не принадлежит к тайному обществу, и ни один из моих братьев не знает о существовании тайного общества.

Г-н Семенов приезжал из Москвы с моею мачехою и жил* у нее в доме, занимаясь меньшим моим братом, и если б он тогда был членом тайного общества, то не мог бы принять моего брата, которому было не более 15 лет. Тогда г-н Семенов не был членом общества, а после того он брата моего не видал.

После этого Семенов продолжал доказывать, что он не мог принадлежать к тайному обществу, опираясь более на том, что он был в разлуке с членами его, и на том, что изо всех он был более знаком со мною и что, кроме меня, никто по этой причине не мог бы его принять, а что я его не принимал, в этом он ссылается на меня. И вообще все свои ссылки на меня делал так ловко, что я должен был, по справедливости, все подтверждать. Наконец меня отпустили, оставив Семенова.

В другой раз призвали меня, также вечером, в Комитет, который я нашел этот раз полнее прежнего. Тут сидели кроме прежних виденных мною лиц г-да Дибич и Потапов[90]. Во все время говорил и допрашивал Дибич один. Пред Комитетом стоял Батеньков[91]. Требовали, чтобы я доказал, что Батеньков принадлежал к обще-

* В оригинале далее: «с полгода».

ству, и говорили, что 19 есть на то показаний. Я ответствовал, что доказать о принадлежности Батенькова не могу, потому что не знаю, чтоб кто когда его принимал, и сам никогда не говорил с ним об обществе, что я с ним очень мало был знаком; что раз я разговаривал с ним перед 14-м числом о странных обстоятельствах, в которых было тогда наше Отечество, и что этот разговор оправдывался бывшими тогда обстоятельствами, и не нужно было принадлежать к тайному обществу, чтоб разговаривать о таком предмете, который так много всех занимал.

Сидя в своем номере равелина, я дивился, что не имею* вопросов о членах общества на юге[92]. Раз только получил я бумагу, в которой было сказано, что полк. Пестель показывает одно обстоятельство, на которое требовали моего объяснения[93], и более никогда не поминали ни о ком из южных членов. Я не знал ни доносов Майбороды, Шервуда и Витта, ни восстания Черниговского полка и не мог разгадать такого молчания. Должен, однако ж, был заключить, что** Комитет имел сведения, важнейшие тех, которые бы мог*** ожидать от меня[94].

До масленицы я не получил никаких почти вопросов[95], исключая о принадлежности некоторых членов и о том, кем и когда они были приняты. На эти вопросы отзывался незнанием. Наконец в начале поста****, на 2-й неделе*****, пришел за мной плац-адъютант и в комнате, в которой собирался Комитет, я нашел ген. Чернышева и полк. Адлерберга. Первый держал в руках тетрадь в несколько листов, по которой предлагал мне различные вопросы, большей частью нелепые, по показанию будто бы многих членов общества, о пребывании моем за границей, действии там и знакомстве[96]. Адлерберг в это время рисовал на бумаге, пред ним лежащей, и, как мне многие сказывали, это было вообще его занятие во время допросов. Чернышев допрашивал с какою-то насмешкою. Продержав довольно, отпустили. На другой день я

* В оригинале далее: «никаких».
** В оригинале далее зачеркнуто: «правительство».
*** В оригинале далее зачеркнуто: «полагать получить».
**** В оригинале далее: «кажется».
***** В оригинале далее зачеркнуто: «я получил большую тетрадь».

получил огромную тетрадь, в которой* различные подробности о действии пред 14-м числом и о предположенном действии этого числа[97]. Большею частью допросные пункты были нелепы; между ими был: «кто вызвался нанести удар по моему предложению царствующему императору?». На этот вопрос следовало бы было просто отвечать, что этого никогда не было и что никто не вызывался, что была истина[98]. Но я, прежде нежели отвечать на него, вздумал намекнуть о нем в письме к жене моей (я каждый вечер посылал к ней письма чрез плац-адъютанта). На другой день, поутру, плац-адъютант принес мне письмо назад, сказав, что велено мне сказать, что не нужно подобных вещей писать, что они могут огорчить жену мою[99]. Тогда я в ответ на допрос написал, что такого ужасного допроса Комитет, вероятно, не сделал бы мне, если б кто-нибудь того не показал, и потому могут показателя спросить, чтоб он назвал того, кто вызвался, а я сам никого не знаю[100]. Рассуждение, которому я следовал**, было ложно: оно основывалось на уверенности, что Комитет и все действия его ничто более как комедия, что участь моя и всех прочих со мною содержащихся давно уже решена в уме императора и что как бы дело ни шло, мне суждено сгнить в крепостном заточении, и потому, если император будет по моим ответам заключать, что я упорствую в запирательстве, то заключение мое будет строже. Оттого я вздумал, не отвергая решительно показания, заставить обратиться к показателю, который не в состоянии будет поддержать своего показания, назвав небывалое лицо[101]. Я, кажется, в предположении своем кругом ошибся.

На прочие вопросы я отвечал подробно, когда касалось это собственно моих предположений или действий, стараясь избегать утверждения показаний на другие лица; при всем том вырвались у меня неосторожные слова на лейтенанта Морского гвардейского экипажа Арбузова***[102].

---

* В оригинале далее: «спрашивались».

** В оригинале далее: «сделав такой ответ».

*** В оригинале далее зачеркнуто: «К счастью, он заперся в том, что я на него показал [далее 4—5 слов не поддаются прочтению]. Их нельзя уже было вымарать, ни изорвать, потому что листы, которые давались на ответы, были занумерованы; но, к счастью, он заперся в том, что я на него показал, и когда спросили вновь моего подтверждения, я имел возможность поправить свою ошибку и отпереться от слов своих».

С. И. МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ.

Акварель художника Н. И. Уткина. 1819 г.
Государственный литературный музей, Москва

Чрез несколько* после сего пришел ко мне священник[103]. Он уже раз был у меня и, как мне казалось, хотел ко мне подладиться, но не довольно ловко, и я остался в сомнении относительно его мыслей и намерений. Теперь, казалось мне, представился случай узнать и те, и другие, и то, прямо ли он действует или хитрит? Для этого я ему рассказал о вопросе касательно лица им-

* В оригинале далее: «дней».

ператора и о моем на него ответе. По впечатлению, которое это на него сделало, я заключил, что он человек с хорошими чувствами. Он просил меня, чтоб я всякую ложь отвергал решительно. Потом он спросил меня, не хочу ли я принять исповедь, и на согласие мое сказал, что будет ко мне для принятия ее. Я, однако ж, ожидал его несколько недель, и он пришел уже только тогда, когда я перестал его ждать. С искренним чувством моего недостоинства приступил я к причащению крови и тела христовых, и чистая радость овладела в эту минуту душою моею, и упование на милость божию твердо вкоренилось в сердце моем. Исповедь моя, кажется, привязала ко мне священника, он меня полюбил и с этой поры довольно часто меня навещал. Он убедился, что все то, что он слышал про меня, была ложь и что я мог ошибаться на пути добра, но зла никогда на уме не имел и что находили нужным приписать мне злые умыслы для того, чтоб оправдать ту степень приговора, которому намерены были меня подвергнуть. В течение этого времени я не получал почти никаких запросов, и меня ничем Комитет не тревожил. Но 28 марта, после обеда, отворяют дверь моего номера и входит ген.-адъют. Бенкендорф[104], высылает офицера и после незначащих замечаний о сырости моего жилища садится на стул и просит меня сесть. Я сел на кровать.

Он*: — Я пришел к вам от имени его величества. Вы должны представить себе, что говорите с самим императором, в этом случае я только необходимый посредник. Очень естественно, что император сам не может же прийти сюда; вас позвать к себе — для него было бы неприлично; следовательно, между вами и им необходим посредник. Разговор наш останется тайною для всего света, как будто бы он происходил между вами и самим государем. Его величество очень снисходителен к вам и ожидает от вас доказательства вашей благодарности.

Я: — Генерал, я очень благодарен его величеству за его снисходительность, и вот доказательство ее (показывая на кипу писем жениных, лежавшую у меня на столе и которые я получал ежедневно)**.

---

* В оригинале текст разговора — на франц. яз.; местоимения «я», «он» — на русск. яз.

** В оригинале фраза, заключенная автором в скобки, — на русск. яз.

Он: — Да, что это!.. Дело не в том. Помните, что вы находитесь между жизнью и смертью...

Я: — Я знаю, генерал, что нахожусь ближе к последней.

Он: — Хорошо. Вы не знаете, что государь делает для вас. Можно быть добрым, можно быть милосердным, но всему есть границы. Закон предоставляет императору неограниченную власть, однако есть вещи, которых ему не следовало бы делать, и я осмеливаюсь сказать, что он превышает свое право, милуя вас. Но нужно, чтоб и со своей стороны вы ему доказали свою благодарность. Опять повторяю вам, что все сообщенное вами будет известно одному только государю, я только посредник, через которого ваши слова передаются ему.

Я: — Я уже сказал, генерал, что очень благодарен государю за позволение переписываться с моей женой. Мне бы очень хотелось знать, каким образом я могу показать свою признательность.

Он: — Государь хочет знать, в чем состояли ваши сношения с М. С[перанским][105].

Я: — У меня не было с М. С[перанским] особенных сношений.

Он: — Позвольте, я должен вам сказать от имени его величества, что все сообщенное вами о М. С[перанском] останется тайной между им и вами. Ваше показание не повредит М. С[перанскому], он выше этого. Он необходим, но государь хочет только знать, до какой степени он может доверять М. С[перанскому].

Я: — Генерал, я ничего не могу вам сообщить особенного о моих отношениях к М. С[перанскому], кроме обыкновенных светских отношений.

Он: — Но вы рассказывали кому-то о вашем разговоре с М. С[перанским]. Вы даже советовались с ним о будущей конституции России.

Я: — Это несправедливо, генерал, его величество ввели в заблуждение.

Он: — Я опять должен вам напомнить, что вам нечего бояться за М. С[перанского]. Сам государь уверяет вас в этом, а вы обязаны ему большою благодарностью, вы не можете себе представить, что он делает для вас. Опять говорю вам, что он преступает относительно вас все божеские и человеческие законы. Государь хочет, чтоб вы вашей откровенностью доказали ему свою признательность.

Я: — Мне бы очень хотелось доказать свою призна-

тельность всем, что только находится в моей власти, но не могу же я клеветать на кого бы то ни было; не могу же я говорить то, чего никогда не случалось. Государь не может надеяться, чтоб я выдумал разговор, которого вовсе не происходило. Да если бы я и был достаточно слаб для этого, надо еще доказать, что я именно имел этот разговор.

Он: — Да, вы рассказали кому-то об нем.

Я: — Нет, генерал, я не мог рассказывать разговор, которого не было.

Он: — Государь знает, что вы рассказывали его одному лицу, и он узнал об нем именно от этого лица.

Я: — Могу вас уверить, генерал, что это лицо солгало государю.

Он: — Берегитесь, князь Трубецкой, вы знаете, что вы находитесь между жизнью и смертью.

Я: — Знаю, но не могу же я сказать ложь, и я должен повторить вам, что лицо, имевшее дерзость сообщить государю о каком-то разговоре моем с М. С[перанским], солгало, и я докажу это на очной ставке. Пусть государь сведет меня с этим лицом, и я докажу, что оно солгало.

Он: Это невозможно, вам нельзя дать очную ставку с этим лицом.

Я: — Назовите мне его, и я докажу, что оно солгало.

Он: — Я не могу никого называть, вспомните сами.

Я: — Совершенно невозможно, генерал, вспомнить о разговоре, которого никогда не было.

В этом роде разговор продолжался еще долгое время, сначала по-французски, потом по-русски. Ген. Бенкендорф, стараясь меня уговорить рассказать мой разговор со Сперанским, а я, требуя очной ставки с доносчиком.

Наконец он ушел, потребовав от меня сей же час, чтоб я написал к нему все, что знаю о Сперанском, и сказав мне, что он будет ожидать моего письма в крепости. По уходе его от меня я думал, что напишу; наконец решился написать разговор о Сперанском, Магницком и Баранове, который был у меня с Батеньковым и Рылеевым, и, запечатав, отправил тут же в собственные руки Бенкендорфа[106].

Этот разговор я рассказал после исповеди священнику, который в свою очередь рассказал мне, что 29 или 30 марта возили полковника Батенькова во дворец[107]. Долго думав о том, кто бы мог сказать такую вещь императору, он, наконец, уверял меня, что это не из крепости выне-

сено, но что, наверное, кто сказал, тот вне крепости. Тогда я подумал, что это должен быть ген. Сергей Шипов, к которому теперь должно обратиться[108].

По смерти имп. Александра я поехал к Шипову, и мы вдвоем разговаривали о тогдашних обстоятельствах. Он сожалел, что брата его не было в городе, который со 2-м Преображенским батальоном стоял вне города, как и все 2-е батальоны гвардейских полков. С. Шипов говорил, что желает устроить так, чтоб можно было нам втроем поговорить. Чрез несколько дней я поехал к нему опять. Мне казалось, что он хотел избежать разговора, потому что он просил меня прослушать его проект о фурштатских батальонах[109]. Я скоро прекратил чтение огромнейшей тетради, сказав ему, что можем заняться важнейшим и поговорить о предметах, которые* ближе касаются нас. Он положил свою тетрадь, и мы снова стали говорить о тогдашних обстоятельствах и делать различные предположения о будущем императоре. Наконец, он сказал: «Большое несчастье будет, если Константин будет императором».

Я: — Почему ты так судишь?

Он: — Он варвар.

Я: — Но и Николай очень жестокий человек.

Он: — Какая разница! Этот человек просвещенный, а тот варвар.

Я: — Константин теперь не молод. С тех пор как он в Варшаве, он ведет себя совсем иначе, нежели вел себя в Петербурге. Говорят, жена его очень смягчила его нрав и почти совсем его переменила.

Он: — Нет, как можно сравнить его с Николаем; это человек просвещенный, европейский, а тот злой варвар.

Я: — Ты, может быть, ближе знаешь Николая, нежели я, и можешь лучше о нем судить. Я вижу, что Константину солдаты присягнули с готовностию, может быть, оттого, что они его не знают; десять лет он в отсутствии, а меньших братьев они ненавидят и очень худо об них относятся. Если Константин откажется, то трудно будет заставить солдат присягнуть Николаю. Ты можешь судить о том по тому, что было во внутреннем карауле в день присяги. У нас это новое, чтоб император, которому присягнули, отказался от престола. Каким образом заставить солдат поверить такому небывалому примеру, особенно если Констан-

* В оригинале далее: «теперь».

тин не приедет и лично не объявит солдатам, что он передает престол меньшому брату, то я не знаю, что из этого будет.

Он: — Я отвечаю за свой полк, я могу заставить своих солдат присягнуть, кому хочу.

Я: — Из всех полковых командиров ты, верно, один можешь это сказать; к прочим, кажется, люди не имеют такой доверенности.

Он: — Меня солдаты послушают. Я первый узнаю, если Константин откажется, мне тотчас пришлют сказать из Аничкова дворца; я тотчас привожу свой полк к присяге. Я отвечал за него, я дал слово.

Я: — Но можешь ли ты знать, что тебе скажут истину? Кажется, очень желают царствовать и в таком случае разве не могут прислать тебе сказать, что Константин отказался, и обмануть тебя? Ты приведешь полк к присяге, а окажется, что Константин не отказывался; что ты будешь тогда делать? Ты несешь голову на плаху.

Эти слова поразили Шипова; он отскочил от меня, потом спросил:

— Трубецкой, что ж делать?

Я продолжал: — Если даже Константин и откажется, то можем ли мы полагать, что все спокойно кончится? Ненависть солдат, дурное мнение, которое вообще все имеют о Николае, разве не может возродить сопротивления и не от одних солдат?

Он: — А разве есть что? Разве говорят о чем?

Я: — Я не знаю, но все может быть.

Он: — Трубецкой, у тебя много знакомых; ты многих знаешь в Совете, в Сенате. Если есть что, если о чем поговаривают в Совете, то, пожалуйста, уведомь меня.

Из продолжения разговора я видел, что Шипов передался совсем на сторону вел. кн. Николая и не с тем требует сведений, чтоб действовать в наших видах*. Это была для нас большая потеря, потому что Шипов был всегда членом, на которого полагались, и очень дружен с Пестелем. Он был полковой командир, и не только по словам его, но и по слухам был любим в полку, и хотя, может быть, слишком много приписывал себе власти на своих подчиненных, но, без сомнения, мог иметь довольно

* В оригинале далее зачеркнуто: «что с ним делать нечего».

влияния на умы их и, следовательно, сделать большой перевес на ту сторону, которую примет.

Долго я думал о разговоре с Бенкендорфом. Необычайная милость*, объявленная мне им от императора, приводила меня в недоумение. «Неужели я так ошибся в его нраве, — говорил я сам себе, — полагая его человеком жестоким, не имеющим ни доброты сердечной, ни великодушия, желающим власти единственно для удовлетворения своему властолюбию, а нисколько не для того, чтоб иметь возможность устроить благо подданных и владеть сердцами их посредством кротости и милосердия. Грубо, очень грубо ошибся я в нем; даже и тогда грубо ошибся, если милосердие, которое хочет он оказать нам, проистекает более от ума, нежели от сердца. Что должен заключить для себя из сказанного Бенкендорфом? Что меня и всех задержанных выпустят по окончании следствия? Всех восстановят в прежних званиях и достоинствах, а я думал, что меня запрут и я никогда не вырвусь из Алексеевского равелина? Когда меня водили в Комитет или баню, я всегда** изыскивал средства уйти, если определено будет мне вечное здесь заключение. Тяжела мысль быть вечно обязанным благодарностию человеку, о котором я имел такое худое мнение. А если он будет в рассуждении меня так великодушен, каковым представил его Бенкендорф, то я обязан буду посвятить ему все остальные дни моей жизни. Эти мысли бродили некоторое время в голове моей и тревожили меня; наконец я успокоился, убедив себя, что дело несбыточное, чтоб все так могло кончиться, как казалось из речей Бенкендорфа.

На 6-й неделе поста, не помню в какой день, а кажется, в четверг, приходит за мной плац-адъютант в необычайное время, скоро после обеда, и приносит мой мундир. Приглашает меня одеться с видом каким-то приятным***, как бы для предварения моего, что выход мой не принесет мне ничего, кроме удовольствия, и ведет меня в дом коменданта. Вхожу в комнату, и в объятия мои бросается

---

* Это слово есть в оригинале и выпущено в списке.

** В оригинале далее «рассматривал и».

*** *Примеч. автора:* «За несколько дней этот же плац-адъютант принес мне кусочек просвирки от имени моей сестры. Когда я развернул ее, он наклонился и с большим вниманием искал долго на полу. С удивлением я увидел, что он так старательно отыскивал булавку, которою была заколота бумажка».

сестра[110]. Она несколько уже дней имела позволение видеть меня, но лед на Неве препятствовал переехать в крепость, ныне это было возможно, и она воспользовалась дозволением, выпрошенным ею лично, когда откланивалась императрице, намереваясь отъехать в Москву. Сестра рада была меня видеть, между тем была грустна, хотя старалась скрыть грусть свою под улыбкою. Разговор наш не мог быть свободен, потому что комендант ген. Сукин все время сидел возле нас за столиком, на котором угощал нас чаем. Несколько раз за ним приходили, но он отлучаться не хотел; наконец доложили ему, что приехал от государя ген.-адъют. (кажется, Левашов), он и тогда сказал, что ему не время. Приехавший генерал пошел ходить по крепости* и опять требовал свидания. Сукин велел его позвать, а сам, дойдя до дверей комнаты и сказав ему одно слово, поспешил на своей деревяшке воротиться к занимаемому им месту. Сестра только успела в это время спросить меня, замешан ли я в покушении на жизнь императора. Я отвечал, что нет, но что, кажется, есть намерение меня замешать. Она отерла слезу, но сказать более ничего не могла, потому что комендант сидел уже на своем месте прежде, нежели я договорил ответ. (Я после узнал от жены моей, что ему было велено записать и представить весь наш разговор; сестра это знала и потому не смела говорить того, что бы хотела.) Пришло время расстаться нам, и со стороны сестры не обошлось без слез, мне также было грустно. Мы не надеялись больше видеться, она чрез несколько дней уехала в Москву. Я тогда не знал, что моя добрая сестра выпросила обещание свидания жене моей со мною.

Несколько дней провел я довольно спокойно в каземате, вспоминая свидание с сестрою. На страстной неделе, в два разные дня, я имел еще удовольствие получить вопросные пункты такого рода, ответы на кои должны были служить к облегчению судьбы тех лиц, кого они касались. Такой случай представился в первый раз и, следовательно, был для меня** отраден[111]. В одном вопросе спрашивали, почему я просил Рылеева, чтоб он не сообщал полковнику Глинке о наших намерениях[112]. В другом, — что кн. Оболенский ссылается на меня, что когда в 1823 году

---

* В оригинале далее: «потом возвратился».

** В оригинале далее: «очень».

Н. И. ТУРГЕНЕВ.

Литография Зенефельдера по рисунку М. Антонена.
Не позднее 1821 г.
Государственный исторический музей, Москва

приехал Пестель в Петербург и своими рассуждениями увлек его к признанию необходимости республиканского правления в России, то я отвратил его*, доказывая ему, что республику не иначе можно учредить, как истреблением императорского дома, чрез какое действие общество** поселило бы к себе омерзение и привело бы в ужас весь народ[113].

* В оригинале далее: «от этих мыслей, доказав».
** В оригинале далее: «неминуемо».

В понедельник на святой неделе я имел неожиданное счастье обнять мою жену[114]. Я не знал, что сестре моей было обещано позволение жене видеться со мною[115]. Нелегко изобразить чувства наши при этом свидании. Казалось, все несчастия были забыты, все лишения, все страдания, все беспокойства исчезли. Добрый, верный друг мой, она ожидала с твердостию всего худшего для меня, но давно уже решалась, если только я останусь жив, разделить участь мою со мной и не показала ни малейшей слабости. Она молилась, чтоб бог сохранил мою жизнь и дал мне силы перенести с твердостию теперешнее и будущее мое положение. Наше свидание было, подобно свиданию с сестрой, в присутствии коменданта, который, как будто бы для того, чтобы дать нам более свободы, притворился спящим в своих креслах. До сих пор я не имел никакой надежды увидать когда-нибудь жену мою, но это свидание заставило меня надеяться, что мы опять будем когда-нибудь вместе; и потому, может быть, час разлуки не так показался мне тягостен, как должно было ожидать.

Воспоминание о проведенных вместе часах сладостно занимало меня многие дни. Я благодарил бога от глубины души за то, что он милостию своею так поддержал ее и в чувствах и в наружном виде. Ничего отчаянного, убитого не было ни в лице, ни в одежде; во всем соблюдено пристойное достоинство. Вид ее и разговор с нею укрепили во мне упование в бога, и я с тех пор совершенно покорился воле провидения, предавшись всеми моими чувствами с полною покорностию всему, что ему угодно будет* послать в будущности.

Спокойствие мое было прервано. 8 мая призывали меня поутру к допросу[116]; я нашел одного Чернышева и Адлерберга, который по обыкновению рисовал и чертил на листе, перед ним лежащем. Чернышев с** язвительною, казалось мне, улыбкою объявил мне, что ответы мои на большой допрос, посланный мне в феврале[117], казавшиеся подробными и удовлетворительными, оказались пустыми (т. е. Комитет был ими недоволен потому, что они никого не запутывали). Он мне сделал много вопросов, по большей части вздорных. Если это было с показаний некоторых из подсудимых, то, должно быть, таких, которые не

* В оригинале далее: «мне».

** Далее зачеркнуто: «особенною». Этого слова в оригинале нет.

имели со мной никакого знакомства и знали меня только по дальним слухам. Так оно действительно и было. Некоторые слухи, которые были обо мне в Обществе славян (вовсе не бывшем мне известным и о существовании которого я не имел никакого сведения), были предложены как показания членов, и ни в чем не было не только истины, но и тени справедливости.

Несмотря на то, от меня потребовали письменных ответов, которые я и дал, получив на другой день письменные вопросы, из которых, однако ж, многие сделанные мне словесно были исключены. Напирали, однако ж, на намерение цареубийства. В этом случае я сослался на записку свою, которую в ночь с 14-го на 15-е я видел в руках императора и из которой ясно было видно, какие были мои намерения. В ней ничего похожего на такой умысел не было; напротив, определено вступить в переговоры с Николаем Павловичем и вступление на престол подвергнуть решению общего собрания доверенных людей всех сословий государства, собранных призывом Сената, следовательно, мы не принимали на себя никакой власти.

До сих пор я не имел ни с кем очных ставок. Наконец меня позвали, и я увидел себя пред Бриггеном, которого я полагал за границей[118]. Меня спрашивали*, от кого я слышал о ненависти к покойному государю Якубовича и о намерении его принести жизнь его в жертву этому чувству, основанному на личном мщении. Я имел неосторожность отвечать, что от полк. Бриггена. Меня заставили это при нем подтвердить, и, вероятно, это было причиною осуждения его на один год каторжной работы. Из слов Бриггена я увидел, что ему ставят в вину познание этого обстоятельства, но уже нельзя было отречься, потому что не мне одному было известно, что Бригген это рассказывал.

С лейтенантом Арбузовым я был счастливее. В допросе о нем вырвались у меня его слова: «если будут в нас стрелять, то мы пушки отберем». Наученный примером бывшего с Бриггеном, я отказался от этого показания, объявив, что если я сказал это на Арбузова, то это неправда[119]. Арбузов говорил мне**, что слышал мои слова, потому что ожидал возле в комнате очной ставки со мною.

В день преполовения[120] меня повели поутру дорогой

---

* В оригинале далее: «до того».
** В оригинале далее: «после».

очень кружной в нижнюю комнату комендантского дома, где я просидел до вечера в ожидании, но отпустили, не дав* очной ставки.

С этого дня пошло в Комитете очищение очными ставками всех сомнительных пунктов, и я имел очную ставку с Рылеевым по многим пунктам, по которым показания наши были несходны. Между прочими были такие, в которых дело шло об общем действии, и когда я не признал рассказ Рылеева справедливым, то он дал мне почувствовать, что я, выгораживая себя, сваливаю на него. Разумеется, мой ответ был, что я не только ничего своего не хочу свалить на него, но что я заранее согласен со всем, что он скажет о моем действии, и что я на свой счет ничего не скрыл и более сказал, нежели он может сказать.

Вид Рылеева сделал на меня печальное впечатление, он был бледен чрезвычайно и очень похудел; вероятно, мой вид сделал на него подобное же впечатление. Но его вид так поразил меня, что я сделал то, чего бы не должен был, а именно: я, по некотором оспаривании показаний его мнения о других лицах, не стал упорствовать и согласился, что он говорил то, чего я от него не слыхал, как и теперь в том уверен, и что, может быть, подвергло** строжайшему осуждению эти лица[121].

По соглашении предмета, по которому была у нас очная ставка, кн. А. Н. Голицын вступил с Рылеевым и со мною в частный разговор и продолжал его некоторое время в таком тоне, как будто мы были в гостиной; даже с приятным видом и улыбкой, так, что, вопреки всем дотоле бывшим убеждениям, пришла мне мысль, что, вероятно, кн. Голицыну известно, что дело наше не так худо кончится; что религиозный человек, каким он издавна почитался, не мог бы так весело разговаривать и почти шутить с людьми***, обреченными смерти. Разговор кн. Голицына касался различных предположений Рылеева, Пестеля, моих относительно Временного правления в случае, если б наша попытка удалась. Он разбирал различные предположения, говорил о Сперанском, Мордвинове, Ермолове, как о лицах, которых мы предполагали облечь временною верховною властию. Рассуждал о составе Пестелевой директории, шу-

* В оригинале далее: «ни с кем».

** Далее зачеркнуто: «их».

*** В оригинале далее зачеркнуто: «которых бы он почитал почти уже осужденными на».

тил мне, что Пестель, находя, что образ мыслей моих не сходен с его, не хотел иметь меня членом своей директории и оттого назначил мне министерство внутренних дел, а Сергею Шипову министерство военных сил[122]; и расспрашивал нас по этим предметам, рассуждал о лучшем, по его мнению, составе временной верховной власти, о различных мерах, которыми могла быть установлена конституция, и развивал суждения свои об этих предметах. Словом, он меня удивил несказанно. Я долго рассуждал о неизъяснимом для меня поведении кн. Голицына и старался объяснить его себе.

Между тем Рылеев имел свидание с женой, и после того имел случай уведомить меня о том запиской и сообщить мне, что жена его сама лично выпросила у императора свидание с мужем и просила ему помилования; получила соизволение на первую просьбу, а на вторую была успокоена словами: «никто не будет обижен»[123].

Потом опять чрез несколько дней Рылеев сообщил мне, что многие лица, особенно из сенаторов, требуют нашего осуждения, но что Сперанский* и Кочубей настаивают у императора на милость, к которой он очень склонен. Я не очень всем надеждам, которые, казалось, Рылеев имеет, доверял; но стало опять вкрадываться сомнение, что я, быть может, очень несправедлив был против Николая Павловича, полагая его человеком жестоким.

Последний запрос, который был мне принесен из Комитета, был следующий. В 1820 г., когда Пестель приезжал в Петербург, то многие собрания были у полк. Сергея Шипова и полк. Глинки, и на них рассуждали об образе правления, который предполагается учредить в России. Все единогласно, исключая полк. Глинку, согласились в том, что правлению следует быть республиканскому, причем Н. Тургенев сказал: «Un président sans phrases**. Меня спрашивали, точно ли сказал это Тургенев. Мне легко было отвечать, что я был за границей и не мог знать происходившего в то время***[124].

---

* В оригинале далее зачеркнуто одно слово, не поддающееся прочтению, возможно, какая-то фамилия.

** «Президента без дальних толков» *(франц.)*.

*** В оригинале далее зачеркнуто: «Никак не могу вспомнить, какую бумагу получил я почти в то же время и которая была довольно важная. В ответ на нее сделал также, как и теперь полагаю, верную ошибку».

Вероятно, ответы мои, каковы бы они ни были, ни в каком случае не изменили бы моего приговора. Я всегда был уверен, что он изречен заранее, и, кажется, в том не ошибся. Слова, сказанные мне самим императором, в том меня убеждали, но я думаю, что я не должен был допустить этой мысли овладеть столько мною, чтоб заставить меня отвечать с некоторою беспечностию на несправедливые обвинения. В последнюю половину моего заключения в равелине я совершенно покорился воле провидения и в твердом уповании на бога* рассуждал, что я себя своей защитою не спасу и чем она будет слабее, тем милость господня, в случае моего спасения, явится яснее. Эта мысль почти всегда владела мною, когда я должен был писать ответы. Под влиянием ее я и теперь** отвечал только на сделанный мне вопрос касательно другого лица и не хотел опровергать несправедливости, которая была сказана обо мне и которая была уже, как было видно из смысла бумаги, принята как дело решенное, но насчет которого от меня не требовалось никакого и прежде сведения, так что я удивился, увидев, что признан в том виновным[125]. Рылеев, узнав, что я получил запрос, прислал спросить меня, о чем дело. Я его уведомил и он отвечал, что оно ему известно.

Наконец начал проникать ко мне в тюрьму слух, что дело наше не кончится Комитетом, но что нас будут судить в Сенате. Солдаты между тем, стерегшие нас, уверяли, что все хорошо кончится для нас, что в бывшем 14 декабря происшествии сам император с главными лицами виноват, и ему нельзя нас наказывать. 5 июля*** подали мне мой мундир и повели в комендантский дом; в комнате, в которую ввели меня, я нашел новые лица, сидевшие за круглым столом: посредине — гр. Головкин, по правую руку — кн. С. Н. Салтыков (перед ним лежала толстая связка бумаг), по левую руку графа—сенатор Баранов и Бенкендорф — немного от всех поодаль. Сенатор Баранов спросил меня: «Ответы, писанные вами в Комитет, все ли писаны собственною рукою?» Кн. Салтыков молча показал на кипу, пред ним лежавшую. Я отвечал, что я все свои ответы писал сам, своею рукою[126].

* В оригинале далее зачеркнуто: «уверен был, что».

** В оригинале далее зачеркнуто: «не отвечал на верное обвинение».

*** В оригинале: «5 июня».

Баранов: — Итак, не угодно ли вам это подписать? — написали записку, которую подал мне Бенкендорф с особенною учтивостью, встал и подал мне стул. Я сел и подписал записку, которая заключала сказанный мною ответ, и меня тотчас отпустили*.

После этого дня я оставался в ожидании суда, как вдруг 10-го числа пришли за мной рано поутру и повели меня в комендантский дом[127]. Я нашел его наполненным часовыми, а в комнате, в которую меня ввели, — Артамона Муравьева и кн. Барятинского. Я удивился, увидев себя в их обществе, ибо полагал, что ничего не имею с ними общего. За мною вслед вошли два брата Борисовых, которых я ни лиц, ни имен, ни участия не знал. Удивление мое возросло. Муравьев, как скоро увидел меня, сказал мне: «Как я счастлив, что я с тобою».

Я: — Нисколько не радуюсь твоему счастию.

Муравьев: — Это значит, что моя судьба будет лучше, нежели я ожидал.

Я: — А я думаю, что ты жестоко ошибаешься.

Муравьев: — Нет, и я тебе скажу почему. Государь писал к твоей жене, что он участь твою облегчит[128]. Я это знаю от жены, которая получила, еще будучи в Ахтырке, письмо от гр. Самойловой, которая ей это писала**[129].

Я: — Я не верю, чтобы это была правда.

Муравьев: — Я тебя уверяю, что это точно было.

Тут я спросил Муравьева, кто были те лица, о которых я не имел никакого понятия. Он отвечал, что не знает. Барятинский сказал мне после, что Борисовы, но это мне ничего не разъяснило. Я дивился, что не вижу того, с кем ожидал быть. Наконец, пришел кн. Оболенский, и я увидел, что комната возле нас наполнена разными мундирами. Между тем в нашу вошли еще лица, мне совершенно неизвестные, но ни Рылеева, ни Пестеля не было.

Вдруг входит священник. Я к нему подошел, он меня отвел к окошку. Я его спросил, что это все значит? Он отвечал, что будут нам читать приговор и что мы осуждены в работу. Я изъявил ему удивление, что не вижу

* *Примеч. автора:* «Некоторые лица из подсудимых объявили, что ответы их были вынуждены противоестественными мерами: голодом, закованием в железа и т. п. Послан был к ним священник упрашивать их, чтобы они взяли назад это показание, и он в этом успел». Этого примечания в оригинале нет.

** В оригинале далее зачеркнуто: «тогда же».

Рылеева, Пестеля и других, кроме Оболенского. Он сказал: «Не пугайтесь того, что я вам скажу. Они будут приговорены к смертной казни, и даже их поведут, но они будут помилованы. Я хотел вас предупредить».

Меня обступили, хотели знать, что сказал ушедший священник. Между тем все назначенные в эту комнату собрались. Это были кроме меня и пятерых вышепоименованных еще майор Спиридов, Бечаснов, Якубович и Вадковский. Спустя некоторое время нас повели, и я, к удивлению своему, увидел себя поставленного пред бесчисленным собранием важнейших государственных чинов. В большом зале комендантского дома был поставлен покоем огромный стол. За ним сидели члены Совета, сенаторы, митрополиты и разные первых чинов люди, не принадлежавшие к сим государственным местам. Всем недостало места за столом, многие были сзади в глубине комнаты[130].

Торжественно прочли каждому из нас, начиная с меня, сентенцию Верховного уголовного суда (названного так). Все мы были* осуждены к отсечению головы, которая казнь императором уменьшена и изменена в осуждение в вечно на каторжную работу. Мне суждено было переходить от удивления к удивлению. Я не знал, что есть суд надо мною — теперь узнал, что он уже и осудил меня; я думал, что если будут судить меня, то или особой комиссией, или в Сенате — теперь узнал, что установлен для этого Верховный уголовный суд из Синода, Совета, Сената и присоединенных к ним различных особ; думал, что меня осудят за участие в бунте — меня осудили за цареубийство. Я готов был спросить: какого царя я убил или хотел убить? Нас отвели уже не в те казематы, где мы прежде сидели, но в Кронверкскую куртину. Мне достался № 23, пять шагов в длину и три в ширину; во всю длину проходила сквозь окно над головою железная труба из печи, стоявшей в глубине каземата, от которого был отгорожен мой номер**. Скоро услышал я вокруг себя человеческие голоса, и некоторые знакомые. Потом из-за перегородки*** вопрос соседа, желавшего знать, кто в его соседстве. Я не могу выразить, какое чувство радости овладело мною**** от того, что я, наконец, могу

* В оригинале далее: «приговорены им».

** В оригинале далее: «Через несколько часов».

*** В оригинале далее: «возле меня».

**** В оригинале далее: «при этом слухе».

разговаривать с подобными себе. Я узнал, что сосед мой Веденяпин, приговоренный* на поселение в Сибирь[131]. Мы разговаривали до глубокой ночи. Надобно было наконец лечь спать, но я не имел отдыха — крупные блохи заели меня, и только в 4-м часу от сильной усталости я мог заснуть ненадолго. Нас разбудили и велели одеваться. Мы услыхали шум у наших окон, звук цепей, людей проходящих. После узнали, что это были пять наших товарищей, осужденных на смерть, которых заранее вывели к приготовлявшейся для них виселице[132]. Сосед мой предостерегал** меня, чтобы я не надевал орденов и не застегивал мундирного воротника на крючки, потому что он узнал от служителя, что их будут с нас срывать. Я не хотел последовать его совету.

Когда рассвело, нас вывели и поставили посреди солдат Павловского полка, которые окружили со всех сторон. Здесь я увидел многих, кого не ожидал: Александра Николаевича Муравьева, Лунина, Фонвизина, Краснокутского и других. Последний сказал мне: «Вероятно, тебя много спрашивали обо мне, потому что я во всем на тебя ссылался». Ни в одной бумаге, ни же словесно меня об нем никто не спрашивал, и я полагал, что он даже не арестован. Помина об нем не было, равно как и о других вышепоименованных[133]. Когда свели нас всех вместе, то начали выкликать для разделения по роду службы. Я был поставлен сам-семь, и мы семеро[134] были приведены пред знамена лейб-гвардии Семеновского полка. После барабанного боя нам прочли вновь сентенцию, и профос начал ломать над моею головою шпагу (мне прежде велено было стать на колени). Во весь опор прискакал генерал и кричал: «Что делаете?». С меня забыли сорвать мундир. Подскакавший был Шипов[135]. Я обратил голову к нему, и вид мой произвел на него действие Медузиной головы[136]. Он замолчал и стремглав ускакал. Вид знамен того полка, в котором я некогда служил, возбудил во мне воспоминание моей службы в нем, Кульма, за который были даны знамена; я их видел в руках людей, не имевших на них право, тогда как заслужившие были в гонении и рассеяны по всей армии. Эта мысль возбудила во

---

* В оригинале далее написано поверх строки и зачеркнуто: «в солдаты».

** В оригинале: «предупредил».

мне* чувство негодования. Довольного труда стоило профосу сорвать с меня мундир, он так хорошо был застегнут, должно было изорвать в клочки, шпагу также не подпилили и, ломая ее, довольно больно ушибли мне голову. Все наши доспехи сложены были в костры, сожжены, а нас одели в полосатые халаты и отвели обратно в казематы. Мы заметили столбы на валу одного бастиона кронверка. Это была виселица, но которая не имела еще перекладины; и в нашем отделении казни товарищей мы видеть не могли, ибо прежде вошли в крепость. Народу было немного. Уже в своем номере я узнал от соседа своего, что наших товарищей повесили, о чем он узнал от прислуживавшего унтер-офицера. Я верить не хотел; но пришедший священник подтвердил эту весть. Рассказывал о их смерти, которая его тронула до глубины души. Он и теперь и после не мог говорить о них без глубокого умиления, особенно о Рылееве, Муравьеве и Пестеле. Последний просил его благословения, хотя и был другого исповедания[137]. У двух первых оборвались веревки, и Чернышев закричал, чтоб скорее повторили над ними казнь[138]. Священник сказал мне, что он ежеминутно ожидал гонца о помиловании и, к крайнему своему удивлению, тщетно.

Мысль о казни товарищей заставила меня забыть свое положение; я ни о чем ином не мог думать.

Принесли письмо от жены, которая уведомляла меня, что она вслед за мной едет в Сибирь. Тогда я понял многое, что мне темно было в ее письмах. Она давно к этому готовилась, но страшилась, чтоб я не был осужден на смерть. Она знала, что многие требовали моей казни и нескольких других, за мною следовавших[139]. Говорят, что Николай Павлович не согласился на нее. Может быть, он хотел сдержать то, что заставил меня именем своим написать к жене моей, что я буду жив**.

На следующий день, т. е. в четверг, духовник наш пришел приобщить нас всех святых тайн.

В пятницу, 12-го[141], я виделся с женою моею у коменданта. С нею приехала моя теща и оба мои брата. Этого

---

* В оригинале далее: «сильное».

** *Примеч. автора:* «15 генералов, в числе которых были Головин и Башуцкий, ездили просить государя, чтобы большее число было осуждено на смерть»[140].

Списокъ арестантамъ по секретнымъ казематамъ содержащимся въ Алексеевскомъ Равелинѣ, при С. Петербургской крѣпости состоящемъ.

Генваря 29 дня 1826 года.

93

Когда арестован		№ номеров
1825 Декабря		
14	Сивиннисъ, Поручикъ Л. Кир. Ея Величества полка	2
14	Князь Щепинъ-Ростовскій, бывшій Штабсъ-Капитанъ Л. Гв. Московскаго Полка Закован въ р. желѣза	6
14	Сутгофъ, Поручикъ Л. Гв. Гренадер. полка	10
14	Рылеевъ, въ чинѣ подпоручика Правит. Канцеляріи Россійско-Американской Компаніи	17
15	Арбузовъ, Лейтенантъ Гвард. Экип. Закован въ р. желѣза	11
15	Князь Трубецкой, Полковн. Л. Гв. Преображ. Полка	7
15	Князь Оболенскій, Поручикъ Л. Гв. Финлянд. Полка Стар. Ад. вел. Гвард. Пѣхоты Закован въ р. желѣза	въ офицерскихъ покояхъ
16	Никол. Бестужевъ, Капит. Лейт. 8-го флот. Экипажа	15
17	Пущинъ, Кол. Ассесоръ служ. въ Моск. Надворн. Судѣ	5
17	К. Одоевскій, Корнетъ Л. Гв. Коннаго Полка	16
18	Бестужевъ, Шт. Кап. Л. Гв. Моск. Полка Закован въ р. желѣза	14
1826 Генваря		
3	Пестель, Полковникъ Вятск. Пѣх. Полка	13
14	Якушкинъ, Отстав. Капитанъ Закован въ Руч. и Ножн. Желѣза	1
15	№ 4-й Арестантъ, Князь Волконскій Генер. Маіоръ	4
20	Муравьевъ-Апостолъ, Подполковникъ Черниг. пѣх. Полка	8
25	Кюхельбекеръ, Коллежскій Ассесоръ	12
27	Князь Яблоновскій	9
	Всего въ Алексеевскомъ Равелинѣ арестантовъ 17	

Комендантъ Генералъ Адъютантъ Сукинъ

СПИСОК АРЕСТОВАННЫХ, СОДЕРЖАВШИХСЯ В СЕКРЕТНОЙ ТЮРЬМЕ АЛЕКСЕЕВСКОГО РАВЕЛИНА НА 29 ЯНВАРЯ 1826 г.

ЦГАОР, ф. 48, оп. 1, д. 28, л. 93

свидания описать нельзя. Жена впилась в меня, братья бросились в ноги и обнимали колена; и теперь при воспоминании их любви слеза навертывается на глаза. Теща также была очень нежна и много плакала. Я возвратился в свою тюрьму в большом волнении, часть ночи не спал — писал письмо, которое хотел отдать жене при первом свидании[142], другую часть — от блох. Наконец изнеможение навело сон. Поутру встав, я стал разговаривать с солдатом, как вдруг кровь хлынула горлом и пошла как из кувшина. Поспешно прибежал лекарь; дал мне всю нужную помощь. Кровь остановилась, волнение продолжалось, но не столь сильное; слабость овладела всем телом.

В понедельник перевели меня в № 3 Невской куртины, мне жаль было расстаться с соседом и с голосами знакомыми вокруг меня[143], но я был слишком слаб и сам не мог принимать участия в разговорах[144]. В четверг встал я с постели и мог сделать несколько шагов по комнате довольно большой. В пятницу старались укрепить мои силы пищею и лекарством, которым лекарь снабдил меня и в запас. Вечером велели приготовиться к отъезду и уложить присланное платье, белье и пр. и ночью повели в дом коменданта. Я здесь встретился с Волконским и Борисовым, с которыми должен был вместе ехать.

Камердинер Сукина провел меня в кабинет своего господина, который сказал мне, что он хочет проститься со мною, отдал поклон от Маврина и сказал мне, что я найду в Пелле* жену мою, которая туда уже отправилась, что в крепости он не мог мне дать с нею другого свидания.

Потом, вышед к нам, объявил, что император приказал отвезти нас в Сибирь, в каторжную работу, закованными. Нам надели кандалы и посадили в телеги с жандармами.

В Пелле я нашел жену мою и брата Александра, княгиню С. Г. Волконскую с сыном[145]. Жена сказала мне, что она завтра же за мной выезжает; мы пробыли вместе часа два и расстались[146]. Свежий воздух укрепил меня, и, невзирая на скорую езду и тряску кибитки, я приехал в Иркутск совершенно здоровый**.

---

* *Примеч. автора:* «Пелла — 1-я станция по дороге в Сибирь чрез Кострому».

** Последующий текст отделен автором чертой.

Заключение

Отчет, напечатанный правительством по окончании следствия, произведенного составленным на то Тайным комитетом[147], представил тогдашнее действие общества как какое-то безрассудное злоумышление людей порочных и развратных, сумасбродно желавших только произвести в Отечестве смуты и не имевших никакой благородной цели, кроме ниспровержения существовавших властей и водворения в Отечестве безначалия*.

К несчастью, общественное устройство в России еще и по сих пор таково, что военная сила одна, без содействия народа, может не только располагать престолом, но и изменить образ правления. Достаточно заговора нескольких полковых командиров, чтоб возобновить явления, подобные тем, которые возвели на престол большую часть царствовавших в прошлом веке особ. Благодаря промыслу, ныне просвещение распространило понятие, что подобные дворцовые перевороты не ведут ни к чему доброму. Что лицо, сосредоточивающее в себе власть, не сильно устроить благоденствие народа в теперешнем его быту; но что только усовершенствованный образ государственного устройства может со временем** покарать злоупотребления и притеснения, неразлучные с самодержавием; лицо, им облеченное, какой бы оно ни горело горячей любовью к Отечеству, не в состоянии поселить этого чувства в людях, которым оно по необходимости должно уделять часть своей власти. Нынешнее государственное устройство не может всегда существовать, и горе, если оно изменится через восстание народное. Обстоятельства, сопровождавшие восшествие на престол ныне царствующего государя, были самые благоприятные для введения нового порядка в государственном устройстве и безопасного участия народного, но высшие государственные сановники или не постигли того или не желали его введения. Сопротивление, которое можно было ожидать по духу, овладевшему гвардейским войском, должно было ожидать, не имея благодетельного направления, должно было разрешиться беспорядочным бунтом. Тайное общество взяло на себя*** обратить его к лучшей цели.

---

* Далее в оригинале и списке две строчки отточий.
** В оригинале далее зачеркнуто: «изменить».
*** В оригинале далее зачеркнуто: «руководствовать им».

ПРИБАВЛЕНИЯ К ЗАПИСКАМ
(«РАЗНЫЕ ОТРЫВКИ»)

[*1840—1850-е гг.*]

I. Со времени вступления дома Романовых на российский престол малая только часть государей наследовала его спокойно, по праву своего рождения; но большая часть перемен царствований была следствием насилия или обмана. Никоторое из них, однако же, не было сопровождено такими происшествиями, которыми ознаменовано было начало нынешнего царствования*.

Торжественный суд произнес приговор над участвовавшими в нем. При всем том, однако же, многие обстоятельства остались неизвестными народу; они или не открыты Следственной комиссией или скрыты правительством с намерением.

История со временем откроет все тайные обстоятельства этого дела; но цель этих записок не есть та, чтоб они могли служить материалами для будущего историка России.

Я их оставляю детям моим, чтоб они знали, почему они родились и взросли в Сибири и почему они не наследовали тех прав состояния, которые принадлежали их родителям.

Видя в малолетстве своем родителей своих в состоянии, отличном от прочих людей, они не могли давать себе отчета в причинах, поставивших их в это состояние. Когда же придут в возраст, то будут слышать различные суждения о них и будут в недоумении, что самим делать[1].

Быв свидетелями правильной, благочестивой жизни родителей своих, им может в возрасте прийти мысль укорять провидение в несправедливости, а правительство в угнетении невинности. Молодые их умы не в состоянии будут согласить мысли, внушенной им в воспитании, что все в мире случается по благой воле провидения; они могут в уме своем оспоривать эту благость, а такой образ мыслей с их стороны был бы для нас верхом несчастья, и потому необходимо для них прочесть в сих записках, что именно привело их отца в то положение, в котором они

---

* Далее в оригинале и списке зачеркнуто: «Эти происшествия всем известны. Они происходили в виду всего государства».

видели его во время своей юности, и тем убедиться, что истинное благое и справедливое провидение предает человека той судьбе, которую он сам себе устроил*.

Ты же, друг мой, который знавал и любил меня в так называемые счастливые лета моей жизни, который, я надеюсь, сохранил и поныне истинную ко мне дружбу, хотя она со временем нашей разлуки ничем не могла изъявиться, ты имеешь полное право на всю мою доверенность[2]. Тебе в этих записках откроются без малейшего укрывательства все чувства, владевшие** мною в этих обстоятельствах, которые истинная моя дружба заставляла меня оставлять для тебя тайною. Ты знаешь, что никогда не слыхал от меня слова, которое поставило бы тебя в затруднение между нами бывшею дружбою и тем, что ты почитал долгом, как гражданина. Ты был для меня слишком дорог, чтоб я захотел подвергать тебя той опасности в политической жизни, которой сам подвергался. И я уверен, что ты в сердце своем отдаешь мне полную справедливость, хотя, может быть, и приходила иногда мысль, что, имея и в этом доверенность к тебе, я избегнул бы судьбы, меня постигшей.

С младенчества*** вскоренено в сердце моем****, что промысел божий ведет человека ко благу, как бы путь, которым он идет, ни казался тяжел и несчастен. Эта уверенность не уменьшилась, но укрепилась с тех пор, когда обстоятельства***** приняли оборот, для****** постороннего зрителя несчастный. В течение этого времени я имел случай познать всю благость вышнего промысла и научился благословлять его за все посылаемое счастье и несчастья. Я убежден, что если б я не испытал******* превратности судьбы и шел бы беспрепятственно блестящим путем, мне предстоящим, то со временем бы сделался недостоин милостей божьих и утратил бы истинное достоинство человека. Ныне же я благословляю десницу божью, проведшую меня по тернистому пути и тем очистившую серд-

---

* Нижеследующий абзац вычеркнут автором и в оригинале и в списке.

** В оригинале: «руководившие».

*** В оригинале далее: «моего».

**** В оригинале далее: «уверенность».

***** В оригинале далее: «моей жизни».

****** В оригинале далее: «всякого».

******* В оригинале далее: «жестокой».

це мое от страстей, им обладавших, показавшую мне, в чем истинно заключается достоинство человека и цель человеческой жизни, и между тем наградившую меня и на земном поприще ни с каким другим не сравненным счастьем семейной жизни и неотъемлемым духовным благом — спокойствия совести.

II. Солдаты гвардейских полков, как уже сказано[3], не ожидали никакой перемены в престолонаследии. Они с уверенностью ожидали приезда императора, которому присягнули. Подсылаемые в полки люди с распущением слуха о возможности отречения Константина были солдатами худо принимаемы. Разведывание, произведенное офицерами, принадлежавшими к обществу или содействовавшими ему, убедили их, что солдаты не будут согласны дать новую присягу, что только изустное объявление Конст[антина], что передает престол брату, может уверить их в истине отречения его. Полки, из которых имели известия, были: Измайловский, Лейб-гренадерский, Финляндский, Московский, Морской экипаж и частью артиллерия. Сверх того, Преображенский очень был нерасположен к Н[иколаю] П[авловичу].

План действия был основан на упорстве солдат остаться верными императору, которому присягнули, в чем общество и не ошиблось, и составлен был следующим образом: как скоро собраны будут полки для новой присяги и солдаты окажут упорство и не захотят или будут колебаться дать ее, то офицеры будут стараться вывести их с дворов, на которых они собраны будут, и первый полк с барабанным боем должен идти к другому, который к сему пристанет. Таким образом надеялись иметь не только те полки, на которые считали, но увлечь и другие*. Лейб-гренадерский должен был прямо идти к Арсеналу и занять** его. Собранным полкам собраться на Петровской площади и заставить Сенат издать манифест, в котором прописаны чрезвычайные обстоятельства, в которых находилась Россия, и для разрешения которых приглашаются в назначенный срок выборные люди от всех сословий для утверждения, за кем остаться престолу и на каких основаниях***.

* Следующая фраза написана в обеих рукописях на поле.
** В оригинале зачеркнуто: «овладеть им».
*** В оригинале далее зачеркнуто: «Между тем Сенат должен был».

2*. Учредить Временное правление, пока не будет утвержден новый император общим собранием выборных людей[4]. Общество намеревалось предложить Мордвинова, Сперанского и Ермолова. Срок службы военной для рядовых уменьшить до 15 лет. Временное правление должно было составить проект Государственного уложения, в котором главные пункты должны быть: учреждение представительного правления по образцу просвещенных европейских государств и освобождение крестьян от крепостной зависимости. По обнародовании Сенатом манифеста войско** должно было выступить из города и, притянув к себе вторые батальоны полков, расположиться в окрестностях. Это было условие, на котором обещано чрез Батенькова содействие некоторых членов Государственного совета, которые требовали, чтоб их имена остались неизвестными***[5].

Утром 14-го, когда все полки выведены были для прочтения нового манифеста и принесения новой присяги, солдаты почти всех полков изъявили недоверчивость, как то было предвидено не одними членами общества, но и непосредственно начальством, которое старалось узнать дух солдат. Но они большую часть настаивали в отрицательном упорстве. Только Московские, лейб-гренадеры и Морской экипаж последовали за некоторыми из своих офицеров. Предположение общества не было выполнено, и выведенные полки прямо сошлись, каждый сам по себе, перед Сенатом. В других полках не было офицеров, которые достаточно пользовались**** доверием солдат, и люди хотя уперлись в неповиновении требованиям военных властей, но полки простояли смирно во фронте и не пристали к действовавшим, хотя полки и признавались, что очень желали присоединиться (и нет сомнения, что если б возмутившиеся полки не были до ночи рассеяны, то все пехотные полки, исключая Преображенского и Семеновского, к ним присоединились). Всегда и везде в подобных случаях нужно, чтоб кто-нибудь дал толчок и тем вывел из бездействия.

Гр. Милорадович хотел уговорить возмутившиеся вой-

---

* П. 1 опущен, и сразу идет п. 2.

** В оригинале далее зачеркнуто: «вся гвардия должна была».

*** В оригинале далее зачеркнуто: «Они оказывали опасение, чтоб не было беспоряд[ков]».

**** Далее зачеркнуто: «уважением».

ска покориться, но один из членов общества, из не служащих (Каховский), выстрелил из пистолета и ранил смертельно. Два митрополита присланы были увещевать войско, но их просили удалиться. Атаки Конной гвардии были безуспешны. Наконец, несколько выстрелов картечью рассеяли непокорных. Артиллеристы не хотели палить и ген. *Сухозанет** сам должен был приложить фитиль к первому орудию[6].

Рассеянное войско разбрелось по дворам домов в окружности Сената, и утром 15-го все было захвачено и препровождено в Петропавловскую крепость. Туда же отправлены были все офицеры и другие лица, взятые на площади или после арестованные. Но прежде все, кроме нижних чинов, представляемы были во дворец, где Ник[олай] Пав[лович] сам их допрашивал. Последствия содержания их в крепости, исследование Тайного комитета, Верховный уголовный суд, наряженный из трех высших государственных сословий: Синода, Совета и Сената, к которым были присоединены особые еще лица и который судил, не призвав пред себя подсудимых, и приговор, произнесенный им, всем известны. Сколько же в последовавшей его резолюции царствующий император последовал собственному побуждению и сколько в оном принадлежит влиянию чуждому, остается и, вероятно, останется всегда тайною**.

---

* Вынесено на поле примеч. автора: «Ошибочно, то был офицер, названный в книге Корфа».

** *Примеч. автора:* «(Выноска)[7]: Известно следующее: 1) Императрица Мария Федоровна получила, как сама сказывала (между прочим, Карамзиной, жене историографа), в Москве от Николая Павловича письмо, в котором он ее успокаивал и обещал, что по приговору не будет пролито крови. 2) 9 июля вечером, поздно, накануне объявления осужденным высочайшего приговора, Опочинин был у императора в Красном селе, и он сказал ему, что [далее зачеркнуто: «убивать»] в своей конфирмации он удивит всех своим милосердием. 3) Упрашивали, чтоб смертный приговор был утвержден над *9 человеками*, стоявшими во главе списка (9-м был кн. Оболенский, на которого особенно злились) [фраза в скобках написана в оригинале рукописи на поле карандашом, в списке она введена непосредственно в текст]. В числе их был Трубецкой, которому Николай Павлович по сделанному 15 декабря у себя в кабинете допросу и пред отправлением в крепость подал четверть листа бумаги, приказал написать к жене, что он жив и здоров *будет*, и когда Трубецкой ограничился одними словами, что жив и здоров, то он повторил приказание написать: *буду*».

III. Россия стояла на высочайшей степени славы[8]. Последняя война породнила ее с Европой. Успехи образования в этой части света имели более, нежели отголосок в России. Тесная связь, соединившая все европейские государства и укрепленная Священным союзом, заключенным сильнейшими государями, обещавшими всем народам усовершенствования государственных постановлений сообразно степени того просвещения, которое в последние годы развилось в Европе; признание ими представительного правления за необходимость века, введение его во Франции, в некоторых частях Германии и в Царстве Польском, доказывавшее, что она не есть принадлежность одной Англии, — все это заставляло полагать, что и обширная Российская империя не всегда будет управляема* на существовавших тогда началах. Император Александр не раз выражал** убеждение свое в превосходстве представительного правления над самодержавным. Он по соизволению своему ввел его в Царстве Польском, обещав распространить и на польские губернии, прежде к Империи присоединенные. Еще ранее, оставив Финляндии прежний образ ее правления, ввел*** его Выборгской губернии. Наконец, дал свободу крестьянам губерний: Выборгской, Эстляндской, Лифляндской и Курляндской. Россияне не имели права надеяться, что не одним завоеванным ими народам суждено пользоваться правами свободы, не доступной для одних русских. Государь в речи своей Сейму Царства Польского не помянул о России, вероятно полагая ее еще не созревшею к принятию представительного правления. Следовательно, требовалось приготовить к тому собственно русских, сделать их способными к принятию его и к понятию истины, что все граждане, какого бы сословия они ни были, имеют равные права на одинаковое покровительство закона; что закон должен быть не изъявлением воли одного или даже и многих лиц, но выражением потребности для сохранения общественного порядка в лучшем его виде.

Тридцать лет протекло от начала Французской революции. Ужасы ее, причины их, последствия, деспотизм Наполеона, порабощение народов были предметом внима-

---

* Далее зачеркнуто: «произволом одного лица».
** Далее зачеркнуто: «в речах своих».
*** Далее зачеркнуто: «возвратил».

ния мыслящих людей. Подобные события, при сходных обстоятельствах, смогли повториться во всякой другой стране. Язва крепостного состояния крестьян располагает Россию к большим бедствиям в случае внутренних беспокойств (как был тому пример во время Пугачева), нежели всякое другое европейское государство.

Развитие промышленной образованности, не соединенное с развитием нравственного в той же степени просвещения, могло заставить крепостных с нетерпением сносить свое состояние, тем более что слухи о желании государя дать свободу крестьянам должны были представить помещиков как единственное препятствие к получению ее.

Мысль поставить Россию на ту степень просвещения, на которую она имела право по политическому своему положению в европейском мире, и сохранить ее от бедствий, могущих ее постигнуть при крутом повороте, которого никакое правительство ни предвидеть, ни остановить не в состоянии и который может быть последствием одного только несовершенства финансовой системы в то время, когда потребности государства увеличились, — вот цель, которая представлялась обществу, и к ней должны были стремиться его усилия*.

Россия представляла обширное государство, составленное из частей разнородных. Разные части, разные поколения, их обитающие, имели различные права, различные законы, различную веру. Состояние высшего класса, т. е. дворянства, почти во всех частях одинаковое, но состояние низшего, простого народа, весьма различное: в Финляндии — свобода, в народах магометанской веры и идолопоклоннической — тоже; в Прибалтийских губерниях — только что она возникла; в Царстве Польском — существовала в законе, но не на самом деле; одни только христиане, и то большею частью православные, подчинены необузданной почти воле помещика. Крестьяне казенные, великороссийские и украинские, так называемые казаки, — одни из русских не несут помещичьего ига, но и не пользуются правами свободного состояния. Положение

* Далее зачеркнуто: «Для выполнения ее нужно было исследовать, в чем состояли недостатки ее правления и откуда они происходили. Виною их были ли: обветшалый образ ее правления, устройство ли общественного порядка, характер ли народа в такой же мере. Выполнить ее казалось возможно не иным путем, как воспитанием, так сказать, народа».

крепостных крестьян также весьма не ровное: одни оброчные, другие пахотные, третьи фабричные, четвертые и то, и другое, и третье вместе. Никакая мера, никакой закон не определяет повинности. Помещик налагает ее по произволению. Из оброчных сажает на пашню, если ему рассудится, или, отрывая от земли, заводит фабрику. Несчастные жители арендных имений, и даже многих помещичьих в Белоруссии, Литве и Польской Украине, живут почти круглый год месячною дачею, не имея ничего собственного. Пьянство одно — отрада их, и от него лучший доход помещика. Государственные доходы — основанные на безнравственности народа. Правосудие — продажное. Взятки — должный доход чиновника. Вот зло, с которым должно было вступить в борьбу, и чрез его только истребление можно было надеяться водворить в Отечестве благосостояние. Этот подвиг общество поставило себе обязанностью*, и устав долженствовал быть составлен так, чтоб вел к выполнению его. Достигло ли того общество сочинением его, есть вопрос, которого я решить не берусь, но думаю, что если вполне не достигло, то, по крайней мере, не удалилось от предмета своей цели.

Вас[илий] Андр[еевич] Жуковский, которому он был впоследствии предложен для чтения, возвращая его, сказал, что он заключает в себе мысль такую благодетельную и такую высокую, для выполнения которой требуется много добродетели, и что он счастливым бы себя почел, если б мог убедить себя, что он в состоянии выполнить его требования, но что, к несчастью, он не чувствует в себе достаточной к тому силы.

ЗАМЕЧАНИЯ НА ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТА В. И. ШТЕЙНГЕЛЯ

А. СВОД ЗАМЕЧАНИЙ, ПОДГОТОВЛЕННЫЙ ДЛЯ Е. И. ЯКУШКИНА[1]

[Не ранее августа 1857 — не позднее февраля 1858 г.][2]

Дни, протекшие между известием о кончине имп. Александра I и восшествием на престол Николая, описаны были

* Далее зачеркнуто: «и каждый член признавал необходимостью показать собою пример».

тотчас многими иностранцами и потом рассказаны самим Николаем, что видно из книги, напечатанной бароном Корфом под заглавием «Восшествие на престол императора Николая I»[3].

Сущность рассказов как в этой книге, так и во всех иностранных тогдашнего времени одна и та же, т. е. что вел. кн. Николай Павлович употребил все зависевшие от него средства, чтоб побудить старшего своего брата цесаревича Константина Павловича принять принадлежащее ему наследие, но все усилия его остались тщетными, и он вынужден был сесть на царство.

Сверх того, бар. Корф говорит, что Николай Павлович вовсе не знал ничего о духовном завещании, которым Александр Павлович назначил его своим преемником.

Не входя в разбор всех этих повествований, ни источников, откуда они почерпнуты, расскажу просто, что слышал своими собственными ушами и видел своими собственными глазами в это столь замечательное и тревожное время, положившее начало царствованию, которое, в продолжение 30 лет ослепляя Россию насчет ее силы и могущества, окончилось унижением, от которого она отвыкла и которому верить не могла[4].

В Петербурге жил тогда частным человеком действ. стат. сов. Федор Петрович Опочинин. Он был некогда адъютантом цесаревича и по выходе в отставку остался его другом. Помещение имел с семейством в Мраморном дворце, а летом в Стрельнинском. Сблизившись с Федором Петровичем и его женой за границей, я оставался с ними в самых коротких отношениях. Они жили, ограничиваясь малым кругом тесного знакомства. Приехав в первых числах ноября 1825 г. на короткое время в Петербург, я с ними виделся почти ежедневно. Когда я приехал к нему 26 ноября, он рассказал мне, что вел. кн. Николай Павлович, как скоро получил известие о болезни императора Александра Павловича, пригласил к себе председателя Государственного совета князя Петра Васильевича Лопухина, члена Государственного совета князя Александра* Борисовича Куракина и военного генерал-губернатора с.-петербургского графа Михаила Андреевича Милорадовича и представлял им, что в случае кончины императора он по праву, уступленному братом его

* Автор ошибся, правильно Алексей.

И. Д. ЯКУШКИН.
Акварель художника Н. И. Уткина. 1816 г.
Музей А. С. Пушкина, Москва

Константином Павловичем, и по завещанию Александра должен наследовать престол, от которого цесаревич отказался при вступлении в брак с польской девицей Грудзинской, княгиней Лович. Гр. Милорадович решительно возразил, что вел. кн. Николай не может вступить на престол, что законы империи не дозволяют государю располагать престолом по духовному завещанию, что воля Александра об изменении престолонаследия оставалась до сих пор тайною для народа, так, как и отречение цеса-

ревича, что Александр не объявил воли своей всенародно, что во всем государстве признается наследником Константин Павлович, что если покойному государю угодно было, чтоб наследовал после него вел. кн. Николай, то он должен был при жизни своей объявить его наследником и что, наконец, ни народ, ни войска не согласятся на нарушение прав законного наследника и припишут дело измене, тем более что и государь, и законный наследник в отсутствии, и гвардия решительно откажется принести присягу Николаю в таких обстоятельствах, и оттого неминуемо последует возмущение в столице, которого нечем будет утушить. Совещание продолжалось до 2 часов ночи[5].

Странно, что Корф пишет в своей книге, что гр. Милорадович приехал к вел. кн. с известием о болезни имп. Александра вечером 25 ноября. Накануне были именины моей жены, у меня было вечером довольно гостей, между прочими Рылеев. Он сказал мне первый, что есть известие из Таганрога, что Александр отчаянно болен[6].

25-го я должен был выехать из Петербурга и остался единственно для того, чтоб знать, чем разрешится болезнь*.

27-го числа, поутру, я поехал во дворец и взошел по известной, так называемой комендантской лестнице и был крайне удивлен, нашедши в комнате, отделяющей церковь от внутреннего пехотного караула, графа Милорадовича, отдававшего тихо, но так, что я мог слышать**, приказание коменданту Башуцкому разослать плац-адъютантов по караулам с приказанием привести их к присяге. На расспросы мои о случившемся узнаю, что был молебен по случаю курьера, привезшего известие, что императору лучше, и что во время молебна другой фельдъегерь привез известие о его кончине[7], почему молебен был прекращен недоконченный и ожидается собрание членов Государственного совета. Побеседовав несколько с Годеином и Кавелиным — адъютантами Николая Павловича — о случившемся, я пошел в зал, прилежащий тому, где Совет собирался; там собралось также несколько любопытных, от которых я узнал, что кн. А. Н. Голицын, сопровождаемый несколькими другими лицами (кем именно, не упо-

* Весь этот абзац написан в нижней части страницы более мелким почерком и отделен сверху чертой.

** Последние семь слов вписаны поверх строки.

мню), пронес на малиновой бархатной подушке золотой или позолоченный ковчежец, в котором хранилось духовное завещание покойного государя, что, когда* открыто было заседание, кн. Голицын объявил членам, что есть, как известно им, завещание Александра, на котором собственною его рукою написано: *хранить в Государственном совете впредь до моего востребования, а в случае моей кончины раскрыть прежде всякого другого действия в чрезвычайном собрании.* На объявление кн. Голицына гр. Милорадович отвечал, что в знак уважения к памяти покойного императора должно исполнить его волю, но что касается до престолонаследия, то духовное завещание, не обнародованное при жизни императора и оставшееся до кончины его государственною тайною, не может иметь никакого влияния на изменение положительного закона государственного о наследстве; что законным наследником есть и остается старший по покойном государе брат—цесаревич Константин Павлович, и он по праву уже есть император.

По принесении завещания оно было вскрыто и прочтено; тогда адмирал Мордвинов, вставая, сказал: «Теперь пойдемте присягать новому императору Константину Павловичу». Члены Совета отправились все вместе в покои вел. кн. Николая Павловича, и мы, все любопытствовавшие, поспешили в комнаты, чрез которые нужно было пройти великому князю к императрице вдовствующей, и видели, как он прошел к ней. Оттуда я прошел к большой церкви. Здесь новая открылась сцена: в комнату, занимаемую внутренним караулом, бывшим от роты его вел. лейб-гвардии Преображенского полка гренадерского взвода, поставлен был налой с крестом и евангелием. Солдаты спросили, что это значило, и на ответ, что будут приводить к присяге, они спросили: «К какой присяге?» Им отвечали: «Новому государю». Тогда поднялся ропот, *и головной* сказал, что у них есть государь и они присягать другому не будут; им объясняли, что государь скончался; они отвечали, что не слыхали даже, чтоб он был болен. Комендант Башуцкий и потом дежурный генерал Потапов напрасные делали усилия уговорить их и уверить их в истине, они слушать ничего не хотели до тех пор, как вел. кн. Ни-

---

* Далее зачеркнуто: «Совет был собран».

колай, вышед из церкви*, не рассказал им о болезни и смерти государя, прибавил, что он сам только что сейчас принес присягу новому императору Константину Павловичу. Тогда спокойствие восстановилось, и караул** молча присягнул.

Когда я все это посмотрел во дворце, то поехал узнать, что происходило в Сенате. Нашел Сенат уже пустым. Сенаторы все разъехались, оставались только обер-прокуроры Александр Васильевич Кочубей и Семен Григорьевич Краснокутский.

Они с негодованием мне рассказали, что сенаторы присягнули по словесному приказанию министра юстиции. А на вопрос мой о хранящемся конверте с списком духовного завещания отвечали, что по спросу, что с ним делать, министр приказал его прислать к нему.

Через несколько дней после, разговаривая со мною, сенатор Иван Матвеевич Муравьев-Апостол рассказал мне, что он в этот день, сидя в присутствии возле товарища своего Митусова, начал было говорить об этом конверте, на что Митусов отвечал: «Это Сибирью пахнет».

27 ноября***, когда я приехал к Ф. П. Опочинину, я его не застал дома, а жена его Дарья Михайловна (дочь фельдмаршала Кутузова-Смоленского) сказала мне, что за ним прислал Николай Павлович. Я долго ждал его возвращения; наконец, когда он приехал, то сказал нам, что вел. кн. посылает его в Варшаву и что он выедет, как скоро получит письма от вел. кн. Николая. Рано вечером я еще раз заехал к нему; его опять потребовал вел. кн. и просил неотступно собраться поскорее. Между тем он еще ожидал некоторых писем от императорской фамилии и, получив их, поздно уже ночью выехал. Он выразил мне в разговоре, что надеется, что Константин Павлович не откажется от наследства, вспоминая, что когда дело шло об его отречении, то он всегда говаривал, что, без всякого сомнения, император проживет долее его. Опочинин встре-

---

* Далее зачеркнуто: «объявил им, что точно получено известие».

** Далее зачеркнуто: «безропотно».

*** Сначала написано: «В этот день», потом переправлено на «30 ноября», затем вместо зачеркнутого «30» сверху написано «27».

тил на пути вел. кн. Михаила Павловича и возвратился в Петербург 28-го вечером*; на другой день снова уехал с новыми письмами. Уезжая, он сказал мне, что употребит все усилия, чтоб уговорить Константина приехать в Петербург[8]. После его отъезда Дарья Михайловна уже говорила мне о своем убеждении, что Константин откажется от престола, что он часто говаривал, что если б он был императором, то его задушили бы, как задушили отца.

Мой рассказ совершенно противоречит всему, что было писано иностранцами и что повторено в предшествующей статье; он столь же мало согласуется с книгой, изданной г-ном Модестом Корфом. Но если он неверен в тех местах, где я рассказываю только слышанное, то за это я ответственности брать на себя не могу; я рассказал, что слышал от человека, имевшего все средства знать истину, а обманывать ему меня не было никакой надобности. Что же касается до виденного и слышанного мною самим, то в нем я ничего, кроме истины, не передаю. Почему виденное и слышанное мною несогласно с тем, что я читаю, это решать не мое дело. Верю очень, что вел. кн. Николай мог заставить себя провозгласить императором от членов Совета, Сената и двора, хотя многие его и не желали, но робость противников его в выражении их мыслей заставляет меня оставаться в уверенности, что никто из них не осмелился бы явно противуречить. Сверх того, надобно признаться, что Константин был не такая находка, для которой нашлось бы много охотников порисковать своею безопасностью. Один граф Милорадович смел бестрепетно высказывать свои убеждения и противиться всякому незаконному поползновению. Он держал в своих руках судьбу России и спас столицу от общего и всенародного возмущения, которое непременно бы вспыхнуло, если б тотчас после кончины Александра потребована была присяга Николаю. Если Николай добровольно покорился убеждениям графа, то заслужил признательность Отечества, но если б он захотел силою добыть престол, то не сомневаюсь, что не нашел бы в графе Милорадовиче себе сообщника.

Граф, узнав из писем Константина к Николаю, которые были (как и Корф признается) так писаны, что их нельзя было напечатать, граф, говорю, увидев из этих пи-

* Переправлено, было: «26 (27) декабря».

сем, что Константин не принял присяги, все еще сдерживал нетерпеливых и домогался правильного отречения от Константина.

«Для предводительства инсуррекции избрали кн. Трубецкого, бывшего деж. шт.-оф. Гвардейского корпуса».

Трубецкой был дежурным штаб-офицером 4-го армейского корпуса, которого штаб-квартира была в Киеве. С 1819 года он оставил гвардейскую службу и приехал в Петербург всего на несколько дней. Остался долее только потому, что получено было известие об опасной болезни императора и чтоб дождаться дальнейших известий. Будучи* незнаком гвардейским офицерам и солдатам, он не мог быть избран начальствовать, и за отказом некоторых полковых командиров из членов общества[9] выбор пал на полковника Булатова, который только что назначен был командиром армейского полка, из батальонных командиров Лейб-гренадерского. Он, как говорили, был любим солдатами**[10].

В примечании о побуждениях гр. Милорадовича, заставлявших его желать, чтоб царствовал Константин, взнесено на графа незаслуженное им подозрение корыстолюбивых надежд. Это непростительно в отношении человека, действовавшего в это критическое время прямо и благородно. Конечно, граф мог ожидать, что если дело, как слишком видимо было, должно кончиться воцарением Николая, то этот не простит ему оказанной оппозиции. Мнение же высказанное, будто бы известная щедрость Константина могла быть побуждением гр. Милорадовича стоять за Константина в надежде зажить еще расточительнее, вовсе не заслуживает никакого уважения, тем более что никогда Константин не считался таким щедролюбивым[11].

До подписания сентенции человек пятнадцать генералов ездили просить императора, чтоб не щадил виновных и предал бы их смертной казни. В особенности просили,

* Далее старательно зачеркнуто больше строки.
** Вариант этого отрывка см. на с. 308 наст. т.

чтобы кн. Оболенский не был пощажен. Этим поступком хвалился генерал Головин перед племянницею своей жены Н. Д. Фонвизиной, и на замечание ее, что набожный человек, каким он себя выдавал, не должен был этого делать, он отвечал: «Кровью очищается земля»[12].

В примечании о Лунине сказано, что он отвезен в Акатуевский рудник «за написанное им для иностранных газет и перехваченное повествование о деле тайного общества». Это несправедливо[13].

Лунин был в постоянной переписке с сестрою своею Екатериной Сергеевной Уваровой. В письмах своих он постоянно рассуждал о разных правительством предпринимаемых мерах и распоряжениях и не щадил лиц, занимавших высшие правительственные места, не задевая, впрочем, нисколько высочайшей особы, а, напротив, подсылая ей иногда фимиам. Несмотря на то, ему запрещено было предписанием от III Отделения писать в продолжение целого года «за неуместные рассуждения и самохвальство». Когда год запрещения минул, Лунин написал снова письмо к сестре и вложил его в конверт на имя гр. Бенкендорфа, шефа жандармов, при письме к нему, в котором изъяснял, что он по незнанию, что именно могло не нравиться правительству в прежних его письмах, может снова навлечь на себя опалу, почему просит графа взять на себя труд лично просматривать его письма. Это письмо к Бенкендорфу он написал по-французски в самых вежливых выражениях.

Разумеется, ответа он не получил никакого и продолжал с тех пор писать еженедельно к своей сестре. Письма были такого же содержания, как и те, по которым последовало запрещение. Между этими письмами некоторые имели общий интерес и были переведены на русский язык. Тетрадку, таким образом собранную, дал Громницкий читать одному казачьему офицеру Черепанову, который дал также ее для прочтения чиновнику особых поручений при генерал-губернаторе Руперте Успенскому; другие говорят, что Успенскому не давал ее Черепанов, но что Успенский ее утащил. Дело в том, что когда она попалась последнему в руки, то он сделал на Лунина донос Руперту, бывшему тогда в Петербурге. Руперт доложил через Бенкендорфа императору, и Лунин был схвачен внезапно и уве-

зен в заточение в казарму, назначавшуюся прежде для всех осужденных Верховным уголовным судом в Акатуевском руднике.

Лунин нисколько не удивился новому своему аресту; он всегда ожидал, что его снова засадят в тюрьму, и всегда говорил, что он должен в тюрьме окончить свою жизнь, хоть, впрочем, он очень любил свободно скитаться с ружьем по лесам и проводил большую часть своей жизни на охоте. Однажды я был у него на святках, и он спросил меня, что, по мнению моему, последует ему за его письма к сестре. Я отвечал, что уже четыре месяца прошло, как он возобновил переписку, и если до сих пор не было никаких последствий, то, вероятно, никаких не будет и вперед. Это его рассердило; он стал доказывать, что этого быть не может и что непременно его запрут в тюрьму, что он должен в тюрьме окончить жизнь свою.

Руперт, возвратясь в Иркутск, стыдился несколько своего поступка с Луниным и старался отвлечь от себя нарекания в подлости своего поступка, рассказывая, что он будто бы не мог скрыть доноса Успенского* и что Николай Павлович сначала дал повеление расстрелять Лунина, но что будто бы он (Руперт) представил тогда государю, что Лунин помешан в уме, и тем спас его от казни. Как бы то ни было, но Лунина взяли и увезли; пошло следствие о распространении его писем. Громницкий, переводивший некоторые из них и сообщавший их некоторым из своих знакомых, был посажен в ордонансгауз; хотели к делу приплесть Никиту Муравьева по родству его и приязни с Луниным, полагая, что он был участником в сочинении некоторых из писем, и матери его, Екатерине Федоровне, много стоило выгородить сына своего[14]. Через полгода освободили и Громницкого. Само собою разумеется, что Успенский награжден был Владимирским крестом.

Лунин был усердный католик. Когда он принял католицизм и что его к тому побудило, осталось неизвестным для самых близких к нему. Только эпоху этому полагали мы время пребывания его в Варшаве. Он был в молодости своей большим дуэлистом и был отставлен из кавалергардов за дуэль. Отец рассердился на него и прекратил ему

---

* *Примеч. автора:* «Успенский был любовником жены Руперта, который это знал очень хорошо и держал его очень близко к себе».

содержание. Лунин уехал в Париж и там жил некоторое время, давая уроки на фортепьяно. Возвратясь в Россию, он написал письмо к цесаревичу; Константин Павлович его не любил прежде и всегда гнал, но доверенность, с которой Лунин обратился к нему, ему понравилась, он принял его в один из уланских полков Литовского корпуса ротмистром (двумя чинами ниже того, который он имел). После того Константин Павлович перевел его в один из гвардейских полков в Варшаву, и Лунин стал его любимцем. Когда пришло приказание арестовать Лунина, цесаревич призвал его и сказал ему, что он его не даст, что в Петербурге его повесят, и сказал* ему, что он даст ему месяц сроку, которым он может воспользоваться. Лунин не захотел избежать готовящейся ему участи и по вторичному требованию был отправлен в Петербург.

Как ревностный католик, он исполнял все обряды и требования римской церкви. Ежедневно читал римский молитвенник. Сестра прислала ему большое бронзовое распятие, и в Петровских казематах был у него сооружен алтарь, который после перешел с ним и на поселение и потом в Акатуй. Занимался изучением латинского языка и переводом творений св. Августина, а в Акатуе принялся за греческий язык. Он всегда имел деньги; не любил давать взаймы, но нуждающимся помогал. Не хотел никогда иметь ничего общего с товарищами своего заключения и жил всегда особняком. В отношении обид говорил, что должно все прощать, но ничего не забывать. Самые близкие друзья его сознавали, что в поступках его много участвует тщеславия, но им одним нельзя объяснить важнейших его действий, тут побудительная причина скрывалась в каком-нибудь более сильном чувстве[15].

Тщеславие не может заставить человека желать окончить свой век в тюрьме, тогда как религиозные понятия могут возбудить желание мученичества. И я полагаю, что в Лунине было что-нибудь подобное.

Лунин имел довольно значительное имение. Отец оставил ему в наследство около 2 тыс. душ. Пред осуждением нас было каждому предложено написать завещание. Лунин своим завещанием передавал свое имение своему двоюродному брату, также Лунину, с тем чтобы он крестьян этих отпустил на волю. Сестра Лунина оспорила духовное

---

* Надписано сверху вместо зачеркнутого: «намекнул».

завещание, и крестьяне отданы были ей. Скоро после того муж ее, Уваров, пропал без вести[16]. Осталось сомнение, что он, мучимый совестью, что побудил жену свою к такому поступку, прекратил свою жизнь.

Протоиерей Казанского собора Петр Николаевич Мысловский заменил при заключенных в крепости протоиерея Павловского собора Стахия. Отец Петр был, видимо, неприязненно настроен против арестованных, но когда в течение великого поста он от большей части из них принял исповедь, расположение его совершенно изменилось, он сделался их другом, пользовался всеми представлявшимися случаями посещать их, предостерегал к осторожности в ответах, доставлял сведение о семействах и, словом, вел себя в отношении всех, которые принимали его с благорасположением, как истинный служитель алтаря, исполненный христианского милосердия. В день сентенции, когда собираемы были осужденные для выслушивания ее, он успел предупредить некоторых, опасаясь, чтоб при объявлении смертной казни не упали иные духом. Он казался совершенно уверенным, что смертный приговор, утвержденный для первых пятерых, не будет исполнен, а будет дарована им жизнь под виселицей. В тот день и в тот самый час, когда служили молебен на Петровской площади в благодарность за «ниспровержение крамолы», отец Петр отказался присутствовать на нем и служил панихиду в Казанском соборе по пяти страдальцам.

До самой кончины своей он сохранил свое благорасположение к изгнанникам и по временам писал к некоторым из них в Сибирь письма.

«...Цесаревич не поступил, как следовало бы поступить при уважении к своему отечеству, буде не к Сенату».

Так все мыслили о цесаревиче и имели на то полное право, потому что ничего более не знали, как только то, что он не принял посланных от Сената. Но обвинения на Константина оказались несправедливыми с тех пор, как вышла в печати книга «Восшествие на престол императора Николая I». Письма цесаревича к Николаю, к князьям Лопухину, Лобанову-Ростовскому с приложением торжественного объявления к народу совершенно его оправ-

дывают. Почему это торжественное объявление не было обнародовано? Его достаточно было, чтоб предупредить не только восстание 14 декабря и на юге, но и всякое противудействие[17].

Несправедливо показание, будто бы осужденных Верховным уголовным судом не велено было смешивать с каторжными, осужденными за злодеяния. Напротив, все бывшие в Нерчинских рудниках были высылаемы на работы с прочими ссыльнокаторжными, и не теми, которые жили на свободе, но с теми, которые за сделанные ими в бытность уже на каторге новые преступления содержались в оковах. Так, Трубецкой всегда посылаем был на работу в рудники в обществе гремевшего некогда в Енисейской губернии разбойничьего атамана Орлова*[18].

Б. ЗАМЕТКИ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СВОД[19]

[*Начало 1850-х гг.*][20]

1. Первый фельдъегерь, привезший известие о болезни Александра, приехал в Петербург 24 ноября вечером. 2-й фельдъегерь с известием, что государю несколько лучше, приехал 27-го** рано утром. 3-й фельдъегерь — с известием о кончине того же 27-го*** числа во время молебна[21].

2. Вел. кн. Николай оставался в Аничковом дворце до 13 декабря****.

3. Почта из Варшавы действительно из заставы была препровождена казаками в***** дворец; но это была почта обыкновенная, которая следовала в с.-петербургский почтамт. А между Варшавой и Мраморным дворцом никакой экстренности учреждено не было.

4. 14 декабря было в понедельник, след[овательно], 12-е не могло быть в воскресенье и было в субботу[22].

5. Полковник князь Трубецкой был дежурным штаб-

* Ниже справа помета рукою Е. И. Якушкина: «Заметки эти на записки Штейнгеля написаны по моей просьбе С. П. Трубецким [далее зачеркнуто: «в 1895 году» и приписано другими чернилами им же] в пятидесятых годах. Е. Якушкин».

** Переправлено, было: «26».

*** Переправлено, было «26».

**** Эта фраза зачеркнута.

***** Далее зачеркнуто: «Аничков».

офицером не Гвардейского, а 4-го Пехотного корпуса, которого квартира находилась в Киеве. Он в это время случайно был в Петербурге[23]. Когда узнали о смерти государя и сомнительно стало, чтоб Константин принял царское достоинство, тогда произошло сильное волнение во всех сословиях населения столицы. Придворные желали Николая, говоря, что с ним не будет никаких изменений при дворе, что все останутся при своих местах и новое царствование будет только как бы продолжением прошлого. Что императрица будет дочь королевская, а не простая полька. Особенно дам возмущала последняя мысль, и оне сильно изъявляли негодование свое при мысли о возможности видеть на престоле женщину, которая по роду своему уступала многим из них знатностью. Люди государственные склонялись к Константину; их не пугала уже сумасбродная пылкость характера, оказанная им в молодости. Лета и опытность его ручались за успокоение страстей молодости и за рассудительность в правлении. Многие считали, что он положит конец самовластному управлению министров по вверенным им ведомствам и образует министерства по порядку коллегиальному, к которому многие были склонны. Военные решительно были все за Константина, как офицеры, так и простые солдаты. Последние говорили, что Константину служить можно, а молодым князьям нельзя; так уже они опротивели всем военным в продолжение командования своего гвардейскими дивизиями. В народе ходило, сверх того, мнение, что царем должен быть по праву Михаил, так как он родился уже тогда, когда отец его был императором. Все, кто был тогда в Петербурге, помнят волнение, которое овладело умами всех жителей.

Члены общества чувствовали себя слабыми, но обстоятельства казались им столь благоприятными для попытки ограничить самодержавную власть, что они решились соединить свои действия так, чтоб обратить на исполнение этой цели то сопротивление, которое предвиделось в военных людях, в случае, если б потребована была новая присяга. Все предвидели, что такое обстоятельство не пройдет спокойно, и сопротивление со стороны войска ожидалось всеми, даже их начальниками. Общество справедливо, кажется, полагало, что благоприятнейшего случая представиться не могло; и хотя в предусмотрительность его всегда входило, что оно должно воспользоваться временем, когда одно царствование будет сменять другое, но это время

казалось всем еще далеко впереди, а не чаянное никем известие о смерти Александра смутило его и застало врасплох. Оно могло действовать одними наличными своими силами, случившимися тогда в столице. Их было немного, но ряды их наполнялись теми из офицеров, которых пугал крутой нрав Николая.

Члены собирались у Рылеева и у других сообщников, и Рылеев пришел объявить Трубецкому, что его избрали диктатором. Трубецкой*, найдя в Петербурге очень немного из членов, ему знакомых, хотел прежде узнать, кто поступил в члены со времени его отсутствия и какими средствами может общество располагать. Для этого собирались по вечерам у Рылеева, и оказалось, что прибавилось только из молодежи, имевшей мало веса, а те из старших членов, которые могли иметь влияние на часть войск, им подчиненные, отказались действовать. Таким образом, единственное средство действовать было воспользоваться упорством солдат, если, как утверждали офицеры разных полков, они его окажут. В случае же приезда Константина старшие члены положили между собою просить его о принятии короны и потом стараться приобресть его доверенность и воспользоваться ею для ограничения власти будущего его наследника. Скоро, однако, убедились, что приезд Константина сомнителен, и должно было подумать о том, как дело привести в исполнение другим образом. Трубецкой предложил, чтоб первый полк, который откажется от присяги, был выведен из казарм и шел с барабанным боем к казармам ближнего полка, поднявши который, оба вместе продолжат шествие далее к другим полкам; таким образом, он надеялся, что один полк будет увлечен другим и почти все соберутся в одну значительную массу, к которой примкнут и батальоны, находившиеся вне города. Чтоб Лейб-гренадерский полк завладел Арсеналом, а л[ейб]-г[вардии] Финляндский — Петропавловской крепостью. Некоторым лицам было обещано содействие в Государственном совете, если войско, собравшись, будет выведено из города в избежание беспорядков. Предложение Трубецкого не опровергали, но многие из горячих членов положили, что надобно идти на Сенатскую

---

* Далее зачеркнуто: «знавший только несколько членов, принадлежавших обществу до отъезда его из столицы, и которых было очень немного».

площадь с тем, чтобы захватить сенаторов в Сенате и заставить их издать Манифест. Над войском, которое соберется на площади, должен быть принять начальство полковник Булатов, бывший командиром батальонным в Лейб-гренадерском полку и только что назначенный командиром армейского*[24]. Рылеев, может быть, думал, что Трубецкой** обидится выбором***; когда он пришел ему это объявить, прибавил: «Вас гвардия не знает, а Булатова знают солдаты всех полков, и он очень любим»****.

а) Предположение, что, обнародовав завещание Александра, можно было всех заставить присягнуть 27 ноября назначенному им наследнику Николаю, не полагаю правильным, *будучи* уверен, что в большой части России чиновники, дворяне и другие сословия присягнули бы назначенному наследнику, получив о том указ Сената, но это они сделали бы по привычке исполнить все, что предписано; их можно было бы погнать к присяге, как загоняют баранов в хлев, но не так бы легко было заставить присягнуть армию, а гвардию, считаю, вовсе бы было невозможно к тому принудить[25]. Кто служит в полках, тот знает, что русский солдат судит о всяком приказании, которое дает ему начальник. Он повинуется беспрекословно всему тому, что воинский устав от него требует, но когда требование выходит из предела военных узаконений, то сейчас встречается сопротивление. Обольстить русского солдата нельзя никакими обещаниями, он, подобно народу, не имеет никакой веры в правительство, а терять ему нечего. Офицеры при всей своей необразованности знают, что войско составляет силу правительства и не имеет наклонности к безусловному повиновению.

Первое сопротивление, и самое опасное, оказалось бы в гвардии. Если б гвардия состояла из какого-нибудь небольшого числа полков, то, может быть, можно бы было

---

* Далее зачеркнуто: «Думал ли Р[ылеев]».

** Далее зачеркнуто: «может принять начальство над войском и».

*** Далее зачеркнуто: «только он сказал ему».

**** Строкой ниже поставлена нотабена и написано: «Невозможно было по завещанию Александра требовать присяги». Далее, с красной строки: «Константин (как видно из книги о восшествии Николая на престол) прислал объяснение соотечественникам о причинах, по которым он не принял присяги, но это объяснение Николай не нашел нужным предъявить». После этого под латинскими литерами a и b идут две заметки.

отклонить их от верности своему долгу какими-нибудь существенными выгодами, например, дать солдатам большое жалование, сократить срок службы, обеспечить достаточную пенсию по отставке, облегчить самую службу; но в том составе, в котором находилась гвардия, невозможно было и подумать сделать подобные обещания, никто не поверил бы, что они могут быть выполнены. Корпус офицеров также слишком многочислен, чтобы можно было его купить какими приманками. Из числа командующих полками и генералов, конечно, можно было, может и многих*, забыть обязанности свои пред Отечеством, но они были бы бессильны против корпуса офицеров и солдат.

Александра если бы и не любили гвардейцы, то привыкли в течение 25-летнего царствования ему повиноваться, и много было еще в гвардии солдат, служивших во время войны с французами и видевших царя, разделявшего с ними военные опасности, и я верю, что воля его, изустно им самим произнесенная, была бы для них священною, но объявление по смерти его духовного его завещания непременно бы было сочтено подлогом.

b) Константин также был слишком известен гвардии, чтобы можно было его обойти. Он в уме каждого был законным наследником в случае кончины своего брата. Какая власть в государстве осмелилась бы отлучить его от престола, который ему приходился по праву наследства, чтимого всем народом? Высшая правительственная власть — Сенат, он передает высочайшие указы для исполнения, он обнародывает новые законы, он важен во мнении гражданских чинов и неслужащих сословий, но войско знает его только по имени, он для войска ровно ничего и не имеет к нему никакого отношения; армия знала только высочайшие приказы, объявленные начальником штаба е. и. в. Сенат не мог бы указом своим извратить право престолонаследия.

Чего не могло бы сделать первое правительственное место в государстве, то еще меньше мог сделать великий князь, который по закону не имел никакого права наследовать при жизни старшего брата. Такое притязание имело бы *вид* похищения.

По всем этим причинам почитаю предположение воз-

---

* Видимо, пропущено слово: «заставить». В издании 1906 г. вставлено именно это слово.

можности заставить 27 ноября присягнуть Николаю несбыточною мечтою.

В. ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ РУКОПИСИ ЗАПИСОК В. И. ШТЕЙНГЕЛЯ[26]

I

11 декабря <1825 г.> было в пятницу, а 14-е — в понедельник[27].

II

Грех так порочить славу человека, который в этом случае действовал беспристрастно и любил Отечество[28].

III

В Алексеевском равелине сидевшие были в первый месяц каждую ночь по нескольку раз пробуждаемы стуком, производимым в коридоре, на который отворялись двери номеров. Стук этот был прекращен, когда узнали о нем в городе и заговорили[29].

IV

Первые восемь человек были отправлены в Нерчинские рудники, где работали вместе со всеми каторжными. Трубецкому постоянно доставалось ходить на работу с разбойником Орловым[30].

V

Неправда, Лепарский[31] всегда сам рассказывал, что этот долг он выплачивал за пожар, происшедший от неосторожности с самоваром[32].

ЗАМЕЧАНИЯ НА КНИГУ М. А. КОРФА «ВОСШЕСТВИЕ НА ПРЕСТОЛ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I»

[*Не ранее сентября 1857 — не позднее начала февраля 1858 г.*][2]

Все, что писано до сих пор о днях, предшествовавших вступлению на престол покойного государя Николая Павловича, не имеет для меня и тени справедливости. Иностранные писатели прославляли великодушную борьбу двух

братьев, не имевшую примера в истории, уступавших один другому престол обширнейшего в просвещенном мире государства[3]. Русские по примеру иностранцев рассказывают то же. Отчего происходила такая странность? Иностранцы могли не знать того, что происходило в недрах императорского семейства; они видели только то, что ясно было всем, то есть, что Константин не принял принесенной ему присяги и что вследствие того Николай вступил на престол. Они видели междуцарствие в Российской империи, продолжавшееся 16 дней[4], в течение которых не было сделано меньшим братом, имевшим притязания на престол, никакой видимой попытки для удержания за собой престолонаследия; они знали, что этот брат, назначенный в духовном завещании Александра наследником престола после него, принес присягу брату старшему, законному наследнику по праву первородства, и заключили, что все это он сделал по доброй воле, по великодушию. Но русские почему повторяют то же за иностранцами? Откуда они взяли слова, влагаемые ими в уста вел. кн. Николая и которыми он будто бы отказывался принять престол, предложенный ему членами Государственного совета?[5]

Быв отлучен от круга государственных деятелей в продолжение более 30 лет и проведя все время царствования имп. Николая на противуположном крае пространного Российского государства, на восточных пределах империи, в дальнем сибирском крае, я не имел средств разрешить этого вопроса. Думаю, что льстецы и царедворцы сочинили из подобострастия эту кривую страничку, которую вклеили в историю. Это меня не удивляло, но если чему удивляюсь, то что нашел то же повторенным в рассказе человека, разделившего со мною заточение и испытавшего на себе всю мстительность Николая[6]. Простое рассуждение должно убедить, что если бы Николай действительно не воспользовался обстоятельствами оттого, что признавал законным права старшего своего брата Константина, и великодушно обрекал себя на честь быть первым подданным своего брата, то не поступил бы с такою жестокостью, какую оказал в отношении тех, которые восстали против неправильного вступления его на престол[7]. Неправильного потому, что Константину присягнули по манифесту правительствующего Сената, а Николай не хотел соблюсти для себя этой правильной формы и издал манифест от собственного лица, в котором объявлял, что

старший брат отказался и что потому право остается за ним. Не так же ли бы он поступил, если б хотел овладеть престолом, не имея на то согласия истинного наследника?[8]

В книге, изданной статс-секретарем бароном Корфом под заглавием «Восшествие на престол императора Николая I», сказано, что великий князь не только не знал намерения имп. Александра назначить его своим наследником, но и не помышлял никогда, чтоб престол должен был когда-либо сделаться его достоянием, а потому был объят страхом, когда узнал, что Константин не принял данной ему присяги.

Такое повествование должно казаться очень странным всем тем, кто знал, что Александр давно уже сделал завещание, которое хранилось в трех экземплярах в московском Успенском соборе, в Государственном совете и в правительствующем Сенате. Публике петербургской было очень известно*, что этим завещанием Николай назначался наследником престола, и, конечно, это знала не одна петербургская публика. Как же этого не знал великий князь, до которого это всех более касалось?!

Можно утвердительно сказать, что это обстоятельство никого не беспокоило: Александр казался таким здоровым, обещал жить еще долго, и о преемнике его никто не беспокоился.

Далее в той же книге рассказывается, как братья уступали друг другу престол, что уже писано было во всех иностранных сочинениях, описывавших тогдашние события в России, и из которых, вероятно, почерпнул свой рассказ и сочинитель статьи, которой эпиграфом служат ст[ихи] 10, 12 и 13-й второго послания апостола Павла к коринфянам[9].

Не стану разбирать** всех этих повествований, расскажу просто, что я слышал собственными ушами и видел собственными глазами в течение тревожных дней, когда

* В черновике так: «Это обстоятельство известно было не одной высшей петербургской публике; слух о нем должен был распространиться между многими, проживающими внутри государства, когда многим лицам, подобным пишущему эти строки, он не был тайною».

** В черновике далее: «ни того, что рассказывается о происшествиях вступления на престол Николая, как в упомянутой выше книге, так и во всех иностранных, попадавшихся мне сочинениях, ни же в приложенной рукописной статье, в которую сочинитель ее поместил сведения, неизвестно мне откуда почерпнутые».

еще не было известно, какой выход будет из запутанного дела, завязавшегося смертью Александра*.

Я был коротко знаком с действ. стат. сов. Федором Петровичем Опочининым[11]. Приехав к нему 25 ноября[12], после разговора о тревожных вестях, привезенных вчерашним курьером, он мне сказал**, что, получив известие, привезенное фельдъегерем, вел. кн. Николай пригласил к себе председателя Государственного совета кн. Петра Васильевича Лопухина, кн. Алексея Борисовича Куракина[13] и гр. Михаила Андреевича Милорадовича, бывшего, как известно, тогда военным генерал-губернатором С.-Петербурга и, по случаю удаления императора от столицы, облаченного особою властью.

Великий князь объявил им свои права на престолонаследие, известные им по желанию Александра, чтоб он вступил после него на престол, и по отречению Константина Павловича*** по случаю бракосочетания его с польской девицей Грудзинской, потом княгиней Ловичевой****[14].

Гр. Милорадович ответил наотрез, что вел. кн. Николай не может и не должен никак надеяться наследовать брату своему Александру в случае его смерти; что законы империи не дозволяют государю располагать престолом по завещанию; что притом завещание Александра известно

---

* На этом беловик обрывается. Далее в рукописи помета автора: «За сим лист 2-й». На листе 2-м далее зачеркнуто: «Счастливый случай доставил мне такие сведения, которые мало кому известны. Вероятно, никто из действующих лиц не оставил после себя записок, а все они уже померли и доверили ли кому, что происходило, мне не могло быть известным. Один есть человек, который, по предположению моему, должен знать, но увижусь ли я с ним когда, не знаю, и потому до времени остается для меня это сведение истинным[10]. Вот что было в тот же день или, вернее сказать, вечер, когда приехал курьер с известием об опасной болезни, в которой находился тогда имп. Александр Павлович». Далее вынесено на поле и тоже зачеркнуто: «В следующих строках я расскажу то, что мне было известно от человека, хорошо извещенного, не прибавляя ни же малейшего от себя».

** Далее зачеркнуто: «Знаешь ли, что я теперь попал в честь и люди, которые давно уже раззнакомились со мною, начинают делать мне визиты; сегодня был у меня даже кн. Алексей Борисович Куракин, который уже три года не был у меня. Потом он мне рассказал, что вчера поздно вечером».

*** Далее зачеркнуто: «бывшему в 1817 году».

**** Далее зачеркнуто: «Не знаю, что говорили и что помышляли сказать князья Лопухин и Куракин, но знаю, что».

только некоторым лицам и не известно в народе; что отречение Константина также не явное и осталось необнародованным; что Александр, если хотел, чтоб Николай наследовал после него престол, должен был обнародовать при жизни своей волю свою и согласие на нее Константина; что ни народ, ни войско не поймет отречения и припишет все измене, тем более что ни государя самого, ни наследника по первородству нет в столице, но оба были в отсутствии; что, наконец, гвардия решительно откажется принести Николаю присягу в таких обстоятельствах, и неминуемое за тем последствие будет возмущение*. Совещание продолжалось до двух часов ночи[15]. Великий князь доказывал свои права, но гр. Милорадович их признать не хотел и отказал в своем содействии. На том и разошлись**.

Когда было получено известие о кончине государя, тотчас были созваны Совет и Сенат.

Я приехал во дворец, когда уже заздравный молебен был внезапно прекращен по случаю приезда курьера с известием о смерти государя[16]. Я вошел обыкновенным малым входом, известным под именем Комендантской лестницы, и был крайне удивлен, войдя в первую комнату, которая отделяет церковь от внутреннего караула, найдя в ней гр. Милорадовича, отдающего приказания коменданту Башуцкому разослать тот же час плац-адъютантов по всем караулам с приказанием привести немедленно караулы к присяге***.

Это распоряжение было сделано графом до совещания Государственного совета.

Я вошел в залу собрания Совета и здесь с некоторыми другими лицами, адъютантами обоих великих князей Николая и Михаила[17], ожидал, какое постановление сделано будет Советом.

Приносят бархатную подушку, на которой стоит маленький ковчежец, золотой или позолоченный; узнаем, что это несут духовное завещание покойного императора.

Кн. Александр Николаевич Голицын при открытии

---

* Далее зачеркнуто: «в столице, которого утушить не будет никаких средств».

** Последующий текст отчеркнут автором. Видимо, на этом заканчивался рассказ Опочинина, и далее автор продолжал свое повествование.

*** Далее зачеркнуто: «Константину Павловичу».

заседания сказал, что покойный государь император оставил завещание с тем, чтоб оно было открыто тотчас после его смерти и прочтено прежде приступления к новой присяге или к какому-либо действию. Гр. Милорадович сейчас отвечал на эту речь, сказав, что в отношении престолонаследия государь по существующим в России законам не может располагать по духовному завещанию. Что из уважения к лицу покойного можно прочесть духовное его завещание, но исполнения по оному не* может быть. Затем приказано было принесть завещание, и когда оно было прочтено, то адмирал Николай Семенович Мордвинов встал и сказал: «Теперь пойдемте присягать имп. Константину Павловичу». Все встали и пошли сначала в покои вел. кн. Николая для объявления ему решения, принятого Советом[18]. Мы поспешили в комнаты, чрез которые должно было проходить великому князю, и я видел его, как он, бледный, шатающийся на ногах, проходил в покои матери своей, имп. Марии Федоровны, откуда уже прошли прямо в большую церковь. Мы в свою очередь отправились туда же.

В комнате, где стоял обыкновенно внутренний караул, бывший в тот день от 1-го взвода роты его величества лейб-гвардии Преображенского полка, стоял налой с крестом и евангелием. Солдаты спросили: — Что это значит?

— Присяга, — отвечали им.

Они все в один голос: — Какая присяга?

— Новому государю.

— У нас есть государь.

— Скончался.

— Мы не слыхали, чтоб он и болен был.

Пришел комендант Башуцкий и стал им рассказывать, что известно было уже о болезни и смерти государя. Тогда головной человек вышел вперед и начал те же возражения, прибавив, что они не могут присягать новому государю, когда** у них есть давно царствующий, а верить его смерти не могут, не слыхав даже о его болезни.

Дежурный генерал Главного штаба е. в. Потапов пришел на помощь коменданту, подтвердил его рассказ и начал уговаривать людей принесть требуемую присягу. Солдаты настаивали упорно в своем отказе. Между тем

* Далее зачеркнуто: «не обязательно».

** Далее зачеркнуто: «знают, что есть уже».

вел. кн. Николай Павлович и члены Государственного совета успели уже присягнуть в церкви и Николай вышел к упорствовавшему караулу, подтвердил слова генералов и объявил, что он сам уже только что присягнул новому государю Константину Павловичу. Волнение утихло, солдаты присягнули.

Посмотрев все эти происшествия в Зимнем дворце, я поехал в Сенат, чтоб узнать, что там делается.

Сенаторы уже разъехались. Я нашел только двух обер-прокуроров Александра Васильевича Кочубея и Семена Григорьевича Краснокутского. Они с негодованием рассказали мне, что сенаторы присягнули по одному словесному приказанию, переданному от министра юстиции, а на вопрос мой о конверте с духовным завещанием Александра отвечали, что министр велел его прислать к себе.

Из этого рассказа явно оказывается, что судьбами Отечества располагал один гр. Милорадович*.

Через несколько дней после того, когда стало известно, что Константин не принимает данной ему присяги и между тем отказывается и ехать сам в Петербург и издать от себя манифест о своем отречении, граф, проходя в своих комнатах, остановился пред портретом Константина и, обратившись к сопровождавшему его полковнику Федору Николаевичу Глинке[19], сказал с горечью: «Я надеялся на него, а он губит Россию»**.

---

* Далее зачеркнуто: «Он один положил непреодолимую преграду властолюбию вел. кн. Николая Павловича, отказавшись решительно действовать в его пользу и угрожая восстанием всех полков гвардии, если порядок первородства захотят обойти».

** Далее зачеркнуто: «В это время приехал в Петербург попечитель Казанского университета Магницкий. Осведомившись из рапортов о приезжающих о приезде его и зная его за беспокойного человека, гр. Милорадович в тот же день выпроводил его вон из города. Это рассказываю только для того, чтоб показать, как власть графа была тогда велика в столице и как никто не смел ей противиться. Явно также кажется [одно слово не поддается прочтению], что вел. кн. Николай не оказал никакого великодушия и вовсе не помышлял оставить престол своему старшему брату Константину; но все, что были в его власти, средства употребил для достижения власти. Это еще яснее выкажется из последующего рассказа. После этого еще раз спрашиваю: откуда взяли господа историки сказание о великодушной и беспримерной борьбе двух братьев, взаимно уступающих друг другу престол такого огромного государства, как Российская империя. Это для меня непонятно. Но должен же быть источник, из которого вся эта ложь почерпнута, и любопытно бы было открыть этот источник».

Из этого обстоятельства должно заключить, что графу неизвестным осталось торжественное объявление Константина Павловича с отречением, напечатанное в книге о восшествии на престол в приложениях под № 3. Если б это объявление не было скрыто, а объявлено всенародно, то не было бы никакого повода к сопротивлению в принятии присяги Николаю и не было бы возмущения в столице[20].

В тот самый день, когда была принесена присяга новому имп. Константину Павловичу, то есть 27 ноября*, вел. кн. Николай послал просить к себе действ. стат. сов. Федора Петровича Опочинина. Этот человек был некогда адъютантом Константина Павловича, потом перешел в гражданскую службу, которую по неприятностям оставил, и проживал в С.-Петербурге довольно уединенно, в кругу небольшого числа хороших своих знакомых. Он постоянно сохранил благосклонное к себе расположение Константина Павловича и даже дружбу его; жил в городе в Мраморном дворце, принадлежавшем цесаревичу, а летом в его же Стрельнинском дворце. Не было в Петербурге человека, который был бы ближе его к Константину Павловичу. Его и избрал вел. кн. Николай посредником между собой и братом и ему поручил ходатайство об уступке ему престола, напомнив его высочеству, что он сам добровольно, без всякого принуждения отрекся от наследства**. В ночь на 30-е Опочинин уехал, но, встретив дорогою ехавшего из Варшавы вел. кн. Михаила Павловича, возвратился с ним обратно в столицу***[21].

Опочинин рассказал мне, что Константин, получив известие из Таганрога о смерти Александра, заперся на целый день в комнате и никого не принимал, никакого приказания не отдавал и ничего о кончине государя не

* Переправлено, было: «26».

** Далее зачеркнуто: «письмом, посланным к покойному Александру в 1817 году». Здесь Трубецкой ошибся в дате. Ниже последовало исправление 1817 г. на 1822 г.

*** Далее зачеркнуто: «Михаил Павлович не привез со своей стороны никакого иного известия, как-то, что Константин Павлович, получив с поручиком фельдъегерского корпуса Миллером известие из Таганрога о смерти императора, заперся один в комнате и весь день никого не принимал. Сам Михаил Павлович мог его увидеть только на другой день перед отъездом и ничего от него не узнал о его намерениях и что вследствие полученного известия цесаревич никакого».

объявлял в Варшаве*. Опочинин был снова отправлен с прибавлением просьбы, чтобы Константин прислал формальное и торжественное отречение, по которому Николай мог бы беспрепятственно вступить на престол. Гр. Милорадович постоянно настаивал на том, чтоб это было исполнено, если б не захотел Константин сам приехать в Петербург и лично передать престол брату.

Опочинин поехал с намерением употребить все средства, чтоб уговорить Константина приехать в столицу империи, и даже имел надежду, что слова его подействуют достаточно, чтоб заставить Константина** принять царство. Он вспомнил, что когда Константин писал к Александру по настоянию его величества в 1822 году, то он сказал Федору Петровичу, что имеет полную уверенность, что не переживет своего брата. Жена же Опочинина Дарья Михайловна, дочь фельдмаршала кн. Михаила Илларионовича Смоленского-Кутузова, не разделяла надежд своего мужа и говорила мне, что она уверена, что Константин не примет престола, что он всегда говорил***: «Меня задушат, как задушили отца».

Опочинин, уезжая, знал неприязненное расположение войска и народа к великим князьям и как охотно все принесли присягу Константину, говоря, что ему служить можно, а братьям его нельзя, и потому понимал необходимость торжественного отречения Константина и считал надежнейшим, чтоб он сделал это не одним печатным манифестом, но лично, изрекши свое отречение пред войском лейб-гвардии и народом в столице.

Здесь оканчиваются мои сведения о течении переговоров Николая с Константином, исключая того, что в ответ на все свои домогательства Николай получил от Константина собственноручную записку, в которой он в самых неприличных и даже неблагопристойных выражениях писал, что он знать ничего не хочет, что делается в Петербурге, и чтоб делали что хотят и как хотят.

Так мне было рассказано, и это подтверждается рассказом бар[она] Корфа, когда он говорит, что последнее письмо Константина было написано в таких выражениях,

---

* Далее зачеркнуто: «Из этих сведений невозможно было вывести никакого заключения».

** Далее зачеркнуто: «остаться на царстве».

*** Далее зачеркнуто: «На престоле меня».

что нельзя было его обнародовать, хотя после и прилагает в прибавлениях какое-то письмо, в котором ничего подобного не оказывается.

Вследствие этого публика справедливо обвиняла Константина в неуважении ни к себе, ни к народу и в отсутствии малейшего чувства любви к Отечеству; а публика была обманута скрытием воззвания, которым он объяснял причины, побуждающие его не принимать присяги, и приглашал народ присягнуть Николаю.

Это воззвание осталось бы неизвестным, если б не было припечатано в приложениях к книге, изданной бар[оном] Корфом.

ПРИЛОЖЕНИЯ

РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ЧЛЕНОВ ОБЩЕСТВА «ЗЕЛЕНАЯ ЛАМПА»[1]

[*Середина апреля — конец мая 1819 г.*][2]

1. Dictionnaire Universel par une Societe des Savants fransais, 20 vol*.
2. Conversations-Lexicon**.
3. Опыт Словаря Исторического[3].
4. Пантеон российских писателей[4].
5. Российское баснословие Попова[5].
6. Российская Иерархия. 2 части.
   . . . . Я. Орлова[6].
7. Русский Вестник. С. Глинка. 1806***[7].
8. Дееписание славных мужей царствования Петра I. 2 части[8].
9. Древняя Российская Вивлиофика[9].
10. История Суворова Фукса[10].
11. Деяния Петра Великого[11].
12. Жизнь в особенности знаменитых мужей разных сочинителей.
13. Манштейновы Записки[12].
14. Жизнь Петра Великого Феофана Прокоповича[13].
15. Вообще летописи и истории Российские.

---

* Общий (всемирный) словарь Общества французских ученых. 20 томов (*франц.*). Издания на франц. яз., упомянутые здесь и ниже, идентифицировать с изданиями, имевшими хождение в конце XVIII — начале XIX в., не удалось.

** Разговорный словарь, (*франц.*).

*** Так в оригинале, в публикации 1928 г. правильно указан 1808 г.

16. Dictionnaire de Moncry*.

17. Всеобщие иностранные Лексиконы и Истории.

18. Записки знаменитых путешественников по России, как-то Олеария[14], Герберштейна[15] и т. п.

19. Периодические издания, где помещены жизнеописания сл[авных] муж[ей] Рос[сийских].

20. Gallerle militaire**.

21. Чети-Минея[16].

22. Церковная история митрополита Платона[17].

23. Драматический вестник[18].

24. Карамзина История[19].

25. Дух[20].

---

* Словарь Монкри *(франц.)*.

** Военная галерея *(франц.)*.

ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОК О СЛУЖБЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ПОЛКА

Чин, имя, отчество и прозвание, также какие имеет ордена и прочие знаки отличия	Сколько от роду лет	Из какого состояния, и буде из дворян, то не имеет ли крестьян, и если имеет, то где, в каких селениях и сколько именно	В службу вступил и во оной какими чинами происходил и когда: чины	годы	месяцы	числа	В течение службы в которых именно полках и батальонах по переводам и по произвождениям находился: полки и батальоны	годы	месяцы	числа
Полковник Князь Сергей Петров сын Трубецкой Орденов Св. Равноапостольного князя Владимира 4-й степени с бантом. Св. Анны 2-го и 4-го классов. Прусских: за заслуги и знака железного креста кавалер, имеет серебряную медаль: в память 1812 года	35	Из дворян, крестьян за ним состоит в Нижегородской губернии 200 душ	Сначала подпрапорщиком	1808	нояб.	10	Лейб-гв. в Семеновском полку			
			Прапорщиком	810	окт.	25	Полковым казначеем	815	июня	16
			Подпоручиком	812	июня	2	Назначен старшим адъютантом Главн. штаба е. и. в.	819	мая	14
			Поручиком	813	сент.	23	По высочайшему приказу переведен лейб-гв. в Преображенский полк с оставлением при прежней должности	821	генв.	24
			Штабс-капитаном	816	авг.	29				
			Капитаном	819	марта	4	С оставлением при прежней должности по высочайшему приказу назначен дежурным штаб-офицером в 4-й Пехотный корпус	824	дек.	22
			Полковником	822	генв.	1				

ПОЛКОВНИКА ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КНЯЗЯ ТРУБЕЦКОГО

Во время службы своей в походах и в делах против неприятеля где и когда был, также какие награды за отличие в сражениях и по службе удостоился получить	Российской грамоте читать и писать и другие какие науки знает ли	В домовых отпусках был ли, когда именно, на какое время и явился ли на срок	В штрафах был ли, по суду или без суда, за что именно и когда	Холост или женат и имеет ли детей	В комплекте или сверх комплекта при полку или в отлучке, где именно, по чьему повелению и с которого времени находится	К повышению достоин или в чем именно не аттестуется
1812 года во время всей ретирады от города Вильны до села Бородина, где августа 24-го и 25-го находился в резерве, а 26-го в действительном сражении, октября 6-го при разбитии неприятельского корпуса при селе Тарутине, 11-го под городом Малым Ярославцем, 813-го по вступлении Российской армии в Прусские владения при переходе через реки: Неман, Вислу, Одер и Эльбу апреля 20-го в генеральных сражениях: Саксонского владения при городе Люцине в действительном мая 8-го и 9-го при Бауцине, за что и награжден орденом Св. Анны 4-го класса при вступлении Российских войск в Богемию и при переходе чрез дефилей, Гизчюбель и Голенберг в Саксонии, августа 16-го при городе Пирно и при ретираде чрез дефилей, Гизчюбель и Голенберг в действительных сражениях, августа 17-го при удержании неприятельского корпуса генерала Вандама под Кульмом и 18-го при разбитии оного корпуса в действительном сражении, за что и награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом, Прусским за заслуги и знаком железного креста, октября 4-го при городе Лейпциге, где и ранен ядром в ляжку; а 1823 года декабря 12-го дня за отличную службу и труды награжден орденом Св. Анны 2-й степени	По-российски, по-французски, по-немецки и по-английски читать и писать, математике, географии, истории и рисованию знает	Не бывал	Не бывал	Женат на дочери тайного советника графа Лаваля Катерине Ивановой	Дежурным штаб-офицером 4-го Пехотного корпуса	

КОММЕНТАРИЙ

ЗАМЕЧАНИЯ НА ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ Н. М. МУРАВЬЕВА

ЦГАОР, ф. 48, оп. 1, д. 333, л. 157—174 об.

Проект Конституции, вошедший в литературу под условным названием «первого варианта», был передан Н. М. Муравьевым С. П. Трубецкому для ознакомления и оценочных суждений, скорее всего, во второй половине 1822 г. Трубецкой переписал его, сообщил автору замечания, а рабочий экземпляр последних оставил у себя. Он и был обнаружен в бумагах Трубецкого при обыске.

Впервые рукопись была опубликована со значительными, однако, погрешностями, М. В. Довнар-Запольским (Мемуары декабристов. Киев, 1906, с. 96—118), затем текст, тоже не вполне безупречно, был воспроизведен в составе опубликованного Центрархивом следственного дела С. П. Трубецкого (*ВД*, т. 1, с. 108—132). Наиболее точное воспроизведение рукописи дано в монографии Н. М. Дружинина «Декабрист Никита Муравьев» (М., 1933. Прил. III, с. 303—309).

Трудно сказать, идентичен ли переписанный экземпляр с оригиналом, но по сходству его с сохранившимся вторым вариантом проекта Муравьева можно думать, что копия, снятая Трубецким, близка подлиннику. Трубецкой не является автором проекта Конституции (Дружинин Н. М. Конституция Никиты Муравьева (происхождение и различия вариантов). — В кн.: Декабристы и их время. М., 1928, т. 1, с. 88—89), хотя некоторые исследователи ошибочно приписывали ему участие в ее написании. Однако многочисленные замечания и пометы Трубецкого (к 38 статьям из 93), ряд которых касается важных вопросов и носит принципиальный характер, раскрывают перед нами определенную систему политических взглядов декабриста, свидетельствуя о некоторых разногласиях его с автором проекта государственного законодательства, и позволяют в отдельных случаях сблизить его позицию с позицией Пестеля (Нечкина, т. 1, с. 395). Н. М. Муравьев учел все замечания Трубецкого, о чем свидетельствуют позднейшие варианты Конституции, и, следовательно, разделил точку зрения своего оппонента. В самом главном Трубецкой оставался на позиции Муравьева, отдавая, как и он, предпочтение конституционной монархии перед республиканским правле-

нием, оставаясь единомышленником Муравьева по всем тактическим вопросам, связанным с переустройством государственной системы.

[1] Воспроизводятся только те статьи Конституции, которые содержат пометы Трубецкого. Извлечения публикуются по автографу. Сама рукопись представляет собой тетрадь объемом в 35 страниц, размером в 1/2 долю листа. Замечания к отдельным статьям написаны на полях. По почерку, перу, чернилам, карандашным пометам можно судить о том, что рукопись и замечания писались в несколько приемов. Разбор замечаний С. П. Трубецкого на проект Конституции дан Н. М. Дружининым в монографии «Декабрист Никита Муравьев» и в статье «Конституция Никиты Муравьева», с. 62—108. Текст документа передается с сохранением особенностей употребления заглавных букв.

[2] Дата устанавливается на основании показания Трубецкого о том, что он увиделся с Муравьевым «по возвращении гвардии в Петербург», то есть не ранее октября 1822 г. (*ВД*, т. 1, с. 10). Тогда же он мог получить от Муравьева проект и дать на него свои замечания. В начале 1823 г. Муравьев уже представил второй вариант проекта Конституции с учетом замечаний Трубецкого.

[3] Определение «русский» по Конституции Н. Муравьева не означает национальной принадлежности, а выражает гражданское состояние народа (Н е ч к и н а, т. 1, с. 386—387).

[4] Замечание касается существа формулировки этой статьи, в которой автор усмотрел противоречие: само определение «свободный и независимый народ» исключает предположение о принадлежности его какому-либо лицу или семейству. Разделяя идею Н. Муравьева, Трубецкой обращает его внимание на необходимость более четкой ее формулировки. Поставив здесь нотабену, он предполагает, по-видимому, отослать автора проекта к аналогичной статье Испанской конституции с целью использования ее применительно к условиям России.

[5] Идее народного суверенитета, выдвинутой Н. Муравьевым, Трубецкой противополагает идею неприкосновенности прав личности, при которой «целый народ не имеет права гнести и одного гражданина» (гнести — угнетать. Д а л ь В. И. Толковый словарь. М., 1956, т. 1, с. 360), сужая тем самым политическую сущность статьи Конституции.

[6] «Правление России есть уставное и союзное», то есть законное — конституционное и федеративное. В соответствии с этим принципом автор проекта делил Россию на составные части: 14 держав и 2 области со своими особыми правительственными органами, с законодательной, исполнительной и судебной властью, а объединяющим их органом предлагал Союзное правительство — монарха, Народное вече и Верховную думу.

[7] Автор замечания имел в виду необходимость раскрыть существо условий, которыми определялся «природный житель государства», а также определить «другие отношения» при наличии главных (недвижимого имущества в размере 500 р. сер. или движимого — в 1000 р. сер.), необходимых для перехода «жителя» в «гражданина».

[8] Речь идет о натурализации иностранцев: возможно ли иностранцам, жительствующим в России, но имеющим недвижимую собственность за границей, получить право гражданства в России. Судя

по замечанию к ст. 9, Трубецкой решал этот вопрос положительно, хотя и с определенными ограничениями в правах «общественных», то есть для занятия какого-либо положения на государственной службе.

[9] В эту статью вносится поправка, суть которой состоит в предоставлении иностранцам, не получившим гражданства, права участвовать в выборах, но без права быть избранными: «можно быть местным гражданином (или «частным», как было первоначально в оригинале и потом вычеркнуто), не быв общественным», то есть не иметь права быть избранным и участвовать в общественном управлении.

[10] Те же ограничения предлагаются в отношении лиц, не знающих русского языка: они могут быть избирателями, то есть пользоваться правом местного («частного») гражданства, но не могут быть избранными и принимать участие в общественном управлении.

[11] Речь идет о лишении права гражданства в судебном порядке. Предложение Трубецкого сводится к ужесточению закона в отношении лиц, осужденных к временному лишению прав гражданства, и замене «временного» — навсегда утраченным.

[12] Черное духовенство — сословие священно- и церковнослужителей, принявшее обет монашества. Трубецкой высказывается против предоставления черному духовенству права избирать и быть избранным, поскольку оно не имеет непосредственного соприкосновения с общественной жизнью.

[13] Полностью разделяя необходимость провозглашения идеи ликвидации крепостного права, Трубецкой высказывается лишь против излишнего, по его мнению, изложения религиозно-нравственных соображений, как бы прекрасны они ни были, для доказательства и подтверждения основного положения, которое само говорит за себя.

[14] Перечисление отдельных видов промысла Трубецкой считает излишним, поскольку перечень их может быть бесконечным, а названные выборочно послужат лишь поводом для вопросов об остальных, не попавших в перечень.

[15] Ироничное замечание Трубецкого касается включения в Конституцию банальной мысли о свободе передвижения и поведения того или иного лица.

[16] Замечание сводится к необходимости уточнения формулировки данной статьи за счет конкретизации существа «произвольного» применения санкций против подозреваемых в нарушении закона.

[17] Замечания по земельному и крестьянскому вопросам (§ 25, 26) носят наиболее принципиальный характер. Оставаясь на позиции признания неотъемлемого права помещиков на землю, Трубецкой высказался против требования от крестьян вознаграждения за уход от землевладельца; он предлагал введение свободного арендного договора между помещиком и крестьянином. Закон не должен был стеснять волю крестьянина к перемене места жительства или рода занятий; в случаях же ухода крестьянина от землевладельца следовало предусмотреть такие меры, которые не были бы разорительными как для одних, так и для других. По мнению Трубецкого, община, получая оставшиеся земли крестьянина, пожелавшего переменить место жительства, тем самым получала и компенсацию за плату земских повинностей выбывшими.

[18] Автор замечаний стоял за ликвидацию общинного землевладения, считая его источником хозяйственного застоя и рутины в

земледелии. Путь к экономическому прогрессу он видел в переходе от общинного владения к индивидуальной собственности, которая стимулировала бы развитие частной инициативы крестьянина, его заинтересованность в улучшении способов ведения собственного хозяйства. Здесь прослеживается явная утопичность в представлении автором картины общего благоденствия крестьян; проявляется дворянская ограниченность декабриста, не сумевшего увидеть последующего расслоения общей массы крестьян как следствия раздела земель, обнищания большей части землевладельцев из-за отсутствия средств и орудий труда, необходимых для обработки земли, ухудшения положения крестьян вследствие неравноценности земельных угодий, порождавшей переход неимущих крестьян в разряд батраков.

[19] Трубецкой высказывается против выкупного вознаграждения крестьянами-арендаторами землевладельца, поскольку помещик, отдающий свои земли в аренду, отличается от вотчинника только тем, что дает их в пользование на время; вотчинный крестьянин, как и крестьянин-арендатор, не имеет средств для уплаты вознаграждения.

Эту категорию крестьян Трубецкой приравнивает к помещичьим крестьянам и распространяет на них те же правила, которые предусматривает в своих замечаниях к ст. 25 проекта Конституции (см. примеч. 18).

[20] Эта статья Конституции предусматривает конфисканию земельных владений, принадлежавших царской фамилии. Удельные земли (помимо них оставались земли, считавшиеся личной собственностью царя и членов его семьи) переходили в распоряжение крестьян. Поскольку предполагалась отмена удельного правления, то Трубецкой, не оспаривая идею Муравьева в целом, предлагает конкретизировать юридическое положение бывших удельных крестьян.

[21] Поправка касается положения сельского духовенства, которое не получало жалованья, а существовало за счет своих прихожан и собственного небольшого хозяйства.

[22] Возражение Трубецкого против деления держав в судебном отношении на области, равные по территории губерниям, было учтено Н. Муравьевым при доработке им проекта Конституции. В новом варианте этот параграф был записан так: «В судебном отношении Державы делятся на Округа, равные нынешним Губерниям» (Дружинин Н. М. Конституция Никиты Муравьева, с. 308, 326). Термин менялся, но существо статьи оставалось прежним.

[23] Тысяцкий — род выборного головы, старшина из крестьян (Даль В. И. Толковый словарь, т. 4, с. 448).

[24] В ст. 36, 37, 51 Н. Муравьев ставит избирательное право граждан в зависимость от их имущественного состояния, в силу чего общинные владельцы, не имевшие собственной земли, лишались избирательного права. Трубецкой против этого возразил, усмотрев в тезисе Муравьева половинчатость решения вопроса об отмене сословного строя, при которой различие состояния порождало неравенство прав. Он вновь возвращается к критике зависимости избирательного права от имущественного ценза в замечании к ст. 51, декларирующей этот тезис. Трубецкой находит неприличным «давать имущество мерою прав».

[25] Автор замечания отвергает установление высокого имущественного ценза при выборах в местное управление, в силу которого «почти все общественные владения будут без тысяцких»; он предлагает

увеличить лишь возрастной ценз при выборе на должность тысяцкого, а также уточнить, в чью компетенцию передается решение вопроса о смещении тысяцкого с должности в случае его несоответствия ей. При доработке проекта Конституции Н. Муравьев учел замечание Трубецкого, сократив наполовину норму имущественного ценза и увеличив возрастной ценз до 30 лет.

[26] Трубецкой не согласился, по существу, с редакцией этой статьи в той ее части, в которой определялась компетенция тысяцкого: «выбирает и назначает присяжных»; должность присяжного — выборная от общества, и потому она не может быть назначена единовластно тысяцким. Другое дело — предоставить власти тысяцкого составление списка присяжных (уже избранных).

[27] Присяжный (принявший присягу) в суде — выборное от населения лицо, принимавшее участие в вынесении решения о виновности или невиновности обвиняемого.

[28] В предложенном Н. Муравьевым четырехступенчатом делении граждан в зависимости от величины денежного или имущественного их обеспечения Трубецкой усматривает ущемление избирательных прав лиц третьей и четвертой ступеней, которым в силу их меньшего обеспечения предоставлялись только избирательные права без права быть избранными.

При доработке проекта Н. Муравьев внес существенные изменения, сохранив только две ступени и устранив требование имущественного ценза для избираемых в нижние палаты общесоюзного и державного парламентов. Все граждане независимо от размеров имущества получали право быть народными представителями и членами палаты выборных в державных законодательных собраниях.

[29] Более разумное решение Трубецкой видел в установлении мер поощрения в виде вознаграждения за хорошее выполнение своих обязанностей членами уездного правления, предусмотренных в ст. 48 рассматриваемого им проекта Конституции. При доработке проекта Н. Муравьев исключил статью о 1000-рублевом штрафе (пени) за отказ тысяцкого от исполнения должности.

[30] Трубецкой видел «излишнюю предосторожность и стеснение для народа» в запрещении уездным гражданам более пяти лет подряд избирать одного и того же тысяцкого. Н. Муравьев учел это замечание Трубецкого, предоставив право бессрочных перевыборов тысяцкого. Одновременно последний получил право отказаться от предложенной ему должности.

[31] См. примеч. 24.

[32] Автор замечаний находит неоправданным превышением власти тысяцкого в предоставлении ему права утверждать список избранных депутатов; единовластное право распоряжаться списком избранных ставит их в зависимость от произвола одного лица, что является нарушением прав общества, их избравшего. Одновременно он видит принижение роли законодательного собрания, которому вменяется в обязанность рассылка пригласительных грамот избранным депутатам (см. также его замеч. к ст. 39 и примеч. 26).

[33] Трубецкой возражает против предоставления палатам права судить о правильности проведения выборов, права пересмотра списков избранных депутатов. Хотя это замечание автор позднее вычеркнул, но сам факт его раздумий над необходимостью охранения суверенитета избранных депутатов, гарантирования их неприкосновенности свидетельствует о демократичности его убеждений.

[34] По-видимому, замечание касается не вопроса о целесообразности документального фиксирования результатов деятельности исполнительного органа правительства, а предложения обосновать необходимость такого фиксирования.

КОНСПЕКТ МАНИФЕСТА К РУССКОМУ НАРОДУ

ЦГАОР, ф. 48, оп. 1, д. 333, л. 172 об. — 173 об.

Впервые Манифест был опубликован М. В. Довнар-Запольским в 1906 г. (Мемуары декабристов, с. 94—95); затем Центрархивом в 1925 г. в составе следственного дела С. П. Трубецкого (*ВД*, т. 1, с 107—108).

При составлении этого программного документа Трубецкой исходил из возможности введения как республиканского, так и конституционного строя, поскольку к моменту восстания вопрос о форме правления оставался открытым и решение его вменялось в обязанность Временному правительству.

Не касаясь вопроса об имущественном или каком-либо другом цензе для выборов в Учредительное собрание, Манифест допускал возможность решения его с прогрессивных и демократических позиций (Нечкина, т. 2, с. 232—233).

[1] Текст воспроизводится по автографу, который представляет собой листок размером в $^1/_2$ долю, заключенный в особую обложку. Листок был вырван из тетради, в которую Трубецкой собственноручно переписал проект Конституции Н. М. Муравьева.

Документ названия не имеет. В показаниях декабристов он называется Манифестом или Манифестом к русскому народу. Трубецкой в показаниях называет его «известной запиской»; в воспоминаниях — «программой 14-го».

[2] Дата устанавливается на основании свидетельства самого Трубецкого, переданного Е. И. Якушкиным, что «программа 14-го» была составлена 13 декабря вечером (Декабристы на поселении, с. 55).

[3] В качестве эпиграфа поставлены слова молитвы за Отечество.

[4] Манифест предполагалось печатно обнародовать в день восстания, о чем свидетельствует сам Трубецкой: «Манифест сей должен бы был быть разослан в тот же день» (*ВД*, т. 1, с. 66). Д. Завалишин писал, что Манифест печатался ночью, накануне восстания (Завалишин, с. 193). В связи с вопросом о распространении Манифеста привлекает внимание заметка издателя журнала «Русский архив» П. И. Бартенева, в которой он указывал, что неоднократно слышал от Д. Н. Блудова (автора Донесения Следственной комиссии, директора Государственного архива Российской империи, куда под личную его ответственность были переданы на хранение материалы Следственной комиссии и Верховного уголовного суда), что в типографии Н. И. Греча, на Невском проспекте, принадлежавшей одному «фактору», прусскому подданному (фамилия не указывается), «в день 14 декабря 1825 г. произошло убийство, которое наводило на мысль: не печатался ли в ней Манифест декабристов; но что следы были скрыты» (РА, т. 1, 1894, с. 453). Интересно и то, что М. Лунин приобрел литографский станок для печатания революционных прокламаций тоже

на Невском проспекте «у одного мастера» (Окунь С. Б. Декабрист М. С. Лунин. Л., 1962, с. 54).

[5] Провозглашая уничтожение права собственности на людей, Манифест оставлял открытым вопрос об уничтожении феодальной зависимости крестьян и о ликвидации прикрепления их к земле (Дружинин Н. М. Программа северных декабристов. — Изв. АН СССР. Сер. истории философии. М., 1951, т. 8, № 1, с. 45). На следствии Трубецкой показал, что Манифестом собирались «объявить, что даются равные гражданские права всем сословиям (не произнося, однако ж, слова *вольности* для крестьян, чтоб тем не сделать возмущений) (*ВД*, т. 1, с. 65—66).

[6] Взамен постоянной армии, этого могущественного аппарата защиты монархического строя, Манифестом провозглашалось образование народной милиции, подчиненной представительному правлению и призванной выполнять функции внутренней стражи—защитницы интересов нового государственного строя (Дружинин Н. М. Программа северных декабристов, с. 42—43).

ЗАПИСКА-ПОКАЗАНИЕ ОБ ИСТОРИИ ТАЙНЫХ ОБЩЕСТВ

ЦГАОР, ф. 48, оп. 1, д. 333, л. 23—43

[1] Впервые записка была опубликована в 1906 г. М. В. Довнар-Запольским (Мемуары декабристов, с. 72—93). Вторично издана Центрархивом в 1925 г. в составе следственного дела Трубецкого (*ВД*, т. 1, с. 22—39). Документ воспроизводится по автографу.

Записка-показание была передана Трубецким председателю Следственной комиссии А. И. Татищеву 27 декабря 1825 г. вместе со списком членов тайного общества и другими документами, составленными им 25—27 декабря.

[2] Документ не датирован, дата устанавливается по содержанию двух писем Трубецкого А. И. Татищеву от 25 и 27 декабря 1825 г. В первом письме записка еще не упоминается, а во втором уже препровождается.

[3] *Муравьев Александр Николаевич* (1792—1863) — полковник Генерального штаба, один из основателей Союза спасения, член Союза благоденствия, был осужден по 6-му разряду в каторжную работу на 6 лет, замененную ссылкой в Сибирь.

[4] Имеется в виду Сергей Павлович Шипов (см. примеч. 108 в наст. т., с. 378).

[5] До 1816 г. С. П. Трубецкой не был масоном.

[6] *Шилль* — майор прусской армии, предпринял в 1809 г. попытку организовать восстание с целью освобождения Германии от власти Наполеона. Трубецкой указывает на существовавшее мнение о влиянии Тугендбунда на действия Шилля, хотя последний не был членом этого общества (Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, с. 419—420).

[7] *Штейн Генрих Фридрих Карл* (1757—1831) — министр финансов Пруссии, прогрессивный деятель, руководил борьбой немецких патриотов за освобождение Германии от наполеоновского господства. Поддерживал тайную организацию Тугендбунд (см. примеч. 17 в наст. т., с. 364), считая, что «патриотический дух в Северной Германии проявил себя с помощью Тугендбунда» (Лан-

да С. С. Дух революционных преобразований. 1816—1825. М., 1975, с. 49).

[8] «Гнезенау» — *Гнейзенау Август Вильгельм Антон*, граф *Нейтгард* (1760—1831) — видный прусский военно-политический деятель, участник сражений против армии Наполеона, выступал против телесных наказаний в армии, сочувствовал идеям Тугендбунда, хотя и не был членом этого тайного общества (Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов, с. 419—420, 583).

[9] Об управах Союза благоденствия в Петербурге см. примеч. 24 в наст. т., с. 365).

[10] Павел Иванович Пестель приехал в Петербург в марте 1824 г.

[11] *Бестужев-Рюмин Михаил Павлович* (1801—1826) — подпоручик; после восстания в Семеновском полку при его расформировании был переведен в Полтавский пехотный полк; видный член Южного общества.

[12] Имеется в виду Никита Михайлович Муравьев.

[13] *Бестужев Николай Александрович* (1791—1855) — капитан-лейтенант 8-го флотского экипажа, член Северного общества.

[14] То есть после 1821 г., ранее Трубецким был принят в Тайное общество Н. И. Тургенев (1818) и предположительно И. Г. Бурцов.

[15] *Щербатов Алексей Григорьевич, кн.* (1777—1848) — командир 4-го Пехотного корпуса, генерал от инфантерии.

[16] См. примеч. к п. 21 в наст. т., с. 364.

[17] *Бестужев-Рюмин Павел Николаевич* (отец декабриста) — помещик Нижегородской губернии.

[18] Имеется в виду конспект Манифеста к русскому народу (см. наст. т., с. 81—82.

[19] *Бестужев Михаил Александрович* (1800—1871) — штабс-капитан л.-гв. Московского полка, член Северного общества.

ПИСЬМА ЖЕНЕ Е. И. ТРУБЕЦКОЙ ИЗ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 3, л. 1—214

С первого дня заключения Трубецкому была разрешена переписка с женой. Однако письма должны были доставляться через доверенное лицо Николая I — А. Н. Голицына — открытыми «для представления его императорскому величеству» (*ЦГИА*, ф. 1280, оп. 1, д. 2, л. 120). В записках коменданту Петропавловской крепости Сукину при письмах Трубецкого и его жены сообщалось, что их «государь император читать изволил» (там же, л. 121—123, 126, 128). Право ежедневной переписки было дано только Трубецкому, Н. Муравьеву, Рылееву и М. Орлову; 58 декабристам разрешалось писать не более одного раза в две недели, остальным 98 заключенным писать не разрешалось без особого в каждом случае разрешения царя (там же, д. 6, л. 147—155).

Названные выше четверо руководителей заговора были женаты и счастливы в семейной жизни. Николай использовал психологическое состояние заключенных, страдавших еще и за судьбу своих жен. Переписка использовалась, с одной стороны, как ис-

точник дополнительного досмотра за состоянием духа узников, чтобы с большей вероятностью воздействовать на них в нужном следствию направлении, с другой — позволение писать создавало иллюзию милосердия со стороны монарха. По переписке Трубецкого это прослеживается особенно отчетливо. В своих Записках Трубецкой указывает, что какое-то время верил в доброту царя и даже укорял себя в том, что был к нему несправедлив. Действительно, внешне все выглядело так, как представлялось Трубецкому, то есть что «государь хочет делать благодарных, а не несчастных (письма 17, 21)*; что он способен сказать: «Иди, совершенно прощаю тебя и все, что было, забываю» (п. 25); что царь хочет сделать для узников больше, чем может (п. 22); наконец, что наказание для всех не будет слишком суровым. Трубецкому казалось, что по отношению лично к нему царь проявляет добрую волю. Этому свидетельствовало обещание сохранить жизнь (при первом допросе), разрешение постоянной переписки с женой, неприменение к нему «нежелательных» мер, разрешение свидания с сестрой, женой... Знаки «благодеяния» были налицо. О милосердии царя постоянно напоминали следователи на допросах, священник при посещении, жена в письмах.

Письма Трубецкого жене раскрывали перед Николаем душевное состояние узника, позволяли оказывать на него давление в зависимости от того, слабела ли воля заключенного или он держался стойко. Умело используя оружие, оказавшееся в его руках, Николай мог воздействовать на заключенного успешнее любой физической меры воздействия; Трубецкой писал, что если бы «страданием самым ужасным целый век мог тебе доставить счастливые минуты, с какою бы радостию я все потерпел, что можно только вообразить жесточайшего» (п. 16). Скорее всего, перед физическими страданиями Трубецкой действительно устоял бы, но сознание собственной неблагодарности царю за его благодеяния, доброту и участие расслабляло волю.

Самой страшной мерой наказания (как выяснялось из писем) была угроза лишения переписки или временная задержка писем, так что узник терзался сомнением, получит ли их вообще. Учитывалась и глубокая душевная подавленность Трубецкого, вызванная крахом дела всей его жизни, арестом друзей, чувством вины перед ними, переживаниями, связанными с унижением достоинства человека, жившего всегда благородными целями, а теперь представленного злодеем, убийцей. Николай использовал также переживания Трубецкого, вызванные строгим одиночным заключением, угрызениями совести за разрушенное счастье и благополучие горячо любимой жены, а также его духовную раздвоенность верующего человека, мучимого своими «прегрешениями» (думал, что христианин, а был только фарисеем) (п. 103). Состояние ощущения вины перед богом, государем постоянно поддерживалось у заключенного. Нельзя упускать из виду и воздействие писем жены. Крайняя религиозная настроенность Трубецкой, ее самопожертвование чрезвычайно влияли на душевное состояние Трубецкого. Единственным путем к спасению, в том числе и к спасению души, она видела а скорее всего ей подсказывали все окружающие, убеждая, что царь

* Далее сокращенно: «п.».

милостив, путь чистосердечного признания и искреннего раскаяния. Об этом она молила мужа, это и было лейтмотивом всех ее писем. С другой стороны, на характере писем Екатерины Ивановны могла сказаться и возможная ее осведомленность о том, что их переписка шла через руки царя. Она могла знать об этом непосредственно от А. Н. Голицына, близкого к семье Лаваль, или от Мысловского — духовника ее матери.

Как бы там ни было, но Николаю I удалось в тот период подавить Трубецкого психологически, одновременно вызвав в нем убежденность в своем великодушии. Однако в письмах начиная с 9 мая прослеживается постепенное изменение этого взгляда. Благодарность, надежды на лучшее все реже связываются с именем царя. Отныне «упование» только на бога. Окончательное отрезвление пришло к нему, как, впрочем, и ко многим заключенным, в день объявления приговора. Казнь пяти товарищей в корне изменила прежнее представление о Николае. Не имея возможности писать открыто обо всем происшедшем, Трубецкой не мог удержаться, чтобы не заметить, как он «нимало не был подготовлен к тому, что было», как «не предвидел ужасного конца, которое имело дело» (п. 124, 125). Слова благодарности богу за то, что решение их участи отдал в руки «государя, оправдывающего благодарность» (п. 126), — это скорее пассивное согласие с мнением жены, если не скрытая ирония.

Почти все письма Трубецкого, особенно те, которые писались в наиболее критические для него моменты, наполнены религиозными рассуждениями, ссылками на евангелие, послания апостолов и т. п. В них заметно стремление найти опору, нравственную поддержку в привычном веровании в «провидение», что было в еще большей степени свойственно Екатерине Ивановне. Сюжеты писем наводят на мысль, что, не имея возможности открыто говорить о том, что их более всего тревожило (разрешалось писать только о сугубо семейных или имущественных делах), они старались говорить о своих опасениях, надеждах, чувствах, стремились ободрить друг друга, прибегая к понятному им обоим языку религиозных символов, позволявших сказать больше, чем было возможно. И не только это: избранную Трубецким линию поведения на следствии он последовательно проводил и через письма к жене. Нарочитое подчеркивание готовности говорить истину имело ту же цель, что и в показаниях, то есть создать впечатление раскаяния, уверить в искренности. Не случайно, когда возникало опасение, что пространным, но крайне уклончивым его показаниям все-таки не верят, он спешил в письмах к жене подчеркнуть, что прилагает все старания, чтобы «мною были довольны» (п. 5,34). В некоторых случаях письма Трубецкого вызывают ощущение, что они адресованы не только Екатерине Ивановне, но в значительной мере их венценосному цензору.

За время заключения Трубецкой написал 193 и получил от жены 201 письмо. Несколько его писем, скорее всего из полицейских соображений, не были доставлены адресату и оказались утраченными.

Для публикации отобраны 132 письма. Исключены письма, наполненные религиозными рассуждениями, выписки из евангелия и тому подобные. Наряду с письмами, относящимися к наиболее

критическим моментам содержания Трубецкого в секретной тюрьме, допросов, суда и приговора, публикуются и «ординарные» письма. Несмотря на узость и однообразие сюжета писем, обусловленные одиночным заключением и требованиями цензуры, несмотря на перегруженность писем религиозными толкованиями, часто мешающими современному читателю вникнуть в смысл написанного, все письма в комплексе представляют интерес как с бытовой, так и с психологической стороны: они раскрывают перед нами неповторимость самой личности декабриста, рисуют день за днем картину страданий, тревог, надежд и чаяний, чувств и мыслей, настроений человека, сознающего всю меру своей вины не только перед женой и близкими, но и перед товарищами. В его письмах вся гамма человеческого горя и вместе с тем безграничная любовь, доброта, сопереживание беде других, стремление утешить, и это — когда собственная жизнь «висит на волоске».

Все письма к жене на русском языке (писать на других языках не разрешалось). Письма публикуются впервые, по автографам. Даты воспроизводятся в точном соответствии с оригиналами. На оборотной стороне каждого письма надпись: «Княгине Екатерине Ивановне Трубецкой». Перед датой имеется номер письма, проставленный рукой Е. И. Трубецкой. Опускается в верхней части писем цифра 7 — номер камеры, в которой содержался Трубецкой и куда письма доставлялись. Письма расположены в хронологической последовательности. В некоторых случаях для пояснения в примечаниях приводятся выдержки из встречных писем Е. И. Трубецкой. Над каждым письмом проставлен порядковый номер, на который дается ссылка в тексте и примечаниях.

Письма Е. И. Трубецкой хранятся в фонде С. П. Трубецкого (*ЦГАОР*, ф. 1143, оп. 2, д. 1 — письма с 15 декабря 1825 г. по 5 апреля 1826 г. и д. 2 — письма с 6 апреля по 22 июля 1826 г.) Ссылки даются только на дела и листы.

1 (л. 1—1 об.)

[1] Письмо написано во время допроса Николаем I 15 декабря. В ответ на него Е. И. Трубецкая на следующий день написала: «Впрочем, какая бы судьба тебя ни ждала, будь уверен, *что мне все будет легко* и хорошо с тобою. В *моих глазах* <...> *и противу меня* ты никогда не можешь быть виноватым» (д. 1, л. 1—3. Курсив оригинала).

[2] Фраза не закончена. По смыслу далее должно было бы следовать продолжение: «ни в искренности, ни <...>» в чем-то еще, в чем Трубецкой не мог убедить царя. Отсутствие знака препинания также свидетельствует о незавершенности предложения. Следующая за ней фраза написана на обороте листка. По-видимому, подошедший в этот момент Николай помешал выразить мысль до конца.

2 (л. 2)

[1] Письмо написано после допроса Трубецкого 17 декабря В. В. Левашовым.

[2] У Трубецкого, по-видимому, был туберкулез легких, отчего часто шла горлом кровь. В донесении шахтмейстера Благодатского рудника начальнику Нерчинских заводов от 22 февраля 1827 г. о состоянии здоровья «государственных преступников» сказано,

что Трубецкой страдает «болью груди, кровохарканьем» (*ЦГИА*, ф. 1093, оп. 1, д. 316, л. 94).

[3] «Володенька» — пятилетний племянник Трубецкого, сын Александра Петровича, взятый на воспитание Трубецкими.

[4] Сестры Е. И. Трубецкой: *Зинаида Ивановна* (1804—1873), с 1823 г. замужем за посланником Австрии в России гр. *Людвигом-Адамом Лебцельтерном* (1774—1854); *Софья Ивановна* (1809—1872), с 1833 г. замужем за гр. *Александром Михайловичем Борхом* (1804—1867), дипломатом, камергером, церемониймейстером; *Александра Ивановна* (1811—1886), с 1829 г. замужем за гр. *Станиславом Иосифом Щенсны-Коссаковским* (1795—1872), дипломатом, церемониймейстером Королевства Польского, литератором. Сестра Трубецкого *Елизавета Петровна* (1794—1870-е), с 1817 г. замужем за гр. *Сергеем Павловичем Потемкиным* (1787—1858), поэтом, драматургом. Потемкина жила в Москве, приехала в Петербург незадолго до возвращения Трубецких из Киева.

[5] Имеется в виду Николай I.

[6] *Трубецкой Александр Петрович*, кн. (1792—1853) — брат декабриста, полк. Киевского драгунского полка; после отъезда Трубецких в Петербург жил в Киеве в их квартире.

[7] Кто это, установить не удалось.

3 (л. 3)

[1] Письмо написано после тяжелого для Трубецкого допроса 23 декабря (см. вступ. ст. к наст. т., с. 58—59).

[2] Имеется в виду Николай I, разрешивший им переписку.

[3] «Лиза» — *Елизавета Петровна Потемкина;* «маменька» — гр. *Александра Григорьевна Лаваль* (1773—1850) — мать Е. И. Трубецкой; «бабушка» — *Екатерина Ивановна Козицкая*, урожд. Мясникова-Твердышева (1746—1833); «тетушка» — кн. *Анна Григорьевна Белосельская-Белозерская* (1773—1846), сестра А. Г. Лаваль.

4 (л. 4—4 об.)

[1] Письмо написано после «передопроса» Трубецкого 24 декабря, когда отношение к нему допрашивающих резко изменилось. Он писал председателю Следственного комитета А. И. Татищеву, что «увидел сожаление, напечатленное на лицах всех господ, пред коих я предстать был должен, когда я увидел... что не ищут единственно посрамления моего и что мне не прегражден путь говорить истину» (*ВД*, т. 1, с. 13).

[2] Подчеркнутая благодарность Николаю вызвана изменением тактики допроса и переходом от грубых, оскорбительных выпадов к корректному обращению, что у Трубецкого справедливо связывалось с вмешательством царя.

[3] 25 декабря Трубецкой получил письмо от жены, сыгравшее решающую роль в выборе им линии поведения на следствии. Екатерина Ивановна писала: «Сегодняшнее письмо мне возвратили, милый друг. Государь мне приказал сказать, что если ты будешь продолжать теперешний образ поведения, то у нас отнимут утешение, которым мы так дорожим. Друг мой, один есть способ пользоваться счастьем переписываться — тебе быть искренним. На

коленях молю тебя отвечать со всею искренностью, тебе свойственной, на все вопросы. Признайся, мой ангел, в чем требуют от тебя признания. Именем бога, именем всего, что для тебя есть святого, ангел мой, жизнь моя, согласись на мою просьбу, не лиши меня одного утешения, которое меня поддерживало. Сжалься надо мною, подумай о моем положении, если нас лишат возможности знать друг о друге. Мой ангел, чего таить то, что уже знают, хотят, чтоб ты признался в таких вещах, которые уже знают и без тебя. Мой друг, не откажи мне в моей просьбе, ради бога, подумай об этом. Еще позволяют мне давешнее письмо тебе препроводить, потом уже прекратится наша переписка, если оставишь молитву мою без внимания. Мой друг, мой ангел, целую тебя, колени твои обнимаю. О, сжалься надо мною, ради Христа!» (д. 1, л. 16 и об.).

В этот день Трубецкой начал писать «покаянное» письмо на имя Татищева, но колебался, отправлять ли его. Получив письмо жены, он окончательно принял решение подготовить правдоподобное показание, создав им видимость полного раскаяния и искренности. Сомнения в успешном завершении этого предприятия владели им до 28 декабря, пока он не убедился, что ему поверили.

5 (л. 6—6 об.)

[1] 25 декабря последовало распоряжение царя о лишении Трубецкого права переписки с женой вследствие неудовлетворительности ответов его на допросе 23 декабря.

[2] Трубецким владели серьезные опасения, что его показаниям «не дадут веры» и тогда запретят переписку окончательно, а это, по его убеждению, было бы ударом для жены, пережить который у нее недостало бы сил.

6 (л. 8—8 об.)

[1] 27 декабря Е. И. Трубецкая писала, что «после страху и несказанных беспокойств», вызванных запирательством Трубецкого и лишением их права переписки, получив письмо мужа, поняла, что он «решился на то, чего от тебя требовали». Возможно, ей стало известно и решение Следственной комиссии от 27 декабря разрешить им переписку «в уважение полного и чистосердечного показания кн. Трубецкого насчет состава и цели общества».

[2] Преувеличенное чувство благодарности Николаю было вызвано разрешением дальнейшей переписки с женой.

7 (л. 10—11)

[1] 30 декабря Трубецкая писала, что только в его искренности и раскаянии «одно наше спасение не токмо в сей жизни, но и в будущей <...>. Здоровье мое одним держится». (д. 1, л. 23).

[2] Письмо Трубецкого от 27 декабря было задержано тюремной администрацией и оказалось утраченным. Очевидно, в нем говорилось о переживаниях в связи с принятым решением подать на имя председателя Следственной комиссии А. И. Татищева записку-показание с изложением истории тайных обществ и списком членов организации (см. наст. т., с. 82—102).

8 (л. 16)

[1] Письма Трубецкой от 1 и 2 января полны беспокойства о здоровье мужа, просьб не предаваться тоске, унынию, отчаянию: «Нам ожидать светлого счастья нельзя<...>, но не все еще для нас пропало: когда будем мы вместе, будем подкреплять друг друга взаимной любовью <...> или ты думаешь, что мне жаль всего, что в свете так ценится? Друг мой, я все сие с радостью отдам за раскаяние твое <...>. Я, право, чувствую, что не смогу жить без тебя. Я все готова снести с тобою <...>, не буду жалеть ни о чем, когда буду с тобой вместе. Меня будущее не страшит. Спокойно прощусь со всеми благами светскими. Одно меня может радовать: тебя видеть, делить твое горе <...> и все минуты жизни своей тебе посвящать» (д. 1, л. 26—27).

[2] Благодарность Николаю вызвана обещанием разрешить им свидание. Об этом Трубецкая сообщила в письме от 31 декабря: «Если ты будешь продолжать искренно и откровенно во всем признаваться, как ты теперь начал делать, то <...> подают надежду позволить нам свидание <...>, помни, какое утешение ты можешь нам обоим доставить» (д. 1, л. 25).

9 (л. 17—18)

[1] *Александр Петрович Трубецкой.*

[2] *Елизавета Николаевна Трубецкая*, урожд. Бахметьева, умерла в 1825 г.

10 (л. 23—23 об.)

[1] Возможно, Татьяна Борисовна Потемкина — двоюродная сестра Трубецкого; ее именины 13 января. Скорее всего, 14 января — день рождения Марфы Петровны Трубецкой.

11 (л. 25—26)

[1] *Трубецкой Никита Петрович*, кн. (1804—1886) — брат С. П. Трубецкого, корнет Кавалергардского полка.

12 (л. 28)

[1] Имеются в виду 13—15 декабря — дни подготовки восстания, его поражения и начала арестов и допросов. Переживания Трубецкого усугублялись тяжелыми допросами 10—12 января и требованиями дополнительных письменных показаний (*ВД*, т. 1, с. 48—54).

13 (л. 29—30)

[1] Установить, через кого Трубецкой получал сведения о жене, не удалось.

14 (л. 33—34)

15 (л. 35—36)

[1] 16 января Трубецкому, видимо, не разрешили писать жене (см. п. 13).

16 (л. 37—38)

[1] Отсутствие писем породило у Трубецкой опасение нового запрета переписки.

17 (л. 45)

[1] Письмо от 26 января утрачено.

[2] В письме от 25 января Трубецкая писала: «Меня будущее

иногда беспокоит на твой счет. Иногда страшусь, чтоб тяжкая твоя участь не показалась тебе свыше сил твоих. Но, друг мой, на коленях тебя прошу о том: приготовься ко всему. Решись все снести, что б нас ни ждало, с чувством истинного христианина. Когда ты заслужишь вполне то, что нас ждет, то необходимо должно нам принять наказание с чувством благодарности и совершенной покорности. Необходимо отказаться от всего земного и в одном боге искать утешения и силы. Не только удел наш будет весьма горестный, но мы непременно должны ожидать на каждом шагу тьму неприятностей всякого роду. Может быть, мы мало найдем состраданья или даже во всех посторонних людях найдем строгих судей, которые ни раскаянию твоему не будут верить, ни тому, что ты бы жизнью рад был воротить все прошедшее. Все сие, конечно, прибавит много к тому, что нам суждено терпеть; но, друг мой, ради Христа, заранее ко всему этому приготовься. Я бы не стала тебе об этом говорить, если бы не страшилась, что оно иногда тебе покажется слишком тяжело... Мне же, друг мой, все будет легко переносить с тобою вместе, и чувствую, ежедневно сильнее чувствую, что как бы худо нам ни было, от глубины души буду жребий свой благословлять, если буду я с тобою» (д. 1, л. 72—73 об.).

18—19 (л. 47, 52)

20 (л. 53)

[1] Ни одного упрека не было сделано А. Г. Лаваль зятю (см. п. 57, 122), не только явившемуся причиной горя ее дочери, но и подавшему повод к серьезным неприятностям как для семьи, так и для нее лично. В обществе шли упорные разговоры о том, что А. Г. Лаваль сама подверглась допросу в III Отделении (Воспоминания М. Ф. Каменской. — Исторический вестник, 1894, т. 58, № 10, с. 48); сенатор П. Г. Дивов в своем дневнике, констатируя продолжавшиеся аресты, назвал в числе арестованных А. Г. Лаваль (Петербург в 1825—1826 гг. По дневнику П. Г. Дивова. — РС, 1897, т. 89, с. 471). Распространялись слухи о том, что в доме Лаваль было заготовлено революционное знамя, которое разыскивали (История лейб-гвардии Павловского полка. СПб., 1875, с. 276). Слухи эти получили отклик за границей. Так, австрийский канцлер К. Меттерних запрашивал 14 марта 1826 г. своего посла Лебцельтерна: «Меня спрашивают из Лондона, как возможно, чтобы мадам Лебцельтерн могла вышивать знамя для конституционной армии?» (Вел. кн. Николай Михайлович. Донесения австрийского посланника при русском дворе Лебцельтерна. 1816—1826 гг. СПб., 1913, с. 325).

Хотя Николаем и было официально объявлено, что родные осужденных не будут считаться причастными к заговору, в отношении семьи Лаваль, которой всегда оказывалось внимание со стороны двора, долго еще царь проявлял холодность, и только в 1841 г. А. Г. Лаваль в письме к дочери Зинаиде, в Неаполь, сообщила, что Николай, впервые после событий 1825 г., был у них на балу (Кологривов И. Княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая, т. 62, с. 249—250). Французский поэт Де-Виньи, написавший поэму «Ванда», в которой прообразом главной героини была Е. И. Трубецкая, спрашивал в 1834 г. ее сестру А. И. Коссаковскую: «Я сопротивлялся желанию послать вам эту поэму, написанную для вас

одной.<...> Если вы пожелаете, она будет когда-нибудь напечатана, если нет — она навсегда останется в тени. <...> Было время, когда она могла бы быть опасной для кого-нибудь из вашей семьи <...>, обстоит ли дело иначе сейчас?» (*ЦГИА* Лит. ССР. ф. 1279, оп. 1, д. 59, л. 76 об. — 77. Подлинник на франц. яз.). До самой смерти, в 1850 г., А. Г. Лаваль оказывала помощь своим детям в Сибири, проявляла доброжелательное отношение к зятю. Неизменным было сочувствие к Трубецкому и других членов семьи, в частности С. И. Борх, о которой П. В. Долгоруков писал, что она «одна из самых выдающихся русских женщин <...> в течение всей ссылки была добрым ангелом своей сестры, ее мужа и детей» (Долгоруков П. В. Петербургские очерки. М., 1934, с. 350). Об участии и уважении к Трубецкому свидетельствуют записки З И. Лебцельтерн (Екатерина Трубецкая, с. 181—193), воспоминания М. А. Голицыной (*ГБЛ*, ф. 218, ед. хр. 16).

21 (л. 55)

1 2 февраля — день рождения брата Е. И. Трубецкой *Владимира Лаваля* (1803—1825), корнета Конной гвардии, покончившего жизнь самоубийством в апреле 1825 г. Согласно донесению шефа жандармов А Х. Бенкендорфа Александру I причиной самоубийства явилось «вольнодумство» (*ЦГИА*, ф. 1049, оп. 1, д. 4444, л. 539).

22 (л. 58)

23 (л. 59)

1 Речь идет о тяжелых для Трубецкой воспоминаниях о брате (см. примеч. к п. 21).

24 (л. 60)

25 (л. 16)

1 Речь идет о З. И. и Л.—А. Лебцельтернах.

26—27 (л. 62—64)

28 (л. 65)

1 См. п. 2 и примеч. 7 к нему.

29 (л. 66)

30 (л. 67)

1. 15 февраля Трубецкой был вызван на допрос, после чего от него потребовали письменных пояснений по поводу его просьбы отпустить в 4-й корпус, о вызове накануне восстания М. Орлова из Москвы, поездке его за границу с проектом конституции для согласования его с «первейшими публицистами Европы», о плане восстания 14 декабря, которым предусматривалось занятие Зимнего дворца, Сената, Петропавловской крепости, арест императорской фамилии и т. д. (*ВД*, т. 1, с. 55—57). Общий смысл ответов Трубецкого сводился к признанию своей вины: «Показать на других, чего не знаю или в чем не уверен, я никогда не осмелюсь, ибо тогда я буду только гнусным клеветником, не долженствующим ожидать пощады ни от бога, ни от государя, и клевета моя обнаружится. Если же против меня самого есть и будут впредь какие обвинения, в опровержении коих я не могу представить ясных доказательств, я всепокорнейше прошу Комитет быть удовлетворенным, что я заранее все их на себя принимаю, ибо я также не имею

права думать, чтоб кто меня хотел клеветать, но должен предполагать, что оное у меня из памяти вышло» (там же, с. 73—74). Вопросные пункты давались в развитие его записки-показания от 25—27 декабря (см. наст. т., с. 82—102), что служит подтверждением неудовлетворенности Комитета представленными показаниями.

31 (л. 68)

[1] См. примеч. к п. 30.

32 (л. 71)

[1] В ходе следствия было установлено согласие Трубецкого на физическое уничтожение царя в случае его сопротивления. Видимо, именно это имел в виду Трубецкой, говоря о своих «винах» перед Николаем.

33 (л. 72)

[1] В течение 16—20 февраля Трубецкой составлял письменные ответы на вопросы, полученные им после допроса 15 февраля (см. примеч. к п. 30).

[2] В письме от 20 февраля Трубецкая писала: «На коленях тебя прошу, мой милый друг, если ты еще имеешь что на душе, чего не успел или не смог сказать, ради бога, признайся в том. Теперь <...> уже непременно надобно отказаться от всякого чувства, которое бы могло тебе в том помешать. Раскаяние твое не может другого плода принести, как самое искреннее чистосердечное признание» (д. 1, л. 107). Из письма Трубецкой следует, что одно только раскаяние Трубецкого больше не удовлетворяло следствие. Нужны были конкретные показания: вот тот «плод», которого от него ждали.

34 (л. 73)

[1] Письмо от 19 февраля, на которое Трубецкая ответила 21 февраля: «К ногам твоим бросаюсь, заклинаю тебя, чтобы просить о том, ради Христа, не впадай в уныние... неужели бог не помилует тебя, которого совесть так мучит, как я вижу из каждого твоего письма и как я могу себе представить, зная душу твою» (д. 1, л. 108).

[2] Поводом к запрещению дальнейшей переписки могло быть подозрение Комитета о намеренном замалчивании Трубецким истины в показаниях на вопросы, данные ему 15 февраля (см. примеч. к п. 30).

[3] По-видимому, Николай I решил не придавать значения сомнениям Комитета, так как запрещения переписки не последовало.

[4] Было серьезное опасение, что писем в дальнейшем пропускать не станут, поэтому так обрадовали Трубецкого письма, написанные Екатериной Ивановной накануне. Это означало, что опасность миновала, в связи с чем он и просил жену не беспокоиться.

35 (л. 74)

[1] Все эти дни Трубецкой находился под впечатлением угрозы лишения переписки с женой из-за недоверия Следственного комитета к его показаниям. Пережитые опасения скрыты за преувеличенным выражением благодарности царю за милость, которой он уже не ждал. Успокаивая жену на будущее, он пытался дать ей понять, насколько возможность получить разрешение на свидание требует от него величайшей осторожности и что, как бы ни казалось это желание достижимым, опасность «прогневить бога моего», иначе говоря, не суметь убедить Следственный комитет, оставалась.

36 (л. 76)

37 (л. 77)

[1] Возможно, Трубецкой имел в виду окончание многочисленных допросов 9, 10, 11, 12 января, 2 и особенно 15 февраля и подготовку письменных ответов на вопросные пункты.

38 (л. 78)

39 (л. 79)

[1] Перерыв в переписке между 26 февраля и 6 марта произошел вследствие раннего вскрытия Невы, прервавшего сообщение с Петропавловской крепостью.

40 (л. 83)

41 (л. 85)

[1] *Трубецкой Петр Петрович*, кн. (1793—1840) — брат декабриста, участник Отечественной войны, полковник артиллерии; с 1823 г. в отставке, с 1824 г. статский советник, начальник одесского таможенного округа. Был членом Союза благоденствия, от общества отошел в 1821 г. По делу декабристов не привлекался; «за непринадлежностью к позднейшим тайным обществам оставлен без внимания» (*ВД*, т. 8 — Алфавит декабристов, с. 187). Е. И. Трубецкая извещала о письме, полученном от П. П. Трубецкого.

[2] *Трубецкой Александр Петрович* (см. примеч. 6 к п. 2).

42—47 (л. 88—96)

48 (л. 97)

[1] Почта задержалась из-за ледохода по Неве.

49—50 (л. 98—99)

51 (л. 100)

[1] В письме от 25 марта Е. И. Трубецкая сообщала о предполагаемом отъезде Е. П. Потемкиной в Москву по вызову мужа.

52 (л. 101)

53 (л. 102)

[1] Накануне Трубецкой получил от Комитета вопросные пункты с требованием подробного ответа о второй части «Зеленой книги», об организации управ Союза благоденствия и вольных обществ (кем и когда они были основаны). Сложность положения Трубецкого заключалась в том, что, отдавая себе отчет в определенной осведомленности Комитета о его деятельности, он не мог знать степени этой осведомленности и потому всячески старался уклоняться от прямых ответов (*ВД*, т. 1, с. 85—86).

[2] Многочисленные факты, противоречащие уверениям Трубецкого, свидетельствуют о его расчетливой игре, тактических уловках, в которых определенную роль играли и письма к жене, которые читались Николаем I.

54—55 (л. 103—104)

56 (л. 105—105 об.)

[1] Свидание с сестрой Е. П. Потемкиной. Разрешение было дано на понедельник 29 марта, но из-за ледохода на Неве свидание

состоялось 1 апреля. На письмо Потемкиной Николаю I с выражением благодарности за разрешение ей свидания с братом царь лицемерно писал: «Я очень счастлив, графиня, что печальная услуга, которую я имел возможность вам оказать, доставила вам несколько минут утешения. Я желаю, чтоб вы убедились в том, как тяжело мне быть вынужденным к принятию таких мер, которые, будучи необходимыми для благосостояния *всех*, повергают в отчаяние целые семьи, я думаю, что я не менее жалок, чем они. Я желал бы иметь случай быть вам полезным в чем-нибудь. Вы нуждаетесь в утешении, *я это знаю*, и, простите мне выражение, тем более я уважаю вас в вашей покорности. Пользуйтесь мною всегда и верьте, что этим вы мне доставите удовольствие и окажете одолжение. Приказ отдан о свидании, которого вы у меня просите; я назначил его на понедельник на пасхе, так как этот день всего ближе к тому времени, которое вы мне указали. Сохраните мне ваше доверие и верьте моему совершенному и искреннему к вам уважению. Искренно любящий вас Николай. 4 апреля 1826 г. (подлинник на франц. яз.). (Записки кн. С. П. Трубецкого. СПб., 1906, л. 113—114). Курсив оригинала.

[2] Сергей Павлович Потемкин.

[3] Трубецкая отправила 2 апреля два письма, так как 3 апреля, в субботу, им писать не разрешили, о чем она уведомила мужа во втором письме.

57 (л. 106)

[1] Автор ошибся: 3 апреля была суббота.

[2] Трубецкой не обманывался. Верховным уголовным судом он был приговорен к смертной казни, которая волею Николая I была заменена пожизненной каторгой. Но в период следствия он не так уж безоговорочно верил в милосердие царя, как подчеркивал это в письмах жене. Сомнения проскальзывали и в письмах: «Бывают обстоятельства, которые тревожат меня на некоторое время» (п. 57), «благодарность моя к государю сопряжена с каким-то тягостным чувством» (п. 41), «почти весь день обладаем был каким-то непонятным равнодушием» (п. 80).

[3] Е. П. Потемкина собиралась вернуться в Москву вместе с братом. Он показывал на следствии: «<...> положили день отъезда, когда пришло известие о кончине покойного государя императора, и мы остались» (*ВД*, т. 1, с. 95). Развернувшиеся в дальнейшем события и беспокойства за судьбу брата задержали отъезд Потемкиной до 11 апреля.

58 (л. 107)

[1] Е. П. Потемкина пользовалась при дворе определенным влиянием. Ей удалось получить от Николая I разрешение на свидание Екатерины Ивановны с мужем и Александру Петровичу Трубецкому с братом (*ЦГИА* ф. 1280, оп. 1, д. 6, л. 217), однако свидание братьев состоялось только 16 июля (см. примеч. 1 к п. 127). Вполне вероятно, что Потемкиной были даны и обнадеживающие обещания, касающиеся дальнейшей судьбы Трубецкого.

Трубецкой надеялся, что добрая воля царя распространится на тех из его товарищей, которые были менее виновны, чем он, что Николай «хочет делать благодарных себе, а не несчастных», и далее подчеркивает: «Вот мои надежды, <...> и я на них твердо уповаю».

59—62 (л. 110—112, 114)

63 (л. 117)

[1] Пасха.

[2] Установить личность кредиторов Трубецкого и характер его долгов не удалось.

64 (л. 118)

[1] Видимо, Иван — *Иоганн Шпехт*, дворецкий в киевском доме Трубецких (*ВД*, т. 1, с. 77—84). Трубецкая в письме от 17 апреля сообщала, что поручила А. И. Трубецкому продать все, что оставалось в киевском доме, дом сдать, уплатив долг за его аренду.

65 (л. 119)

[1] Трубецкая опасалась, что надежды, которые высказывал Трубецкой в письмах после свидания с сестрой, окажутся несбыточными. Не вызывает сомнения, что она располагала об этом какими-то сведениями, о которых не могла написать мужу открыто. Информация могла идти через ее двоюродных сестер (одна — Е. А. Белосельская-Белозерская была замужем за влиятельным членом Следственной комиссии А. И. Чернышевым, другая — Е. В. Пашкова — за еще более влиятельным В. В. Левашовым) и брата — Э. А. Белосельского-Белозерского, большого ее друга, женатого на Е. П. Кочубей — падчерице начальника III Отделения А. Х. Бенкендорфа. Были и другие не менее осведомленные лица, от которых Трубецкая могла получить интересующие ее сведения. В письме от 16 апреля она писала: «<...> боюсь того, что можешь ты почувствовать, если сбудется с тобою более, нежели ты ожидаешь. Приготовь сердце свое все принять от руки господней с любовью и покорностью, какое бы страдание оно нам ни послало. <...>Я со своей стороны готова все снести с спокойствием и даже с благодарностью, только бы нам позволили быть вместе и вполне делить одну участь» (д. 1, л. 11).

66 (л. 121)

[1] 18 апреля — первый день пасхи. Трубецкий надеялся, что в этот день им разрешат свидание.

67 (л. 122)

[1] Свидание Трубецких состоялось 19 апреля 1826 г.

[2] Созвучные настроения владели и другими заключенными. Николай «умело возбуждал столь свойственное благородным людям чувство благодарности» (Щеголев П. Е. Петр Григорьевич Каховский. Пг., 1921, с. 56). Почти все письма декабристов из крепости содержат восхваления «милосердия государя». Например, Рылеев писал жене о милостях, оказанных Николаем, которые «глубоко врезались в сердце мое. <...> Я мог заблуждаться, могу вперед, но быть неблагодарным не могу» (Сочинения К. Ф. Рылеева. СПб., 1872, с. 296). Оболенский писал: <...> милосердие же твое, государь, меня победило» (Щеголев П. Е. А. С. Грибоедов и декабристы. СПб., 1905, с. 22—23).

68 (л. 123)

[1] Годовщина смерти брата Е. И. Трубецкой Владимира.

69 (л. 124)

[1] Речь идет о разрешении Николаем I свидания.

70 (л. 125)

71 (л. 126)

[1] На следствии Трубецкой упорно отрицал, что жена знала о его участии в тайном обществе, о чем он пишет и в Записках, однако имеются прямые свидетельства ее осведомленности о делах мужа (см. об этом: Вайнштейн А. Л., Павлова В. П. Декабристы и салон Лаваль. — В кн.: Литературное наследие декабристов. Л., 1975, с. 171—172). Возможно, что в данном случае Трубецкой преследовал цель предупредить жену и одновременно рассеять недоверие Николая к своим показаниям.

[2] Е. И. Трубецкая еще 19 марта писала: «Я знаю, что ты виноват перед богом и государем, но против меня <...> ты ничего не хотел грешить. Сделай милость, <...> не говори мне никогда, что ты предо мной виноват» (д. 1, л. 127). Барон Невилль в своих мемуарах пишет, что в Париже было распространено «любопытное письмо», в котором, в частности, упоминалось, что «княгиня Труб[ецкая] написала императору, что если ее муж сложит голову на эшафоте, он умрет мучеником *за самое святое*, за самое законное из дел <...>» (курсив оргинала) (Neuville J. baron Hyde de. Memoires et Souvenirs. T. 3. Paris, 1892, p. 309).

[3] Имеется в виду получение Е. П. Потемкиной разрешения на свидание Трубецкого с женой (см примеч. к п. 56 и 58).

72—76 (л. 127—128, 130—132)

77 (л. 136)

[1] 4 мая Трубецкой был вызван в Следственный комитет, после чего от него потребовали письменных ответов на 13 вопросных пунктов, основанных на показаниях Рылеева, сделанных 24 апреля. Вопросы касались сведений о роли Трубецкого в разработке плана восстания и учреждения Собора народных представителей. В ответах Трубецкой не отрицал в целом показаний Рылеева, вместе с тем на многие вопросы отвечал уклончиво, не договаривая истины. Почти в каждом из пунктов старался представить дело так, что Рылеев или его в свое время не понял, или ошибся и потому передает суть неточно. Многие ответы начинались с признания справедливости показания Рылеева, после чего следовало: «но» или «не могу ни подтвердить, ни оспорить показания Рылеева <...>, ибо не помню» (*ВД*, т. 1, с. 94, 96). В силу возникших разногласий Комитетом была дана им 6 мая очная ставка, на которой Трубецкой признал показания Рылеева (там же, с. 103—105).

78 (л. 138)

79 (л. 138)

[1] В этот день Трубецкому была дана очная ставка с Рылеевым (*ВД*, т. 1, с. 103—105; см. также примеч. к п. 77). Из скупых строчек письма можно понять, что «искушение» состояло в том, чтобы оправдаться перед следствием, но что он преодолел это «искушение», исправил положение, признавшись в справедливости показания Рылеева, и видел в этом исполнение того, что должен

был сделать. Объяснения этим недомолвкам содержатся в Записках Трубецкого (см. наст. т., с. 276).

80 (л. 139)

[1] По-видимому, состояние «бесчувственности», «непонятного равнодушия» было вызвано допросом 4 мая, подготовкой письменных показаний и очной ставкой с Рылеевым 6 мая. В своем показании Трубецкой писал: «<...> я не искал и не желал искать оправданий или защиты, ибо я и слишком чувствую мое преступление, и слишком знаю, какому подвергнулся наказанию, чтобы ожидать какой-либо пощады от закона» (*ВД*, т. 1, с. 100).

81 (л. 141)

82 (л. 143)

[1] 10 мая Е. И. Трубецкая писала: «С тобою быть — вот цель всех моих желаний <...>; я рада все оставить, со всеми расстаться для тебя. Для меня нет жертвы, когда я буду с тобою, и меня ничто не страшит, кроме мысли, что могут не позволить нам быть вместе» (д. 2, л. 39).

83 (л. 144)

[1] Понятие «непотребность» имело значение еще и как «ненужность», «бесполезность» (Даль В. И. Толковый словарь, т. 2, с. 529). В данном случае оно может иметь только последнее значение.

[2] Дача Лавалей находилась в Петербурге на Аптекарском острове. Не сохранилась (см. об этом: Вайнштейн А. Л., Павлова В. П. К истории повести А. С. Пушкина «Гости съезжались на дачу...» — Временник Пушкинской комиссии. 1966. Л., 1969, с. 36—43).

[3] Имеется в виду сестра Е. И. Трубецкой.

84—90 (л. 145, 149—150, 152 — 155)

91 (л. 156)

[1] Туне, втуне — даром (Даль В. И. Толковый словарь, т. 4, с. 443).

92 (л. 158)

93 (л. 159)

[1] Речь идет об отъезде из Петербурга З. И. Лебцельтерн и ее мужа, австрийского посланника Л.-А. Лебцельтерна, отозванного канцлером К. Меттернихом из России в связи с событиями 14 декабря и участием в них Трубецкого (см. примеч. к п. 20; Донесения австрийского посланника при русском дворе Лебцельтерна.., с. X—XV; Лебцельтерн З. И. Екатерина Трубецкая, с. 183—185). Е. И. Трубецкая после ареста мужа жила у сестры более трех недель, о чем писала 5 апреля: «Зинаида тебя обнимает, ты не можешь вообразить все, что она для меня сделала в первое время грусти моей. Она и муж ее оказали мне истинно самую нежнейшую, братскую любовь; дружба к тебе не изменилась, и я не могу тебе сказать, сколько моя к ним привязанность еще увеличилась» (д. 1, л. 143).

[2] Е. И. Трубецкая умерла в Сибири в 1854 г., так и не увидевшись более с сестрой, переписку с которой не прекращала до

конца жизни. Сам Трубецкой встретился с З. И. Лебцельтерн спустя 30 лет, в 1858 г., в Варшаве у А. И. Коссаковской (см. Лебцельтерн З. И. Екатерина Трубецкая, с. 190—191).

94—98 (л. 160—162, 171—172)

99 (л. 174)

[1] Установить, через кого Е. И. Трубецкая получала известия о муже, не удалось.

100—101 (л. 175—176)

102 (л. 177)

[1] Речь идет о женитьбе в Одессе Петра Петровича Трубецкого на Клеопатре Петровне Гика.

103 (л. 182)

[1] Е. И. Трубецкая просила мужа простить ее, если в чем-нибудь против воли своей перед ним виновата: «От души желаю иметь любовь к ближнему, подобную той, которую ты всегда имел, и не на словах только, а на деле; хотя я еще весьма от сего далека, но твердо уповаю со временем при помощи божьей получить сей дар» (д. 2, л. 43).

[2] Скрытый смысл высказывания Трубецкого заключается в евангельской притче. В апокалипсисе (откровении) Иоанна Богослова ангелу лаодикийской церкви говорится: «Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст моих». И далее говорится, что человеку свойственно заблуждаться: он считает, что достиг всего, а на самом деле он по-прежнему и несчастен, и жалок, и слеп; и потому человек должен покаяться и только тогда будет прощен. Согласно евангелию, Христос говорил, что фарисеи сами не поступают так, как учат других; что они возлагают на плечи людей бремя, нести которое сами отказываются; возвышают себя, хотят, чтобы их почитали и называли учителями; выказывают себя внешне людьми праведными, в то время как внутри исполнены лицемерия и беззакония; и потому на них падет вся кровь праведная, пролитая на земле.

Аллегория эта раскрывает то тяжелейшее душевное состояние, которое было вызвано прежде всего сознанием двойственности поведения Трубецкого по отношению к своим товарищам: увлек их, призывал к восстанию, сам же не остановил их и не примкнул к ним, то есть был «ни холоден, ни горяч», и за это достоин осуждения и судит прежде всего себя сам. Наказание же, которое его ждет, считает справедливым и надеется, что страданием сможет искупить вину.

104—105 (л. 183—184)

106 (л. 185)

[1] В письмах от 20—21 июня Е. И. Трубецкая писала: «Я не сужу твои дела: ты мне сказал при свидании и часто писал, что чрезвычайно виноват. Этому я верю и не отказываюсь за то терпеть все, чем будет угодно богу тебя наказать, и душевно рада терпеть с тобою вместе. Ты мог быть в ослепленье, в большом заблужденье, но в душе твоей от роду похожего ничего не было на фарисейство <...>, знавши совершенно сердце твое, не в состоя-

нии так строго тебя судить, следственно, и не пиши мне о том, ибо не разуверишь меня» (д. 2, л. 74).

[2] Речь идет о письме Е. И. Трубецкой от 21 июня, в котором она писала: «Я весьма обрадовалась, что ты уже не страшишься для меня всяких ужасов будущей нашей участи. Этими словами ты меня так осчастливил, милый друг мой, что я не умею тебе этого сказать. <...> Мы ближе к нашей цели, однако же не могу ждать без величайшего нетерпения нашего соединения; признаюсь тебе, что я уже лучше желаю, чтоб тебя строже присудили, да только уже чтобы вместе быть» (там же, л. 75). Несмотря на то что в своих письмах Трубецкая высказывала лишь опасения, что ей не разрешат после окончания следствия последовать за мужем, ее более всего страшила мысль, сохранят ли вообще ему жизнь. Оба старались избегать высказываний на эту тему, скрывая истинные свои опасения за религиозно-философскими рассуждениями, ссылками на евангелие, хорошо понятные им обоим.

107 (л. 186)

[1] В письме от 22 июня, так взволновавшем Трубецкого, Екатерина Ивановна писала: «Напрасно ты думал, что меня огорчит что-нибудь во вчерашнем твоем письме или что я могла вообразить, что тебе что-нибудь известно о будущей твоей судьбе: я знаю, что ты тоже узнаешь, может быть позднее меня, но строгость приговора меня не пугает. Многое меня приготовило к тому, чего я должна ожидать, и я, конечно, на сей счет не обманываюсь. Разве я более вчерне вижу, нежели надлежало бы. Но если бог приведет меня быть с тобою, я рада все терпеть. Если же, милый ангел, не суждено мне быть с тобою, то я роптать не буду, ибо ропота никогда душа моя не знала, но силы мои не в состоянии снести сего удара. Я не переживу одной надежды, которая меня до сих пор поддерживала, твердо верю, что бог, по благости своей, приберет меня отсюда. Он не оставит меня на земле, где все мне чуждо, кроме тебя, где я никого, ничего не любила равно тебе, где мне одно было дорого — твое спокойствие, твое благополучие. Я жизнь стала любить, собственно, с того времени, как счастье с тобою узнала. Теперь ужасна мне мысль расстаться с тем светом, где ты еще находишься, но если нам суждено быть в разлуке и после конца дела, то, друг мой, кому же я нужна в мире сем? И может ли у меня тогда быть другая молитва перед творцом, как о том, чтоб он положил конец нестерпимому страданью?» (д. 2, л. 76). Это письмо подтверждает возможную осведомленность Трубецкой о грозившей Трубецкому смертной казни. Именно в это время, с 11 июня, начала свою работу специально созданная комиссия «для установления разрядов разных степеней виновности государственных злоумышленников».

108 (л. 187)

[1] См. примеч. к п. 107.

109—111 (л. 188—190)

112 (л. 191)

[1] В письме от 27 июня Трубецкая писала мужу: «За 7 месяцев я успела приготовить себя ко всему. <...> Страшнее того, чего я ожидаю, не может случиться; может статься, бог нас по-

милует и не все то сбудется, что представляет мне мое воображение» (д. 2, л. 81) После 3 июня, когда открыл свои заседания Верховный уголовный суд, глубокая тайна, в которой проводилось следствие, стала приоткрываться; слухи по делу обвиняемых, видимо, проникали в общество (см. примеч. к п. 125). 27 июня закончила свою работу «разрядная комиссия». Определенные ею разряды степени виновности причастных к делу не оставляли сомнения в том, что Трубецкому будет вынесен смертный приговор.

113 (л. 192)

114 (л. 193)

[1] Замечание Трубецкого вызвано письмом Е. И. Трубецкой от 29 июня, в котором она писала, что душевные силы и терпение будут ему «весьма нужны к концу дела» (д. 2, л. 83).

115 (л. 195)

116 (л. 195)

[1] В письме от 30 июня Трубецкая сообщала, что «стала крепче с тех пор, как начинаю воображать, что будет когда-нибудь конец дела и что теперешнее наше положение не вечно» (д. 2, л. 84). Предположения Трубецкой о скором окончании дела имели основания. Близилось завершение обсуждения Верховным уголовным судом работы «разрядной комиссии». 3 июля должно было начаться вынесение приговоров по каждому из десяти разрядов, начиная со второго, по уже заранее заготовленным приговорам. Исключение было только для подсудимых, поставленных «вне разрядов» и отнесенных к первому разряду, по которым приговор еще не был определен (Нечкина, т. 2, с. 403).

[2] Речь идет о закладной на имение Трубецкого в Нижегородской губ. Трубецкому действительно задавали в начале 1826 г. вопрос, не состоит ли его имение в залоге и когда срок платежа, на что он ответил: «<...> ни в каких казенных местах не имею в залоге имение» (*ЦГАОР*, ф. 48, д. 304, л. 91). Возможно, что речь идет о другом случае, о котором сведений обнаружить не удалось.

117—120 (л. 197—200)

121 (л. 201)

[1] Е. И. Трубецкая писала 6 июля: «Я давно готовлюсь к решению весьма строгому и точно уверена, что оно так должно быть, но мысль сия меня не пугает» (д. 2, л. 90). 7 июля она сообщала, что «совершенно готова все терпеть, что только нас ожидает, и чувствую, что на все будут у меня силы, если не будем разлучены» (д. 2, л. 91).

122 (л. 203)

[1] 9 июля Трубецкая писала: «Ты знаешь, что счастье быть с тобою заменит мне все блага в свете и что я не в силах буду желать чего бы то ни было, если достигну единственной цели, всех моих желаний, всех моих молитв — если будет мне дано делить твою судьбу (д. 2, л. 92).

[2] Это письмо было написано на другой день после объявления Трубецкому приговора.

123 (л. 204)

[1] Имеется в виду доброжелательное отношение и участие к Трубецкому со стороны служителей равелина. О знаках сочувствия, которое оказывали заключенным караульные солдаты, имеются свидетельства других декабристов (Нечкина, т. 2, с. 419).

[2] Письмо от пятницы 9 июля (см. примеч. 1 к п. 122).

124 (л. 205)

[1] 12 июля Трубецкая, узнав о приговоре мужа к пожизненной каторге, снова подтвердила свою готовность отречься от «всякой мирской привязанности» и разделить с ним его судьбу. В этом же письме она сообщила о приезде в Петербург А. П. Трубецкого (д. 2, л. 94).

[2] Потрясение, вызванное известием о казни пятерых товарищей Трубецкого: П. И. Пестеля, К. Ф. Рылеева, С. И. Муравьева-Апостола, М. П. Бестужева-Рюмина и П. Г. Каховского, а также совершение в ночь на 13 июля над осужденными обряда гражданской казни потребовали от Трубецкого большого душевного напряжения.

[3] Трубецкой, как и многие декабристы, не ожидал такого жестокого приговора. М. Бестужев вспоминал: «Рылеев до конца убежден был, что дело кончится для нас благополучно. Это было видно из его записки, посланной ко всем нам в равелине, когда он узнал о действиях Верховного уголовного суда; она начиналась следующими словами: «Красные кафтаны (то есть сенаторы) горячатся и присудили нам смертную казнь, но за нас бог, государь и благомыслящие люди» (Воспоминания Бестужевых, с. 39).

[4] Александр Петрович Трубецкой.

[5] 11 июля Трубецкая писала: «<...> когда ты узнаешь о решении судьбы твоей, если оно тебе покажется тяжелее, нежели что ты воображаешь, не тужи обо мне. Я знаю, что одно это может тебя огорчить; есть мысль, что мне будет трудно переносить участь свою, но я прошу тебя, ради Христа, не иметь этой мысли. Вспомни, ангел мой, что у меня всегда было весьма мало привязанности к миру и что всегда моя радость состояла в твоей любви, и покамест я сего блага не лишусь, то я никак не в силах буду роптать на свою судьбу (д. 2, л. 93).

[6] Сергей Павлович Потемкин.

125 (л. 206—207)

[1] 13 июля Трубецкая писала: «Мне давно пророчили то, что теперь сбылось... Из писем мне казалось, что ты не предвидишь того, что ждет тебя, и много меня мучила невозможность ясное понятие тебе дать того, что я воображала. <...> Я все теперь желаю одно — чувствовать благодарность богу и государю за то, что жизнь твоя мне дарована; все можно терпеть с тобою, все сносно, все легко, когда ты жив, и я имею в виду счастье разделить участь твою, а когда вспомню, что ты мог лишиться жизни, душа замирает, себя не чувствую. Кажется, есть надежда, что будем вместе. <...>» (д. 2, л. 95). Далее Трубецкая сообщала о приезде из Одессы Петра Петровича Трубецкого.

[2] В завуалированной форме Трубецкой дает понять, что утратил веру в «милосердие» Николая I, не предполагал «ужасного конца».

Для него стало очевидным, что «в теперешнем положении вещей», то есть после оглашения приговора, нечего было ждать хорошего от царя. По-видимому, Трубецкой, наконец, понял и то, что «милосердие» царя было целенаправленным и проявлялось только ради того, чтобы добиться от него и его товарищей разоблачительных показаний. Он потерял веру в возможность осуществления надежды жены следовать за ним; думал, что с этого времени будет им запрещена даже переписка. Ради успокоения жены Трубецкой высказывает предположение, что только, может быть, бог еще внушит царю добрые поступки, но сам он в это уже не верит и считает разлуку с женой безвозвратной.

[3] Письма Трубецкого по-прежнему шли через строгий просмотр, и об этом ему было известно.

[4] Имеется в виду надежда на разрешение Е. И. Трубецкой следовать за мужем.

[5] Трубецкая сообщила, что письмо к Е. П. Потемкиной о решении участи ее брата было послано С. П. Потемкиным, приехавшим из Москвы несколькими днями раньше.

126 (л. 208—209)

[1] Речь идет об обещании Николая I, данном Трубецкому еще на первом допросе (см. п. 1), и о сохранении жизни Трубецкому после приговора. Переписку не запретили, и снова у него затеплилась надежда на встречу с женой, на получение ею разрешения следовать за ним в Сибирь. Письма ее вызывают и в нем надежду, заставляют «сколько-нибудь» делить ее уверенность (см. примеч. 1 к п. 125).

[2] Благодарность (уже не царю, а богу, который воздействовал на царя) была вызвана письмом Трубецкой от 14 июля, в котором она сообщила, что имеет надежду на свидание с ним перед его отправкой, что «надежда делить участь твою не есть мечта; я не смела тебе всего высказать, однако от того спокойна, что <...> надеюсь быть с тобою, хотя не так скоро, как я бы того желала. <...>Бог не отнимет у меня тебя, всю радость мою, единственное благо мое на земле» (д. 2, л. 96).

127 (л. 210)

[1] Свидание Трубецкого с женой, братьями Александром и Петром и тещей А. Г. Лаваль состоялось 16 июля. В тот же день Трубецкая писала: «Признаюсь тебе, нынче духу не имею думать о будущем. Помню только, что видела тебя, говорила с тобой, голос твой слышала, и радостное сие воспоминание подкрепляет и веселит душу мою. Наступающую неделю буду жить надеждою видеть тебя в будущую субботу. Надеюсь, что и тогда не в последний раз я тебя в Петербурге увижу» (д. 2, л. 97).

[2] Видимо, вследствие пережитого волнения у Трубецкого неожиданно пошла горлом кровь, что вызвало сильную слабость.

[3] Согласно указу Николая I жены декабристов, добровольно согласившиеся следовать за мужьями к месту их ссылки, лишались права на возвращение в Россию. Жены «преступников» теряли свое прежнее звание, а дети, родившиеся в Сибири, поступали в казенные крестьяне (*ЦГИА*, ф. 1263, оп. 1, д. 835, л. 422—430, 456—474).

[4] Трубецкая в письме от 18 июля сообщала, что Володю его

отец, А. П. Трубецкой, хочет забрать с собой в Киев. Далее она писала: «Я не могу тебе отвечать на вопрос твой, лишаюсь ли возможности возвратиться когда сюда? Я просила позволения ехать в то место, где ты будешь, потому что не знала, не имеют ли права меня остановить, если поеду не спросясь. О возвращении же сюда мне в голову не приходило. Неужели может что-нибудь случиться, что бы могло меня принудить добровольно с тобою разлучиться после всего того, что с нами было? <...> Для меня одно нужно — быть с тобою. <...> Оставить тебя я никогда не в силах буду ни в каком случае. Я хотела с тобою уехать, но сего не позволили: итак, я собираюсь ехать по отъезде твоем <...>, и, кажется, в этом не хотят мешать ни мне, ни другим женам в моем положении» (д. 2, л. 98).

[5] Сведений об этом обнаружить не удалось.

128 (л. 211)

[1] Скорее всего, комендант Петропавловской крепости А. Я. Сукин.

129 (л. 212)

130 (л. 213—213 об.)

[1] Доктор — штаб-лекарь Петропавловской крепости надворный советник *Густав Ильич Элькан* (Российский медицинский список на 1825 г., с. 219).

[2] А. Я. Сукин.

[3] 19 июля Трубецкая писала: «Как не молить бога о тех, которые пеклись о тебе не только в нынешнюю минуту нездоровья, но во все сии десять месяцев? Они живут в сердцах наших, и я точно могу сказать, что ежедневно всею душою молюсь о них. Конечно, им бог воздаст за их чувствительность и сострадание, а нас всегда будет утешать надежда, что им бог за нас отплатит» (д. 2, л. 100).

[4] Видимо, такой пояс должен был облегчить Трубецкому, имевшему ранение в бедро, ношение кандалов, которые крепились к поясу.

131 (л. 214)

[1] Скорее всего, священник П. Н. Мысловский. О нем см. примеч. 103 на с. 377.

132 (л. 215)

[1] См. примеч. 4 к п. 130.

[2] Трубецкой был отправлен из Петропавловской крепости в ночь с 23 на 24 июля 1826 г. В тот же день Трубецкая, еще не имея на руках письменного разрешения царя следовать за мужем, выехала с матерью в Москву, где в это время шли приготовления к коронации Николая I и где по долгу службы церемониймейстера двора находился ее отец И. С. Лаваль. 27 июля, получив разрешение, Трубецкая в сопровождении секретаря отца К. Воше выехала вслед за мужем в Сибирь. Она уезжала из дома своей родственницы З. А. Волконской, принявшей ее с большим участием и любовью. Спустя полгода З. А. Волконская провожала в Сибирь к мужу другую свою родственницу — М. Н. Волконскую (см. Записки княгини Марии Николаевны Волконской. Пг., 1914, с. 61). До Макарьева Е. И. Трубецкую провожала ее мать — А. Г. Лаваль (*ЦГВИА*, ф. 410, оп. 1, д. 53 — донесение от 19 августа 1826 г.).

ЗАПИСКИ

ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 7; оп. 2, д. 8, 17

Записки С. П. Трубецкого впервые были изданы в 1863 г. в Лондоне А. И. Герценом*. В предисловии к изданию было сказано, что Записки Трубецкого «сохранились в черновом списке, не получившем окончательной отделки; этим объясняются многие в них повторения и отрывочность тех рассказов, которые присоединены нами в конце в разделе «Отрывки» (Записки декабристов. Вып. 2 и 3. Лондон. Вольная русская типография, 1863, с. 1—99).

Дочь декабриста З. С. Свербеева подтверждала, что Записки, вышедшие в Лондоне, а позднее в Лейпциге, опубликованы «по копии, снятой с черновика и не всегда точной и полной» (Записки кн. С. П. Трубецкого, с. 1).

Эта копия «сделалась родоначальницей целого ряда последовательно ухудшавшихся изданий, сначала зарубежных, а потом русских» (Дружинин Н. М. С. П. Трубецкой как мемуарист. — В кн.: Декабристы и их время, с. 24).

Второе издание было предпринято в 1874 г. в Лейпциге Э. Л. Касперовичем и неоднократно им же переиздавалось. Это издание повторило лондонское.

Третье издание — Г. Штейница — состоялось в 1903 г. в Берлине. Оно восходит к лейпцигскому изданию Касперовича, но в значительно урезанном виде.

В 1906** г. Записки были легально напечатаны в России в журнале «Всемирный вестник», также в урезанном виде. В том же году дочери С. П. Трубецкого предприняли издание его рукописи «в том виде, как князь Трубецкой оставил ее» (Записки кн. С. П. Трубецкого, с. 6).

---

* 1 сентября 1862 г. в «Колоколе» появилось сообщение: «Первая присылка Записок получена нами. <...> Мы не имеем слов, чтоб выразить всю нашу благодарность за нее. Наконец-то выйдут из могил великие тени первых сподвижников русского освобождения» (Герцен А. И. Собр. соч. в тридцати томах, т. 16, с. 237). «Мы предполагаем издавать Записки отдельными выпусками и начать с записок И. Д. Якушкина и князя Трубецкого», — отмечалось в предисловии к первому изданию. В конце декабря 1862 г. к А. И. Герцену обратился Д. Н. Свербеев, как бы от лица наследников, с протестом против опубликования Записок Трубецкого. В ответном письме Герцен сообщал, что «не имел ни малейшего понятия о том, что «Записки кн. Трубецкого» были присланы человеком, не имеющим права, и напечатал их» (там же, т. 17, с. 191). Кем были переданы Герцену Записки Трубецкого, установить не удалось. Есть предположение, что это мог сделать Е. И. Якушкин (Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966, с. 53—54), который неоднократно обращался к Трубецкому с просьбой дать воспоминания. В то же время не в пользу этого предположения служит тот факт, что Герцен опубликовал в «Отрывках» не те замечания Трубецкого на Записки декабриста В. И. Штейнгеля, которые тот передал Е. И. Якушкину, а замечания, сохранившиеся в его фонде и не включенные в свод Е. Якушкина. Если бы последний переслал Записки Трубецкого Герцену, то сопроводил бы их, скорее всего, своим вариантом замечаний, как наиболее полным и редакционно оформленным.

**Записки Трубецкого, подготовленные к изданию его дочерьми, были напечатаны в Петербурге издательством «Сириус» в виде отдельной книги, но с двумя датами выхода: на титульном листе был указан 1906 г., а на обложке — 1907 г. Это обстоятельство привело к путанице в ссылке на книгу и породило ошибочное предположение о наличии двух разных изданий (1906 и 1907 гг.).

Сопоставление Записок петербургского издания 1906 г. с заграничными — лондонским 1863 г. и лейпцигским 1874 г. — говорило не в пользу последних, и по замечанию исследователей «их редакция нуждалась в пересмотре, тем более что во всех изданиях не давалось описания рукописей» (Пресняков А. Е. 14 декабря 1825 г., с. 151). Петербургское издание значительно отличалось от прежних как полнотой включенного в него материала, так и расположением его. Однако и оно не может считаться вполне удовлетворительным. В нем не оговорено наличие разных редакций, имеются купюры, опущены важные замечания, указывающие на источник сведений автора, нет внешнего описания автографов; имеет место небрежность в обращении с авторскими примечаниями и прибавлениями в виде отрывков; не дано сравнительного анализа всего рукописного мемуарного материала, использованного издателями при публикации Записок и приложений к ним. В издание 1906 г. необоснованно были включены, хотя и с оговоркой, работы, не принадлежавшие перу С. П. Трубецкого. Все это, как отмечалось в специальной литературе, несомненно снизило научную ценность публикации исторического источника (Сильванский Н. П. Былое, 1907, т. 5, с. 313—315 — рецензия на Записки С. П. Трубецкого, изданные его дочерьми в 1906 г.; Дружинин Н. М. С. П. Трубецкой как мемуарист, с. 24—25). В 1981 г. Записки С. П. Трубецкого были изданы вновь Московским государственным университетом (Мемуары декабристов. М., 1981, с 23—75) под общей редакцией проф. В. А. Федорова с его же вступительной статьей и обширным комментарием. Там же (с. 255—263) воспроизведены и замечания С. П. Трубецкого на Записки декабриста В. И. Штейнгеля (из фонда Якушкиных). Это издание дословно повторило петербургское издание 1906 г. и подготовлено по сохранившейся в архиве Трубецкого писарской копии, с которой Записки были тогда напечатаны. Тщательное изучение сохранившегося рукописного наследия декабриста позволило в настоящем томе по мере возможности избежать повторения погрешностей, отличавших предыдущие публикации.

С. П. Трубецкой, по свидетельству З. С. Свербеевой, начал писать воспоминания в Сибири; по возвращении из ссылки в 1857 г. он стал «приводить Записки в порядок, но не закончил этой работы» (Записки кн. С. П. Трубецкого, с. 10). Скорее всего, работа над воспоминаниями была начата им еще тогда, когда, по словам М. Бестужева, «у нас много писалось» (Воспоминания Бестужевых, с. 286), то есть в конце 1830-х годов и особенно после выхода на поселение в с. Оёк Иркутской губернии. Рядом, в с. Урик, обосновались Н. М. Муравьев и М. С. Лунин. Нет сомнения, что Трубецкой был в курсе работы своих товарищей над политическими трактатами и историей революционных обществ. Об этом свидетельствуют его упоминания о письмах Лунина к сестре, которые, по мнению Трубецкого, носили общественный характер (см. замечания на Записки В. И. Штейнгеля в наст. т., с. 301; письмо М. Фонвизина И. Пущину от 13 мая 1841 г. — в кн.: М. А. Фонвизин. Сочинения и письма, т. 1, с. 204; Якушкин, с. 654). И сам Трубецкой в воспоминаниях затрагивал те же темы. Среди его бумаг сохранились краткие выписки из Донесения Следственного комитета, к разбору которого он, види-

мо, собирался приступить, но оставил эту работу после того, как ее блестяще выполнили Н. Муравьев и М. Лунин (*ЦГАОР*, ф. 1143, оп. 1, д. 7, л. 97 об., 134)*. Вероятно, тогда же Трубецкой стал делать заметки по истории тайных обществ.

В конце февраля 1841 г. внезапно арестовывают Лунина; все его бумаги были взяты; с большим трудом удалось Н. Муравьеву отвести от себя подозрение в причастности к занятиям Лунина. Не исключено, что Трубецкой, опасаясь в случае обыска тяжелых последствий, уничтожил большинство своих рукописей, а позднее восстановил их частью по памяти, частью — используя сохранившиеся черновики.

Дошедшие до нас мемуары Трубецкого неоднородны по своему составу. Записки носят фрагментарный характер, последовательное изложение часто прерывается многочисленными вставками, примечаниями, редакционными правками автора; заметна повторяемость отдельных сюжетов; большинство записей носит черновой характер; некоторые куски текста представляют собой как бы схематичные наброски, другие — неожиданно обрастают живыми, яркими подробностями, как, например, описание допроса у Николая.

По характеру рукописей можно предположить, что мемуарное наследие декабриста является лишь набросками к задуманному им труду. В пользу такого предположения могут служить и сами Записки и личность автора. Активный участник движения, прекрасно осведомленный о делах тайного общества, разносторонне образованный, неплохо владеющий пером, понимающий значение для будущих поколений непосредственных свидетельств самих декабристов, Трубецкой практически оставил очень краткие воспоминания «для своих детей», почти черновые записи, охватывающие промежуток менее года: с ноября 1825 по июль 1826 г. Сюжетная их линия ограничена несколькими событиями тех дней.

Условно Записки можно разделить на три части. Первая написана Трубецким позднее. В ней содержатся сведения об истории тайных обществ, социально-экономическом и политическом состоянии России накануне восстания, дается характеристика крепостного права как тормоза к экономическому развитию страны, нравственному воспитанию народа.

Вторая часть повествует о периоде междуцарствия. Осведомленность автора, связанного с аристократической средой, дворцовым окружением, позволила ему дать великолепную характеристику острейшей борьбы вокруг престола.

Третья часть в основном автобиографична. В ней представлены картины ареста, подробности допросов, производимых Николаем, Левашовым и Бенкендорфом, попытка последнего выяснить через Трубецкого степень причастности к заговору М. М. Сперанского.

Как ни конспективны и кратки Записки, они, безусловно, имеют большое общественно-историческое значение. Ценность их состоит, прежде всего, в фактических сведениях об истории тайных обществ, раскрывающих структуру последних, развитие отношений между Северным и Южным обществами, взаимоотношения Трубецкого и Пестеля, а также проливающих свет на причины их

* Поскольку выписки из Донесения не сопровождаются замечаниями Трубецкого, они в наст. т. не помещены.

разногласий. Наибольший интерес представляют данные о разработке стратегического плана восстания 14 декабря, фактическим автором которого был Трубецкой (Дружинин Н. М. С. П. Трубецкой как мемуарист, с. 42—43); его суждения относительно борьбы декабристов, их бескорыстия и готовности жертвовать собой ради блага Родины.

Важное замечание о ценности Записок Трубецкого для всестороннего выяснения истории декабризма было сделано А. И. Герценом. В письме к Н. И. Тургеневу от 19 января 1863 г. он писал: «Записки Якушкина бросают большой свет на тогдашнее время; рядом с ними печатаются Записки кн. Трубецкого, в которых те же факты являются отрицательными* под иным углом. Мне кажется, что только этим образом и можно будет реставрировать события и личности ваших товарищей и друзей и наших отцов в духе. Внешние противоречия и личные ошибки пропадают в целом» (Герцен А. И. Собр. соч., т. 17, с. 191). Восьмью годами раньше Е. И. Якушкин писал: «Трубецкой много видел и был знаком со многими людьми, так что, может быть, теперь никто не в состоянии объяснить так последнего времени царствования Александра, и в особенности времени междуцарствия. <...> нельзя не верить рассказам Трубецкого, человека до чрезвычайности добросовестного» (Декабристы на поселении, с. 59). Речь идет о рассказах Трубецкого, слышанных сыном декабриста в Иркутске в 1855 г. Если бы Трубецкой в своих Записках изложил их иначе, изменив смысл ранее рассказанного, то В. И. Якушкин не преминул бы отметить это в своей обширной рецензии на Записки после их издания в 1906 г. (Русские ведомости, 1906, 24 дек., № 312, с. 4—5).

Относительно объективности мемуариста в освещении побудительных причин заговора и собственной роли в восстании 14 декабря существует точка зрения, сложившаяся в 1930—1950 гг., которая сводится к утверждению, что Записки — «тенденциозно-публицистическое произведение современника», в котором «историческая правда обильно смешана <...> с намеренной и бессознательной ложью», что в них сильно стремление к «реабилитации» заговора и самой роли автора Записок (Дружинин Н. М. С. П. Трубецкой как мемуарист, с. 41); что в воспоминаниях Трубецкого «очень часто извращается историческая действительность (Азадовский М. К. Ред. ст. и коммент. к Воспоминаниям Бестужевых, с. 663).

Тенденциозность Записок Трубецкого особенно отмечается в намерении автора подменить себя как диктатора фигурой полк. Булатова (Нечкина, т. 2, с. 477).

С приведенными оценками Записок Трубецкого согласиться безоговорочно нельзя, поскольку они сводятся, во-первых, преимущественно к самооценкам Трубецкого и, во-вторых, к концентрации внимания главным образом на негативных моментах. Достоверность излагаемых Трубецким фактов подтверждается в большинстве случаев сравнительным анализом его следственных показаний, заметок, писем, а также документальными и иными свидетельствами, привлеченными во вступительной статье и комментариях. В пос-

---

* В данном контексте, скорее всего, слова «являются отрицательными» нужно понимать в смысле «освещаются». — *В. П.*

ледних даны пояснения к встречающимся в отдельных случаях неточностям и противоречиям. В целом же Записки, на наш взгляд, не лишены искренности и правдивости. В них, естественно, преобладает субъективный взгляд автора, его понимание всего происходившего. В этом случае было бы правильнее не искать в воспоминаниях сознательного стремления Трубецкого исказить историческую действительность, а видеть неумение автора подойти объективно к их оценке. Нельзя не учитывать также, что Записки представляют собой скорее наброски, чем последовательное и подробное изложение всего виденного и пережитого декабристом, что способствует появлению ошибочного впечатления о желании Трубецкого скрыть или затушевать некоторые обстоятельства деятельности тайного общества, организации и хода восстания, а также свою роль в заговоре.

Важные материалы по истории написания Записок и других рукописей декабриста содержатся в дошедшем до нас семейном архиве Трубецких—Ребиндеров — Свербеевых, который находился у З. С. Свербеевой в ее бывшем имении Сетуха Новосильского уезда Тульской губ. После смерти владелицы (1924) архив поступил на государственное хранение, но до Великой Отечественной войны оставался почти недоступным для исследователей, так как был в неразобранном состоянии. В 1949 г. архив был приведен в порядок, из него образовано три личных фонда: Н. Р. Ребиндера, Н. Д. Свербеева и С. П. Трубецкого. В этом последнем и заключено теперь основное рукописное наследие декабриста*.

Однако мы располагаем свидетельством председателя Таврической ученой архивной комиссии, позднее члена-корреспондента АН СССР А. И. Маркевича, о существовавшем некогда большом архиве Трубецкого, находившемся у его второй дочери Е. С. Давыдовой в Симферополе, которая его уничтожила в 1912 г. По рассказу А. И. Маркевича, Давыдова владела огромной библиотекой, собранием картин, рисунков, но главной ценностью являлся архив Трубецкого и В. Л. Давыдова. В составе архива были не только рукописи, письма, личные и семейные материалы, но, что особенно важно, документы тайного общества. Е. С. Давыдова говорила А. И. Маркевичу: «Когда все это прочтут, многое выяснится»**.

Под воздействием уговоров А. И. Маркевича владелица архива намеревалась передать его в Музей Таврической ученой комиссии, но не сделала этого.

Поводом к уничтожению архива послужила публикация воспоминаний А. П. Араповой, дочери Н. Н. Ланской-Пушкиной. «Когда я прочла эти записки, — пересказывал объяснение Е. С. Давыдовой А. И. Маркевич, — я подумала, что вот так, может быть, снова начнут трепать и имя моего отца...»

---

* Помимо того, в фонде декабриста И. Д. Якушкина сохранилась рукопись Трубецкого — свод его замечаний на Записки декабриста В. И. Штейнгеля (ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 331), также публикуемая в наст. т. (см. с. 293—305).

* С любезного разрешения недавно скончавшейся Е. А. Кошляковой — дочери А. И. Маркевича — сведения эти взяты из подготовленной ею к печати статьи, в которой автор воспроизводит воспоминания отца о погибшем архиве С. П. Трубецкого (статья была опубликована после того, как наст. т. был сдан в издательство. См.: Кошлякова Е. А. Судьба архива декабриста С. П. Трубецкого. — Археографический ежегодник за 1980 год. М., 1981, с. 105—109).

В данном случае устное предание не могло бы служить достаточно веским доказательством существования и гибели архива Трубецкого, если бы не другие источники, косвенно подтверждающие достоверность приведенного рассказа.

21 декабря 1893 г. в журнале «Русский архив» было опубликовано письмо некоего Д. В. Коломийцева к лицу, у которого, по его словам, хранился... дневник Е. И. Трубецкой. Коломийцев писал: «Мне известно, у кого он находится. В высшей степени было бы полезно напечатать этот дневник. Он много пролил бы света на всю ту отдаленную уже от нас эпоху. Лицо, у которого находится дневник, оказало бы важную услугу нашей исторической литературе, изъявив согласие на напечатание дневника» (*РА*, 1894, т. 1, с. 455).

На это письмо откликнулись наследники Трубецкого; они обратились непосредственно к автору с вопросом, откуда ему известно о дневнике (там же, т. 2, с. 299). Д. В. Коломийцев ответил через журнал, что знает о дневнике Е. И. Трубецкой от Т. А. Муковниной, состоявшей более 40 лет компаньонкой у графини А. А. Де-Мезон, близкой знакомой Е. С. Давыдовой, проживавшей в Симферополе и умершей там же в 1875 г.

По рассказу Муковниной, дневник «был дан графине для прочтения под строгой тайной Е. С. Давыдовой, родной дочерью страдалицы-княгини Трубецкой, и что он был возвращен ей обратно графинею». По свидетельству Коломийцева, Муковнина сама видела и читала дневник и, обладая превосходной памятью, пересказывала ему отдельные эпизоды, в частности о событиях 14 декабря.

На этом сообщения в «Русском архиве» оборвались. Вопрос о дневнике Е. И. Трубецкой остался открытым, но в том, что она могла вести дневник, сомневаться не приходится. Это была блестяще образованная женщина, обладавшая редким даром слова, прекрасно владевшая пером, о чем есть многочисленные свидетельства декабристов (Розен А. Е. Записки декабриста, с. 152—153).

Если факт существования ее дневника остается недоказанным, то относительно дневника Трубецкого можно с уверенностью сказать, что он был и что до нас дошла лишь незначительная его часть в виде поденных записей за 1839, 1857—1858 гг. (*ЦГАОР*, ф 1143, оп. 1, д. 1, 2).

Есть еще данные, основанные на документах, которые также подтверждают предположение о существовании не дошедшего до нас архива Трубецкого. В пространном донесении ст. адъют. Главного штаба капитана Сотникова ген.-адъют. Толю от 20 февраля 1826 г. говорится, что во время обыска в квартире С. П. Трубецкого в Киеве его дворецкий И. Шпехт «скрыл шкатулку с бумагами и отдал оную брату Трубецкого <...> Александру», а тот отвез все это в свое имение Гавронщина, в 60 верстах от Киева. Сотников решил произвести обыск и в имении, но «при отобрании от него [Александра Трубецкого. — *В. П.*] объяснения узнал, что он уже несколько дней был известен о нескромности Шпехта, а потому я, не ожидая никакого успеха от обыску, решился оный оставить» (*ВД*, т. 1, с. 43, 77—84). Иначе говоря, Сотников был уверен, что А. Трубецкой, узнав о допросах Шпехта, успел увезенные бумаги или уничтожить, или скрыть. Если сопоставить донесения Сотникова с упоминавшимся свидетельством А. И. Маркевича

о документах тайного общества, бывших в архиве Трубецкого в Симферополе, то напрашивается предположение: А. П. Трубецкой не уничтожил*, а скрыл какие-то документы брата. Среди них могла быть и переписка С. Трубецкого с С. Муравьевым-Апостолом о событиях в Семеновском полку, о которой брат последнего сообщал, что их письма «послужили бы редким историческим материалом» (Муравьев-Апостол М. И. Воспоминания и письма. Пг., 1922, с. 27); там же могли быть и документы тайного общества, ведь Трубецкой, уезжая из Киева в ноябре 1825 г., не беспокоился об оставшихся там бумагах, так как и не подозревал о том, какие события ждали его в Петербурге.

После смерти А. П. Трубецкого (1853) в Гавронщине жила его жена, которая могла передать хранившиеся там бумаги Е. С. Давыдовой или самому С. П. Трубецкому в 1857—1858 гг.

Таким образом, вопрос о существовании некогда большого архива С. П. Трубецкого, из которого сохранилась только часть материалов, можно считать решенным в положительном смысле.

Относительно дошедшей до нас части семейного архива Трубецких—Ребиндеров—Свербеевых (заметим, что архива Давыдовых в нем нет, а это также позволяет думать, что Е. С. Давыдова уничтожила и документы, принадлежавшие ее семье) с определенной долей вероятности можно считать, что она с самого начала оказалась в собственности З. С. Свербеевой. Выехав из Иркутска вместе с отцом 1 декабря 1856 г., она зиму жила в Москве, а лето в имении Сетуха или в Туле. В феврале 1858 г. Зинаида Сергеевна навестила отца в Киеве. С ней Трубецкой намеревался переслать Е. И. Якушкину свои замечания на Записки В. И. Штейнгеля (см. письмо С. П. Трубецкого Е. И. Якушкину от 21 февраля 1858 г. — *ЦГАОР*, ф. 279, оп. 1, д. 677, л. 3). Она поддерживала самые дружеские отношения с Е. И. Якушкиным и была его помощницей в заботах об артели декабристов после смерти С. П. Трубецкого (там же, д. 642, л. 1). В начале 1858 г. Свербеева встречалась с А. И. Герценом, о чем он писал М. Мейзенбуг: «Приехала дочь князя Трубецкого, которая родилась на каторге и провела всю свою жизнь в Иркутске. Это живое предание 14 декабря было полно для нас самого жгучего интереса (Герцен А. И. Собр. соч., т. 26, с. 173). Об этой встрече не мог не знать Трубецкой. Не после ли рассказов дочери поспешил он начать работу по приведению в порядок, дописыванию и копированию своих записок? Наконец, Свербеева сберегла принадлежавшую ей часть архива Трубецкого и явилась главным инициатором в подготовке к изданию его Записок.

Дошедшие до нас два авторских экземпляра: оригинал и список (копия) — в принципе идентичны по содержанию, хотя и встречаются незначительные описки или редакционные поправки.

Оригинал рукописи представляет собой 4 сшитые между собой тетради размером в 1/4 долю листа, с авторской пагинацией. Всего в тетрадях 92 страницы; 4 последние — чистые. Титульный лист

---

* М. К. Азадовский высказывает предположение, что А. П. Трубецкой и А. Г. Щербатов уничтожили компрометирующие декабриста документы (Азадовский М. К. Затерянные и утраченные произведения декабристов. — *ЛН*, М., 1954, т. 59, ч. 1, с. 602). Он же называет и другие утраченные документы Трубецкого (там же, с. 606—616).

не сохранился, и потому нельзя установить, имела ли рукопись заглавие и дату. Оригинал, примечания к нему и приложения написаны ровным, спокойным, разборчивым почерком, в основном на бумаге со штемпелем Глинковской фабрики, применявшейся с1842 г. (Клепиков С. А. Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX веков. М., 1959, № 205, с. 109 — описание штемпеля Глинковской фабрики). Все приложения к оригиналу написаны на отдельных листах.

Авторский список представляет собой сшитую тетрадь в 1/4 долю листа, пронумерованную автором постранично арабскими цифрами. Всего в тетради 63 страницы, из которых 2-я повторена дважды, 26-я пропущена, а 64—68-я чистые. Меньшее количество страниц в списке объясняется употреблением сокращений в написании слов, вынесением отдельных кусков текста в примечания и на поля рукописи.

На первой, лицевой странице списка надпись: «Сии Записки писаны в 1844—5 годах». Дата носит явные следы исправлений, первоначально был указан 1841 год. Список же сделан не ранее конца 1857 г. (в тексте имеется ссылка на книгу М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I», вышедшую первым изданием для публики в августе 1857 г.), и, следовательно, дата может относиться только ко времени составления оригинала.

К списку приложена «особая тетрадь», также пронумерованная самим автором, но римскими цифрами, содержащая примечания и «разные отрывки». Всего в ней XXIV страницы, из которых XII — чистая. Бумага обеих тетрадей не имеет ни филиграней, ни штемпелей.

Текст оригинала и списка начинается словами: «Давно носилась молва» и заканчивается: «Я приехал в Иркутск совершенно здоровый». Далее следует «Заключение», состоящее из двух коротеньких отрывков, отделенных автором друг от друга отточием.

Кроме оригинала, списка, примечаний и «разных отрывков» имеются еще две небольшие рукописи, непосредственно относящиеся к Запискам. 1. Рукопись на 25 страницах (3 беловые и 25 черновых) размером в 1/2 долю листа, содержащая краткую историю тайных обществ. По характерным особенностям письма и определенной редакционной законченности текста этот отрывок должен был служить началом Записок. По времени написания он относится к началу 1850-х гг., но до 1854 г., о чем свидетельствует сохранившийся между этими же листами список остававшихся в живых декабристов, среди которых значится Н. А. Крюков, умерший в 1854 г.

Указанный отрывок помещен в настоящем томе в начале Записок, как и в издании 1906 г.

В основу предлагаемого издания положен авторский список Записок. Выбор для публикации списка основан на том, что он является позднейшей авторской редакцией. Текстологическое обследование оригинала и авторского списка позволяет отдать предпочтение последнему, как более полному, хотя он написан неровным, торопливым почерком и небрежнее, чем оригинал. Последнее обстоятельство наводит на мысль, что автор снимал копию второпях, возможно для передачи кому-то.

В публикуемых текстах все смысловые разночтения между ори-

гиналом и списком оговариваются в подстрочных примечаниях. Отдельные куски текста, исключенные автором в оригинале и не восстановленные им в списке, приводятся в подстрочных примечаниях с соответствующей оговоркой. Самостоятельные отрывки в качестве приложений к Запискам даются в разделе «Прибавления». Существенные расхождения в подаче текста между настоящим изданием, первым (1863) и последним (1906, издание 1981 г. не берется, поскольку оно в точности повторило издание 1906 г.) изданиями оговариваются в комментариях. В отдельных случаях примечания автора, имеющие характер вставок, вводятся непосредственно в текст с соответствующей оговоркой в подстрочном примечании. Записки издаются по современной орфографии.

[1] Тильзитский мирный договор между Россией и Францией был заключен в результате переговоров Александра I с Наполеоном в июне 1807 г. Несмотря на то что Россия вышла из войны без территориальных потерь, Наполеон продиктовал ей крайне тяжелые условия, которые явились первым препятствием к самостоятельному ее экономическому развитию (Континентальная блокада). Известие о заключении тяжелого Тильзитского мира русское общество восприняло как национальный позор.

[2] Автор не совсем точен в изложении последовательности вступления членов в первое тайное общество. Инициаторами его создания были А. Н. Муравьев, М. Н. Муравьев и С. П. Трубецкой. Они привлекли в общество еще трех офицеров-семеновцев: М. И. и С. И. Муравьевых-Апостолов и И. Д. Якушкина. Вслед за ними в общество вступили М. С. Лунин, Ф. П. Шаховской, М. Н. Новиков. Последний принял Ф. Н. Глинку и П. И. Пестеля, который, в свою очередь, принял братьев С. П. и И. П. Шиповых, И. А. Долгорукова и П. П. Лопухина. В конце 1816 г. были приняты Павел и Петр Колошины и И. Г. Бибиков.

[3] Масонство — религиозно-этическое течение, проникло в Россию из Западной Европы в 30-х гг. XVIII в. Масоны объединялись в тайные иерархически построенные организации — ложи с преимущественно аристократическим составом членов. На ранних стадиях декабристского движения делались попытки использовать масонство как в целях конспирации, так и для выработки некоторых организационных форм тайных обществ (Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I, с. 320). Трубецкой, как и многие члены Союза спасения, состоял членом ложи «Трех добродетелей», но вскоре порвал с масонством. Масонские организационные формы оказались неприемлемыми для структуры тайного общества (см. Нечкина, т. 1, с. 152). Для собраний масонских лож была характерна обрядность, насыщенная таинственными ритуалами, клятвами, опознавательными знаками и пр. Об увлечении Пестеля при разработке устава формами внешней декоративности свидетельствует Н. Муравьев, упоминавший об обрядах и множестве присяг, которыми были наполнены «статуты Пестеля» (*ВД*, т. 1, с. 299. См. также Дружинин Н. М. Масонские знаки П. И. Пестеля, с. 23).

[4] «Комитет общей безопасности», Комитет общего спасения, или Комитет общественного спасения — руководящий орган революцион-

но-демократической диктатуры в период Французской буржуазной революции 1789—1795 гг., осуществлял в 1793—1795 гг. функции революционного правительства, выражавшего интересы народных масс. Возглавлялся Ж. Дантоном, а позднее М. Робеспьером. По версии Трубецкого, Пестель уже в 1817 г. высказывал идеи, близкие его будущей программе в духе республиканских преобразований и тех идей, которые сближали его с деятелями революционного Конвента. Свидетельств, подтверждающих заявление Трубецкого, не обнаружено. Не исключено, что или Трубецкой допустил хронологическое смещение в своих воспоминаниях (Ланда С. С. Дух революционных преобразований... 1816—1825. М., 1975, с. 306) или же речь Пестеля «восхваляла» Комитет общественной безопасности с какой-то другой стороны», установить которую не удается (Нечкина, т. 1, с. 165).

[5] «Всеобщее восстание» членов общества, вызванное заявлением Пестеля о блаженстве Франции в эпоху Конвента, видимо, имело место, так как на этом заседании обнаружились серьезные расхождения в политических взглядах и представлениях членов Союза. Вначале у Трубецкого было написано, что Пестель вызвал «некоторую недоверчивость» лишь в «некоторых членах», затем эту фразу он вычеркнул, сохранив вариант о «всеобщем восстании». Поправка Трубецкого не была учтена при издании Записок 1906 г., что породило противоречие в оценке реакции членов общества, на что обратила внимание академик М. В. Нечкина (Нечкина, т. 1, с. 165).

[6] На следствии Трубецкой показал: «Я был тяжело болен с июня или июля месяца [1816 г. — *В. П.*] и хотя осенью выздоровел, но при приготовлениях к празднику Семеновского полка [21 ноября. — *В. П.*], на другой день после оного, сильно занемог, так что лежал в постели до конца генваря 1817 г.» (*ВД*, т. 1, с. 17). В феврале он уехал в Нижегородское имение к умирающему отцу, затем снова заболел и «возвратился в Петербург, когда гвардия была на подходе в Москву [август 1817 г. — *В. П.*], куда и я был вскоре отправлен». Таким образом, Трубецкого, по его словам, не было в Петербурге более года: с лета 1816 по осень 1817 г. Установить степень достоверности этих показаний из-за отсутствия других источников не удалось, в послужном же списке Трубецкого в графе о «домовых отпусках» указано: «не бывал» (см. наст. т., с. 323).

[7] Проект «освобождения» эстляндских крестьян разрабатывался еще с 1810 г. и был утвержден Александром I только в 1816 г. Согласно «Положению об эстляндских крестьянах 23 мая 1816 г.», крестьяне получали личную свободу, но без земли, которая оставалась собственностью помещика. Крестьянин получал право заключать договоры о покупке или аренде земельного участка и найме на работу, оставаясь в полной экономической зависимости от помещика. В 1817 г. последовало утверждение аналогичного по содержанию проекта, касавшегося курляндского, а в 1819 г. — лифляндского крестьянства.

[8] Проект учреждения военных поселений как новой формы комплектования и содержания армии возник и впервые был осуществлен в 1810 г. в Могилевской губернии, где был поселен Елецкий полк. Военные поселяне должны были сочетать военную службу с земледельческим трудом. С началом Отечественной войны мысль

о военных поселениях была на время оставлена. С 1816 г. военные поселения начали вводиться вновь. Они были организованы в Новгородской, Петербургской, Слободско-Украинской и Херсонской губерниях. Жизнь в военных поселениях подвергалась строжайшей регламентации. Тяжелые условия существования вызывали неоднократные волнения.

[9] Имеется в виду манифест, обнародованный 30 августа 1814 г.: «О установлении празднества декабря 25-го в воспоминание избавления церкви и державы Российския от нашествия галлов и с ними двадесяти язык». Манифест возвещал о ежегодном торжественном чествовании дня избавления России от неприятельского нашествия и провозглашал ряд «льгот и милостей». Так, было обещано не только «содержание воинов привесть в лучшее и обильнейшее прежнего, но даже дать им оседлость и присоединить к ним их семейства» (*ПСЗ*, т. 32, № 25 669).

[10] Прибалтийское генерал-губернаторство как территориально-административная единица с центром в Риге было образовано в 1801 г. В него вошли Эстляндская, Лифляндская и Курляндская губернии. В 1811 г. генерал-губернатором был назначен маркиз Филипп Осипович Паулуччи (1779—1848). Псковская губ. была присоединена к его генерал-губернаторству в 1817 г. Надеялись, что на нее будет распространено «Положение о крестьянах» Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губ. 1816—1819 гг. Однако этого не произошло.

[11] Об организации декабристами «подписки на освобождение крестьян» других свидетельств не обнаружено. Однако вероятность такого акта вполне согласуется с действиями самих декабристов, пытавшихся освободить своих крестьян (И. Д. Якушкин, М. С. Лунин, С. П. Трубецкой) и тем воздействовать на правительство. В данном случае речь, по-видимому, идет о попытке, предпринятой Н. И. Тургеневым вместе с А. И. Тургеневым, П. А. Вяземским, М. С. Воронцовым, А. С. Меншиковым, С. С. Потоцким и др. (Трубецкой называет еще В. П. Кочубея, П. А. Строганова и В. И. Васильчикова), организовать общество, ставившее себе целью постепенное освобождение крестьян, «принадлежащих помещикам в сие общество вступающих» (*РС*, 1871, т. 3, с. 366). По-видимому, это общество должно было входить в систему вольных обществ Союза благоденствия, как, например, «Зеленая лампа» (см. наст. т., с. 392—393) и др. (Нечкина, т. 1, с. 235). Указанная попытка вызвала гнев царя и осуществления не получила (Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888, т. 1, с. 443—457).

[12] *Каразин Василий Назарович* (1773—1842) — русский общественный деятель, основатель Харьковского университета. В записке «Мнение одного украинского помещика, выраженное после беседы с своими собратиями об указе 23 мая и об эстляндских постановлениях» (об этом см. выше примеч. 7) Каразин высказывался против освобождения крестьян без земли, считая, что крестьянин нуждается не в свободе, а в добром, просвещенном помещике. «Как все государственные части, — писал он, — имеют своих начальников, да будут начальниками земледелателей помещики <...>. Народу невозможно пребывать без начальников, и орудиями власти приличнее всего быть помещикам». «Народ наш удален <...> от того, чтобы

почитать себя в рабстве, привязан душою к образу своего существования и находит в нем свое счастье. <...> Истинная свобода человека есть свобода его души <...>, только религия дает такую свободу <...>, но религия предписывает должности как господ, так и рабов. <...> Она и основанное на ней просвещение человеческого рода вернее всех конституций, которые без них суть только жалкая игра умов» (Сб. материалов, извлеченных из архива е. и. в. Канцелярии. СПб., 1905, т. 7, с. 145—152).

[13] Калужский губернский предводитель дворянства кн. Н. Г. Вяземский представил в 1818 г. малороссийскому военному губернатору кн. Н. Г. Репнину записку в ответ на речь последнего перед дворянскими выборами в Полтаве, в которой он обратился к дворянам Полтавской и Черниговской губерний с предложением улучшить положение их крестьян, определив их повинности. Вяземский выступил в защиту крепостного права, восхваляя дворянство, как опору престола и помещиков, неустанно пекущихся о благе своих крестьян. «Не должно последовать никакому иностранному образцу, но единственно, исправив некоторые известные недостатки и устранив злоупотребления, надлежит бодрствовать в поддержании ныне существующего порядка вещей» (Сб. материалов, извлеченных из архива е. и. в. Канцелярии, т. 7, с. 159). Вяземский предлагал учредить «общий совет всего царства» («наместнические собрания», по выражению Трубецкого) из представителей дворянства, который бы являлся совещательным органом при царе и обеспечивал бы усиление политических позиций дворянства в решении вопросов «о пользе и внутреннем устройстве России» (Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов, с. 62).

[14] Александр Николаевич Муравьев дал резкую и убедительную отповедь Н. Г. Вяземскому в сочинении, обращенном вместе с тем ко всем крепостникам, под названием: «Ответ сочинителю речи о защищении права дворян на владение крестьянами, писанной в Москве апреля 4 дня 1818 г., древнему российскому дворянину, старцу, служившему в войске и суде, верноподданному государя от Россиянина» (Чтения императорского общества истории и древностей российских, 1859, кн. 3, с. 43—50). В противоположность Вяземскому, подписавшему свою записку столь витиевато, не указав фамилии, А. Муравьев подписал свой ответ лаконичным, но емким «Россиянин». Подвергая осуждению предложение Вяземского о создании совета представителей (см. выше примеч. 13), А. Муравьев задавал вопрос: «Почему не должны в сем собрании участвовать и все прочие сословия?» Записка Муравьева вызвала негодование Александра I, бросившего недостойную реплику, которую приводит Трубецкой, узнав о ней, возможно, непосредственно от начальника Главного штаба П. М. Волконского, с которым был близко знаком.

[15] Изложение этой истории, связанной с «Московским заговором» декабристов осенью 1817 г., дано Трубецким очень скупо, хотя он в ней принимал непосредственное участие.

Хотя в Записках Трубецкой указывает, что члены общества более всего были обеспокоены предполагавшимися «ужасами безначалия» в случае отъезда царя в Польшу, было бы ошибочным видеть в этом преднамеренное желание автора затушевать истинное отношение членов общества к описываемым событиям, так как выше он сам же

определенно говорит о возмущении общества вообще действиями Александра I, которые рассматривались как проявление ненависти к России и как идущие вразрез с высказанным царем намерением устроить благосостояние народа.

[16] Имеются в виду И. Д. Якушкин и участники конспиративных совещаний, состоявшихся в Москве осенью 1817 г., в которых принимали участие А. А. Муравьев, С. и М. Муравьевы-Апостолы, Н. Муравьев, М. Фонвизин, Ф. Шаховской, Павел Колошин, М. Муравьев, Артамон Муравьев и приехавший позднее С. Трубецкой.

[17] Tugendbund (Союз добродетели) — немецкое тайное общество, возникшее в апреле 1808 г., в период завоевания Пруссии Наполеоном. Оно ставило своей целью сплочение всех патриотических сил вокруг короля Пруссии для борьбы с наполеоновским игом. Устав Тугендбунда был использован декабристами в работе над уставом Союза благоденствия — 1-й части «Зеленой книги».

[18] Имеется в виду устав Союза спасения. Текст его не сохранился. Он реконструирован академиком М. В. Нечкиной на основании следственных показаний декабристов и мемуарных свидетельств (Нечкина, т. 1, с. 162—163).

[19] Основные поправки касались исключения ряда параграфов, как-то: о преданности монархии и защите царствующего дома, защите существующего политического строя; требовании доносить правительству о замеченных злоупотреблениях и государственной измене. Вместе с тем в отличие от устава Тугендбунда в тексте 1-й части «Зеленой книги» ничего не говорилось о непременном условии для вступающего в тайное общество освободить собственных крестьян, хотя ликвидация крепостного права являлась главной целью Союза благоденствия и содержалась во 2-й части «Зеленой книги» (Нечкина, т. 1, с. 188, 231—232).

[20] Речь идет о разработке и принятии устава Союза благоденствия. Целью членов Союза было распространение по примеру «сеятеля, возделывающего землю в поте лица своего, новых благих идей», приобщение к ним большого числа людей, овладение «общественным мнением». В качестве эпиграфа к уставу Союза благоденствия были взяты слова из евангелия (гл. 9, стих 62): «Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся, не благонадежен для царствия божия».

[21] Согласно уставу, деятельность Союза благоденствия должна была охватывать отрасли: человеколюбие, образование, правосудие и общественное хозяйство (Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. Прилож. IV — с. 550). В показаниях Трубецкой назвал отрасли: правосудие, просвещение, воспитание и государственное хозяйство (*ВД*, т. 1, с. 26).

[22] Структура общества представлена в уставе Союза благоденствия несколько иначе, чем у Трубецкого. Руководящим центром Союза являлся Коренной союз, состоящий не из 24, как у Трубецкого, а из 30 членов (Нечкина, т. 1, с. 206—207). Для практического повседневного управления всей организацией избирался из состава Коренного союза Совет Коренного союза из 6 членов, в том числе блюститель, председатель и члены-заседатели. Каждые 4 месяца двое по жребию выходили из состава Совета, их место занимали новые члены. Функции блюстителя соответствовали описанным Трубецким.

Трубецкой был избран первым блюстителем Союза благоденствия. По свидетельству П. Колошина, он избирался и председателем (*ЦГАОР*, ф. 48, оп. 1, д. 65, л. 17).

[23] Речь идет о профессоре политической экономии при Петербургском главном педагогическом институте (с 1819 г. университете) Карле Федоровиче Германе (1767—1838). Трубецкой на следствии показывал, что в 1816—1817 гг. слушал его лекции по российской статистике и политической экономии (*ВД*, т. 1, с. 8).

[24] Со времени образования Союза благоденствия в Петербурге были созданы четыре управы: в Московском, Егерском, Измайловском и Конногвардейском полках. В Москве — две управы, которые возглавлялись А. Н. Муравьевым и Ф. П. Шаховским. Кроме того были учреждены управы в Тульчине, Кишиневе, Смоленске, Нижнем Новгороде, Тамбове. Всего возникло свыше десяти управ Союза благоденствия. Были еще и побочные управы, такие, как общество «Зеленая лампа» (см. примеч. в наст. т., с. 392—393), Вольное общество любителей российской словесности и др.

[25] Трубецкой выехал 26 июня 1819 г. из Кронштадта пароходом в Марсель (см. его письмо А. Н. Оленину от 26 июня 1819 г. — *ГПБ*, ф. 542, оп. 1, д. 315, л. 1—2). Вернулся в июне 1821 г.

[26] П. И. Пестель приехал в Петербург 21 ноября 1819 г. (Нечкина, т. 1, с. 285).

[27] П. И. Пестель стоял за революционный путь преобразования государственного строя, который предусматривался уставом первого тайного общества — Союза спасения, отсюда и ссылка Трубецкого на «первый устав».

[28] Трубецкой замалчивает факт единогласной, в принципе, поддержки членами Коренного союза идеи П. И. Пестеля о преимуществе республиканского способа правления, высказанной им на совещании у Ф. Глинки 8 января 1820 г. (о дате совещания см.: Ланда С. С. Дух революционных преобразований..., с. 131). Вместе с тем утверждение Трубецкого о несогласии многих членов с Пестелем не противоречит истине. Разногласия в Коренном союзе между сторонниками умеренного и радикального течения стали очевидными уже на следующем совещании, состоявшемся у И. Шипова, когда встал вопрос о способе действий для установления республики. Идея цареубийства и введения диктатуры Временного правления, предложенная Пестелем, вызвала бурные прения, свидетельствовавшие о расколе внутри организации, о появлении в ней различных течений, отсутствии единства мнений и решений. В итоге Пестель не получил поддержки своих товарищей (Чернов С. Н. К истории политических столкновений на Московском съезде 1821 г. — В кн.: У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960).

[29] Съезд собрался в начале января 1821 г. в доме Фонвизиных. В Москву прибыли «уполномоченные» от всех отраслей Союза благоденствия. По свидетельству И. Якушкина, задача съезда состояла в том, чтобы «обозреть положение и способы общества и определить причины, до сих пор препятствующие распространению и успехов оного». Тайное общество объединяло представителей различных политических взглядов, что способствовало острейшим разногласиям среди его членов. В связи с этим «было признано нужным изменить не только устав Союза благоденствия, но и самое устройство и самый состав общества». Съезд явился крупным событием в декаб-

ристском движении. На нем был разработан и утвержден новый устав, в котором впервые четко обозначена цель тайного общества: ограничение самодержавия в России и средство к достижению цели — военная революция. Срок начала вооруженного выступления определен не был. В это же время стало известно, что правительство через доносчиков осведомлено о существовании тайного общества. В качестве меры безопасности было принято решение о роспуске Союза благоденствия. Под прикрытием этого постановления согласились в глубокой тайне организовать новое тайное общество, свободное от неустойчивых, ненадежных членов, сохранив в его составе только тех, «в ревностном содействии которых нельзя было сомневаться». Формально Союз благоденствия был распущен.

[30] Восстание л.-гв. Семеновского полка 16—18 октября 1820 г. было вызвано введением новых порядков в армии после Отечественной войны, выразившихся в насаждении палочной дисциплины, изнуряющей муштры, применении тяжелых телесных наказаний. Непосредственным поводом к восстанию послужило жестокое обращение с солдатами полкового командира Шварца. Первая «государева» рота выразила негодование поведением Шварца. Ее протест был поддержан всеми солдатами и вылился в открытое выступление полка. Под воздействием семеновцев началось брожение в других гвардейских полках. Александр I беспощадно расправился со своим полком. Был издан приказ о его расформировании; солдат и офицеров раскассировали по различным армейским полкам. Виновники событий понесли тяжелые наказания.

[31] П. И. Пестель приехал в Петербург в марте-апреле 1824 г. с предложением объединить Северное и Южное общества на основе конституционного проекта, принятого южанами и получившего название «Русская правда» (Нечкина М. В. «Русская Правда» Пестеля и движение декабристов. — В кн.: О нас в истории страницы напишут... Иркутск, 1982, с. 214).

[32] Речь идет о Польском патриотическом обществе, переговоры с которым по поручению Директории Южного общества велись с 1823 г. через М. Бестужева-Рюмина и С. Муравьева-Апостола. Согласно договору о создании русско-польского союза Южное общество обязывалось за поддержку в борьбе за революционные преобразования предоставить Польше независимость и передать Гродненскую, часть Виленской, Минской и Волынской губерний (Медведская Л. А. Южное общество декабристов и Польское патриотическое общество. — В кн.: Очерки из истории движения декабристов, с. 303—304).

[33] О неблагоприятном впечатлении, произведенном Пестелем, свидетельствует письмо М. Муравьева-Апостола брату от 3 ноября 1824 г.: «Визиты, которые там были сделаны (встречи Пестеля с членами Северной думы. — *В. П.*), породили разлад; иначе и быть не могло: с одной стороны, выражали чувства, с другой — высказывали предположения насчет вероятностей, а последнее вышло уж очень холодно <...>, и все это делается из ничтожного тщеславия ради того, чтобы тоном учителя навязать писаные гипотезы, о которых одному лишь богу известно, применимы они или нет» (*ВД*, т. 9, с. 210—212). О результатах переговоров с Пестелем Трубецкой сообщил С. Муравьеву-Апостолу письмом, посланным через И. С. Повало-Швейковского, в котором описывал, «как бредил Пестель и как я не понимаю, если он (С. Муравьев-Апостол. — *В. П.*)

с ним в связи, то как может оставаться, если он все знает» (*ВД*, т. 1, с. 16).

[34] Нет достаточно обоснованных свидетельств участия Трубецкого в переговорах с Польским патриотическим обществом, но известно о его тесных контактах с руководителями Васильковской управы Южного общества С. Муравьевым-Апостолом и М. Бестужевым-Рюминым, которые вели эти переговоры в течение 1823—1834 гг. Незадолго до приезда Трубецкого в Киев, в декабре 1824 г., ведение переговоров перешло непосредственно в руки Пестеля и Волконского. Однако ни С. Муравьев-Апостол, ни Бестужев-Рюмин не были устранены от этой деятельности и продолжали искать пути сближения с польскими революционерами (Медведская Л. А. Южное общество декабристов..., с. 298). Нет сомнения в том, что Трубецкой был в курсе переговоров Директории с представителями польского тайного общества, поскольку он являлся представителем Северного общества, без согласования с которым Южное общество не могло принимать серьезных решений. Время пребывания Трубецкого в Киеве совпало с периодом наиболее ответственных переговоров с поляками. Сочувствуя идее установления связей между русскими и польскими тайными обществами и их совместного выступления, Трубецкой не разделял, однако, позиции Пестеля в вопросе о предоставлении Польше независимости, и особенно в вопросе о границах будущей Польши за счет передачи ей исконно русских земель. Его мнение, достаточно четко изложенное в Записках, разделялось и руководителями Северного общества. Он небезуспешно стремился склонить к нему С. Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина. Осведомленность Трубецкого о русско-польских тайных переговорах подтверждается и тем, что приехавший в конце ноября 1825 г. из Киева А. О. Корнилович передал именно Трубецкому, тоже недавно вернувшемуся из Киева, копию письма руководителей Васильковской управы представителям польского общества, которое состояло в доказательствах, что польскому обществу должно будет стараться извести государя цесаревича, и в уверениях, «что русское общество готово всегда помогать польскому» (*ЦГАОР*, ф. 48, оп. 1, д. 421, л. 22 об.).

[35] Письмо, о котором идет речь, не известно. Судя по тому, что и Рылеев поспешил уведомить Трубецкого через А. Ф. Бриггена об опасениях, вызванных намерением Якубовича без согласия общества убить царя, вполне вероятно, что такое письмо было Н. Муравьевым послано. Однако сообщение Трубецкого о том, что это известие явилось поводом к возвращению его в Петербург, противоречит фактам: Бригген приехал в Киев летом 1825 г., а Трубецкой вернулся в Петербург лишь около 10 ноября. Его приезд был связан прежде всего с поручением Южного общества объявить северянам о плане начать революционные действия, «не пропуская 1826 г.».

[36] Имеется в виду Общество соединенных славян, основанное в 1823 г. братьями П. и А. Борисовыми и Ю. Люблинским. Летом 1825 г. произошло слияние Общества соединенных славян с Южным обществом (Нечкина, т. 2, с. 149—150).

[37] Константин как наследник написал 14 января 1822 г. официальное письмо Александру I об отречении от своих прав на престол. Александр I рескриптом от 2 февраля 1822 г. известил Константина о своем согласии. Манифест об этом был подписан царем

16 августа 1823 г. Официальный акт был передан на хранение в Успенский собор в Москве; копии с него хранились: одна — в Государственном совете, другая — в Сенате в Петербурге. Сам акт отречения держался в строгой тайне (Шильдер Н. К. Император Александр I. СПб., 1898, т. 4, с. 403—406).

[38] Вел. кн. Константин был женат дважды: на принцессе Саксен-Кобурской Юлиане-Генриетте-Ульрике (Анне Федоровне), брак с которой был расторгнут 20 марта 1820 г., а с 12 мая 1820 г. — на польской графине Иоанне Грудзинской, получившей фамилию Ловицкой, Ловичевой, или Лович (по названию имения, подаренного ей Александром I).

[39] Об этом см. примеч. 5, с. 385.

[40] На этом обрывается текст позднейшей редакции начала Записок, относящейся к началу 1850-х гг., в которой автор наряду с новыми сведениями, дополняющими записки 1840-х гг., повторяет, в отдельных случаях почти дословно, текст первоначальной рукописи. Далее публикуется текст Записок 1844—1845 гг.

[41] Трубецкой неоднократно возвращается к сообщению о прибытии курьеров с известием о состоянии здоровья Александра I (см. его замечания на Записки декабриста В. И. Штейнгеля в наст. т., с. 296, 305; замечания на книгу М. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I», с. 313). В всех случаях видны следы припоминания дат прибытия курьеров. Здесь они написаны без поправок, но также не совсем точно. Первые донесения из Таганрога об опасной болезни Александра I поступили в Петербург 22 и 23 ноября; 25 ноября пришло известие от Дибича и П. Волконского о том, что Александр плох; 26 ноября приехал фельдъегерь с известием о перемене в его здоровье к лучшему; по этому поводу 27 ноября состоялся молебен, во время которого приехал новый курьер с сообщением о смерти Александра I, последовавшей 19 ноября (Междуцарствие..., с. 67—68).

[42] В черновом наброске к замечаниям на Записки В. И. Штейнгеля есть заметка Трубецкого, позднее зачеркнутая: «Вел. кн. Николай оставался в Аничковом дворце до 13 декабря» (см. наст. т., с. 305).

[43] Здесь неточность. Константин действительно отрекся от престола в 1822 г., но это спустя два года после его женитьбы на Грудзинской (см. выше примеч. 38).

[44] По версии Трубецкого, Ф. П. Опочинин, выехал из Петербурга 27 ноября, вернулся на следующий день вместе с вел. кн. Михаилом Павловичем. Это не совпадает с его описанием событий, сделанным в замечаниях на Записки В. И. Штейнгеля, и противоречит действительному их развитию (см. примеч. 8 в наст. т., с. 385—386).

[45] Константину в 1825 г. было 46 лет, Николаю — 29.

[46] Трубецкой умалчивает о том, что совместным решением Северного и Южного обществ намечено было осуществить революционное выступление в мае 1826 г. (*ВД*, т. 4, с. 284).

[47] Имеется в виду Государственный совет — высший законодательный орган в России, образованный в 1810 г.; Комитет министров как совещательный орган для совместных обсуждений министрами дел, решение которых превышало власть отдельных министров, был образован в 1802 г.; Сенат с учреждением в начале XIX в. министерств окончательно потерял значение высшего органа го-

сударственного управления, сохранив только свое значение высшего судебного органа. О «высоком уважении» народа к Сенату говорил на следствии Рылеев (*ВД*, т. 1, с. 158).

[48] На этом заканчивается «примеч. 2», помещенное автором в «особой тетради» на с. III—IX. Однако в бумагах Трубецкого есть небольшой отрывок, который по своему содержанию, характерным особенностям письма и по бумаге бесспорно служит продолжением «примеч. 2», и потому в настоящем томе он помещен вслед за ним. В лондонском издании 1863 г. этот текст помещен в разделе «Отрывки» под № 9. В петербургском издании 1906 г. он помещен в «Прибавлениях» к Запискам между двумя отрывками без логической связи с ними (Записки кн. С. П. Трубецкого, с. 91). На это произвольное нарушение смысловой связи обратил внимание еще Н. П. Сильванский в своей рецензии на Записки (Былое, 1907, т. 5, с. 314—315).

[49] Под прежним названием «Союз благоденствия» Трубецкой объединил позднейшие — Северное и Южное тайные общества. То же можно заметить и у других декабристов, например у Пестеля, который считал Южное общество «Южным округом» Союза благоденствия (*ВД*, т. 4, с. 103, 105).

[50] На этом обрывается авторское большое примечание, которое начинается словами: «Необъявление известия о смерти государя <...>» и заканчивается словами: «...без всякого возмездия». Поскольку примечание это состоит из нескольких вставок, имеющих существенное значение по своему содержанию и логически связанных между собою, а по объему превышает рамки подстрочного примечания, то текст его введен непосредственно в Записки с соответствующей оговоркой здесь и в подстрочном примечании.

[51] Междуцарствие продолжалось 17 дней: с 27 ноября по 13 декабря 1825 г.

[52] Выше было указано: «двор хотел Николая», «однако ж большая часть высшего круга желала иметь императором Николая». В данном случае речь идет об одном и том же обществе: «двор», «придворные», «большая часть высшего круга», «некоторая часть двора». Совершенно очевидно, что Трубецкой имел в виду не численный, а социальный состав сторонников Николая (см. рецензию Н. П. Сильванского на Записки С. П. Трубецкого, где он высказывает мнение о наличии противоречия в рассказе Трубецкого об отношении *различных слоев общества* (выделено мною. — *В. П.*) к двум претендентам на престол Николаю и Константину (Былое, 1907, т. 5, с. 313—315). То же можно сказать и об отношении военных к Константину, и в этом случае рассказ, по существу, не содержит противоречий.

[53] Под «баранами» подразумевались высшие сановники.

[54] От Сената был отправлен к Константину коллежский советник П. Е. Никитин. Его как игрока характеризует и В. И. Штейнгель (см. Штейнгель. Записки, с. 435).

[55] По-видимому, имеются в виду М. М. Сперанский, Н. С. Мордвинов, А. П. Ермолов, Д. Н. Сенявин, И. М. Муравьев-Апостол, Д. А. Столыпин, П. Д. Киселев, Д. О. Баранов, Н. Н. Раевский (старший) — их кандидатуры предлагались в состав Временного правительства.

[56] Скорее всего, речь идет о С. П. Шипове и И. А. Долгорукове,

но, возможно, имеются в виду и те, кого Трубецкой указал далее в списке в числе бывших членов тайного общества, избегнувших наказания и занявших впоследствии важные государственные должности, как Л. Перовский, П. Лопухин, А. Кавелин и др.

В этом месте (конец с. 9 оригинала рукописи и с. 7 списка) ремарка автора: «Прим[еч]. к стр. 9» без точного обозначения места в тексте, к которому оно относится. В настоящем томе это примечание помещено, как и в петербургском издании 1906 г., в конце страницы, что соответствует и смысловому развитию текста; в отличие от издания 1906 г. оно приводится полностью.

[57] *Перовский Лев Алексеевич.* У Трубецкого в оригинале и в списке ошибочно Л. В. Перовский.

[58] В списке перечислены 135 человек, но под № 5 дважды был вписан С. Г. Волконский, затем в первом случае вычеркнут, и вместо него под тем же № 5 вписан М. Ф. Орлов. Таким образом, всего в списке 136 чел. Из них 117 членов тайного общества были осуждены Верховным уголовным судом; трое Трубецким пропущены: Бодиско (из двух братьев это, видимо, Б. А. Бодиско, отнесенный к «государственным преступникам» VIII разряда, которому ссылка на поселение была заменена разжалованием в матросы), И. И. Иванов — секретарь Общества соединенных славян, осужденный по IV разряду к 15 годам каторжных работ, замененных 12 годами с последующей ссылкой на поселение; О. В. Горский, не член тайного общества, но участник восстания 14 декабря. Трое (А. И. Вегелин, М. И. Рукевич и К. Г. Игельстром) — члены Военного общества. Они, как и В. Ф. Раевский, И. И. Сухинов, В. Н. Соловьев, А. Е. Мозалевский и А. А. Быстрицкий, были осуждены особыми военными судами и приговорены к различным мерам наказания. Четверо погибли до суда: А. М. Булатов, И. И. Муравьев-Апостол, М. А. Щепилло и А. Д. Кузьмин. (В списке Трубецкого последний не значится, возможно, автор не знал о его судьбе. Во время восстания Черниговского пехотного полка Кузьмин был ранен и затем застрелился.) Двое были осуждены заочно: Н. И. Тургенев и Я. Н. Толстой. Они находились за границей и в Россию вернуться отказались. Четверо: М. Ф. Орлов, В. И. Путята, В. А. Мусин-Пушкин и С. М. Семенов — привлекались к следствию, но суду преданы не были. Участие в тайном обществе Рамоль-Сапеги и Казикова, указанных под № 111 и 135, не установлено.

[59] Полковник *А. Булатов*, которому, по замыслу Рылеева и его товарищей, отводилась одна из главных ролей в событиях 14 декабря, а именно: первого военного помощника диктатора, командира, в задачу которого входили сбор и организация войск на площади. До недавнего времени эта фигура оставалась вне поля зрения историков. Бесспорным признавалось, что Трубецкой, избранный диктатором, должен был осуществить руководство по захвату власти в столице. О действиях Трубецкого судили, не учитывая поведения его помощников (вторым помощником был назначен Якубович). В связи с этим утвердилось мнение, что Трубецкой в Записках преднамеренно затушевал свою роль «несостоявшегося диктатора», подменив ее личностью Булатова (Нечкина, т. 2, с. 477; Дружинин Н. М. С. П. Трубецкой как мемуарист, с. 31). Впервые попытку рассмотреть роль Булатова именно в указанном аспекте предпринял Я. А. Гордин (см. Гордин Я. А. Гибель полковника Бу-

латова, с. 60—63). Его выводы, основанные полностью на документальных источниках, сводятся к тому, что взятие власти силой восставших войск должно было осуществиться под командой помощников диктатора, и только после совершения переворота начинались действия Трубецкого как политического руководителя. Как свидетельствовал сам Булатов, именно об этом ему говорил Рылеев: «Когда мы успеем в своем предприятии (то есть перевороте. — *В.П.*), на время избранный диктатором князь Трубецкой устроит Временное правление» (Довнар-Запольский М. В. Мемуары декабристов, с. 225). Таким образом, утверждение Трубецкого о назначении Булатова начальником на площади «только для самого первого начала» имеет твердую почву.

[60] Полковники *Александр Федорович Моллер* и *Александр Николаевич Тулубьев*. В своих воспоминаниях Н. А. Бестужев писал: «Моллер и Тулубьев, который еще сегодня поутру с энтузиазмом дал свое слово, оба отказываются: Моллер по своим расчетам, Тулубьев — следуя ему» (Воспоминания Бестужевых, с. 35). Об этом же свидетельствует и декабрист Розен: «Накануне, 13 декабря, был у него (А. Ф. Моллера. — *В.П.*) Н. А. Бестужев, чтобы склонить его на содействие с батальоном; он положительно отказался» (Розен А. Е. Записки декабриста, с. 71).

[61] Примечание автором не закончено, но оно имеет продолжение, которым является отрывок № 1 — «Солдаты гвардейских полков <...>», помещенный в настоящем томе в разделе «Прибавления к Запискам» (см. примеч. 3, с. 383).

[62] В обязанность Сената входили опубликование, распространение и хранение законодательных актов: манифестов, указов, повелений (История правительствующего Сената за 200 лет. СПб., 1910, т. 3, с. 441—455).

[63] Вел. кн. Михаил Павлович родился в 1798 г., Павел стал императором в ноябре 1796 г., Николай родился в июне 1796 г., то есть до того, как Павел стал императором.

[64] Первые сведения о существовании тайного общества и его составе Николай получил за несколько дней до восстания от Дибича, представившего доклад, составленный на основании доносов Бошняка, Шервуда, Майбороды. В руках правительства оказался также донос предателя Грибовского, посланный им через А. Бенкендорфа еще в мае 1821 г. и обнаруженный при разборе бумаг умершего Александра I. Наконец, 13 декабря Я. Ростовцев выдал Николаю замысел декабристов и день начала восстания.

[65] Полковым командиром л.-гв. Преображенского полка был ген.-майор Н. А. Исленьев. Он первым привел батальон своего полка к Николаю I в день восстания.

[66] В оригинале рукописи на с. 17 (в списке это с. 11) после слов «идти за ним» поставлен значок, означающий отсылку к примечанию. В бумагах Трубецкого действительно есть небольшой отрывок с авторской пометой на первом листе: «Пр[имеч]. к стр. 17». Текст его в оригинале рукописи перечеркнут и в список автором не включен. В лондонском издании 1863 г. он отсутствует. В петербургском издании 1906 г. он приводится в соответствии с авторской пометой. В настоящем томе он также воспроизводится как примечание автора.

[67] Речь идет о восстании Черниговского пехотного полка 29 де-

кабря 1825 — 3 января 1826 г., которое возглавил С. И. Муравьев-Апостол. Выражение Трубецкого «Должно было утишить оружием» — архаическая фраза, означающая «должно было быть усмирено (подавлено) оружием».

[68] В этом случае слово «принудили» нельзя понимать в смысле насилия над С. Муравьевым-Апостолом. По сути описываемого действия оно означает скорее акт доверия со стороны офицеров, вставших под команду своего командира. Рассказ Трубецкого в основе своей правильно передает ход происшедших событий. В действительности полковник Гебель при попытке арестовать С. Муравьева-Апостола был ранен офицерами М. А. Щепилло и В. Н. Соловьевым, при этом присутствовали офицеры-черниговцы А. Д. Кузьмин и И. И. Сухинов. Муравьев был освобожден силой оружия (Порох И. В. Восстание Черниговского полка. — В кн.: Очерки из истории движения декабристов, с. 121—185).

[69] В исторической литературе утвердилось мнение, что Трубецкой в своих Записках стремился умалить значение восстания, «реабилитировать» его в глазах правительства, а вместе с тем представить и себя лишь поддерживавшим правительственные начинания, а не революционером. В данном случае его мотивировка причины «военного сопротивления» (вместо зачеркнутого «восстания»), вызванного «неправильностью принятия скипетра», как бы подтверждает это мнение, но автор не напрасно заменил одно слово другим, ведь он вел речь о законности действий правительства, Николая. К этому он неоднократно возвращался, подчеркивая, что отсутствие твердых законов возводит в закон произвол. Так было и в вопросе престолонаследия, так поступил Николай и в отношении судопроизводства над декабристами. Что касается действия заговорщиков, то оно квалифицируется как «битва», а в словах «злонамерению тайного общества» — горькая ирония по поводу того, что участники восстания были преданы суду как «злоумышленники, ослушники законной власти» и в этом — обвинение в адрес Николая, занявшего престол в обход закона, но жестоко покаравшего тех, кто восстал ради установления в России твердых и справедливых законов.

[70] Рассказ о пребывании Н. А. Бестужева в доме неизвестного передан, по-видимому, со слов самого Бестужева, однако последний пересказывал этот случай в нескольких вариантах. Скорее всего, эта биографическая подробность является художественным вымыслом декабриста-писателя (Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. М., 1980, т. 1, с. 106—107, 392—393; т. 2, с. 186—189). Декабрист Д. Завалишин в своих воспоминаниях утверждает, что Бестужев скрывался у него на квартире в доме гр. Остермана-Толстого на Английской набережной (Завалишин Д. И. Записки декабриста с. 203). Но и этот вариант также не подтверждается другими источниками.

[71] Особняк Лавалей находился на Английской набережной рядом с Сенатом, ныне наб. Красного флота, 4 (о нем см.: Вайнштейн А. Л., Павлова В. П. Здание ЦГИА СССР. — В кн.: Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX — начала XX в. Л., 1967, с. 229—259; Они же. Декабристы и салон Лаваль. — В кн.: Литературное наследие декабристов, с. 165—194).

[72] Особняк кн. А. Г. Белосельской-Белозерской находился на углу Невского проспекта и набережной Фонтанки (ныне Невский, 41).

[73] Лебцельтерны занимали квартиру в доме гр. М. Д. Нессельроде, урожд. гр. Гурьевой, в 3-й Адмиралтейской части, д. 15 (ныне наб. Фонтанки, 27).

[74] Это было показание К. Ф. Рылеева, данное им на первом допросе Николаю I ночью 14 декабря 1825 г. В нем он писал: «...мы мечтали, полагаясь на таких людей, каков князь Трубецкой. Страшась, чтобы подобные же люди не затеяли чего-либо подобного на юге, я долгом совести и честного гражданина почитаю объявить, что около Киева в полках существует общество. Трубецкой может пояснить и назвать главных. Надо взять меры, дабы там же не вспыхнуло возмущение» (*ВД*, т. 1, с. 152).

[75] Об этом см. вступ. ст., с. 53—58.

[76] См. п. 1 Трубецкого жене в наст. т., с. 103.

[77] Между 16—21 декабря 1825 г. гр. А. Г. Лаваль в письме (не датированном) к члену Следственного комитета В. В. Левашову писала: «Я надеюсь, что вы мне не откажете оказать ему (С. Трубецкому. — *В.П.*) в данном случае некоторую услугу, которая вас не затруднит: если вы мне разрешите адресовать на ваше имя немного белья для Сержа, к которому я вас прошу проявить отеческую заботу. Мы вам будем очень обязаны. Сделайте это ради меня, я прошу многого. Ответьте и прошу принять мои уверения в нашем к вам расположении. Гр. Лаваль». Подлинник на франц яз. (*ЦГАОР*, ф. 973, оп. 1, д. 48, л. 2).

[78] Комендант Петропавловской крепости генерал от инфантерии А. Я. Сукин не имел ноги и ходил на деревянном протезе.

[79] *Левашов Василий Васильевич* (1783—1848), генерал-адъютант, член Следственного комитета по делу декабристов, снимал первые допросы с арестованных 14—17 декабря 1825 г., состоял в родстве с гр. А. Г. Лаваль через свою жену Евдокию Васильевну, урожд. Пашкову, племянницу А. Г. Лаваль. О допросе Трубецкого 17 декабря В. В. Левашовым нет сведений ни в следственном деле Трубецкого, ни в журнале Следственного комитета. Однако письмо Трубецкого от 19 декабря на имя Левашова, посланное в дополнение к показанию 17 декабря о непричастности И. М. Бибикова к тайному обществу, свидетельствует в пользу того, что допрос действительно имел место (*ВД*, т. 1, с. 10—11), и служит важной деталью в пользу достоверности Записок декабриста.

[80] Здесь память изменила автору: под допросом, состоявшимся 23 декабря, он описал допрос, который был 24 декабря. Ошибка подтверждается документами следственного дела: собственноручным письмом Трубецкого председателю Комитета А. И. Татищеву от 25 декабря с описанием тяжелой для него обстановки допроса «третьего дня», то есть 23 декабря, и «участии» к нему, проявленном членами Следственного комитета во время допроса «вчерашним вечером», то есть 24 декабря (*ВД*, т. 1, с. 11—13). Письмо к Татищеву является единственным свидетельством, подтверждающим рассказ Трубецкого о допросе 24 декабря, поскольку других данных об этом нет ни в следственном деле, ни в журнале Комитета. Сведения о допросе 23 декабря подтверждаются письменными показаниями Трубецкого (*ВД*, т. 1, с. 13—22; наст. т., с. 58—59).

[81] См. выше примеч. 80

[82] Имеется ряд свидетельств тому, что Е. И. Трубецкая знала

о деятельности мужа в тайном обществе (см. об этом: Лебцельтерн З. И. Екатерина Трубецкая, с. 179, 183—184; примеч. 1 к п. 71, с. 344). В данном случае Трубецкой, не говоря о степени правдивости своих ответов относительно осведомленности жены в его делах, передает лишь суть беседы с Бенкендорфом.

[83] Достоверность рассказа Трубецкого подтверждается письмом Е. И. Трубецкой мужу от 25 декабря 1825 г. (см. примеч. 3 к. п. 4, с. 333) и журналами заседаний Комитета от 23 и 25 декабря, в которых записано, что Трубецкой «при всем настоянии членов дал ответы неудовлетворительные» (*ЦГАОР*, ф. 48, оп. 1, д. 26, л. 17 об. — 18), за что его в наказание лишили права переписки с женой, которое затем было восстановлено «во уважение полного и чистосердечного» его показания «насчет состава и цели общества» (там же, л. 28).

[84] В следственном деле Трубецкого зафиксирован вызов его в Комитет 25 декабря для дачи показаний «в дополнение прежних ответов», которые он давал 23 декабря (*ВД*, т. 1, с. 39—44). После того ему были посланы «вопросные пункты» с требованием письменных показаний. Ответы на эти вопросы Трубецкой составлял в течение последующих двух дней и послал их 27 декабря вместе с двумя письмами А. И. Татищеву, написанными 26 и 27 декабря (см. об этом вступ. ст., с. 59—61).

[85] Речь может идти только о вопросных пунктах, присланных 25 декабря; в одном из них Комитет запрашивал о письме, посланном Трубецким накануне восстания через П. Н. Свистунова к М. Ф. Орлову в Москву. В этом письме Трубецкой по поручению тайного общества вызывал Орлова в Петербург. Одновременно с тем же Свистуновым он послал письмо члену тайного общества С. М. Семенову, которое не сохранилось. Предположительно Трубецкой в нем поручал Семенову, как наиболее активному члену Московской управы, заменить выехавшего из Москвы Орлова (Нечкина, т. 2, с. 246).

[86] В следственном деле С. М. Семенова указано, что 12 января 1826 г. у Трубецкого запрашивали об имени, отчестве и чине Семенова, на что он ответил: «чин Семенова должен быть, сколько я знаю, титулярного советника, а имя его Степан Михайлович» (*ЦГАОР*, ф. 48, оп. 1, д. 67, л. 7). Возможно, что в устном допросе спрашивали и о том, кем Семенов был принят в тайное общество.

[87] 13 января вечером С. М. Семенову была дана очная ставка с Трубецким. Из-за отсутствия протокола не представляется возможным судить о степени достоверности рассказа Трубецкого. В журнале Следственного комитета записано, что Трубецкой «уличал» Семенова. Семенову же при допросе было сказано, что Трубецкой лишь готов был «уличить» его в принадлежности к тайному обществу. Сохранившееся в следственном деле Семенова письмо Трубецкого в Комитет, написанное им сразу же после очной ставки, служит косвенным доказательством того, что суть вопросов и ответов передана им в Записках верно. В своих ответах Трубецкой объяснял то, что вообще не может «уличить в принадлежности к обществу многих (по-видимому, из тех, о ком его спрашивали) по неизвестности мне того» (там же, л. 39 об. — 40). Такое объяснение можно квалифицировать лишь как уловку со стороны Трубецкого. Тем более это справедливо в отношении Семенова, находившего-

ся в самых тесных контактах с Трубецким по делам тайного общества, а также близкого семье Трубецких, — он был учителем младшего брата Сергея Петровича Никиты. В указанных ответах Трубецкой дает разъяснение и по поводу членства в тайном обществе своих братьев, которое полностью соответствует рассказу, приведенному им в Записках.

[88] Трубецкой очень уклончиво ответил на вопрос, был ли его брат Петр Петрович членом тайного общества: «Сколько мне известно <...>, не принадлежал к обществу, по крайней мере, я утвердительно знаю, что он ни в Северном, ни в Южном обществе не считается». Бурцов, Оболенский, Н. Муравьев, И. Пущин показали, что он состоял членом Союза благоденствия (*ЦГАОР*, ф. 48, оп. 1, д. 243, л. 22, 25, 33). П. П. Трубецкой привлекался по делу декабристов, но за непринадлежностью к позднейшим тайным обществам был «оставлен без внимания» (Алфавит декабристов, с. 187).

[89] Трубецкой Никита Петрович членом тайного общества не был.

[90] *Дибич Иван Иванович* (1785—1831) — начальник Главного штаба и *Потапов Алексей Николаевич* (1780—1846) — дежурный генерал Главного штаба, командир Конно-егерского полка — члены Следственного комитета по делу декабристов.

[91] 2 января 1826 г. Трубецкому был задан вопрос о том, когда и кем принят Г. С. Батеньков в тайное общество и каково его в нем участие. Трубецкой ответил, что не знает, но что в октябре «меня познакомил с ним Рылеев и объявил, что Батеньков принят в члены общества (*ЦГАОР*, ф. 48, оп. 1, д. 359, л. 40). 20 января состоялся допрос Трубецкого о его переговорах с Батеньковым относительно состава Временного правительства и расположения войск вне города лагерем (*ЦГАОР*, ф. 48, оп. 1, д. 359, л. 41). Возможно, что письменный вопрос и устный допрос относительно Батенькова слились в памяти Трубецкого воедино, поскольку его ответы в обоих случаях были аналогичны, а по времени события происходили незадолго друг от друга.

[92] Вопросов, касающихся непосредственно деятельности Южного общества, Трубецкому действительно, судя по документам следствия, не задавалось, но в своих показаниях, раскрывая историю тайных обществ, он неоднократно упоминал Южное общество. В составленном им списке указал и членов, «принадлежавших к обществу Пестеля» (*ВД*, т. 1, с. 31—32).

[93] Возможно, что речь идет о «вопросном пункте», полученном Трубецким 28 февраля, по поводу совещания в 1820 г. на квартире у Ф. Глинки и доклада на нем Пестеля о преимуществе республиканского способа правления. В представленном ответе Трубецкой отговорился своим незнанием ни о совещании, ни о приезде Пестеля, сославшись на то, что в это время находился за границей (*ВД*, т. 1, с. 54—55).

[94] Подозрения Трубецкого об осведомленности Следственного комитета имели серьезное основание, поскольку помимо доносов о тайном обществе и его членах правительство располагало и показаниями арестованных членов Южного общества.

[95] Здесь память изменила автору. До начала масленицы (22 февраля) он был дважды подвергнут допросу: 10 января и 15 февраля. 9 января его вызвали в Комитет, но «представлен не был», то есть

отпустили, не допрашивая, а потребовали только письменного ответа на вопрос о прокламациях и катехизисе, якобы посланных им через И. И. Муравьева-Апостола С. И. Муравьеву-Апостолу (возможно, вызов был связан с предполагавшейся очной ставкой с С. И. Муравьевым-Апостолом). Кроме того, 11, 12 января и 2 февраля ему были присланы вопросы, на которые он давал письменные показания (*ВД*, т. 1, с. 51—55).

[96] Судя по содержанию перечисленных вопросов, речь идет именно о допросе, состоявшемся 15 февраля (*ВД*, т. 1, с. 55—57), который Трубецкой ошибочно относит ко «2-й неделе великого поста», то есть 8—14 марта. Из следственного дела Трубецкого и журналов заседаний Комитета за это время видно, что с 16 февраля по 28 марта Трубецкого в Комитет не вызывали. Присылали только «вопросные пункты» с требованием свидетельства о принадлежности к тайному обществу М. Д. Лаппы, М. А. Назимова, А. Е. Розена, иностранца Жульи. На эти вопросы Трубецкой действительно дал отрицательные ответы, сославшись на незнание (*ВД*, т. 15, с. 170—171, 188—212).

[97] Вероятно, тетрадь была «огромной» не только из-за количества вопросов в ней, а в расчете на пространные ответы допрашиваемого. Действительно Трубецкому были посланы «вопросные пункты», в которых кроме 6 общих имелись еще 13 конкретных вопросов. Содержание некоторых из них совпадает с перечисленными Трубецким. Его ответы заняли 16,5 страницы, что и составило вместе с вопросами объемистую тетрать (*ВД*, т. 1, с. 57—74).

[98] Согласно плану проведения восстания 14 декабря, в разработке которого Трубецкой принимал активное участие, решено было захватить Зимний дворец и арестовать царскую семью. Предложение убить Николая исходило не от Трубецкого, а от Рылеева, который в несомненном противоречии с общим планом действий, на свой страх и риск, обратился с ним накануне восстания к П. Г. Каховскому (Нечкина, т. 2, с. 243; *ВД*, т. 1, с. 188—189, 347). Трубецкой об этом плане Рылеева, видимо, не знал, но в своем ответе на следствии безусловно отрицать самую идею убийства не решился, а витиевато написал, что хотя «не полагал иметь сего преступления на совести моей, то не могу и помнить, чтобы я назначал кого <...>, я должен был быть в совершенном беспамятстве и потому только должен верить, что я был столь несчастлив, что произнес таковое требование, что не могу никак предполагать, чтоб кто решился меня оклеветать <...>, что после всего, что я уже был в состоянии сделать <...>, я должен иметь несчастную уверенность, что я в состоянии был бы и на всевозможные ужасы покуситься или участвовать в них» (*ВД*, т. 1, с. 69).

[99] Такого письма к Е. И. Трубецкой не обнаружено. Возможно, оно было уничтожено самим автором, а вместо него написано другое, так как пропусков в письмах к жене за эти дни (с 15 по 19 февраля) нет, как нет и следов намека, о котором пишет Трубецкой.

[100] В письменном показании от 15 февраля на вопрос о том, «кто вызвался и кто назначен был нанести удар государю», Трубецкой отговорился незнанием. Предложения его допросить «показателя» в письменном ответе нет, но вполне вероятно, что при устном допросе

разговор такой мог состояться; в данном случае рассказ Трубецкого не вызывает сомнений.

[101] Этой тактики Трубецкой придерживался не только в упомянутом им случае с «показателем», но последовательно на протяжении всего следствия.

[102] Речь идет об ответах Трубецкого на допросе 15 февраля и затем в письменном показании о словах Арбузова на совещании у Рылеева накануне восстания, что «мы и холодным ружьем с ней [артиллерией. — *В.П.*] справимся», а также о разговоре Трубецкого с Арбузовым по поводу удержания войск от присяги Николаю. Об этом он рассказывает далее в связи с очной ставкой с Арбузовым (*ВД*, т. 1, с. 63, 66, 70).

[103] *Мысловский Петр Николаевич* (1777—1846) — протоиерей Казанского собора в Петербурге, был приставлен к арестованным декабристам, доброжелательно относился к ним, противился вторичному повешению сорвавшихся с петель осужденных (Якушкин, с. 75, 83). По словам Н. И. Лорера, Мысловский «сделался впоследствии утешителем, ангелом-хранителем наших матерей, сестер, детей, сообщая им известия о нас» (Лорер Н. И. Записки декабриста. М., 1931, с. 104). Истинная роль Мысловского в процессе декабристов до сих пор не выяснена. Отзывы о нем разноречивы. М. С. Лунин обвинял его в нарушении тайны исповеди. Отрицательно относились к Мысловскому Н. В. Басаргин, П. А. Муханов.

[104] Судя по следственным материалам, Трубецкого не вызывали на допросы с 16 февраля по 28 марта. Каких-либо документов, подтверждающих посещение Трубецкого А. Х. Бенкендорфом, не обнаружено, но рассказ Трубецкого не вызывает недоверия, поскольку следствием было установлено, что именно Трубецкой должен был вести переговоры с возможными кандидатами в члены Временного правительства, из которых первым назывался М. М. Сперанский.

[105] *Сперанский Михаил Михайлович* (1772—1839) — государственный деятель, автор проекта государственных преобразований, основанных на установлении твердых законов в рамках монархического строя (1809); поборник отмены крепостного права путем «реформ» сверху. Был связан со многими членами тайного общества. Его кандидатуру выдвигали в состав Временного революционного правительства. Во время политического процесса над декабристами Сперанский, стремясь реабилитировать себя в глазах Николая I, стал главным двигателем в работе Верховного уголовного суда. Им были определены разряды подсудимых по степени их виновности, подведены юридические «основания» для вынесения приговоров декабристам.

[106] Упомянутое письмо к А. Х. Бенкендорфу обнаружить не удалось.

[107] Батенькова вызвали в Комитет 18 марта, где задавали вопросы о кандидатах в состав Временного правительства: Н. С. Мордвинове, М. М. Сперанском. 20 марта Батеньков представил письменные ответы, в которых указал: «полагал, что Трубецкой скоро может заменить Мордвинова, которого считали нужным на первый раз, единственно для имени» (*ВД*, т. 14, с. 92). Возможно, что вызов Батенькова во дворец 29 или 30 марта остался документально незафиксированным, но поскольку в деле сохранились две его

записки-показания от 30 марта, адресованные В. В. Левашову, с объяснением своих отношений со Сперанским (там же, с. 139—145), рассказ Трубецкого можно считать достоверным.

[108] *Шипов Сергей Павлович* (1789—1876) — ген.-адъютант, участник Отечественной войны, член Союза спасения и Союза благоденствия. Со времени роспуска последнего порвал с тайным обществом. Привлекался по делу декабристов, но в отношении его было «повелено оставить без внимания» (Алфавит декабристов, с. 209).

[109] Батальоны военного обоза.

[110] Свидание с Е. П. Потемкиной состоялось в четверг, 1 апреля (см. примеч. к п. 56, с. 341—342).

[111] Не удалось установить, какой конкретно случай имел автор в виду. В течение января-марта 1826 г. ему несколько раз присылались «вопросные пункты» с требованием ответов об отношении к тайному обществу того или иного лица. Из 35 лиц, о которых запрашивали Трубецкого, он дал отрицательный ответ или отговорился незнанием о членстве 33 человек, в том числе братьев Искритских, А. Грибоедова, Я. Толстого, М. Лаппы, М. Назимова (*ЦГАОР*, ф. 48, оп. 1, д. 386, л. 14; д. 174, л. 4—13; д. 63, л. 44; д. 123, л. 2—3; д. 385, л. 14—15).

[112] На «страстной неделе», то есть между 12 и 17 апреля, Трубецкому вопросов не посылалось. Относительно Ф. Глинки его запросили 6 апреля. Он ответил, что «Глинка уже давно совершенно отстал от общества. Принадлежал к Союзу благоденствия, но к восстановленному после того обществу уже не принадлежал, и предлагаемо ему не было» (*ЦГАОР*, ф. 48, оп. 1, д. 82, л. 24).

[113] О Е. П. Оболенском Комитет запросил 12 мая. Содержание вопроса и ответа Трубецкого близки тому, как они переданы в Записках. Речь шла о первоначальном увлечении Оболенского конституцией Пестеля, то есть его идеей о республиканском способе правления, и о дальнейшем охлаждении Оболенского под влиянием Трубецкого и других членов Северной думы (*ВД*, т. 1, с. 272).

[114] О первом свидании Трубецкого с женой в Петропавловской крепости комендант Сукин доносил Николаю I: «Полковник князь Трубецкой сего 19 апреля в 7 часов пополудни имел свидание с женою своею в доме коменданта в присутствии моем» (*ЦГВИА*, ф. 36, оп. 4/847, св. 18, д. 188, л. 4).

[115] Об этом см. примеч. 1 к п. 93, с. 345.

[116] О допросе 8 мая нет следов ни в следственном деле Трубецкого, ни в журнале заседаний Комитета.

[117] «Большой допрос» состоялся 15 февраля (о нем см. выше примеч. 93—96). В данном случае автор, по-видимому, ошибся в дате. Допрос, о котором он ведет речь, состоялся 27 апреля. Письменные вопросы и ответы на них имеются в следственном деле. Дата на документе проставлена сверху другой рукой, но там же помета: «Читано 29 апреля», следовательно, допрос не мог быть позднее. По содержанию вопросы и ответы соответствуют рассказу Трубецкого (*ВД*, т. 1, с. 86—89). В одном из ответов он ссылается на свою «записку», то есть на конспект Манифеста к русскому народу (см. наст. т., с. 81—82). Возможно, что из письменных вопросов были исключены Комитетом те, которые задавались Трубецкому устно.

[118] Очная ставка с А. Ф. Бриггеном состоялась 12 мая 1826 г. Рассказ Трубецкого подтверждается документами следственного дела

Бриггена. Трубецкой показал, что Бригген привез ему письмо от Рылеева «о злоумышлении Якубовича» и о предложении Рылеева вывезти императорскую семью за границу. На очной ставке Бригген отрицал и то, и другое. Трубецкой подтвердил свое показание (*ВД*, т. 14, с. 442—443). Бригген был отнесен к VII разряду и осужден к каторжным работам на 4 года, а по конфирмации приговора Николаем I срок каторги был ему заменен двухлетним, с последующим поселением в Сибири, а затем он был сокращен до 1 года (Алфавит декабристов, с. 286—287).

[119] Рассказ Трубецкого подтверждается документами следственного дела А. П. Арбузова. Очная ставка с ним состоялась 16 мая, то есть на 4-й день после очной ставки с Бриггеном. Трубецкой действительно, не допуская до перекрестного допроса, отказался от своего показания (*ВД*, т. 2, с. 43).

[120] «День преполовения» — 19 мая.

[121] Очная ставка с Рылеевым состоялась 6 мая. Автор ошибся, указывая, что очищение очными ставками началось с 19 мая. Перед этим были очные ставки его с Бриггеном, Арбузовым (см. выше примеч. 118—119). Запись в следственном деле об очной ставке не отличается стенографической точностью, нет в ней тех подробностей и оттенков, которые возникали в ходе перекрестного допроса и по которым можно было бы судить о степени достоверности пересказа Трубецкого, однако зафиксированные вопросы и ответы, а также пункты, вызвавшие разногласия, подтверждают справедливость рассказа Трубецкого, действительно признавшего «по некотором оспаривании» показаний Рылеева справедливость их. На очной ставке были упомянуты: Якубович, Оболенский, Арбузов, Репин, Штейнгель, Батеньков. Видимо, кого-то из них имел в виду автор, говоря о более строгом осуждении тех, вину которых признали на очной ставке и Рылеев и Трубецкой (*ВД*, т. 1, с. 103—105).

[122] О распределении портфелей упоминает и И. И. Пущин. Ссылаясь на Трубецкого, он на следствии показывал: «о предложениях, делаемых на юге, которые мы вообще находили странными, я узнал от него, что там даже назначили военным министром [во Временном правлении. — *В. П.*] Шипова» (*ВД*, т. 2, с. 225).

[123] Свидание К. Ф. Рылеева с женой состоялось 10 июня (*ЦГИА*, ф. 1280, оп. 1, д. 6, л. 340). В это время упорно носились слухи о предстоящем помиловании. Сообщения эти, со ссылкой на авторитетные русские источники, появились и в иностранных газетах. Многие были убеждены, что император в политических интересах отдаст предпочтение милосердию перед строгостью. Сам Николай в беседе с французским послом в Петербурге гр. Ла-Ферронэ обещал удивить Европу своим милосердием (Невелев Г. А. Царизм перед судом истории. — Новый мир, 1975, № 1, с. 192—193; Декабристы на поселении, с. 56).

[124] Последний вопрос от Комитета был прислан Трубецкому 16 июня 1826 г. Он действительно касался Н. И. Тургенева, но запрашивали о том, высказывался ли Тургенев за республику и предлагал ли он вывезти царскую семью за границу? Трубецкой на этот вопрос дал отрицательный ответ (*ВД*, т. 15, с. 297—298).

[125] Видимо, имеется в виду предъявленное Трубецкому обвинение в том, что он разделял мнение членов Думы о необходимости вывезти царскую семью за границу или даже уничтожить царя.

[126] 7 июня 1826 г. на заседании Верховного уголовного суда было принято решение не допрашивать обвиняемых в суде, а для их опроса назначить из состава суда особую ревизионную комиссию, которая должна была проверить материалы предварительного следствия над декабристами. Состав ревизионной комиссии и результаты ее деятельности были предопределены заранее. Судебное разбирательство свелось к вызову подсудимых, каждому из которых предъявлялось следственное дело и задавались стереотипные вопросы: его ли рукой написаны показания, добровольно ли он их подписывал и давались ли ему очные ставки.

Таким образом в течение двух дней (8—9 июня) были опрошены 120 подсудимых (*ВД*, т. 17, с. 12). Трубецкой ошибся в дате: он был вызван не 5, а 8 июня 1826 г. (там же, с. 85—86).

[127] Ошибка в дате. Верховный уголовный суд собрал подсудимых в комендантском доме Петропавловской крепости для объявления приговора не 10, а 12 июля 1826 г. (*ВД*, т. 17, с. 250).

[128] Это письмо неизвестно.

[129] Жена Артамона Захаровича Муравьева — *Елизавета Карловна*, урожд. Поссе. Ахтырка — имение Муравьевых в Харьковской губ. Графиня Самойлова — вероятно, *Елизавета Сергеевна*, урожд. Трубецкая (1763—1830), родственница С. П. Трубецкого, жена ген.-прокурора гр. Александра Николаевича Самойлова.

[130] В состав Верховного уголовного суда, учрежденного 1 июня 1826 г., было введено 72 члена: 18 — из Государственного совета, 36 сенаторов, 3 члена Синода и 15 особо назначенных выкосокопоставленных лиц.

[131] Поскольку Трубецкой вычеркнул «в солдаты», то речь может идти о Веденяпине Аполлоне Васильевиче, члене Общества соединенных славян, осужденном по VIII разряду к лишению чинов, дворянства и к бессрочной ссылке на поселение. Его брат Алексей Васильевич был осужден по XI разряду к лишению чинов и разжалованию в солдаты.

[132] Рассказ Трубецкого подтверждается свидетельствами других декабристов: А. Розена, И. Горбачевского, В. Раевского, Е. Оболенского (Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. т. 1, с. 171, 250—251, 347—348; т. 2, с. 110) — о том, что из своих камер в Кронверкской куртине (сюда были собраны 12 июля все осужденные, поставленные вне разрядов и осужденные по I разряду) они слышали, как между 2.00 и 2.30 часами утра вывели их товарищей, видели, как те шли мимо окон в окружении гренадер Павловского полка. В этом нет ошибки. Никто из перечисленных выше, кроме В. Ф. Раевского (там же, т. 1, с. 347—348), не мог видеть самой казни, так как она была совершена уже после экзекуции над остальными осужденными, а до того пятерых смертников содержали вне крепости (согласно рассказу В. Ф. Раевского — в доме Сафонова, против Кронверкской куртины), и они находились там до окончания гражданской казни. Трубецкой ошибся только в указании времени: все происходило ранее четырех часов утра, так как около четырех осужденных к гражданской казни уже вернули в казематы Кронверкской куртины.

[133] Действительно, Следственный комитет не запрашивал Трубецкого об упомянутых лицах, и потому он мог предположить, что они не были арестованы. В представленном Трубецким списке указаны

А Муравьев, М. Фонвизин, М. Лунин и С. Краснокутский, как члены ранних тайных организаций. О Лунине Трубецкой упоминал в связи с вопросом Комитета о деньгах общества, переданных Трубецким Н. Муравьеву для покупки литографского станка, который и был приобретен Луниным (*ВД*, т. 1, с. 9, 21, 30—31, 43, 47, 49).

[134] Из декабристов, подвергшихся гражданской казни вместе с Трубецким, офицерами-семеновцами, служившими под знаменами этого полка в Отечественную войну, были: И. Д. Якушкин, М. И. Муравьев-Апостол, С. Г. Краснокутский, А. И. Тютчев, Ф. П. Шаховской и Ф. Ф. Вадковский. В Семеновском полку служили и приговоренные к смертной казни С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин.

[135] Шипов Сергей Павлович (см. выше примеч. 108).

[136] По греческой мифологии Медуза (Горгона) — одна из трех крылатых, змееволосых женщин-чудовищ, от взгляда которых люди превращались в камень.

[137] Павел Иванович Пестель был лютеранином.

[138] Согласно официальному донесению петербургского ген.-губ. П. В. Голенищева-Кутузова — непосредственного руководителя казни, — сорвались с виселицы К. Ф. Рылеев, С. И. Муравьев-Апостол и П. Г. Каховский (Былое, 1906, т. 3, с. 232). По воспоминаниям декабристов, основанным на рассказах очевидцев, третьим был М. П. Бестужев-Рюмин (Р о з е н А. Е. Из записок декабриста. — В кн.: Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. Т. 1, с. 171; Ц е б р и к о в Н. Р. Воспоминания о Кронверкской куртине. — Т а м ж е, с. 246). Есть и другие версии.

[139] При определении наказания Трубецкому в вечернем заседании Верховного уголовного суда 30 июня 1826 г. из 68 членов суда двое не явились (М. М. Сперанский и Н. С. Мордвинов); двое отказались «от суждения за родством» (Г. А. Строганов, женатый первым браком на А. С. Трубецкой, родственнице С. П. Трубецкого, и С. С. Кушников, женатый на Е. П. Бекетовой, кузине Е. И. Трубецкой). Остальные голоса распределились следующим образом: 37 (в том числе 3 члена Синода) — «казнить смертию», 5 — повесить, 20 — поставить вне разрядов, то есть четвертовать, 1 — расстрелять (Б. А. Куракин), 1 — казнить политической смертью (А. С. Шишков) (*ЦГАОР*, ф. 48, оп. 1, д. 458, л. 15—16).

[140] *Башуцкий Павел Яковлевич* (1771—1836) — ген.-адъютант, петербургский комендант, член Верховного уголовного суда из числа «особо назначенных» (*ВД*, т. 17, с. 70—71).

[141] Явная описка. 12 июля был понедельник, свидание состоялось в пятницу, 16 июля.

[142] Письмо было заготовлено заранее, а дата, видимо, проставлена в день отсылки.

[143] О хорошей слышимости в казематах Кронверкской куртины есть свидетельства и других декабристов, в частности сидевшего в каземате № 7 М. С. Лунина (Э й д е л ь м а н Н. Я. Апостол Сергей. М., 1975, с. 339).

[144] О болезни Трубецкого и отправке его в Сибирь см. п. 126—132 и примеч. к ним.

[145] *Волконская Софья Григорьевна*, урожд. Волконская (1786—1869) — сестра декабриста С. Г. Волконского; ее сын *Волконский Григорий Петрович* (1808—1882).

[146] Трубецкой был отправлен с первой партией ссыльных в ночь с 23 на 24 июля (см. примеч. к п. 132). Е. И. Трубецкая выехала из Петербурга 24 июля.

[147] Имеется в виду официальный отчет по делу декабристов — Донесение Следственной комиссии, опубликованный в 1826 г. В Донесении был совершенно искажен истинный смысл событий 14 декабря, скрыта социально-политическая программа революционеров. Следственная комиссия представила декабристов как злодеев-цареубийц, не имевших никакой почвы и поддержки в России.

ПРИБАВЛЕНИЯ К ЗАПИСКАМ («РАЗНЫЕ ОТРЫВКИ»)

К прибавлениям отнесены три самостоятельных отрывка, на которых нет авторских помет, позволяющих отнести их к определенным страницам Записок. Вместе с тем они по своему содержанию тесно связаны с Записками:

I. «Со времени вступления дома Романовых <...>» (*ЦГАОР*, ф. 1143, оп. 1, д. 7, л. 113—115).

II. «Солдаты гвардейских полков <...>» (там же, л. 125—127 об).

III. «Россия стояла на высочайшей степени славы <...>» (там же, л. 136—137 «г.»).

Впервые все три отрывка были опубликованы в лондонском издании 1863 г. в разделе «Отрывки» как самостоятельные: I — под № 1 и 2. Первый издан в сокращении, со слов «Видя в малолетстве своем <...>» (Записки декабристов, с. 64—67). II — под № 8 и 10. Последний со слов «Утром 14 декабря <...>» (там же, с. 88—90, 91—93). III — под № 4 (там же, с. 78—80).

В петербургском издании 1906 г. I — представлен двумя самостоятельными отрывками, произвольно озаглавленными издателями: 1. «Письмо к детям»; 2. «Письмо к неизвестному». Оба отрывка помещены перед текстом Записок, как бы предваряя их. II — в виде двух разных отрывков помещен в «Прибавлениях» с некоторыми сокращениями (Записки кн. С. П. Трубецкого, с. 85—87, 93—95). III — издан также в «Прибавлениях» с некоторыми текстологическими погрешностями (там же, с. 79—82). I и II отрывки сохранились в двух экземплярах: оригинале 1840-х гг. и авторской копии 1850-х гг. Не озаглавлены. Текст обоих экземпляров почти идентичен; встречающиеся незначительные разночтения оговариваются в подстрочных примечаниях. Публикуются по авторской копии. III отрывок сохранился в черновом экземпляре; публикуется по автографу.

[1] Упоминание о малолетних детях служит подтверждением того, что отрывок был написан, как и Записки, в середине 1840-х гг., когда у Трубецких было четверо детей, старшей дочери Александре около 15, младшему сыну Ивану не более 3 лет.

[2] Идентифицировать с кем-либо личность «друга» не удалось. Однако нет оснований считать, что Трубецкой адресовал свои За-

писки вымышленному лицу. Предположительно можно сказать, что издатели Записок, произвольно озаглавив отрывок, сознательно опустили настоящую, и скорее всего известную им, фамилию близкого друга Трубецкого.

[3] По своему содержанию отрывок является продолжением авторского примечания 3 к Запискам (см. с. 246—247). Примечание Трубецким не было закончено: раскрывая план восстания, он остановился на п. 1 — принуждении Сената издать манифест и на этом запись прервал. В отрывке же после первых слов указывается: «Как уже было сказано...»; в нем нет п. 1 и сразу идет п. 2, в котором перечисляются остальные элементы плана и далее ведется повествование о действиях войск 14 декабря.

Поскольку отрывок представляет собой самостоятельную рукопись и автором отнесен к «разным отрывкам», то в настоящем томе он помещен в Прибавлениях.

[4] Замечание Трубецкого о том, что Временное правление оставалось, «пока не будет утвержден новый император <...>», нельзя понимать буквально как план восстановления монархического режима. Здесь автор явно ведет речь о том, что Временное правление должно было существовать до съезда Великого собора, от которого зависело решение вопроса о форме правления, в том числе и о том, кому и на каких условиях царствовать в случае установления конституционной монархии. Трубецкой ниже пишет о проекте нового государственного закона, главным пунктом которого было учреждение представительного правления.

[5] Версия Трубецкого о том, что условием содействия восставшим «некоторых членов Государственного совета» являлось сосредоточение войск за чертой города лагерем, никем из декабристов не подтверждается. По-видимому, это было ему известно как политическому руководителю, осуществлявшему предварительные переговоры о будущем государственном устройстве с предполагавшимися кандидатами в члены правительства лично и через Батенькова.

[6] В книге М. А. Корфа указано, что выстрел по восставшим был произведен поручиком И. М. Бакуниным (Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I, с. 171, 184—185). Об этом же свидетельствует Д. Завалишин (Записки декабриста, с. 202—203).

[7] Все три примечания-«выноски» написаны карандашом на полях оригинала рукописи одним и тем же почерком. Запись со временем потеряла четкость, карандаш кое-где стерся, что затрудняло идентифицировать почерк с почерком Трубецкого, но поскольку две последние «выноски» были позднее введены автором непосредственно в текст списка, то сомнения в почерке отпали и в отношении первой «выноски», о ген. Сухозанете, которая в списке сохранена как примечание. Эта «выноска» имеет существенное значение в датировке списка, сделанного Трубецким не ранее августа 1857 г., так как в ней содержится ссылка на книгу Корфа «Восшествие на престол императора Николая I», вышедшую первым изданием для публики в августе 1857 г.

[8] Отрывок по содержанию тесно связан с началом Записок, написанным Трубецким не позднее 1854 г. (об этом см. примеч. на с. 359). Если в начале Записок автор повествует об истории тайных обществ, то в отрывке он дает характеристику социально-эко-

номического и политического состояния России накануне восстания и той роли, которую тайное общество отводило себе в борьбе за «благоденствие народа». По манере письма, формату и качеству бумаги отрывок относится по времени написания к 1850-м гг.

ЗАМЕЧАНИЯ НА ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТА В. И. ШТЕЙНГЕЛЯ

В настоящем томе публикуются три варианта заметок Трубецкого на Записки Штейнгеля: *А* — свод замечаний, подготовленный для Е. И. Якушкина; Б — Заметки (возможно, черновые), сохранившиеся в бумагах Трубецкого; *В* — краткие заметки, сделанные им на полях рукописи воспоминаний Штейнгеля. Сопоставление вариантов позволяет сделать вывод, что автор при подготовке более пространного и позднейшего свода замечаний опустил некоторые из ранее высказанных, а другие развил, добавив к ним новые, используя прежние свои записи и замечания на книгу М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I» (см. наст. т., с. 310—319).

А. СВОД ЗАМЕЧАНИЙ, ПОДГОТОВЛЕННЫЙ ДЛЯ Е. И. ЯКУШКИНА

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 331, л. 1—18

[1] Впервые рукопись была полностью опубликована в 1932 г. Н. М. Дружининым с его рецензией и пространным комментарием (Дружинин Н. М. Заметки С. П. Трубецкого (из архива Якушкиных). — В кн.: Декабристы и их время. М., 1932, т. 2, с. 9—22). В лондонское издание 1863 г. рукопись не вошла. В петербургском издании 1906 г. рукопись представлена частично (из 11 заметок — только 5, начало вообще опущено). В. И. Штейнгель начал писать свои воспоминания в Сибири. Часть их, включая рассказ о 14 декабря 1825 г., он восстановил по памяти на бумаге «через 20 лет после описываемых событий» (П. Е. Щеголев. Предисловие к Запискам В. И. Штейнгеля. — В кн.: Общественные движения в России в первую половину XIX века, т. 1, с. 318—324). Содержание этой части, получившей условное наименование «3-й части Записок Штейнгеля», было известно многим декабристам, рукопись распространялась среди ссыльных в списках. Один из них попал к Трубецкому, и тот на полях сделал заметки, фиксирующие обнаруженные им неточности. Возможно, тогда же, в 1855—1856 гг., копия Записок Штейнгеля с пометами Трубецкого оказалась у сына декабриста Е. И. Якушкина. В 1857 г. он, вероятно, попросил Трубецкого дать более обстоятельную аргументацию отмеченных неточностей, и последний выполнил его просьбу. Сделанный им свод замечаний состоит из 11 небольших заметок. Однако в бумагах Трубецкого обнаружены письменные реплики, которые не вошли в свод или написаны в иной редакции, но бесспорно являются замечаниями на Записки Штейнгеля. Эти отрывки публикуются в настоящем томе сразу же за сводом замечаний.

Рукопись воспроизводится по автографу, хранящемуся в фонде Якушкиных. Оригинал ее представляет собой 19 сшитых в тетрадь

листов размером в 1/4 долю. Всего 38 страниц, из них 3 последние — чистые. Рукопись не озаглавлена. Заголовок дается на основании примечания к рукописи Е. И. Якушкина и письма к нему Трубецкого от 21 февраля 1858 г., в котором автор назвал рукопись «замечаниями» (*ЦГАОР*, ф. 279, оп. 1, д. 667, л. 3). В фонде Трубецкого сохранилась писарская копия этой рукописи (*ЦГАОР*, ф. 1143, оп. 1, д. 9, л. 1—14).

[2] Дата устанавливается на основании упоминания Трубецким книги М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I», вышедшей в свет в середине августа 1857 г. (1-е издание для публики), и письма Трубецкого Е. И. Якушкину от 21 февраля 1858 г. с уведомлением о завершении работы над замечаниями.

[3] Источником почти всех сочинений о декабристах за границей являлось Донесение Следственной комиссии, переведенное на многие иностранные языки. Версия правительственных кругов поддерживалась и комментировалась на страницах официальной зарубежной печати. М. Корф в своей книге использовал записки Николая I, в которых подчеркивалось «бескорыстие» и «великодушие» обоих наследников престола в период междуцарствия (Шебунин А. Н. Движение декабристов в освещении иностранной публицистики. — В кн.: Бунт декабристов, с. 288—290; Ангран П. Отголоски восстания декабристов во Франции. — Вопросы истории, 1952, № 12, с. 115; Орлик О. В. Декабристы и европейское освободительное движение. М., 1975, с. 147—148).

[4] Речь идет о поражении России в Крымской войне 1853—1856 гг.

[5] Рассказ Трубецкого, переданный им со слов Ф. П. Опочинина, о совещании Николая с П. В. Лопухиным, А. Б. Куракиным и М. А. Милорадовичем сразу же после получения известия о болезни Александра I (22 ноября) не подтверждается записями Николая. В дневнике зафиксированы частые его встречи с Милорадовичем, Лопухиным (22 ноября) и Куракиным (28 ноября) В записке Опочинина от 3 декабря, составленной под диктовку Николая для Константина, упоминается о специальном совещании, состоявшемся в Зимнем дворце поздно вечером 25 ноября. Среди участников названы Николай, Милорадович и командир гвардейского корпуса А. Л. Воинов. На совещании обсуждались меры, которые предполагалось принять в случае получения известия о смерти Александра I (Дружинин Н. М. Заметки С. П. Трубецкого, с. 19). В замечаниях на книгу М. Корфа (см. наст. т., с. 310—319) Трубецкой дополняет рассказ Опочинина подробностями, которые делают маловероятной ошибку памяти Трубецкого, тем более что встреча с Опочининым произошла накануне предполагаемого отъезда Трубецкого из Петербурга.

[6] Первые донесения об опасной болезни Александра I поступили 22 и 23 ноября и вызвали тревожные слухи во дворце (Междуцарствие..., с. 67). Они проникали и в общество. Отголоском этих слухов явилось сообщение Рылеева вечером у Трубецкого.

[7] Курьер с известием о перемене состояния Александра I к лучшему прибыл 26 ноября (когда его уже не было в живых), по этому поводу и состоялся молебен утром 27 ноября (см. Междуцарствие..., с. 67).

[8] Рассказ Трубецкого находит подтверждение в дневниках лиц царской семьи и в записях ген.-адъют. К. Ф. Толя (см. Междуцар-

ствие..., с. 70 и Журнал ген.-адъют. Толя о декабрьских событиях 1825 г. СПб., 1910, с. 17). Толь пишет, что Ф. П. Опочинин выехал из Петербурга в Варшаву поздно ночью 27 ноября по поручению имп. Марии Федоровны. Одновременно с ним в разных направлениях, чтобы перехватить Константина на случай, если он выедет в Таганрог, были посланы адъютант Николая А. П. Лазарев, от Сената — коллежский советник П. Е. Никитин и адъютант военного министра Татищева А. И. Сабуров. Далее Толь, как и Трубецкой, указывает, что Опочинин вернулся в Петербург вместе с вел. кн. Михаилом Павловичем, встретив его в Нарве. Здесь ошиблись оба, так как Опочинин встретился с Михаилом Павловичем после того, как вторично был отправлен Николаем в ночь на 30-е именно в Нарву для встречи там Константина, и с ним вместе вернулся в Петербург 3 декабря. Почему Опочинин возвратился с дороги 28 ноября, установить не удалось, но в дневнике Николая за это число отмечается, что Опочинин был у Николая дважды. В ночь с 3 на 4 декабря Опочинин был снова отправлен в Варшаву уже с протоколом, написанным под диктовку Николая, «всего того, что происходило» (Междуцарствие..., с. 82). Таким образом, Трубецкой мог узнать 27 ноября о поездке Опочинина в ночь на 28 ноября, а потом о поездке его в ночь на 30-е в Нарву, но в сознании Трубецкого подробности первой и второй поездок слились, отсюда путаница со встречей Михаила Павловича и явные следы сосредоточенного припоминания дат этих поездок.

[9] Не удалось обнаружить свидетельств о том, кому из полковых командиров предлагалось «начальствовать», но известно, что Трубецкой безрезультатно обращался с подобным предложением к генералу С. Шипову (Лавров Н. Ф. Диктатор 14 декабря. — В кн.: Бунт декабристов, с. 199).

[10] В бумагах Трубецкого сохранился другой вариант этой пятой по порядку заметки (см. наст. т., с. 306). В обоих вариантах Трубецкой опровергает версию о том, что был избран для «предводительства инсуррекции». Вместе с тем материалы следствия, Записки Трубецкого и второй вариант этого же отрывка свидетельствуют о том, что он не отрицал своего избрания диктатором. Очевидно, здесь имеет место серьезное недоразумение, возникшее из различных толкований понятия «диктатор» и «предводитель восстания» (см. вступ. ст., с. 37—39). В представлении руководителей восстания оба понятия не были однозначными, но в тревожные, волнующие дни всеобщего возбуждения, накала страстей и после, в ходе следствия, в сознании многих участников заговора оба понятия слились воедино, отсюда в показаниях допрашиваемых разнобой: Трубецкого называют диктатором, начальником, главным начальником, полновластным начальником и т. п. Нет единства и в дате избрания его диктатором. Замечания Трубецкого не могли остаться неизвестными, поскольку Записки Штейнгеля широко распространялись в кругу декабристов, и всякая в них фальсификация подверглась бы немедленному разоблачению. Однако критики не последовало. Е. И. Якушкин также не выразил никакого недоумения или недоверия к поправкам Трубецкого, наоборот, в 1855 г. из Сибири, то есть в то время, когда распространялись и Записки Штейнгеля, он писал: «Нельзя не верить рассказам Трубецкого, человека

до чрезвычайности добросовестного» (Декабристы на поселении, с. 56).

[11] Этот отрывок вошел в петербургское издание Записок Трубецкого 1906 г. под названием «Замечания на записки барона Штейнгеля 1859 г.» (Записки, с. 109—111). В лондонском издании 1863 г. он отсутствует. В более сжатой редакции отрывок опубликован П. Е. Щеголевым в третьей части Записок Штейнгеля как заметки Трубецкого (см. наст. т., с. 310).

[12] Жена Евгения Александровича Головина *Елизавета Петровна*, урожд. Фонвизина — двоюродная сестра декабриста М. А. Фонвизина.

[13] Примечание В. И. Штейнгеля, на которое ссылается Трубецкой, следующего содержания: «Лунин по выпуске из Петропавловского Забайкальского каземата жил под Иркутском, в Урике, но за написанное им для иностранных газет повествование о деле тайного общества и перехваченное отвезен был в Нерчинский Акатуевский рудник и там кончил жизнь свою» (Штейнгель В. И. Записки, с. 460). Аналогичная мотивировка ареста М. С. Лунина приводится в письме М. А. Фонвизина И. Д. Якушкину от 26 мая 1841 г. из Тобольска: «<...> мне пришло в голову, не вздумал ли он [Лунин — *В. П.*] напечатать что-нибудь за границей из своих памфлетов и тем не возбудил ли подозрений» (М. А. Фонвизин. Сочинения и письма. Т. 1, с. 208). По-видимому, Штейнгелю было известно предположение Фонвизина: в эти годы они вместе отбывали ссылку в Тобольске и могли обменяться мнениями.

[14] Поводом к аресту М. С. Лунина послужили не письма к сестре Е. С. Уваровой, а его политический трактат «Взгляд на русское тайное общество с 1816 по 1826 год». Расследованием было установлено, что сочинения Лунина получили распространение и читались не только некоторыми декабристами, но и местными жителями. Списки его сочинений были и у Трубецкого, поскольку он придает им политическое значение. Участие Н. М. Муравьева в сочинении трактатов Лунина подтверждается сопоставлением их с сибирскими сочинениями Муравьева. Хлопоты его матери Екатерины Федоровны, о которых пишет Трубецкой, находят подтверждение в записях петрашевца Ф. Г. Толля, сделанных со слов декабристов (Дружинин Н. М. Заметки С. П. Трубецкого, с. 20).

[15] Мнение было высказано И. Д. Якушкиным, которого Трубецкой относит к близким друзьям Лунина. Трубецкой не разделял этого взгляда, считая, что памфлеты и письма представляют «общий» интерес и продиктованы автору высокими внутренними мотивами (Якушкин, с. 246, 386, 654).

[16] *Уваров Федор Александрович* (1780—1827) — муж сестры М. С. Лунина Екатерины Сергеевны, участник Отечественной войны, отставной полковник Кавалергардского полка, камергер, действ. стат. сов., настойчиво добивался непризнания завещания Лунина и решения спора в пользу своей жены. В 1827 г. он, выйдя из дома, больше не вернулся.

[17] Замечание Трубецкого о недальновидности правительства, которое могло бы предупредить восстание 14 декабря в Петербурге и потом на юге своевременным всенародным официальным объявлением об отречении Константина, имеет основание, так как только соз-

давшаяся ситуация междуцарствия, назначение второй «переприсяги» явились тем благоприятным моментом, которым и воспользовались руководители Северного общества для революционного выступления. Из этого замечания не следует, однако, что в противном случае тайное общество отказалось бы от осуществления намеченного ранее плана установления конституционного правления насильственным путем.

[18] Эта же заметка, но в иной редакции воспроизведена П. Е. Щеголевым как заметка Трубецкого на полях рукописи воспоминаний В. И. Штейнгеля (см. наст. т., с. 310).

Б. ЗАМЕТКИ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СВОД

ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 7, л. 110—111 и об.; 96—97 и об., 99—100 и об.*

[19] Заметки № 1—4 публикуются впервые; № 5, а также «а» и «в» опубликованы в лондонском издании 1863 г. в разделе «Отрывки» под № 7 (5-я) и № 6 («а» и «в»). (Записки декабристов, с. 84—88, 82—84). В предисловии издатели указывали, что некоторые из отрывков «составляют отчасти род заметок на Записки Штейнгеля» (там же, с. 65). В петербургском издании 1906 г. заметка № 5 представлена в разделе «Прибавления», но с пропусками, начало отсутствует (см. Записки, с. 92—93). Заметки под литерами «а» и «в» приведены полностью как одно целое (там же, с. 82—84). Рукопись воспроизводится по автографу.

[20] Дата устанавливается по времени написания В. И. Штейнгелем третьей части своих Записок (конец 1840 — начало 1850-х гг.), когда рукопись распространялась среди ссыльных декабристов и Трубецкой мог ее читать и сделать свои замечания. Косвенным подтверждением правильности датировки может служить бумага, на которой написаны замечания: она со штемпелем Аристарховой фабрики № 5 и применялась между 1844—1854 гг.

[21] Уточнение дат поступления сведений о болезни и смерти Александра I связано с упоминанием Штейнгеля о том, что известие о смерти царя было неожиданным (Штейнгель В. И. Записки, с. 433), но и в рукописи Трубецкого явные следы исправлений, свидетельствующие о сосредоточенном припоминании им дат прибытия фельдъегерей.

[22] В Записках В. И. Штейнгеля указано: «В воскресенье (субботу) 12-го числа у директора Российско-Американской компании был обед» (Штейнгель В. И. Записки, с. 439).

[23] Аналогичная заметка, но в иной, более сжатой редакции есть в своде замечаний (см. раздел А и примеч. 10). Настоящий вариант содержит сведения, которых нет в своде (история тайного общества, план восстания 14 декабря).

[24] См. выше примеч. 10.

[25] Возражение Трубецкого вызвано утверждением Штейнгеля, что если бы «тотчас исполнили завещательный акт, как скоро вскрыли и прочли его 27 ноября, все присягнули бы назначенному наследнику Александра» (Штейнгель В. И. Записки, с. 468).

---

* Нумерация листов сбита в деле.

В. ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ РУКОПИСИ ЗАПИСОК В. И. ШТЕЙНГЕЛЯ

Общественные движения в России в первую половину XIX века, т. 1, с. 438, 442, 451, 472

[26] Подлинная рукопись Штейнгеля с пометами Трубецкого не сохранилась. Опубликованная в 1905 г. П. Е. Щеголевым третья часть его Записок печаталась, по словам издателя, с копии, представленной Е. И. Якушкиным. В примечаниях к этой публикации воспроизведены и замечания Трубецкого Они значительно отличаются и от свода, и от заметок, не включенных автором в свод. П. Е. Щеголев опубликовал пять заметок Трубецкого, из которых только две (о Милорадовиче и об атамане Орлове) совпадают по содержанию с приведенными в своде, но рознятся по редакции и полноте сведений. Остальные заметки отсутствуют. Поскольку оригинал рукописи В. И. Штейнгеля до сих пор не найден, не представляется возможным установить полноту и точность воспроизведенных П. Е. Щеголевым заметок Трубецкого.

[27] Штейнгель В. И. Записки, с. 439, а также наст. т., с. 388.

[28] Штейнгель В. И. Записки, с. 442, а также наст. т., с. 300. и примеч. 11 на с. 386—387.

[29] Штейнгель В. И. Записки, с. 451

[30] Штейнгель В. И. Записки, с. 472. Аналогичная по содержанию заметка, но в иной редакции помещена в своде (см. наст. т., с. 305).

[31] *Лепарский Станислав Романович* (1759—1838) — ген.-майор, комендант Нерчинских рудников и мест заключения декабристов в Чите и Петровском Заводе.

[32] Возражение Трубецкого вызвано упоминанием Штейнгеля о том, что Лепарский выплачивал 60 тыс., «одолженных им при сдаче полка, перед назначением на должность коменданта Нерчинских рудников» (Штейнгель В. И Записки, с. 472).

ЗАМЕЧАНИЯ НА КНИГУ М. А. КОРФА «ВОСШЕСТВИЕ НА ПРЕСТОЛ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I»

ЦГАОР, ф. 1143, оп. 1, д. 7, л. 92—93 и об.; д. 8, л. 1; д. 7, л. 78—87, 99—100 и об., 99—98 и об., 110—111 и об., 96—97 и об.*

Замечания были впервые опубликованы в лондонском издании 1863 г. как прибавления к Запискам С. П. Трубецкого в разделе «Отрывки» под № 3 без заголовка и без указания на то, что они относятся к книге Корфа (Записки декабристов, с. 67—76). В петербургском издании 1906 г. начало этой рукописи (со слов: «Все, что писано до сих пор...» и кончая словами: «...истинного наследника») выпущено, а последующий текст произвольно, без всяких ого-

---

* Последовательность нумерации листов нарушена в деле. Восстанавливается по содержанию.

ворок, введен непосредственно в текст Записок (Записки кн. С. П. Трубецкого, с. 28—33).

Книга М. Корфа вышла в свет третьим изданием (первым для публики) в августе 1857 г. По заявлению автора, она предназначалась для того, чтобы «восстановить факты в их чистоте <...>, восполнить для будущего историка России такой пробел, которого не простило бы нам потомство» (с. 8). Используя официальные документы, воспоминания членов царской семьи и многих высокопоставленных лиц, Корф в процессе работы над книгой давал все свои записи на просмотр и одобрение Николаю I (Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. М., 1973, с. 25—32). Таким образом, обещанная им «чистота фактов» превратилась в апологию действий и личности царя, утверждение выгодной для Романовых версии о периоде междуцарствия, трогательное повествование о благородстве двух братьев, уступающих друг другу трон. Корфом умалчивались, искажались истинные цели декабристского движения.

Книга вызвала крайне отрицательную оценку декабристов и резкую критику со стороны Вольной русской печати. И. И. Пущин писал М. И. Муравьеву-Апостолу 23 августа 1857 г.: «Я с отвращением прочел <...>, убийственная раболепная лесть убивает с первой страницы предисловия». 29 августа М. Муравьев-Апостол отвечал: «Не знаю, чему больше удивляться — глупости или подлости» (Герцен А. И. Собр. соч., т. 12, с. 504—515 — комментарий И. В. Пороха к ст. Герцена по поводу книги барона Корфа). А. И. Герцен характеризовал книгу Корфа как гнусное византийское раболепие и бюрократическую подлость (там же, т. 26, с. 135—136). Не обошел молчанием книгу Корфа и Трубецкой.

[1] Рукопись воспроизводится по автографу. Оригинал ее представляет тетрадь в 28 страниц, образованную из предварительно пронумерованных шести листов большого формата, сложенных затем до размера в 1/4 долю листа (1-й лист — вчетверо, а остальные — 5 пополам), отчего нумерация листов в тетради идет через интервал в 4—2 листа. Одна страница (7-я) исписана только наполовину, и на ней авторская помета: «За сим лист 2-й». Помимо основной тетради сохранились несколько листов с отрывками в виде вставок и приложений, относящихся по своему содержанию к тексту Замечаний. Начало рукописи (до с. 7) было автором переписано набело и воспроизводится по чистовику. Разночтения между основным и перебеленным текстами оговариваются в подстрочных примечаниях.

[2] Время написания Замечаний устанавливается на основании даты выхода книги Корфа (середина августа 1857 г.) и упоминания Трубецкого в письме к Е. И. Якушкину от 21 февраля 1858 г. о завершении подготовки свода замечаний на Записки В. И. Штейнгеля (*ЦГАОР*, ф. 279, оп. 1, д. 677, л. 3), составлению которого предшествовал разбор книги Корфа, что можно заметить при сличении содержания обеих рукописей, в значительной своей части повторяющихся и перекликающихся с Записками Трубецкого.

[3] Е. И. Якушкин в письме жене от 9 декабря 1855 г. называет в числе наиболее известных сочинений такого рода книги

И. Г. Шницлера (Schnitzler J. Histoire intime de la Russia sons les empereurs Alexandre et Nicolas. Paris, 1847) и А. Ламартина (A. de Lamartine. Histoire de la Russias. Paris, 1855), в которых дано описание того, как Николай и Константин «представляли пример небывалого в истории самоотвержения двух братьев, уступающих друг другу корону» (Декабристы на поселении, с. 60).

[4] См. примеч. 51, с. 369.

[5] Имеются в виду Записки В. И. Штейнгеля, в которых он рассказывает, что Николай на предложение членов Государственного совета признать его государем ответил: «Нет, нет, я не готов, я не могу, я не хочу взять на совесть свою лишить брата его права. Я уступаю ему и первый присягну» (Штейнгель В. И. Записки, с. 434).

[6] Речь идет о В. И. Штейнгеле.

[7] Декабристы действительно использовали нарушение процедуры присяги новому императору, воспользовались незаконной переприсягой второму претенденту на престол при отсутствии официального отречения законного наследника в качестве повода к восстанию. Эта версия вполне согласуется и с тем планом «легального» переворота, который был выдвинут самим Трубецким и который лег в основу подготавливавшегося восстания: воспользоваться начавшимся междуцарствием. В данном случае Трубецкой, не вдаваясь в подробности истинных намерений и планов тайного общества, оспоривает версию Корфа, касаясь только формальной стороны дела. Поскольку о действительных целях общества он определенно говорит в своих Записках, нет основания считать, что здесь имеет место попытка подменить истинную цель восстания — свержение абсолютистской монархии — вымышленной — возмущением против «неправильного вступления нового царя на престол» (см. также примеч. 69 на с. 372).

[8] В лондонском издании 1863 г. в этом месте текста дана отсылка к подстрочному примечанию, в котором приведен полностью текст беловика рукописи.

[9] Имеются в виду Записки В. И. Штейнгеля, к третьей части которых, посвященной 14 декабря, эпиграфом служат слова первого послания апостола Павла к священникам коринфской церкви: «Мы немощны, вы же крепци; вы славни, мы же бесчесни. Гоними терпим... Якоже отреби миру быхом» (Штейнгель В. И. Записки, с. 423). Согласно христианской мифологии, Павел осуждал коринфян за то, что они «пресытились <...>, обогатились», забыли о своем назначении служителей христовых, что они «стали царствовать без нас», то есть забыли о других. Проповедники же, истинные ученики и распространители веры, посвятили себя бескорыстному служению истине, и бог избрал их, как «немощное мира, чтобы посрамить сильное». В сравнении с пользующимися славой и почетом коринфянами проповедники немощны, пребывают в бесчестье, терпят голод, подвергаются гонениям; они «как сор для мира, как прах всеми попираемый». Используя эту притчу в качестве эпиграфа к воспоминаниям о деятелях 14 декабря, В. И. Штейнгель как бы подчеркнул истинное значение декабристов, бескорыстных служителей и проповедников добра, справедливости не для избранных, а для обездоленных и сирых. Они подвергаются гонениям, их сильные мира сего считают «сором и прахом». В данном случае

слово «прах» может иметь скрытый смысл идеи, повергнутой в прах, приговоренной к гибели, но могущей послужить удобрением почвы для счастливого будущего.

[10] Кого имел в виду автор, установить не удалось.

[11] *Опочинин Федор Петрович* (1779—1852) — бывший адъютант цесаревича Константина. Пользовался особым расположением его и всей царской семьи. Являлся посредником между Николаем и Константином в период междуцарствия (см. примеч. 8, с. 385—386).

[12] В замечаниях на Записки В. И. Штейнгеля Трубецкой указывает, что этот разговор состоялся 26 ноября (см. наст. т., с. 294).

[13] *Куракин Алексей Борисович* (1759—1829) — князь, генеральный прокурор, член Государственного совета.

[14] См. примеч. 37—38, с. 367—368.

[15] См. примеч. 5, с. 385.

[16] См. примеч. 41, с. 368.

[17] Адъютанты вел. кн. Николая — полковники Измайловского полка А. А. Кавелин и Н. П. Годеин, члены Союза спасения; адъютант вел. кн. Михаила Павловича — полк. И. Г. Бибиков, член Союза благоденствия. Все трое к следствию не привлекались.

[18] В Записках В. И. Штейнгеля и в книге М. Корфа это событие описано иначе: сенаторы Н. С. Мордвинов и П. П. Лопухин готовы были признать Николая государем и ему присягнуть, но Николай этому решительно воспротивился (см. выше примеч. 5). Сам Николай в дневнике представляет дело так, будто первым принес присягу Константину и объявил Государственному совету, что не может «повиноваться роковому акту, который дают мне прочесть» (Междуцарствие..., с. 69). В данном случае рассказ Трубецкого более близок к истине.

[19] *Глинка Федор Николаевич* (1786—1880) — полковник, чиновник по особым поручениям при петербургском военном губернаторе М. А. Милорадовиче, член общества «Зеленая лампа», Союза спасения и Союза благоденствия.

[20] В приложении к книге М. Корфа под № 3 опубликовано «Торжественное объявление» Константина об отречении от престола в пользу Николая, содержавшееся до того в тайне. Трубецкой снова возвращается к мысли о значении замалчивания этого документа, что послужило поводом к началу действий. Однако из этого не вытекает, что повод к восстанию он отождествляет с причиной его. В данном случае он лишь полемизирует с теми, кто выдвигал версию о «великодушной и беспримерной борьбе двух братьев, взаимно уступающих друг другу престол».

[21] О поездках Ф. П. Опочинина см. примеч. 8, с. 385—386.

РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ЧЛЕНОВ ОБЩЕСТВА «ЗЕЛЕНАЯ ЛАМПА»

ИРЛИ, ф. 244, оп. 36, л. 1

«Зеленая лампа» — литературно-политическое общество, организованное в 1819 г. в Петербурге. «Ламписты» собирались на квартире Н. В. Всеволожского, в комнате, освещенной зеленой лампой.

Зеленый цвет — цвет надежды, отсюда название общества. В узком кругу либерально настроенные молодые люди читали новые литературные произведения в стихах и прозе, статьи и доклады политического характера.

А. И. Михайловский-Данилевский, со слов члена «Зеленой лампы» поэта А. Г. Родзянко, сообщает что на собраниях общества каждый раз «читали стихи против государя и против правительства» и что там бывал Трубецкой (*РА*, 1890, т. 11, с. 505). Известно, что в деятельности общества принимал участие А. С. Пушкин. Нет прямых документальных подтверждений близких отношений Трубецкого с Пушкиным, но они были знакомы еще с юности (Цявловская Т. Г. Отклики на судьбу декабристов в творчестве Пушкина. — В кн.: Литературное наследие декабристов. Л., 1975, с. 204). Поэт был близок со многими из друзей Трубецкого, они встречались в обществе. Пушкин хорошо знал братьев Трубецкого — Никиту и Петра, его сестру Елизавету Петровну Потемкину (она была посаженой матерью поэта на его свадьбе с Н. Н. Гончаровой); знал жену Трубецкого Екатерину Ивановну. Сохранилось семь портретных набросков Трубецкого, сделанных рукой Пушкина (Эфрос А. Декабристы в рисунках Пушкина. — В кн.: *ЛН*, т. 16 — 18. М., 1934, с. 938). В плане неосуществленного замысла романа «Русский Пелам» Пушкин упомянул Трубецкого в составе «Общества умных» (Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1976, с. 422).

«Зеленая лампа» являлась побочной управой Союза благоденствия. Связь общества с Союзом была негласной, о ней знали лишь члены тайного общества. Из 21 «ламписта» 5 были членами Союза благоденствия и 11 поименованы в «Алфавите декабристов» (Модзалевский Б. Л. К истории «Зеленой лампы». — В кн.: Декабристы и их время, т. 1, с. 61).

Идеи, объединявшие членов «Зеленой лампы», были созвучны идеям, господствовавшим в Союзе благоденствия. В задачу Коренной управы Союза входило распространение в побочных управах «наставлений»: «чем занимать своих членов, какие читать и распространять сочинения» (Нечкина, т. 1, с. 239—247). В этой связи список книг и сочинений, составленный Трубецким для чтения и изучения молодым членам, менее политически образованным, приобретает особое значение для уяснения характера деятельности Трубецкого как пропагандиста идей просвещения в духе тайного общества.

На следствии Трубецкой вынужден был признаться, что состоял в обществе «Зеленая лампа» «не более 2 месяцев». При этом он явно умалчивал об истинном назначении и направлении деятельности «Зеленой лампы» вообще и своей в частности, утверждая, что это общество «ни с какими другими обществами сношений не имело и <...> политической цели никакой <...> не было» (*ВД*, т. 1, с. 54). Общество «Зеленая лампа» вскоре распалось. Последнее заседание его, по сохранившимся архивным документам, состоялось 27—28 мая 1819 г. В июне этого же года уехал за границу Трубецкой. Это «совпадение» еще более укрепляет мысль об активной роли Трубецкого в осуществлении политической связи общества с Союзом.

[1] Рукопись воспроизводится по автографу (автор определен по почерку); написана на бумаге с водяным знаком 1817 г., размером в 1/4 долю листа. Список впервые был опубликован Б. Л. Модзалевским в 1928 г. с краткой характеристикой источника (Модзалевский Б. Л. К истории «Зеленой лампы», с. 14, 31—32, 59—61). Большинство изданий названо Трубецким не точно. Документ воспроизводится с сохранением особенностей употребления заглавных букв.

[2] Дата устанавливается на основании пометы Н. В. Всеволожского о третьем заседании общества «Зеленая лампа»: «17 апреля 1819 г.» Поскольку члены собирались раз в две недели, то первое заседание могло быть не ранее конца марта. По времени членства Трубецкого в обществе можно заключить, что список был им составлен между серединой апреля и концом мая 1819 г.

[3] Вероятно, имеется в виду «Опыт исторического словаря о российских писателях». СПб., 1772. Изд. Н. И. Новикова (1744—1818) — писателя, журналиста, книгоиздателя, прогрессивного общественного деятеля, выступавшего с критикой пороков самодержавного строя. Труд Новикова являлся первым, отдельно изданным биографическим словарем русских писателей и ученых преимущественно XVIII в. с критической оценкой их литературной деятельности.

[4] Пантеон российских авторов, или Собрание их портретов с замечаниями. Текст к портретам составлен Н. М. Карамзиным. 4 тетради были изданы в Москве в 1801—1803 г. (Сопиков В. С. Опыт российской библиографии. Ч. 3. СПб., 1904, с. 121).

[5] *Попов М. И.* (1742—ок. 1790), русский писатель, издатель и переводчик. Его книга «Описание древнего славянского языческого баснословия, собранного из разных писателей и снабженного примечаниями». СПб., 1768. Мифологический словарь. Второе издание книги под заглавием «Краткое описание древнего славянского языческого баснословия» напечатано в собрании сочинений и переводов М. И. Попова «Досуги», ч. 1 (Сводный каталог русской книги XVIII в. 1725—1800. М., 1964. Т. 1, с. 449).

[6] Имеется в виду сочинение Я. Орлова: «Памятник событий в церкви и отечестве, содержащий в себе: историю церковных праздников, жития святых, историческое изображение состояния греко-российския церкви и духовенства, деяния всех российских государей, славные подвиги полководцев, жизнь знаменитых министров и ученых мужей, отличные дела людей всякого состояния и вообще отечественные достопамятности каждого дни в году, случившиеся от времени Рюрика до вступления в Париж с победоносным воинством государя императора Александра I». 5 частей. СПб., 1816. Второе издание, исправленное и дополненное, 6 частей. М., 1818, (Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Ал. Смирдина. СПб., 1828, с. 2).

[7] «Русский вестник» — еженедельный журнал, издававшийся в Москве русским писателем, драматургом С. Н. Глинкой (1775—1847), братом декабриста Ф. Н. Глинки. Журнал выходил не с 1806 г., как указывает Трубецкой, а с 1808 по 1824 г. Публиковал сообщения по русской истории, «отечественные ведомости, иностранные известия, достопамятные происшествия».

[8] *Бантыш-Каменский Д. Н.* (1788—1850), историк, автор труда

«Деяния знаменитых полководцев и министров, служащих в царствование государя императора Петра I». Ч. 1—2. М., 1812—1813.

[9] Древняя российская вивлиофика, или Собрание разных древних сочинений. Ч. 1—10. СПб., 1773—1775. С 1786 г. продолжение Древней российской вивлиофики: Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся. Ч. 1—20. М., 1788—1791. Изд. Н. И. Новикова.

[10] *Фукс Е. Б.* (1762—1829), писатель, историк, автор книги «История генералиссимуса князя Италийского, графа Суворова-Рымникского». 2 ч. С портретом. М., 1811 (Каталог русских книг библиотеки С.-Петербургского университета. Т. 1. СПб., 1897, с. 996).

[11] *Голиков И. И.* (1735—1801), историк, общественный деятель, автор многотомного труда «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам...» 12 ч. М., 1788—1789. К «Деяниям» в течение 1790—1797 гг. вышло 18 частей «Дополнений» (Сводный каталог русской книги XVIII в. 1725—1800. Т. 1, с. 236).

[12] *Манштейн К. Г.* (1711—1757). С 1736 по 1744 г. состоял на русской военной службе, позднее — генерал прусской армии. Оставил «Записки о России» и «Дополнения к Запискам о России». Содержат впечатления автора о России, русском национальном характере, особенностях государственного устройства, законодательстве, организации финансов, торговле, состоянии русской армии, успехах русской науки, там же приводится характеристика государственных деятелей.

[13] *Прокопович Феофан* (1681—1736), крупный церковный и политический деятель, ученый, писатель, сподвижник Петра I. Выступал как сторонник петровских преобразований, содействовал распространению просвещения, возглавил группу прогрессивных деятелей, активно отстаивавших петровские реформы; автор «Истории Петра Великого», изданной в 1773 г. М. М. Щербатовым.

[14] *Олеарий Адам* (1599—1671), немецкий ученый, путешественник. Оставил описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно.

[15] *Герберштейн Сигизмунд фон* (1486—1566), немецкий дипломат. Оставил «Записки о московитских делах I четв. XVI в». Содержат историко-географическое описание Русского государства по воспоминаниям, дорожным заметкам, устным рассказам современников, зарубежным сочинениям и русским документальным источникам.

[16] «Чети-Минея» (Четьи Минеи) — «Ежемесячные чтения». Собрание библейских книг с толкованием переводных и оригинальных русских житий, сочинений «отцов церкви», русских церковных писателей, отдельных исторических документов. Составлены в 30—40-е годы XVI в. под руководством митрополита Макария в 12 томах.

[17] *Платон (Петр Егорович Левшин)* (1737—1812), митрополит московский, автор сочинения «Краткая церковная российская история». М., 1803 (Каталог русских книг библиотеки С.-Петербургского университета. СПб., 1897, т. 1, с. 661).

[18] «Драматический вестник» — журнал, выходил два раза в неделю. Издание было предпринято в 1808 г. по инициативе кн.

А. А. Шаховского (Русская периодическая печать 1703—1900 гг. Пг., 1915, с. 12).

[19] *Карамзин Н. М.* (1766—1826), писатель, историк, с 1818 г. член Российской академии, автор «Истории государства российского». «История», написанная с реакционных позиций, отличалась значительными литературными достоинствами и была сводом огромного фактического материала по истории России. Ко времени составления Трубецким рекомендательного списка вышли 8 (из 12) томов.

[20] Вероятно, имеется в виду энциклопедический журнал «Дух журналов, или Собрание всего, что лучшего и любопытнейшего во всех других журналах, по части истории, политики, государственного хозяйства, литературы, разных искусств, сельского домоводства и пр.» 1815—1820. СПб. Ежемесячно; с 1819 г. 2 раза в месяц. Изд. Г. М. Яценко (Модзалевский Б. Л. К истории «Зеленой лампы», с. 32; Русская периодическая печать 1703—1900 гг., с. 14).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАИО — Государственный архив Иркутской области

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Пушкинского Дома)

ГБЛ — Отдел рукописей и редких книг Государственной библиотеки имени В. И. Ленина

ГПБ — Отдел рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи

РА — Русский архив

РС — Русская старина

ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов гос. власти и гос. управления СССР

ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив СССР

ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР

ЦГИА Лит. ССР — Центральный государственный исторический архив Литовской ССР

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

9(с)15
Т77

Т 77 Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Идеологические документы, воспоминания, письма, заметки — Издание подготовлено В. П. Павловой. — Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1983.—416 с., ил.

Книга посвящена Сергею Петровичу Трубецкому, одному из лидеров декабризма, сыгравшему большую роль на всех этапах движения и пережившему вместе с другими дворянскими революционерами тридцатилетнее сибирское изгнание.

В настоящий том включены материалы, относящиеся к периоду жизни и деятельности С. П. Трубецкого до его ссылки в Сибирь. Это конспект Манифеста к русскому народу, замечания на проект Конституции Никиты Муравьева и на Записки декабриста В. И. Штейнгеля, записка-показание об истории тайных обществ; его воспоминания, письма к жене Е. И. Трубецкой из Петропавловской крепости в период следствия и суда. Последние публикуются впервые.

Т $\frac{0505010000-61}{М141(03)-83}$ 57—83 9(с)15

С. П. ТРУБЕЦКОЙ. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. I. Идеологические документы, воспоминания, письма, заметки

Художник серии А. М. Муравьев
На обложке портрет С. П. Трубецкого художницы Н. П. Нератовой, барельеф — скульптора В. Скачкова
На фронтисписе С. П. Трубецкой в адъютантском мундире. 1819—1820 гг. Рисунок неизвестного художника. На форзаце рисунок с картины Садовникова, 1847 г.

Редактор А. В. Глюк
Художественный редактор Е. Г. Касьянов
Технический редактор А. В. Пономарева
Корректоры В. М. Шпирко и С. Г. Калмыкова

ИБ № 794
Сдано в набор 28.02.83. Подписано в печать 16.08.83. НЕ 02160. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Типографская № 2. Гарнитура академическая. Высокая печать. Усл. кр.-отт. 22,53. Усл. печ. л. 21,84. Уч.-изд. л. 24,77. Тираж 50 000 экз. Заказ 1756. Изд. № 5807. Цена 2 р. 70 к.
Восточно-Сибирское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 664000, Иркутск, Марата, 31.
Типография издательства «Восточно-Сибирская правда», 664009, Иркутск, Советская, 109.

В ВОСТОЧНО-СИБИРСКОМ КНИЖНОМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ В СЕРИИ «ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА» ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

М. А. Фонвизин. Сочинения и письма. В двух томах. Издание подготовлено *С. В. Житомирской* и *С. В. Мироненко.*

Первый том содержит дневник Фонвизина, который он вел во время заключения в Петропавловской крепости, и все его письма (за 1814 — 1853 гг.), преобладающая часть которых опубликована впервые. Во второй том включены сочинения декабриста, часть которых публикуется впервые, — мемуары, исторические, социально-политические и философские произведения.

В. Ф. Раевский. Материалы о жизни и революционной деятельности. В двух томах. Издание подготовлено *А. А. Брегман* и *Е. П. Федосеевой.*

Первый том содержит материалы о службе декабриста, его литературной и революционной деятельности, документы судебного процесса над ним. Во втором томе опубликованы следственно-судебные материалы «Дела» Раевского с 1823 по 1827 г., документы о ссылке в Сибирь и жизни его в изгнании.

Большая часть материалов публикуется впервые.

ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ:

Н. И. Лорер. Записки декабриста. Издание второе. Подготовлено академиком *М. В. Нечкиной.*

Деятельный член Южного общества, близкий друг П. И. Пестеля, Н. И. Лорер оставил чрезвычайно интересные воспоминания, содержащие подчас уникальные сведения по истории движения декабристов, общественной мысли и литературы начала прошлого века.

А. Е. Розен. Записки декабриста. Издание подготовлено *Г. А. Невелевым.*

Записки А. Е. Розена—один из важнейших исторических памятников декабризма. Они дают широкую картину деятельности, жизни и быта декабристов. В настоящем издании опубликована первая часть Записок, не переиздававшихся с 1907 г.

2 р. 70 коп.

ИРКУТСК 1983

С.П. ТРУБЕЦКОЙ